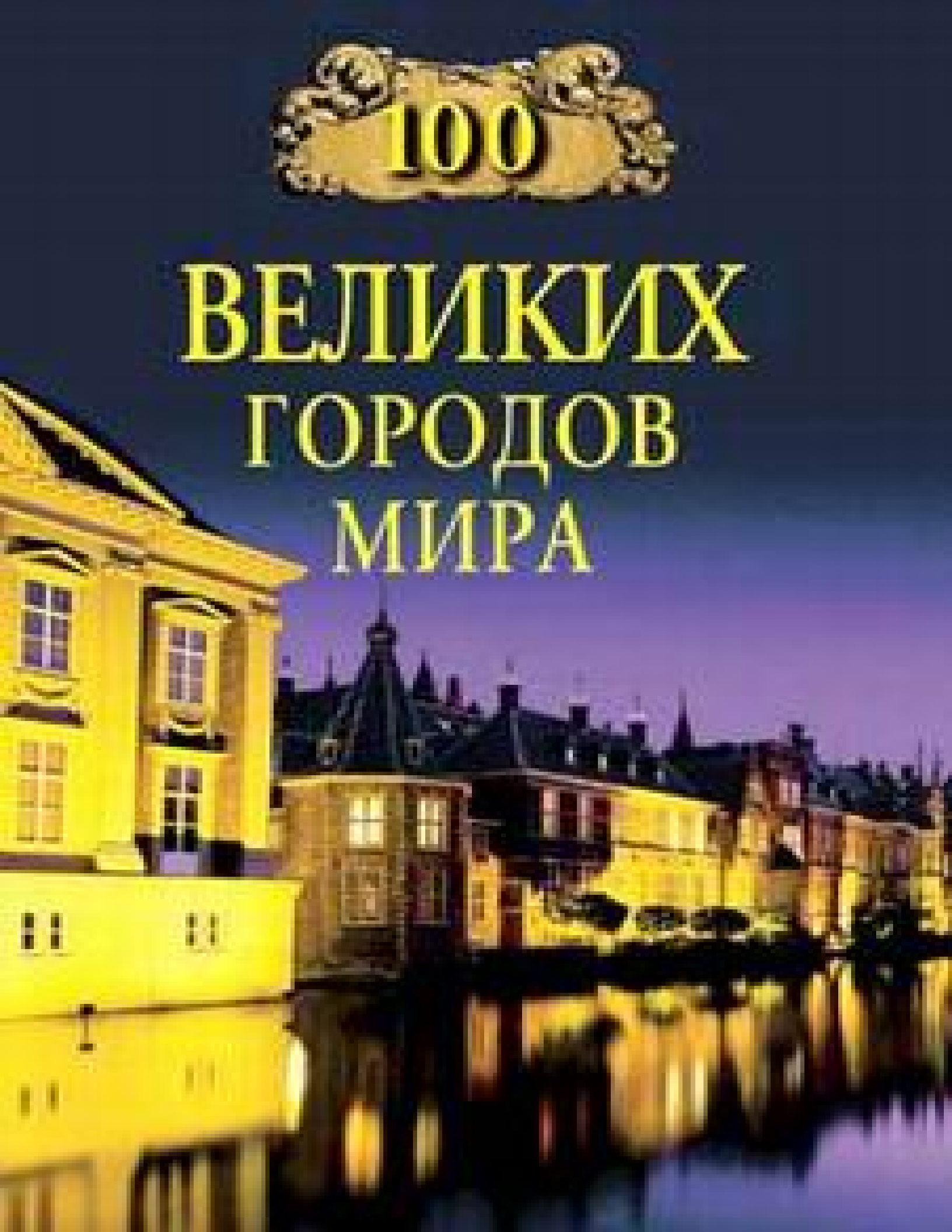
100 ВЕЛИКИХ ГОРОДОВ МИРА



Annotation

Города начинались по-разному. Одни вставали на перекрестках караванных путей, другие поднимались в безлюдных пустынях. Есть города-крепости, города-казармы, города, выросшие вокруг речных пристаней или морских портов, монастырей, фабрик или рынков. Новая книга из серии «100 великих» расскажет об истории и судьбе как исчезнувших городов древности, так и о тех, которые пронесли через века свой неповторимый облик.

- Надежда Ионина
  - ВСТУПЛЕНИЕ
  - НИНЕВИЯ — ДРЕВНЯЯ СТОЛИЦА АССИРИИ
  - ГРЕШНЫЙ И ВЕЛИКИЙ ВАВИЛОН
  - ИЕРИХОН — ГОРОД ПАЛЬМ
  - ВОИНСТВЕННАЯ СПАРТА
  - УР ХАЛДЕЙСКИЙ
  - СТАРЕЙШИНА СТОЛИЦ ДАМАСК
  - ЛЕГЕНДЫ И БЫЛЬ МЕРВА
  - МЕМФИС
  - АНУРАДХАПУРА — ДРЕВНЯЯ СТОЛИЦА ЦЕЙЛОНА
  - МОХЕНДЖО-ДАРО
  - АХЕТАТОН — ГОРОД ФАРАОНА-ЕРЕТИКА ЭХНАТОНА
  - ДРЕВНЯЯ ЭБЛА НА ЗЕМЛЕ ХАНААНСКОЙ
  - НЕВЕСТА ПУСТЫНИ ПАЛЬМИРА
  - САМАРКАНД — СТОЛИЦА ВЕЛИКОГО ТИМУРА
  - СТОВРАТНЫЕ ФИВЫ
  - БЛАГОРОДНАЯ БУХАРА
  - ДРЕВНИЕ АФИНЫ
  - СВЯТОЙ ГРАД ИЕРУСАЛИМ
  - ИМПЕРАТОРСКИЙ ПЕКИН
  - ХАНЧЖОУ — ЖЕМЧУЖИНА КИТАЯ
  - КАРФАГЕН ДОЛЖЕН БЫТЬ…
  - МНОГОСТРАДАЛЬНЫЙ ЕРЕВАН
  - ЛЕГЕНДЫ «ВЕЧНОГО ГОРОДА»

придумали. И тогда вышел простой, никому не известный человек и сказал:

— Надо взять веревки, намочить их и к ним привязать обелиск. Веревки будут высыхать, укорачиваться и подтягивать его до тех пор, пока он не встанет.

В михраб Голубой мечети вкраплен кусочек черного камня из Каабы, поэтому именно в ней совершались самые торжественные молитвы, и именно здесь отмечались дни рождения Пророка.

Самой большой мечетью Стамбула считается мечеть султана Сулеймана Великолепного: она может вместить до 10000 человек одновременно. По указанию архитектора Мимара Синана, возводившего мечеть в 1550—1557-е годы, в ее стены и купол были заложены полые резонирующие кувшины. Из-за этого в ней образовалась такая великолепная акустика, что проповедник может говорить без особого напряжения и его голос будет слышен в самых отдаленных углах.

Внутри мечети обращают на себя внимание четыре колонны, поддерживающие купол. Одна была привезена из Баальбека, другая — из Египта, а остальные вырезаны на месте. Сам купол искусно расписан арабской вязью с назидательными изречениями из Корана.

Но Сулеймание-джами — это еще и яркий пример просветительской и благотворительной деятельности Великолепного султана. По периметру ее окружали четыре медресе, бесплатная столовая для учеников и паломников, библиотека, больница, постоялый двор и бани. Чтобы содержать этот невиданный в XVI веке комплекс учреждений, султан Сулейман приказал создать специальный фонд, в который передал часть своих владений.

Султан был похоронен на небольшом кладбище, примыкающем к мечети. Его восьмиугольная гробница (тюрбе) высится среди камней, а рядом — тюрбе меньшего размера, на котором висит табличка: «Гробница султанши Хюррем». История этой женщины удивительна и почти невероятна.

В небольшом городке под Львовом, на древней земле Галицкого княжества, жила 15-летняя девочка Анастасия. Ее судьба могла бы сложиться так же, как судьбы тысяч других ее сверстниц. Но из беззаботного детства она попала на пыльный стамбульский базар, где целомудренную рыжеволосую славянку охотно демонстрировал

захвативший ее Ибрагим-паша — приближенный самого султана Сулеймана. Он верно рассудил, что жизнерадостная и образованная Роксолана, как назвал ее новый хозяин, не останется незамеченной среди обитательниц султанского гарема, благодаря чему и он со временем не будет обойден милостями владыки. В гареме Роксолана за острый язычок и раскатистый смех получила прозвище Хюррем, что означает «Смеющаяся».

Вскоре султана Сулеймана и Хюррем связала романтическая страсть, а через несколько лет он заключил с ней официальный брак по мусульманскому обычаю и называл ее Хасеки — «Милая сердцу». Хюррем оказалась не только желанной наложницей, но и умной собеседницей, так как была сведуща в искусствах и государственных делах. Одна из образованнейших женщин своего времени, она принимала иностранных послов, отвечала на послания иноземных государей, влиятельных вельмож и художников.

С тех пор прошло 450 лет, и образ Хюррем покрылся такой плотной паутиной всевозможных легенд и домыслов, что стало не разглядеть подлинный облик этой женщины с судьбой, необыкновенной даже для своего времени.

Она умерла раньше своего мужа и владыки, и тоскующий султан Сулейман приказал архитектору М. Синану соорудить в саду у мечети усыпальницу. В восьмигранной гробнице, похожей на резную шкатулку, навеки упокоилась хрупкая женщина, которая при крещении была наречена православным именем Анастасия, а погребена по мусульманскому закону под именем Хюррем.

…Поначалу Стамбул производит впечатление города мечетей. И действительно, над ним возвышаются купола и копьевидные минареты примерно 500 мечетей, обычно называемых именами султанов, по приказу которых они строились или памяти которых посвящены. А в самом конце бухты Золотой Рог притаилась очаровательная мечеть Эюп: под развесистыми платанами находится могила Эюпа — знаменосца султана Мехмеда, павшего в 670 году во время первой осады Константинополя. Ограда его могилы за прошедшие века зацелована так, что в медной доске у окошка, через которое виднеется высокий тюрбан, образовалось углубление.

Мечети Стамбула послужили образцом для культового зодчества на всей территории огромной Османской империи, в то же время сами

они строились по образцу храма Святой Софии. Великая церковь Айя София возводилась во время правления императора Юстиниана, который не жалел никаких денег на ее строительство и сам почти каждый день посещал стройку. Все доходы Римской империи за пять лет не покрыли расходов на сооружение храма: например, только на амвон и хоры был потрачен годовой доход от Египта.

Многое в строительстве этого храма было необычным, например, известь замешивали на ячменной воде, а в цемент добавляли масло. Для верхней доски престола был «изобретен» новый материал: в растопленное золото бросали ониксы, топазы, жемчуг, аметисты, сапфиры, рубины — все самое дорогое. Церковь Святой Софии была самой пышной византийской постройкой, гордостью императора Юстиниана.

Завоевавшие Константинополь турки превратили собор в мечеть, пристроив к нему четыре минарета. Однако они расположены дальше от основного здания, нежели минареты мусульманских мечетей.

Внутри церковь Святой Софии выложена мрамором разных цветов, украшена богатыми орнаментами и двумя рядами стройных колонн коринфского ордера: на верхних галереях сохранились старинные византийские фрески и мозаичные портреты. Наряду с ними храм украшают и работы турецких мастеров: искусно вырезанные михраб (ниша в стене, обращенная в сторону Мекки), минбар (кафедра проповедника) и максура (окруженное резной решеткой особое возвышение для султана). В середине XIX века собор украсили огромные диски с золотым тиснением арабской вязью имен Аллаха, пророка Мухаммеда, его внуков Хасана и Хусейна, а также имен первых халифов — Абу Бекра, Омара, Османа и Али.

Стамбул пробуждается на рассвете. Раньше всех на улицы выходят торговцы с корзинами, наполненными хлебом, фруктами, овощами… Неотъемлемой частью стамбульских улиц являются и продавцы воды: с огромным медным кувшином за спиной, увешанным колокольчиками, и небольшим ящиком со стаканами бродят они по улицам и базарам.

Стамбул, как и всякий другой восточный город, невозможно представить без базара. Самым старинным из них является крытый базар Капалы-Чарсы — целый город с темными и светлыми улицами и переулками, нескончаемыми рядами магазинов и магазинчиков, лавок

и лавчонок… А над ними крыши в виде сводов и куполов. Здесь можно купить все: иголку и бриллиантовое колье, клубнику и спальный гарнитур, медный бак, чтобы сварить суп на целый батальон, и ночные туфли, французские духи и семена голландских цветов…

Такой же старый, как и базар, ресторан «Пандилли» — ему больше 450 лет. Ресторан выложен голубыми изразцами, перемежающимися синими полосами. На стенах небольших, соединяющихся между собой залов висят тарелки; с высоких куполообразных потолков спускаются люстры; через окна, пробитые в невероятно толстой стене и забранные решетками, доносится несмолкаемый шум стамбульских улиц. «Пандилли» знаменит на весь мир, сюда специально приезжают любители восточной кухни из Франции, Испании, Южной Америки, Японии и других стран.

В Стамбуле много достопримечательностей, и одна из них — площадь Атмейдан. На ней находится целый ряд исторических памятников, например, «Змеиная колонна» императора Константина, а также колонна византийского императора Константина Багрянородного, воздвигнутая в X веке в честь другого императора — Василия Македонского.

Стамбул расположен на двух материках сразу, и здесь много людей, которые живут в Азии, а работают в Европе, или наоборот. Поэтому пролив Босфор всегда был запружен сотнями лодок, паромов и катеров. Люди тратили много времени на переправу с одного берега на другой, автомобили часами стояли в очереди на паромы. Древние историки повествуют, что еще много веков назад, неподалеку от нынешней крепости султана Мехмеда Завоевателя, персидский царь Дарий через шаткий настил из бурдюков-поплавков переводил в Европу свою армию. Достоверно известно, что великий Микеланджело предлагал соединить арками моста оба континента.

Поэтому именно здесь и стали строить Галатский мост из Европы в Азию. А так как на берегу Босфора раскинулся рыбный рынок Стамбула, рыбу ловят прямо с моста или у берега с лодок и продают тут же — живую или жареную.

АЛЕКСАНДРИЯ ЕГИПЕТСКАЯ

Путешественник, прибывающий в Александрию морем, непременно обратит внимание на крепость из желто-серого камня, расположенную в восточной части порта. На ее месте некогда возвышалось одно из семи чудес света — знаменитый Фаросский маяк. С незапамятных времен египтяне, враждебно относившиеся к иностранцам, были очень довольны, что рифы и отмели северных берегов Африки мешали им высаживаться. Но греки, обосновавшись в Египте, построили маяк и зажгли на нем огонь, так как имеющийся здесь залив был единственным местом на 500-мильном пути от Туниса, где бы корабль мог бросить якорь.

Когда Александр Македонский прибыл на место нынешней Александрии, здесь была небольшая рыбацкая деревушка Ракотис. В окружении прославленного полководца, наряду с военачальниками, историками, зоологами, ботаниками и танцовщицами, был и архитектор Дейнократ. Он предложил Александру Великому «план, достойный его славы», но незнакомый с планировкой городов полководец только посмотрел на проект и сказал: «Я вижу, Дейнократ, что твой рисунок прекрасен, и он мне нравится. Но если бы я основал здесь город, это противоречило бы здравому смыслу. Не может быть город густонаселенным без достаточного количества продуктов и других запасов, которые бы обеспечили существование его населения. И хотя я считаю, что твой труд заслуживает признания, я не могу одобрить твой проект. Но я хочу, чтобы ты остался у меня, ибо намерен прибегнуть к твоим услугам».

Своего «звездного» часа Дейнократу пришлось ждать до тех пор, пока Александр Великий не стал владыкой Египта. Когда царь увидел между морем и озером Мариут естественную гавань, прекрасное место для порта, плодородные египетские нивы и близкий Нил, вот тогда он и повелел Дейнократу возвести здесь город.

Архитектор разложил на земле свой военный плащ и покрыл его тонким слоем песка, а потом провел пальцем поперечные и продольные линии и посыпал их мукой — так образовались улицы… Когда Дейнократ показывал свое творение великому полководцу,

прилетели голуби и стали клевать муку: все сочли это счастливым предзнаменованием.

Строить город стали уже после отъезда Александра Македонского. Александрия росла невиданно быстро. Это был типично эллинистический город, который имел около 5 километров в длину и чуть больше одного километра в ширину. Сегодняшняя Александрия протянулась на 25 километров по песчаной косе, которая когда-то перерезала морской залив, образуя большое соленое озеро.

Когда Александр Македонский внезапно умер в Вавилоне, Александрию тут же сделал своей резиденцией македонский полководец Птолемей. Свидетельства многих античных авторов воссоздают красочную жизнь Александрии — столицы последнего египетского царства, столицы эллинистического мира, величайшего центра наук и искусств. Так, например, известный ученый Афиней, живший некоторое время в Александрии, назвал ее «золотым городом». А в одном из диалогов, дошедшем до нас на папирусе, некий собеседник в порыве безграничного восхищения восклицал, что Александрия подобна всему миру, остальная же земля — ее окрестности, а другие города — ее деревни.

Город с востока на запад пересекала центральная улица шириной 30 метров, которая под прямым углом перекрещивалась с другой улицей, идущей с севера на юг. Посередине ее были высажены деревья, которые разделяли дорогу как бы на две части. Улицы в Александрии имели названия, в основном они носили культовые или царские имена, например, «улица Арсинои II» (жены Птолемея)

Через 50 лет после основания Александрия была уже крупным городом с населением 300000 человек, а к началу нашей эры число ее жителей достигло миллиона. Александрию рубежа нашей эры видел собственными глазами греческий путешественник и географ Страбон. В одном из томов своей книги «География» он писал, что в городе «есть прекраснейшие общественные здания и царские дворцы», занимавшие чуть ли не треть всей территории Александрии. Весь царский район был окружен стеной и был похож на неприступную крепость. Ее надежно охраняла царская гвардия, палаты которой располагались вблизи царского дворца.

Одну из частей дворца занимал знаменитый Храм муз — Мусейон, возведенный по предложению философа Деметрия

Фалерского. Сюда со всего эллинистического мира сразу же стали стекаться ценнейшие и редчайшие рукописи. А с ними и за ними потянулись в Мусейон ученые, которые должны были разбирать, изучать эти рукописи и к произведениям каждого автора писать комментарии.

Здесь занимались философией, историей, географией, астрономией, физикой, математикой и другими науками, но усерднее всего поэзией. Особенно тщательно выискивались и исправлялись противоречия в разных вариантах рукописей. Исследования велись индивидуально, но результаты их обсуждались коллективно. Философы излагали свои учения, поэты читали стихи, филологи декламировали и комментировали Гомера и других классиков.

В центре Александрии располагалась канцелярия, в которой размещались государственные учреждения. Жилые дома часто были в несколько этажей, и квартиры в них сдавались в аренду. В западной части города, но недалеко от его центра, возвышался искусственно созданный в виде еловой шишки холм со святилищем бога Пана.

Недалеко от Большой пристани, у правого ее входа, располагался остров со стоящим на нем Фаросским маяком. Снабженный всеми техническими достижениями того времени, он возвышался на высоте 150 метров. На верхней платформе маяка, под куполом, горел огонь, сияние которого усиливалось зеркалами из полированного гранита так, что его видели на расстоянии 90 километров. Иногда моряки признавали его даже за новую звезду.

На другом берегу канала были расположены посвященные богам святилища, и среди них — величественный Серапийон. Культ бога Сераписа был введен в Александрии Птолемеем I Сотером при содействии египетского жреца Манефона и афинянина жреческого рода Тимофея. Новое божество было создано для сближения на религиозной почве египетского и греческого населения Египта, поэтому в Сераписе соединились греческие боги Зевс и Асклепий и египетские боги Осирис и Апис.

Экономическое значение Александрии для птолемеевского Египта было огромным, так как сюда сходились многие торговые пути. Из разных стран доставляли в город товары, которые из александрийского порта отправлялись дальше — в Италию, Карфаген, Малую Азию, Сирию и другие страны. В самой Александрии изготовляли папирус,

спрос на который был велик во всем эллинистическом мире. Знали на всех рынках и александрийское литое стекло; в ювелирных мастерских города обрабатывались египетские аметисты, драгоценные камни из Индии и африканская слоновая кость. Здесь процветало гончарное дело и другие отрасли ремесленного производства.

К сожалению, в настоящее время в архитектурном облике Александрии от античности осталось очень мало. Нет знаменитого Мусейона и Александрийской библиотеки, в которой хранилось более 700000 рукописей: точно не установлено даже место, где стояла знаменитая библиотека. По свидетельству Страбона, она находилась в царском квартале, то есть неподалеку от мыса, довольно далеко выдающегося в Средиземное море. В 1970-е годы этот район был закрытым военным объектом, так как на мысе располагалась ракетная батарея, прикрывавшая подступы к порту.

Нет в Александрии и Большого театра, со ступенек которого зрители видели гавань и замок на острове Антиродос, нет знаменитых царских дворцов, а о месте захоронения Александра Македонского ученые спорят до сих пор. Археологи пока не могут найти руин этих сооружений, более того, нельзя даже установить место, где они когда-то стояли. От Серапийона — самого большого александрийского храма — остались лишь подземные коридоры, напоминающие катакомбы раннего христианства.

Единственным памятником древности в Александрии является «Колонна Помпея», но даже то, почему она так называется — никому не известно. «Колонна Помпея» не имеет ничего общего с великим противником Цезаря. Да и кто бы мог поставить здесь колонну в честь Помпея? Его убийцы или его победитель?

Некоторые исследователи, основываясь на греческой надписи на пьедестале колонны, считают ее триумфальной аркой, вроде колонны Траяна в Риме. Согласно этой версии, в 297 году ее поставил египетский префект Помпей (по другим источникам — Публий) в честь императора Диоклетиана после его победы над Ахиллеем, провозгласившим себя владыкой Египта. По другой версии ее поставил в 391 году император Феодосий I — в честь «подлинной победы христианства в Египте».

«Колонна Помпея» стоит на песчаном холме — недалеко от того места, где некогда возвышался Серапийон. Она сделана из асуанского

красного гранита и от пьедестала до прекрасной коринфской капители имеет высоту почти 27 метров. Некоторые исследователи даже предполагают, что «Колонна Помпея» была одной из нескольких сотен колонн храма Сераписа, так как пьедестал ее сооружен из плит уничтоженных древнегреческих храмов. Стерегут колонну три красных гранитных сфинкса, но происхождение и возраст их тоже неизвестны.

Рассказывают, что однажды некий арабский гимнаст влез на «Колонну Помпея», прибегнув для этого к следующему способу. Он привязал тонкую бечевку к стреле и так ловко запустил ее, что продел в один из завитков колонны. По привязанной веревке он добрался до верха колонны и увидел, что капитель ее сверху пустая.

В сегодняшней Александрии не увидишь и еще двух обелисков, которые почти до конца XIX века находились в конце улицы пророка Даниила, на самом берегу моря. Один из обелисков, называвшихся «иглами Клеопатры», стоял, а другой лежал, наполовину засыпанный песком. Оба они были привезены в Александрию в 19 году из города Гелиополиса римским префектом Барбаром и оба имели картуши с именами египетских фараонов Тутмоса III, Рамсеса II и Сети II. С 1879 года один обелиск возвышается в Лондоне, а второй в 1880 году увезли в Нью-Йорк.

За свою почти 2500-летнюю историю Александрия пережила много нашествий и разорений, а в сентябре 642 года, после 14-месячной осады, ее захватили арабы. После этого Египет перестал быть частью Византийской империи, и значение Александрии как портового города упало. Через 200 лет ее территория и численность населения уменьшились наполовину. Окончательный упадок города связан с открытием морского пути на Восток вокруг мыса Доброй Надежды. Мертвую пристань постепенно занесло песком, и древние здания превратились в руины. В 1798 году, когда здесь появилась армия Наполеона, в Александрии насчитывалось всего 7000 жителей.

Возрождение города относится ко времени правления султана Мухаммеда Али (1805—1849). Порт Александрии снова становится центром морской торговли, а с его подъемом стала расти и численность населения города.

В отличие от Каира Александрия не может похвастать и шедеврами арабской архитектуры — старыми мечетями и медресе.

Редко покажется на фасаде какого-нибудь дома закрытый балкон в восточном стиле, украшенный замысловатой резьбой. Зато на прямых и широких улицах Александрии многое напоминает Италию, особенно здания XIX века: белые пилястры, ковры из плюща, широкие, с частым переплетом окна, лепные фигуры, а со стороны двора — галереи, радушно открытые ветрам. Однако Александрия привлекает не столько архитектурным обликом, сколько своей историей и теми именами, что творили эту историю. Где еще можно найти подобный город, который основан Александром Великим, защищал бы Юлий Цезарь и который приступом был бы взят Наполеоном?

СВЯЩЕННАЯ МЕККА

В небольшой долине среди гор, спрятанный от всего мира, расположился город Мекка — святая святых ислама. Именно к нему пять раз в день обращаются взоры мусульман всего земного шара. Мекка находится в 70 километрах от побережья Красного моря, на границе гористого Хиджаза и знойной Тихамы. Область эта крайне засушливая и совершенно непригодна для земледелия. Не славилась она и скотоводством: в ее окрестностях, покрытых скудной растительностью, с трудом могли отыскать для себя корм лишь небольшие стада верблюдов, овец и коз.

Но для торгового поселения место это было хорошее и относительно безопасное, так как защищали его горы и полупустыни. Здесь проходили удобные караванные пути в Южную Аравию, Иран, Сирию и к средиземноморскому побережью. В самой Мекке и поблизости от нее находились святыни, почитаемые многими арабскими племенами. Благодаря этим святыням и вся округа признавалась священной территорией. Со всех концов Аравии стекались сюда паломники, торговля с которыми вполне могла прокормить небольшую Мекку. Поэтому жителей городка паломники совсем не стесняли, напротив, — они приносили доход.

В отличие от других восточных городов Мекка не была обнесена стеной, естественной оградой ей всегда служили горы. Через весь город тянется широкая улица Массаи, к которой с гор многочисленными ярусами сползают большие и маленькие дома. Посреди улицы, в самой нижней части долины, расположена базарная площадь, на которой стоит знаменитая мечеть Месджид-эль-Гарам («Дом бога») или Запретная мечеть — главная святыня Мекки. Этот храм из-за своей кубической формы получил у арабов название «Кааба». Мусульмане уверены, что именно в этом месте находится центр мироздания, потому что это даже и не земля, а опрокинутая на землю часть неба. В последний день существования мира она на небо и вернется.

Площадь похожа на традиционный восточный двор, только очень больших размеров. Она окружена в три, а где и в четыре ряда

колоннами из мрамора, гранита и обыкновенного камня. Поверху колонны соединены стрельчатыми арками и покрыты маленькими белыми куполами, а над ними возвышаются семь стройных минаретов.

Сначала Запретная мечеть имела шесть минаретов, но когда у Голубой мечети в Стамбуле было построено тоже шесть минаретов, имам Мекки назвал это святотатством: ни одна мечеть мира не должна была равняться с Каабой. И тогда султан Ахмед приказал построить в Запретной мечети седьмой минарет.

Территория Запретной мечети — священное место для мусульман всего мира. Об этом много раз говорится во второй суре Корана: «И откуда бы ни вышел ты, обращай свое лицо в сторону Запретной мечети; и где бы вы ни были, обращайте ваши лица в ее сторону».

К Мекке обращали свои взоры еще древние арабы, потому что их языческие боги тоже сначала находились в Каабе. Этот храм был подлинным пантеоном богов и мог удовлетворить любые запросы. В нем было сосредоточено около 360 различных идолов и скульптурных изображений обожествляемых лиц. Среди них — арабские боги Илат, Узза, Хубал и другие; ассиро-вавилонские Мардук, Син, Самас, Астарта; еврейский патриарх Авраам и Дева Мария с младенцем Христом на руках.

По преданиям арабов, Кааба была воздвигнута прародителем людей Адамом как алтарь для молитвы. Адам очень страдал, что после грехопадения лишился не только рая, но и храма, в котором он молился. Тогда Бог смилостивился, и копия храма была спущена на землю. Чтобы Каабу легче было строить, ангел Джабраил принес Ибрахиму (Аврааму) плоский камень, который мог висеть в воздухе и служить в качестве строительных лесов. Камень этот до сих пор находится в Каабе, и верующие могут видеть на нем отпечатки ног своего праотца.

В центре площади находится большой каменный куб высотой около 13 метров с плоской крышей. Это и есть Кааба — некогда языческое святилище, а ныне главный храм мусульманского мира. Окон в Каабе нет, а обитая листами серебра дверь поднята от земли примерно на высоту 120 сантиметров, поэтому в храм можно попасть только по деревянной лестнице, которую специально подкатывают во время религиозных празднеств. Сверху, примерно на три четверти своей высоты, Кааба покрыта кисвой — черным шелковым полотном,

сшитым из восьми кусков материи. На нем золотыми и серебряными буквами вышиты изречения из Корана. Долгое время эта материя высылалась в Мекку из Египта, а право вышивать ее имеет только одна семья, которая передает его по наследству из поколения в поколение.

Когда строительство Каабы было почти закончено, Ибрахиму понадобился другой заметный камень, чтобы обозначить им на стене то место, с которого следует начинать ритуальное обхождение храма. В раю Адам и ангелы, наученные самим Богом, семь раз обходили храм, и Ибрахим хотел, чтобы и на земле богослужение проходило правильно. Семикратное обхождение вокруг Каабы (таваф) символизирует божественный порядок, согласно которому все существа подчинены единому центру — солнечной системе, воплощенной в боге. И тогда ангел Джабраил принес Ибрахиму знаменитый Хеджер эль-Эсвад — Черный камень.

По одной из версий это был ангел-хранитель Адама, обращенный в камень за то, что допустил грехопадение своего подопечного. Когда Черный камень спустили с неба, он был ослепительной белизны и блестел так, что его было видно за четыре дня пути до Мекки. Но постепенно от грехов людских он темнел и темнел, пока совсем не превратился в черный. Паломники набожно прикладываются к Черному камню и целуют его в надежде, что в день Страшного суда, когда камень заговорит, он будет называть перед Аллахом всех верных, которые лобзали его чистыми устами.

Неподалеку от Каабы находится священный источник Замзам. Родник с обильной водой появился в этих местах благодаря чуду, которое Бог сотворил ради праотца Ибрахима и его сына Исмаила — родоначальника северо-арабских племен. Когда служанка Хаджар, изгнанная Саррой, скиталась вместе с маленьким Исмаилом по пустыне, ни малейшего следа воды не было заметно среди безжизненных холмов и раскаленных скал. Мучительная смерть от жажды казалась неизбежной. Отчаявшись, Хаджар оставила Исмаила, чтобы не видеть его предсмертных страданий, облегчить которые она была не в силах. А маленький Исмаил заплакал и стал ударять ножкой о землю. И на этом месте вдруг забил источник прохладной пресной воды! Вернувшаяся Хаджар увидела, что они спасены, напоила сына и напилась сама. А чудесный источник, из боязни потерять воду, она оградила землей и камнями. В память о мучительных метаниях

Хаджар по раскаленной пустыне в поисках воды правоверные мусульмане во время хаджа должны семь раз пробежать (туда и обратно) по главной улице Мекки, длина которой более 400 метров. Этот источник, по преданию, был вновь обнаружен Абд аль-Мутталибом — дедом пророка Магомета, сторожившим идолов доисламской Каабы.

Каждый мусульманин хотя бы раз в жизни должен совершить хадж — паломничество в Мекку. В прошлые века дело это было нелегким, хлопотным и даже опасным. Кроме того, хадж совершался при условии достаточных средств для посещения Мекки и обеспечения семьи паломника до его возвращения. Если есть все условия, а хадж не совершается, шариат грозит нарушителю очень страшными карами на том свете, и пренебрегших своим долгом приравнивают к неверующим. Наоборот, исполнившим паломничество в священную Мекку отпускаются все грехи, совершенные до того времени.

Много церемоний совершал паломник в Мекке. Он должен был прикрыть свое тело особой рубашкой, так как пророк Магомет заповедовал, чтобы все мусульмане (богатые и бедные) являлись в Мекку в одинаковой одежде (ихрам) в знак того, что перед Аллахом все равны. Ихрам состоит из двух кусков белой материи без единого шва: один кусок оборачивается вокруг бедер, другой набрасывается на плечи.

Паломник должен подняться на гору Арафат и слушать там проповедника, который творит молитву, не слезая с верблюда. В реку Мине паломники бросают камни, приносят жертвы, семь раз обходят Каабу, целуют Черный камень, пьют воду из священного колодца Замзам, семь раз пробегают расстояние между священными холмами Сафу и Марву… И только после этого они получают титул «хаджа» и право носить белые чалмы.

БАРСЕЛОНА

Утро выдалось прохладное, и день обещал быть точно таким же, когда Дон Кихот выехал с постоялого двора, предварительно осведомившись, какая дорога ведет прямо в Барселону.

Ровесница Римской республики и в то же время, по утверждению ее жителей, Барселона — один из самых современных городов Испании. Это главный город Каталонии — наиболее развитого в индустриальном отношении района страны. Холодный серый камень величественного готического собора и зеркальная стена современного небоскреба, скромные дома тружеников и фешенебельные пригородные кварталы, деловитая суета центральных улиц и площадей и узкая улочка в старом городе — все это Барселона.

С моря на Барселону открывается вид очень величественный. Как гигантский страж, стоит при входе в порт величавое создание природы — огромная гора Монтжуих с обрывистыми скалами. Прямо против входа в порт поднимается из моря широкая лестница, которая ведет на городскую площадь, где высится 60-метровая бронзовая колонна, увенчанная статуей Христофора Колумба. У подножия колонны расположились колоссальных размеров львы, а у причала стоит копия каравеллы «Санта-Мария»: Барселона оспаривает у Гибралтара и некоторых других городов Средиземноморья право называться родиной великого мореплавателя.

Почти 300 лет испанские короли, а вслед за ними и Франсиско Франко не жаловали Каталонию своими милостями. Эта своеобразная «традиция» идет еще со средневековья, когда, объединившись с другими городами Испании в общей борьбе против мавров, каталонцы при каждом удобном случае старались подчеркнуть свою особенность. Гордились, например, тем, что еще в XIII веке в Каталонии возникли кортесы — представительный орган власти местной аристократии, церкви и городских сословий.

Процесс формирования кортесов начался в Барселоне во время правления графа Рамона-Беренгера I Древнего, а время правления графа Рамона-Беренгера III (1096—1131) было периодом образования Барселонского графства. В 1115 году Рамон-Беренгер III при

поддержке пизанского флота предпринял экспедицию на Балеарские острова. Другим его достижением было установление торговых отношений с Генуэзской республикой.

Как всякий другой город, в средневековье Барселона была центром ремесел. Одной из главных отраслей его было суконное производство, развивались и другие виды ткацкого ремесла, причем ассортимент выпускаемых тканей был довольно широк — бумазея, ситец, льняные ткани, шелк и т.д. Существовали в городе и цехи красильщиков тканей, чесальщиков шерсти, а также цехи собственно ткачей. Городские власти специальными указами регламентировали длину и ширину тканей, их плотность, окраску и т.д. В Барселоне развивались кожевенное, ювелирное, гончарное ремесла; кроме того, городские жители занимались коралловым промыслом, в основном у берегов Северной Африки.

Крупной отраслью городского ремесла средневековой Барселоны было и судостроение. Флот Барселоны состоял из судов различного типа — галер, каравелл, баланер и др. Развитию местного судостроения способствовал ряд королевских указов, например, указ от 20 августа 1453 года запрещал перевозить на иностранных судах товары, изготовленные в Арагонском королевстве. Расширение границ королевства, защита торговых судов от пиратов — все способствовало тому, что в Барселоне строили не только торговые суда, но также и военные.

Особой заботой королевской власти было состояние барселонского порта, который не один раз реконструировался и расширялся. Чтобы находить средства для таких реконструкций, порой устанавливались даже дополнительные пошлины, например, пошлина за якорную стоянку.

Средневековая Барселона имела прочные торговые связи со многими странами Средиземноморского бассейна. Египтом, Сирией, Тунисом, Византией, итальянскими городами-республиками (Венецией и Генуей), а также с Англией, Нидерландами, Португалией, Германией и т.д. Барселонские купцы, торгуя различными тканями, шафраном, кораллами, фруктами, сахаром, посещали острова Сицилию, Кипр, Родос, Корсику. В Барселону же ввозились изделия из металла — иголки, ножи, проволока, а также зеркала, шляпы, белье и другие товары.

Из-за постоянного политического и торгового соперничества с Барселоной итальянские купцы не пользовались в городе никакими привилегиями, а в 1401 году купцам из Тосканы и Ломбардии вообще было запрещено торговать в Арагонском королевстве. В то же время купцы других стран (Германии, герцогства Савойского), наоборот, пользовались правом беспошлинной торговли. Естественно, что положение барселонских купцов в других странах тоже было различным.

В 1479 году в результате династического брака Каталония и Арагон объединились в одно государство — Испанскую монархию. Главой Каталонии как испанской провинции с этого времени становятся вице-короли, но и в составе Испании Барселона сохранила свою муниципальную организацию. В войне за испанское наследство Каталония поддержала австрийского эрцгерцога Карла в его противоборстве с Филиппом Анжуйским. Австрия и ее союзники проиграли войну, а Каталония, поторопившаяся провозгласить эрцгерцога своим королем, продолжала упорствовать и после заключения мира.

В сентябре 1714 года испанские войска взяли Барселону, и окончание войны за испанское наследство ознаменовалось для Каталонии отменой всех привилегий и представительных органов — кортесов, женералитета и Совета Ста. Особенно тяжелый удар политика первых Бурбонов — Филиппа V и Карла III — нанесла развитию каталонской культуры. Были ликвидированы все университеты, кроме одного — в городе Сервере. На протяжении XVIII века был издан ряд указов, ограничивающих употребление каталонского языка в области образования и правосудия, написанные на каталонском языке сочинения обычно не издавались.

Но каталонцы сумели сохранить себя и свою культуру: они разговаривали между собой на запрещенном, но не умершем языке, сооружали дома, похожие на маленькие крепости… Они устраивали шествия кукол-великанов и драконов, разыгрывали сцены войны христиан с сарацинами…

Лишь после смерти Ф. Франко испанский король Хуан Карлос I вернул каталонцам былые вольности. Наряду с другими историческими областями Испании, Каталония получила статус автономной области, здесь восстановлены парламент и женералитет,

каталонский язык получил статус официального. «Каталония — это не Испания, а Барселона лучше Мадрида», — любой житель объяснит это вам в два счета. Однако определенный комплекс «второго города страны», видимо, в этих словах все же присутствует. И, может быть, потому каждое воскресенье недалеко от кафедрального собора барселонцы танцуют сардану.

Сардана — очень старинный танец. Он исполняется на протяжении вот уже 500 лет, и только в Каталонии. Под музыку духового оркестра пять-шесть хороводов по 20—30 человек в каждом размеренно двигаются под довольно быструю мелодию, причем танцующие не улыбаются и не пытаются отколоть замысловатое «коленце». Сардана похожа на ритуальное действо: сомкнутые руки, поднятые над головами, и неразрывный круг — все это знаки особого каталонского единства. Любой турист может присоединиться к танцующим, но то, что для него будет развлечением, для каталонцев имеет глубокий смысл, который иностранцы вряд ли смогут понять и прочувствовать.

Строительство кафедрального собора Саграда Фамилия (церковь Святого семейства) началось в 1884 году и продолжается по сей день. Через несколько десятилетий, если сломают окрестные дома, собор будет выглядеть таким, каким его задумал гениальный Антонио Гауди: со всеми восемнадцатью башнями, в число которых входят и 170-метровый «Христос», и «Дева Мария», и «евангелисты», и «апостолы».

Собор Саграда Фамилия вырастает из-под земли с геологическим упрямством, какое свойственно лишь горным породам. Он вызывающе инороден и архитектурному стилю города, и всем эпохам. Одни его проклинали, другие превозносили, а в результате, даже недостроенный, он стал символом Барселоны и останется им надолго, может быть, навсегда.

Вокруг собора раскинулись тесные городские улочки и площади, которые образуют Готический квартал Барселоны — средневековый район, почему-то называемый «Яичным Желтком». Может быть, потому, что здесь, благодаря усилиям мифологического Геракла или предприимчивости финикийских торговцев, и зарождалась Барселона — город, в котором танцуют полуденную сардану.

БЛИСТАТЕЛЬНАЯ КОРДОВА

Уже почти 500 лет не существует страна аль-Андалус, название которой переняла историческая область на юге Испании — современная Андалусия. Однако духовное и материальное наследие аль-Андалуса, андалусские традиции в музыке, эстетике, поэзии, архитектуре и в других сферах современной жизни живы и сегодня, особенно в арабском мире.

При исследовании истории государства аль-Андалус ученых особенно привлекает период его наивысшего расцвета — IX—XI века. В это время страна была единой и могучей, управлялась независимыми эмирами, а потом халифами, которые блеском и роскошью своего двора затмевали правителей Багдада. Центром этой страны в 717 году стал город Кордова, располагавшийся в излучине реки Гвадалквивир, пересекающей Андалузскую равнину с северо-востока на юго-запад, близ южных склонов Сьерра-Морены.

История древней Кордовы подобна истории многих других городов Андалусии. Город существовал еще во времена финикийской цивилизации, а в период римского господства он был известен под названием Кордуба; его жители участвовали в походе Ганнибала на Рим, в войнах Вириата, Сертория, Помпея и Юлия Цезаря. Здесь родились великие римляне — философ Сенека и поэт Лукиан, и, конечно, все это нашло свое отражение и в традициях городской жизни, и в культуре Кордовы.

Когда-то Кордова была большим, богатым городом, средоточием мавританской культуры, науки и искусств. По данным средневековых источников, в городе насчитывалось более 113000 домов простолюдинов и более 60000 домов знати, 3711 бань, множество ремесленных мастерских и лавок торговцев. Кордова славилась производством керамики, тончайших изделий из золота, серебра, хрусталя, слоновой кости. Золотых, серебряных и медных денег в Кордове ежегодно чеканилось на сумму до 200000 динаров. Ныне это небольшой провинциальный городок; расположенный среди плодородных полей и садов, он является одним из самых живописных уголков Испании. Путешественники и туристы, попадающие в

Кордову, обязательно взберутся на древние городские стены, пройдут по мосту, построенному арабами из остатков римского моста, посетят мавританский дворец и осмотрят залы с колоннами в знаменитой мечети Альгамы.

Во времена вестготов о Кордове было известно мало, так как столицей их был Толедо. Именно к Толедо двинул свои войска арабский полководец Тарик бен Саид, вступивший на испанскую землю в 711 году. Для осады Кордовы он оставил лишь небольшой отряд, и комендант города, зная об этом, решил защищать его. Жители сражались отчаянно и самоотверженно, и только предательство одного пастуха, указавшего врагам путь в город, заставило защитников сложить оружие. Однако и после этого комендант Кордовы, запершись со своим гарнизоном в одной из церквей, продолжал сопротивление. Они сдались только тогда, когда завоеватели перекрыли источник, снабжавший их водой.

Через 50 лет после взятия города в Кордове утвердился халиф Абд ар-Рахман I из династии Омейядов. Со времени его правления и начались рост и расцвет Кордовы, которая получила во всем мире известность как «второй Багдад» и «обитель науки». Позднее появилось любопытное изречение, подтверждающее славу Кордовы как «города ученых и книжников». Великий арабский ученый Ибн-Рушд (Аверроэс), уроженец Кордовы, писал: «Когда в Севилье умирает ученый и хотят продать его книги, их везут в Кордову; когда же в Кордове умирает музыкант и хотят продать его инструменты, то их, наоборот, везут в Севилью».

Аверроэс родился в Кордове в 1126 году. Дед его был великим кади Кордовы, правоведом-маликитом, склонным, судя по некоторым его трудам, к примирению философии с религией. Тот же пост занимал его отец, и, следуя фамильной традиции, Ибн-Рушд с ранних лет изучал теологию, юриспруденцию, арабскую литературу. Источники сообщают, что он проявлял особые способности к медицине.

Государственная служба, несмотря на свои положительные стороны, отнимала у Аверроэса много времени и отвлекала от осуществления научных замыслов. Однако творческое наследие Ибн-Рушда является свидетельством исключительной трудоспособности и разносторонности его научных интересов. Оно включает в себя

сочинения по философии, естественным наукам, медицине, юриспруденции и филологии.

Временем расцвета науки и культуры в Кордове были IX—X века. Город приобрел такую известность в ученом мире того времени, что его стали называть «украшением мира». Тогда в нем проживало 500000 человек — больше, чем в любом другом европейском центре. В Кордове было 70 библиотек, а библиотека Хакема II насчитывала 400000 томов, среди которых находились редчайшие манускрипты. Однако не только правители Кордовы обладали драгоценными книжными собраниями: например, знаменитым собирателем был судья Кордовы, который так ценил и берег свои книги, что никогда и никому не давал читать их в подлинниках — только в копиях.

Практически все население Кордовы было грамотным, книгами увлекались и собирали их и женщины. Ежегодно в Кордове переписывалось до 18000 книг. Многие знатные люди считали для себя делом чести иметь большие собрания книг и рукописей, для чего содержали целый штат переписчиков. Зная о любви жителей к книгам, а также об известном во всем мире мастерстве кордовских переписчиков, византийские императоры прислали правителю города послание, написанное золотыми буквами на коже голубого цвета. Это послание было вложено в серебряный цилиндр, на крышке которого чеканкой был исполнен портрет императора. В Кордове очень высоко оценили это послание, ведь и сам город славился производством тисненой кожи.

Подлинным взлетом блистательной культуры Кордовы стал X век. Эмир Абд ар-Рахман II, самый могущественный из Омейядов, в 929 году объявил себя халифом и стал носить титул «повелителя правоверных». В пяти километрах от Кордовы он построил роскошную резиденцию-город — изумительный по красоте комплекс дворцов, назвав его в честь своей возлюбленной Захры — Мадинат аз-Захра. Великолепием этого своеобразного Версаля восхищались все видевшие его европейские и арабские путешественники и поэты. Для украшения резиденции из Византии сюда был привезен фонтан, выполненный из зеленого мрамора, с двенадцатью стилизованными фигурами животных из золота и драгоценных камней.

Византийский император прислал халифу в подарок 150 мраморных колонн, еще 1003 колонны прислали из Карфагена и

Туниса, 19 — из Франции, всего же колонн было 40000. В «Зале для приемов» стояли колонны из слоновой кости и эбенового дерева, а еще в нем был водоем из ртути, отсветы которой рассеивались по всему залу. Халифский замок Каср аль-Хулафа и дворцовый комплекс Дар аль-Мулюк были богато декорированы резьбой по дереву и гипсу, позолотой, росписями и скульптурами. У главных ворот резиденции была воздвигнута мраморная статуя Захры. Арабские историки с восторгом отмечали, что при взгляде на пейзажные изображения дворца казалось, будто «слышно пение птиц, шелест ветра в листве, и чувствуется опьяняющий аромат цветов». К сожалению, в настоящее время от всего этого мало что осталось, и о былом великолепии Мадинат аз-Захра можно судить лишь по сохранившимся фрагментам и деталям колонн, цоколей и росписей.

В XI веке нашествие берберов опустошило Кордову. Кроме того, сыграли свою роль и беспрерывные внутренние распри, которые положили конец единству халифата, и он распался на отдельные провинции. В 1236 году Кордова перешла в руки испанского короля Фердинанда III, но к этому времени город уже не являлся ведущим центром.

Самая большая и широкая улица Кордовы — Гран Капитан, названная в честь одного из правителей города — Диего Фернандеса де Кордова, человека необычайной храбрости. Улица эта не считается древней: хотя на ней и встречаются здания различных эпох, в основном преобладают постройки XIX века.

Все лучшее, что в течение веков было связано с историей и расцветом Кордовы, сосредоточено в ее знаменитой мечети. Мечеть была заложена в 785 году эмиром Абд ар-Рахманом I на месте вестготской церкви Святого Висенте, которую эмир за большие деньги выкупил у христианского населения Кордовы. Мечеть обнесли стенами, которые кажутся бесконечными, так как строители не выделяли их над городскими строениями, а применили весьма своеобразный способ их возведения. В зависимости от рельефа местности высота стен колебалась от 8 до 20 метров: там, где рельеф понижается к Гвадалквивиру, стены словно вырастают до своей предельной высоты. Прежде вдоль них шла колоннада, защищавшая пешеходов от дождя и солнца.

Через ворота колокольни можно пройти во внутренний двор мечети — Апельсиновый, на котором расположены 5 фонтанов для омовения.

Кордовская мечеть знаменита не столько своей более чем 1000-летней историей, сколько разноцветными мраморными колоннами, хотя многие из них и были уничтожены. Колонны поддерживают двойные, расписанные двумя цветами арки, и это производит чарующее, ни с чем не сравнимое впечатление. Русский путешественник В.П. Боткин так описывал свое впечатление от мечети: «Вдруг вступаешь в лес мраморных колонн, глаза разбегаются в бесчисленных рядах их, теряющихся в призрачной дали; редкие маленькие окна едва пропускают свет, так что полусумрак, царствующий здесь, еще более увеличивает необыкновенность впечатления».

Высота колонн — чуть больше трех метров, но она искусственно увеличена сложнейшей системой подковообразных двухъярусных арок, расцвеченных красновато-коричневыми и белыми полосами. Длинные, расходящиеся во все стороны коридоры колонн и бесконечное повторение арок производят впечатление безграничного пространства, которое как будто поглощает находящегося в нем человека. Многие исследователи сравнивали внутреннее пространство кордовской мечети с пальмовым лесом: эмир Абд ар-Рахман I очень любил пальму и даже посвятил этому дереву стихотворение.

Мечеть в Кордове не раз расширялась и подновлялась. При Абд ар-Рахмане II в мечети было добавлено 7 поперечных нефов. Этот правитель был любителем музыки и литературы, увлекался астрономией, изучал старинные книги по философии. В годы его правления в Кордову из Багдада приехал знаменитый иранский певец Зириаб, который стал одним из основателей знаменитой андалусской школы музыки и открыл в городе консерваторию.

Кордовский халиф Абд ар-Рахман III построил при мечети новый минарет, который арабские историки считали прототипом знаменитой севильской Хиральды. Но самой прекрасной частью мечети был пышно декорированный михраб, перед которым при Хакеме II было воздвигнуто купольное помещение. Этот правитель для украшения михраба специально выписал из Византии искусных мастеров. Внутри мечети находился и трон Хакема II, сделанный из самшита, эбена и

сандалового дерева. Над созданием его в течение семи лет трудились 6 выдающихся мастеров со своими помощниками. В кордовской мечети хранился и Коран, обернутый расшитым покрывалом. Коран был столь тяжел, что поднять его могли только два человека.

Когда в Испании была завершена реконкиста, нужно было переделать мечеть под христианский храм. Еще в XIII веке в ней были заложены пролеты, соединявшие внутренние помещения мечети с Апельсиновым двором. Вскоре богатые кордовские семьи вдоль внутренних стен мечети, не меняя ее общей планировки, стали строить собственные капеллы.

Существенные изменения произошли в XVI веке, когда в центре мечети — самой большой после Каабы — была сооружена церковь. Население Кордовы было против этого строительства. По поводу возведения церкви разгорались нешуточные страсти. И тогда после долгих споров архиепископ Кордовы обратился к императору Карлу V, который и дал свое разрешение на строительство церкви внутри мечети. Однако при посещении Кордовы в 1526 году император уже сожалел о своем согласии, якобы сказав следующее: «Вы построили то, что можно было построить где угодно; и разрушили то, что было единственным в мире». Стены церкви оказались выше кровли мечети, хотя архитектор Р. Руис старался использовать уже имевшиеся конструкции и по возможности сохранить прежний облик здания.

После XIII века в судьбе Кордовы мало что менялось. Славой города стало величие его исторического прошлого и культуры, а также красота архитектурных памятников стиля «мудехар», чарующая всех до сегодняшнего времени. Типичным образцом этого стиля является синагога, выстроенная в Кордове в 1315 году. После изгнания евреев из Кордовы она использовалась как больница, а потом была передана братству сапожников.

Во дворе синагоги установлена каменная плита в честь 800-летия со дня рождения известного средневекового философа, медика и юриста Маймонида, который тоже родился в Кордове. Один из крупнейших представителей средневековой еврейской философии, Маймонид вскоре покинул Кордову: он жил в Фесе, где изучал медицину, а в Каире был личным врачом знаменитого султана Саладина. В целом следуя учению Аристотеля и многому научившись у Аверроэса, Маймонид везде оставался представителем образованных

кругов аль-Андалуса. На площади Кордовы, носящей его имя, стоит памятник — на каменном постаменте бронзовая скульптура ученого, сидящего с книгой в руках.

У Севильских ворот Кордовы возвышается памятник Абу Мухаммеду Али ибн Хазму — политическому деятелю, философу и поэту. Он был непримиримым участником многочисленных религиозных споров, за что сам не раз оказывался в тюрьме, а его сочинения — на костре. Но он же написал и трепетное «Ожерелье голубки» — одно из самых проникновенных сочинений средневековой любовной прозы.

Кордова дала миру особенно много известных личностей в мусульманскую эпоху. Они были людьми разного социального происхождения и разного времени, иногда и разного вероисповедания, но все способствовали славе Кордовы как «обиталища наук и центра культуры».

СИАНЬ

Сиань, один из древнейших городов Китая, был столицей во время правления целого ряда китайских династий. Расположенный в красивейшем районе страны, на территории плодородной равнины Гуаньчжун близ излучины реки Хуанхэ, этот район уже в древние периоды истории был заселен и благоустроен человеком. Все способствовало этому: обилие рек и удобных для возделывания речных пойм, богатые леса и полезные ископаемые в невысоких горах. Только узнав Сиань, можно постигнуть Китай, ибо в нем запечатлелась история развития великой китайской цивилизации.

Здесь все напоминает о седой старине: сам город и его окрестности, в сущности, один большой музей. До настоящего времени сохранились тысячи могильных курганов и памятников китайской древности. В окрестностях Сианя археологи раскопали более 30 различных стоянок, которые относятся к эпохе неолита. Наиболее крупным из всех поселений является стоянка в пригороде Сианя — на территории деревни Баньпоцунь. Здесь в 1950-е годы ученые вскрыли площадь в 45000 квадратных метров и нашли остатки 43 строений прямоугольной, квадратной и круглой форм. Внутренние стены этих домов-полуземлянок были обшиты досками, дома соединялись между собой траншеями, а все поселение ограждали ров и защитный вал.

Неподалеку от жилья ученые обнаружили остатки гончарных печей, которые служили для обжига керамических изделий. Среди них преобладали в основном сосуды, начиная от огромных — для хранения зерна и воды (вместимостью в несколько ведер) — и кончая миниатюрными флакончиками. Последние, по предположениям ученых, использовались для хранения соли.

Согласно историческим хроникам и преданиям, район Сианя был колыбелью племени чжоусцев, история которого начинается с легендарного Хоу Цзи. Археологические раскопки вокруг Сианя обнаружили могильник, в котором в эпоху Чжоу были захоронены шесть лошадей с колесницами и богатой сбруей… Драгоценная утварь и украшения из бронзы, раковин каури и перламутра — все

свидетельствовало о том, что это богатое погребение имело какой-то ритуальный смысл.

После крушения в 770 году до нашей эры Западного Чжоу его правители переселились на восток, а район Сианя подпал под власть древнекитайского царства Цинь. В течение нескольких веков этот район хотя и упоминался в исторических документах, но значительной роли в истории Древнего Китая не играл. Однако уже в середине IV века до нашей эры здесь возводится новый город Саньян, ставший столицей царства Цинь. Император Цинь Шихуанди, объединивший Китай и начавший строить Великую Китайскую стену, позаботился и о том, чтобы увековечить свое правление еще одним величественным сооружением. Он повелел возвести в Саньяне дворцовый комплекс Афангун. До сих пор в пригороде Сианя можно видеть остатки высокой земляной насыпи — все, что осталось от знаменитого дворца, в котором могли разместиться 10000 человек и знамена высотой 16 метров.

Здесь было возведено много дворцов, красивых храмов, пагод и других памятников величественной китайской архитектуры. К их числу относится и Даяньта — «Большая пагода диких журавлей», построенная в 652 году, а до нынешней высоты ее надстроили в 704 году. Пагода состоит из семи ярусов и по своей форме напоминает ступенчатую пирамиду. Ее верхняя, чуть усеченная часть завершается невысоким толстым шпилем. Входные арки пагоды украшены орнаментом с вплетенными в него буддийскими сюжетами и каменными плитами с выбитыми на них буддийскими текстами. «Большая пагода диких журавлей» возведена на территории монастыря, основанного китайским путешественником и проповедником буддизма Сюань Цзаном, работавшим здесь над переводом привезенных из Индии буддийских текстов.

Не менее знаменита и Саояньта — «Малая пагода диких журавлей», возведенная в 707 году. Она связана с именем другого китайского путешественника — монаха-пилигрима И Цзина. Высота пагоды равняется 45 метрам, по форме она напоминает усеченную пирамиду, которая тоже состоит из нескольких ярусов. После землетрясения 1555 года пагода дала трещину, но стоит до сих пор.

Сиань — не только древняя, но также наиболее пышная и богатая столица Китая в эпоху его наивысшего расцвета, который пришелся на

период правления династии Тан — этого золотого века феодализма в Китае. Город был обнесен прямоугольной крепостной стеной, а общая площадь его равнялась почти 85 квадратным километрам, что в 7 раз превышает нынешний Сиань. Прекрасные здания Императорского и Дворцового городков оживляли строго распланированные улицы с цветниками и деревьями по обочинам. Постройки в дворцовых комплексах с их расписными балконами и колоннами поражали своей красотой и пышностью. Подобно древним египетским фараонам, китайские императоры сооружали для себя грандиозные гробницы.

В середине VII века танский император Тайцзун повелел выстроить на склоне гор Дворец Нефритового Цветка, а другой император — Сюань Цзун — возвел Великий Лучезарный дворец, который сравнивали со священными постройками древних царей.

Литературовед Л. Бежин в своей книге, посвященной жизни и творчеству Ду Фу, пишет, что в древние времена существовал храм со сходным названием — Лучезарный Зал, как бы в миниатюре отражавший устройство Вселенной. Кроме того, этот храм способен был притягивать к себе космические силы, благотворно влиявшие на жизнь народа.

Для дворца императора Сюань Цзуна астрологи и гадатели выбрали место с тем расчетом, чтобы могущественные силы Земли оказывали на него наиболее благотворное воздействие. Великий Лучезарный дворец был построен на возвышенности, к которой вела вымощенная голубоватым камнем дорога, извивающаяся наподобие хвоста дракона. Поднимающихся по этой дороге посетителей встречало множество самых разнообразных павильонов: залы для аудиенций, павильоны для развлечений, библиотеки, храмы, воинские казармы… Постройки были окружены зарослями бамбука и экзотическими деревьями, а через ручьи перекинуты мостики. В прудах и озерах отражались плакучие ивы и редкие по красоте цветы, в воде плавали диковинные рыбы, в гуще деревьев пели невиданные птицы. Неудивительно, что гостям из дальних стран казалось, будто они попадали в волшебную страну — обитель небожителей и бессмертных.

Не меньше чудес было и во внутренних покоях Великого Лучезарного дворца — искусная резьба, живопись, вышивка… Драгоценные курильницы, мешочки с ароматическими веществами

насыщали воздух душистой пряностью. Во дворце день и ночь звучала музыка и устраивались всевозможные зрелища и развлечения.

Императора Сюань Цзуна прозвали Блистательным. Подвергнув коренной перестройке армию, он укрепил границы Танской империи. Кроме того, император подчинил все сферы экономики строжайшему государственному контролю, установил твердые цены на зерно, государственную монополию на соль, учредил должность цензоров, которые следили за выполнением императорских указов. Деятельный, энергичный и смелый во всех начинаниях, император Сюань Цзун проявил себя и покровителем искусства и литературы. Еще в самом начале своего правления он повелел навести порядок в дворцовой библиотеке, пополнил ее новыми свитками книг, число которых достигало 6000.

Император Сюань Цзун умел ценить беседу с мудрыми людьми, поэтому пригласил в свой дворец поэта Ли Бо, чья слава гремела по всей Поднебесной. С Сианем связано имя и другого великого китайского поэта — Ду Фу, который жил здесь, пока нужда не заставила его покинуть столицу Танской империи. В 1526 году на склоне небольшого холма была построена кумирня, в которой находится статуя сидящего поэта.

Как указывалось выше, в окрестностях Сианя высятся тысячи могильных курганов. В марте 1974 года крестьяне одной из деревень, находящейся неподалеку от Сианя, рыли колодец и случайно натолкнулись на туннель. Так было сделано сенсационное мировое открытие — циньская монументальная скульптура. Во время раскопок могилы императора Цинь Шихуанди археологи обнаружили целую глиняную армию из более чем 6000 всадников и пехотинцев, выполненных в натуральную величину. Статуи, изготовленные из обожженной глины и внутри полые, сделаны очень тонко и тщательно. Древним мастерам удалось даже передать национальные особенности воинов и различные выражения их лиц. По форме одежды и разным позам можно установить различие в рангах и даже принадлежность их к разным родам войск. Сейчас в целях сохранения от непогоды и для удобства дальнейших раскопок над захоронением сооружен павильон со сводчатым потолком.

Обо всех достопримечательностях Сианя рассказать невозможно, но хочется остановиться еще на Историческом музее, начало которому

положила «Роща стел» (Бэйлинь). В 837 году, чтобы избежать ошибок при переписке древних текстов, по приказу императора Вэньцзуна на больших каменных плитах были высечены канонические тексты 12 важнейших книг древности, позже к ним присоединился текст 13-й книги. Для хранения этих стел в 1090 году построили специальное здание, с которого и началась история галерей Бэйлинь. Впоследствии к первоначальным плитам добавлялись другие, в том числе и знаменитая «Несторианская стела», которая повествует о сущности учения и обрядах несторианских христиан.

Тексты на большинстве этих памятников написаны выдающимися китайскими каллиграфами и потому являются не только исторической, но также и художественной ценностью. Каждая стела представляет собой большую отполированную каменную глыбу в форме параллелепипеда. Все они установлены на каменных черепахах, а сверху украшены изображениями драконов.

АКСУМ — СВЯЩЕННЫЙ ГОРОД ЭФИОПИИ

До середины XVII века Эфиопия (Абиссиния) в представлении россиян была скорее страной сказочной, нежели реальной. Редкие паломники рассказывали о тамошних обитателях, с которыми им доводилось встречаться на Святой Земле, истории больше экзотические и небывалые. Только при Петре I, который увидел в контактах с Эфиопией интерес для России, было решено отправить туда посольство. Но в 1725 году царь умер, и проект этот не был реализован.

А между тем уже полторы тысячи лет назад Эфиопия была одной из четырех великих держав мира. Об этом писал еще персидский пророк Мани, который и называл эти великие царства: царство персидское и вавилонское, царство римское, царство Аксум и царство китайское. Одно из первых упоминаний об Аксуме встречается в «Перипле Эритрейского моря» — наиболее старой из дошедших до нас лоций древнего мира. Старинные летописи Эфиопии называют Аксум священным городом, который был столицей этой части страны уже за 200 лет до нашей эры, а аксумская устная история относит появление города к временам библейским.

В ту пору главным в стране был город Шеба, которым правил гигантский дракон. Он требовал от своих подданных бесконечных подношений — скотом и юными девушками. Среди несчастных девушек, которые в очередной раз должны были стать жертвами ненасытного дракона, оказалась красавица, которую любил отважный силач Агабоз. Чтобы спасти возлюбленную, он убил жестокое чудовище, и счастливый народ провозгласил его своим царем. У него родилась умная и красивая дочь, которая стала потом правительницей под именем Македа, во всем мире известной под именем царицы Савской.

С VII века древнее Аксумское царство героически выдерживало бешеный напор мусульман, сокрушивших церкви Нубии, Южной Аравии и почти уничтоживших христианство в Египте. Тяжкие испытания выпали на долю народов этих стран, земли которых

опустошала война между Византией и Ираном. Особенно плохо приходилось монофизитам — последователям учения о единой природе Святой Троицы, к числу которых принадлежали армяне, египетские копты и часть сирийцев. В Южной Аравии иудеи, которые были тогда союзниками Ирана, устроили массовые казни монофизитов, и тогда духовные вожди Египта и Сирии воззвали к Калебу Элла-Эсбехе — правителю Аксумского царства, который объявил христианство в своей стране государственной религией. В нем они видели политического деятеля, способного сплотить народы Ближнего Востока для борьбы против обеих империй.

К этому времени Аксум был уже старым городом с 700-летней историей, а жители его были известны в древнем мире как народ культурный и цивилизованный. Языка аксумитов (геэз) за пределами царства не знали, поэтому образованные люди того времени — купцы, священники, дипломаты — обучались греческому — международному языку того времени. Торговые суда из Адулиса (главного порта Аксумского царства) ходили в Египет, Индию, на Цейлон; их торговые караваны ежегодно отправлялись на юг Эфиопии и в страны, которые ныне известны как Сомали и Судан.

В свою очередь, купцы из других африканских стран, а также из Европы и Азии были частыми гостями в Аксумском царстве. Среди них встречались весьма образованные люди, например, известный географ VI века Козьма Индикоплов, сочинения которого в средние века были очень популярны. Он назвал Аксум «великим городом» и описал его достопримечательности, среди которых упомянул и «четырехбашенный дворец» царя Калеба Элла-Эсбехе, украшенный бронзовыми изображениями единорогов.

В период расцвета Аксумского царства посол византийского императора Юстиниана писал о дворе аксумского правителя: «Царь обнажен, на нем только полотняное одеяние с золотым украшением. Шея украшена золотым воротом. Царь Калеб стоит на четырехколесной колеснице, в которую впряжены четыре слона. Колесница обита золотыми пластинами. Царь держит в руках небольшой щит и два копья. Его окружают царский совет и группа музыкантов, играющих на флейтах».

Дворец входил в грандиозный комплекс Такха-Мариам, все сооружения которого стояли на общем фундаменте. Развалины этого

ансамбля в 1906 году начала исследовать немецкая археологическая экспедиция, но тщательно изучить их тогда не удалось. Перед началом Второй мировой войны Эфиопию оккупировали итальянские фашисты, которые через территорию дворцового комплекса провели военную автостраду и тем самым уничтожили его.

В Аксуме сохранились фундаменты и других дворцов, еще древнее царского. Полы их, как и в Такха-Мариам, представляли собой «паркет» из чередующихся белых и зеленых мраморных плит или из кирпичей. Стены и окна были украшены аппликациями из драгоценных металлов, позолоченной бронзы, редких сортов мрамора и пород дерева.

Одним из самых священных мест Эфиопии являлся собор Аксума и его двор: даже обвиняемые в убийстве пользовались в этом убежище неприкосновенностью. Желающий воспользоваться этим правом приходил к церковным воротам и три раза громко объявлял, что хочет воспользоваться убежищем. Пропитание ему доставляли друзья, и таким образом даже преступник находился здесь в безопасности и избегал наказания. В священную ограду собора не могли вторгаться даже правитель Аксума и царица, но они могли свободно заходить на передний двор, где заседал аксумский суд — иногда в доме, иногда на зеленом холме. Здесь же стояла обыкновенная церковь, в которой могли молиться женщины, а перед церковью была установлена купель для крещения младенцев. Современные эфиопы твердо верят, что в тайниках аксумского собора хранится подлинный табут — ковчег завета, принесенный царем Менеликом из Иерусалима.

Священное назначение Аксума всегда служило городу защитой, он никогда не подвергался нападению во время многочисленных междоусобиц. Рассказывают, что однажды некий галльский вождь покусился ограбить Аксум, но при въезде в город бесследно провалился вместе со своим конем.

Однако после падения Римской империи об Аксумском царстве забыли и не вспоминали почти до эпохи крестовых походов. Тогда по Европе стали распространяться слухи о христианском царстве пресвитера Иоанна, которое находится где-то на востоке и терпит бедствия от «неверных». Таким образом, крестоносцы устремились, кроме освобождения Гроба Господня, еще и на помощь единоверцам. Но где находилась держава пресвитера Иоанна, в Европе представляли

весьма смутно. Впервые точные сведения об Эфиопии получили португальцы, так как их король Энрике Мореплаватель был правителем весьма прозорливым. Он стал посылать своих послов, а зачастую и шпионов, во все края света, чтобы они собирали сведения о восточных странах, которые персы отрезали от Европы.

Сейчас у въезда в Аксум стоит стела, на которой видна надпись на трех языках — греческом, арабском и геэз. Ученые отнесли эту плиту ко времени правления царя Эзана, который таким образом увековечил память о своем походе против взбунтовавшихся соседей. Царская надпись повествует, что аксумский царь Эзана, сын непобедимого бога Махрема[15], в благодарность за победы, дарованные воинству его и братьев его над возмутившимися соседями, воздвиг Махрему три статуи: золотую, серебряную и железную.

От дохристианской архитектуры в Аксуме главным образом и сохранились стелы. На пыльных улочках современного Аксума вам без смущения расскажут, что их возводили великаны-циклопы, которые умели плавить камень. Они разливали его в длинные деревянные формы, а когда камень остывал, его обтесывали, полировали и превращали в гигантские стелы. Некоторые из них, к сожалению, разбиты, а одну стелу во время войны вывезли итальянцы, и теперь она украшает одну из римских площадей.

Во время раскопок ученые обнаружили к западу от царского дворца холм Бетэ-Гиоргис. Холм этот весь был превращен древними строителями в трехъярусную платформу, сложенную из массивных плит. На ней были установлены три гигантских монолитных обелиска из числа самых высоких в мире. Высота их соответственно равнялась 21, 24 и 33, 5 метра. Только стела египетской царицы Хатшепсут в Луксоре и Латеранский обелиск в Риме чуть выше крупнейшей аксумской стелы.

Все три обелиска созданы из цельных глыб голубоватого базальта — самой твердой горной породы, используемой в строительстве. Даже обработанные, эти стелы весят несколько десятков тонн, а в Аксум базальт надо было доставлять специально, так как ближайшие выходы этой породы находились в нескольких километрах от города.

В Аксуме стелам придавали форму многоэтажных зданий, как бы повторяющих стройные, вытянутые вверх линии царских дворцов. Законченные монолиты представляют собой многоярусный дом-

крепость, у подножия которого находились жертвенники с вырезанными в них углублениями, куда стекала кровь убитых животных. Затем следовала ложная дверь, иногда с замком и засовом, а иногда просто с дверной ручкой, вырубленной в гранитной глыбе.

Самый большой из найденных обелисков воспроизводил 14-этажный дом. На передней стороне одного из монолитов находилась металлическая пластинка, а на задней — изображение солнечного диска. Украшенной стороной обелиски всегда были обращены на восток.

Большинство стел завершалось двумя широкими углублениями: одно в форме круга, другое — полумесяца, а углубление одной из стел было сделано в форме копий. Ученые предположили, что в них, видимо, вставляли золотые и серебряные пластины, изображавшие Солнце и Луну, а также золотые и серебряные копья — символы власти аксумских царей. Назначение этих обелисков долгое время было неизвестно науке, но потом ученые предположили, что они являлись памятниками почитателям языческих культов Солнца, Луны, звезд и змей. Кроме того, они служили «домом» душе умершего царя, который обожествлялся при жизни и еще больше после смерти. Согласно верованиям того времени, стелы эти должны были стать дорогой, по которой душа умершего восходила на небеса.

В VI веке, после окончательной победы христианства в Эфиопии, царей стали хоронить в гробницах, которые тоже являлись предметами многовекового культа. Знатных людей хоронили на холме, который до сих пор возвышается на северо-востоке Аксума. Чтобы попасть туда, нужно пройти мимо огромного водохранилища, которое у местного населения считается бассейном царицы Савской. Водохранилище это издавна снабжало город водой, а теперь используется во время религиозного праздника Тимкат. Царские могилы были вскрыты и разграблены еще в далеком прошлом, потому что заполнены они были богатствами несметными. Сейчас в склепах находятся пустые саркофаги с высеченными на них крестами.

В конце VI века Южную Аравию захватили персы. Аксум сохранил свою независимость, но его торговля с азиатскими странами была подорвана. Однако еще и в начале VII века авторитет царя аксумитов был столь высок, что на его помощь и защиту надеялись первые мусульмане, покинувшие Мекку из-за гонений.

Веротерпимость эфиопских царей была известна далеко за пределами царства, поэтому пророк Магомет и повелел своим родственникам и близким последователям отправляться на юг. «Бегите в Эфиопию, — сказал он им, — царь которой никого не угнетает».

В конце VIII века Аксумское царство было окончательно подорвано, и священный город Эфиопии опустел. Но несмотря на перенесение столицы страны в другое место, а также на все исторические превратности судьбы, Аксум еще и в XIX веке был весьма значительным городом. В настоящее время Аксум, который, по преданию, был основан внуком Ноя, — это небольшой тихий городок, но и до сегодняшнего дня он остается религиозным центром Эфиопии.

ТОЛЕДО — СТАРАЯ СТОЛИЦА ИСПАНИИ

«Когда Бог создал солнце, Он поместил его над Толедо», — говорится в одной древней легенде. Но точной даты, когда был основан этот старинный город, история не сохранила.

Панорама Толедо иногда открывается столь неожиданного, что ее воспринимаешь как что-то нереальное. Через неширокую реку Тахо переброшены мосты с башнями, за крепостной стеной, на скалистом правом берегу, жмутся друг к другу невысокие здания восточного типа, а над ними врезается в небо островерхая башня кафедрального собора и возвышается величественная крепость Алькасар. Идешь по узеньким улочкам города, и вдруг перед тобой возникает рыцарь в латах и с алебардой в руке, за ним другой, третий… Это торговцы сувенирами, чтобы привлечь внимание, выставляют у дверей своих магазинчиков манекены. Но немного воображения — и тогда можно представить себе средневековый Толедо.

Толедо рано появился на исторической арене, может быть, поэтому о нем рассказывается так много романтических легенд — больше, чем о других испанских городах. Об этом укрепленном пункте писал еще Тит Ливий в своем труде «История Рима». Рассказывая о завоевании Пиренейского полуострова римлянами, историк сообщает о взятии в 193 году до нашей эры небольшого, но малодоступного благодаря своему местоположению городка Толетума, который сдался только после упорного сопротивления.

Под властью завоевателей римская культура стала быстро распространяться на Пиренейском полуострове. Толедо украшался храмами, цирками и театрами, которые возводились в римском стиле, однако от этого времени в городе осталось мало архитектурных памятников. Захватившие впоследствии Толедо вестготы брали строительный материал римских зданий для возведения своих храмов и монастырей. Овальный в плане римский цирк, вмещавший более 20000 зрителей, сейчас лежит в развалинах неподалеку от Толедо. В окрестностях находится и «грот Геркулеса», с именем которого римская легенда связывает основание города.

Пришедшие в 456 году вестготы основали здесь свое королевство, столицей которого стал Толедо, превратившийся к этому времени в политический, культурный и религиозный центр. В королевской резиденции бурно закипела жизнь. Новая столица, сильно пострадавшая во время борьбы римлян с вестготами, стала быстро обстраиваться. Особенно много возводилось церквей и монастырей, так как в молодом государстве все нити политической жизни взяло в свои руки духовенство. Особого могущества оно достигло в VI веке, когда постановления церковных соборов, собиравшихся в Толедо, приобретали силу государственных указов.

Жизнь в городе в те времена редко протекала мирно и спокойно, так как Толедо постоянно был ареной борьбы за власть между представителями вестготской знати. Эта борьба осложнялась еще и религиозными распрями, поэтому от искусства вестготов в Толедо тоже осталось немного, сохранились в основном фрагменты орнаментов.

На смену вестготам сюда пришли арабы. Получив известие о нашествии мавров, король вестготов Родриго двинул свои войска им навстречу. В июне 711 года произошла знаменитая битва при Гуадалупе, в которой последний король вестготов потерпел бесславное поражение. Древняя легенда рассказывает, что вестготы видели в этом наказание королю Родриго, который нарушил многовековой запрет и открыл двери в «грот Геркулеса», запертые многими замками.

Королю было предсказано, что открытие дверей приведет к гибели государства, но он приказал сломать замки, надеясь найти здесь спрятанные в давние времена сокровища. Войдя в грот, освещаемый факелами, Родриго увидел огромную бронзовую статую воина, сильно бьющего палицей об пол.

— Где спрятаны сокровища? — спросил король.

Бронзовый воин показал на стоящий неподалеку от него сундук с надписью: «Тот, кто меня откроет, увидит чудеса».

Король Родриго приказал открыть сундук, но вместо сокровищ он нашел в нем кусок полотна, на котором было нарисовано множество арабских воинов в тюрбанах, с копьями и щитами. На полотне была еще одна надпись: «Тот, кто дойдет досюда и откроет сундук, потеряет свою страну, так как будет побежден людьми, похожими на людей, здесь изображенных».

Арабы, двигаясь с юга Пиренейского полуострова на север, покоряли один испанский город за другим. Конечной их целью был Толедо — столица вестготов, куда после поражения бежали остатки армии короля Родриго. Узнав о приближении врага, толедцы храбро встали на защиту родного города, и лишь предательство одного из жителей помогло маврам пробраться за его стены. Но жители Толедо долго не могли примириться с победой арабов: ни в одном испанском городе не было столько восстаний, сколько здесь. Один арабский летописец отмечал, что «ни у одного государя не было столь беспокойных и мятежных подданных, как толедцы». В течение почти 400 лет Толедо находился под властью мавров, которые называли его Толаитола.

Несмотря на частые восстания против завоевателей, толедцы не могли не подпасть под влияние высокой арабской культуры. Завоеватели-мавры украсили город многочисленными дворцами и мечетями. Во второй половине XI века при эмире Ал Мамлюке была построена загородная резиденция, красоту которой отмечали все арабские историки. По их словам, особенно изумителен был павильон, расположенный в саду посреди большого пруда. Внутри павильон был украшен изразцами, переливающимися всеми цветами радуги. Но самым привлекательным в нем было хитроумное техническое приспособление, благодаря действию которого вода могла из пруда подниматься и закрывать павильон до самого верха, не проникая внутрь.

Однако и от эпохи арабского господства в Толедо осталось не очень много памятников. Большое количество зданий было разрушено при наступлении испанских войск, другие позднее были перестроены. Например, мечеть Баб ал Мардом была превращена в церковь Санто-Кристо де ла Лус, которую позже украсили фресками с изображениями святых Леокадии, Касильды, Обдулии и Евлампии. Рядом с ними изображен пожилой человек в красной мантии и с епископским жезлом. Искусствоведы предполагают, что это может быть Бернгард — первый епископ Толедо после отвоевания города у мавров.

Испанские войска под предводительством короля Альфонса VI освободили Толедо в 1085 году и водрузили испанское знамя над Алькасаром — дворцом мавританских правителей. Став столицей Испании, Толедо начал играть ведущую роль в реконкисте. Здесь

формировались главные силы испанцев, сюда же съезжались рыцари из всех христианских государств Европы, готовые сразиться с приверженцами ислама.

В борьбе с маврами крепли сила, богатство и могущество испанских городов. Богатейшим городом стал и Толедо, превратившийся к тому же в центр литературной и художественной жизни Испании. В XII веке город считался и одним из научных центров Европы, особенно пользовалась известностью его школа переводчиков. Здесь переводили с арабского языка произведения греческих и римских авторов (Аристотеля, Платона и др.). Чтобы познакомиться с этими переводами, в Толедо приезжали многие светила средневековой науки. Из местных ученых своими научными трудами выделялись рабби Абен Эзра и Ха Леви.

В 1226 году по инициативе Хименеса де Рада, архиепископа Толедо, начали возводить величественный готический собор, строительство которого продолжалось более двух веков. «Первый в Испании и первый из немногих в Европе в том, что касается красоты и совершенства», «величественный и звучный гимн, в котором поет готика», «памятник гению нации» — так называют это грандиознейшее сооружение. По своим размерам собор в Толедо уступает только соборам в Милане и Севилье. С течением веков в нем накопилось столько произведений искусства, что это сказочное богатство поначалу просто изумляет. Толедский собор в 1845 году посетил русский композитор М. Глинка и играл там на органе.

Но в средневековой Испании Толедо был не только политическим и культурным, но также промышленным и торговым центром. Толедская сталь считалась лучшей в Европе для изготовления кинжалов и шпаг; толедские шелковые ткани высоко ценились за красоту и разнообразие рисунков; керамические изделия (вазы, изразцы, посуда) тоже были широко известны далеко за пределами Толедо.

После взятия Толедо испанцами католическое духовенство стало всячески бороться с мусульманской культурой, но она еще долго оказывала влияние на все стороны жизни толедцев. Главным образом это чувствовалось в архитектуре, так как кастильских королей привлекали живописная игра архитектурных линий и изящество арок, покоящихся на стройных колоннах; обилие декоративных украшений

из раскрашенного гипса и причудливая резьба деревянных и сталактитовых потолков. Даже в постройках религиозного назначения толедские мастера смело соединяли характерные черты мавританского зодчества с романским и готическим стилями, заимствованными в Европе. В результате такого синтеза в Испании создается особый декоративно-живописный стиль, который получил название «мудехар».

Чрезвычайно привлекательны остатки архитектуры «мудехар» в монастыре Санта-Исабель де лос Райес, северный фасад которого украшен аркадами в мавританском стиле. Во внутренних покоях монастыря сохранились арки с изящными украшениями из гипса, особенно нарядна причудливая арка из гипсовых сталактитов во дворике Лаурель. Богатство украшений этого монастыря объясняется тем, что сначала здесь размещался дворец Фердинанда Кастильского, гербы которого до сих пор украшают портал монастырской церкви.[16]

Как только Толедо стал столицей, испанские аристократы начали охотно селиться в городе, чтобы быть поближе к королевскому двору. При возведении своих дворцов они брали за образец постройки мавров. Снаружи фасады дворцов испанских грандов были довольно просты и строго молчаливы: редкие прорези зарешеченных окон, массивные деревянные двери с тяжелыми металлическими скрепами… Зато внутри они пленяют архитектурным изяществом своих двориков, окруженных галереями, богатством и красочностью цветущих растений, журчанием фонтанов, богатством орнаментальных украшений и блеском разноцветного кафеля.

Толедо всегда стремился к защите своих вольностей, и это было весьма не по душе королю Филиппу II — ярому защитнику неограниченной монархии. К тому же Толедо расти было некуда, и поэтому в 1561 году король перенес столицу в Мадрид. Потеряв статус столицы, Толедо лишился части своих жителей, которые последовали за королем. Сначала это не очень сильно отразилось на благосостоянии города, по-прежнему здесь шла веселая жизнь и устраивались торжественные религиозные церемонии. В Испании, где религия так тесно переплеталась с жизнью, эти празднества нередко принимали характер народных увеселений.

Не затихала и художественная жизнь Толедо. Богатыми заказчиками-меценатами по-прежнему оставались гордые и вольнолюбивые аристократы, которые не хотели склониться перед

властью Габсбургов и продолжали жить идеалами средневековой Испании. Поэтому в Толедо всегда тянулись лучшие представители испанской интеллигенции, которые словно состязались, как лучше назвать город. «Славой и светом мира» называл его Сервантес, Лопе де Вега видел в Толедо «сердце Испании», а Бедекер величал его «каменным свитком испанской истории».

С Толедо связано имя величайшего «живописца кастильской набожности» — художника-критянина Эль Греко. Перебравшись в Испанию, он сначала поселился при королевском дворе в Мадриде, но не признанный здесь, переехал в Толедо. Само расположение города на высоком каменистом плато, окруженном обрывистыми берегами реки Тахо, архитектурный облик города с его наслоениями разных культурных эпох благоприятствовали возвышению души, располагали к философским раздумьям и религиозной сосредоточенности. Старый Толедо с его древними аристократическими гнездами, устойчивыми традициями средневековой культуры, сама атмосфера древнего города сотворили из Эль Греко своего певца.

Прибыв в Толедо, художник поселился в бывшем дворце маркиза де Вильена. В начале XX века часть этих владений была восстановлена в стиле XVI века, и здесь был устроен Дом-музей Эль Греко. С его террасы открывается тот же великолепный вид на окрестности Толедо, которым когда-то любовался художник.

В комнатах дома Эль Греко висело много написанных им картин, так как каждое выполненное произведение он сохранял в копиях. Сейчас в Доме-музее можно видеть один из написанных художником видов Толедо, на котором самым значительным памятником является госпиталь кардинала Таверы. Город освещен неровным светом, падающим из-за туч, и потому он сам как бы превратился в живой, двигающийся на зрителя массив. Но многие произведения «самого испанского художника» сейчас находятся вне Толедо. В американском Метрополитен-музее выставлен еще один «Вид Толедо», в котором не следует искать пейзажное сходство с городом. В этом полотне Эль Греко передал дух города, его суть, какой она ему казалась, несмотря на недостаточную подробность объектов и прихотливую фантазию в их размещении.

М. Коссио, автор первой большой работы о творчестве Эль Греко, в начале XX века писал, что живописец был второразрядным

художником, пока не слился с Толедо. Действительно, город и художник слились воедино и сделали друг друга. Толедо стоит в Испании отдельно и одиноко, как и сам Эль Греко в мировом искусстве.

Но постепенно жизнь в Толедо, прежде бурная и кипучая, угасала. Город как бы погрузился в волшебный сон, сохранив почти нетронутым свой архитектурный облик. В то время как многие старинные города Испании рушились под ударами строительного бума 1960-х годов, Ф. Франко не позволил трогать Толедо. И сейчас в городе все остается почти таким же, как во времена Эль Греко.

КАБУЛ — СТОЛИЦА «СТРАНЫ, КОТОРАЯ ВЫШЕ ПОЛЕТА ОРЛА»

Первое письменное упоминание о Кабуле относится ко II веку до нашей эры. В труде одного древнегреческого ученого впервые встретилось название местности Кабур, которую сейчас занимает афганская столица. Город располагался на выгодном месте — на пути из Средней Азии в Индию, что способствовало развитию в нем торговли. Однако это же притягивало к себе и алчные взоры завоевателей, поэтому в определенные периоды истории Кабул входил в состав разных государств. В свое время через долину проходили армии Александра Македонского, войска персидского царя Дария и многие другие завоеватели.

Судьба не всегда была благосклонна к Кабулу и впоследствии. В XIII веке он подвергся разрушительному нашествию тюрко-монгольских племен, но когда город вошел в состав империи Великих Моголов, то стал быстро расти и восстанавливаться. Бабур, основатель династии Великих Моголов, очень любил Кабул, считал самым красивым городом своей империи и сделал его столицей. Он верил, что заложил город один из сыновей Адама, имя которого по-персидски звучит «Кабил». В письме к сыну Бабур так говорил о своей привязанности к городу: «Я никогда не смогу вырвать из своего сердца прелести Кабула, как никогда не смогу выразить силу моей жажды вернуться в него». Бабур умер в Агре, но завещал похоронить себя в Кабуле.

В 1737 году город захватил персидский властитель Надир-шах Афшар, который тоже подверг Кабул страшному разрушению. Так бывало и раньше, но, подобно сказочному фениксу, город каждый раз возрождался.

Откуда произошло название города, среди ученых нет единого мнения. Зато сами кабульцы могут рассказать много легенд о том, как их город получил свое имя. Вот, например, одна из них.

Когда-то здесь раскинулись бесчисленные болота, и потому дороги были плохие. Во время дождей некоторые участки вообще становились непроходимыми. Однажды по одной из них проезжал

падишах, но вдруг лошадь его остановилась, так как дальше пути не было. Впереди простиралась только водная гладь озера, посередине которого виднелся небольшой островок. После недолгого раздумья падишах позвал своих визирей и приказал им готовить переправу. По распоряжению визирей крестьяне из расположенной неподалеку деревни привезли солому, вывалили ее в озеро и укрепили слоем земли. Так по соломенному мосту падишах перебрался на остров, где услышал звуки прекрасной музыки. Здесь жили искусные музыканты, посвятившие свой досуг музыке и танцам. Игра их очень понравилась падишаху, и в память о посещении этого места он повелел назвать его «Кахполь» — «Соломенный мост». Со временем озеро обмелело, а деревушка, из которой привезли солому для моста, превратилась в город. Время изменило и ее название: «Кахполь» превратился в Кабул.

Так это было или нет, но сами афганцы, когда речь заходит об их столице, с удовольствием рассказывают эту историю. Когда-то Кабул размещался у подножия двух горных хребтов, но время шло, и город разросся. Теперь он вырвался из ущелья на запад и ушел на многие километры вверх по течению реки Кабул. Река разделяет город на две части: старую — южную и новую — северную. Старая часть Кабула, разместившаяся у подножия хребта Шер-Дарваз, некогда была окружена крепостной стеной, и потому строения скучены здесь до невероятности.

Если на самолете подлетать к Кабулу вечером, он предстает гигантской чашей, окруженной огнями небоскребов. Но утром вместо многоэтажных зданий взору открывается множество маленьких домиков, карабкающихся на головокружительную высоту по крутым склонам горных хребтов. Это их скромные лампочки и составляют вечером алмазное ожерелье афганской столицы.

В глиняных, саманных или сложенных из самодельного кирпича-сырца домах живет сегодня большая часть кабульцев. Город рос быстро и бесконтрольно, бывшие кочевники и крестьяне, переселившиеся сюда из провинций, вынуждены были взбираться все выше и выше в горы. Они и построили вокруг исторического ядра Кабула огромный горный кишлак, куда годами не заглядывал ни архитектор, ни санитарный врач. Такое стихийное градостроительство привело к тому, что многие улицы Кабула не имеют названий, и

потому их жители не имеют точных адресов. Газеты и письма они получают по месту работы, в ближайшей лавке, а то и в мечети.

Древних памятников, до которых так охочи туристы, на первый взгляд в Кабуле немного. Однако при более близком знакомстве с городом здесь найдутся и древние памятники, и достопримечательности, не считая 583 мечетей, 38 шиитских молитвенных домов, индуистских храмов и христианских церквей, да и просто красивых уголков этого древнего города.

Торговое сердце Кабула — проспект Майванд, названный так в честь сражения у одноименного местечка под Кандагаром, где в 1880 году был наголову разбит английский экспедиционный корпус. В память об этой победе на проспекте высится устремленная вверх конусообразная башня, ажурные крылья которой отделаны глазурованными плитками.

Рядом с проспектом Майванд издавна располагались базары, о которых хочется сказать особо. Например, название одного из них — Чар-Чата («Четыре арки»), а на самом деле это целый лабиринт узеньких улочек и переулков. Тысячи заполняющих его людей разом говорят, спорят, торгуются, воздевая руки к небу и прижимая их к сердцу. Только продавцы тканей — сикхи — молча сидят, поджав ноги, рядом с горами цветного шелка, рулонами тяжелого бархата и легкой парчи, в которые можно одеть весь Кабул.

На другом базаре высятся горы арбузов и мешков с рисом, а рядом влажно сверкают пучки редиски и моркови.

Но король кабульских базаров — это Миндаи; ряды дуканов, лавок, магазинов и магазинчиков, мастерских, чайных и шашлычных тянутся насколько хватает взгляда. Здесь торгуют всем: мясом и мукой, кожаными изделиями и поделками из камня; в витринах и на прилавках — зажигалки и одеколон, лезвия и транзисторы, сигареты и пуговицы, тут же висят дубленки, а рядом на земле расположились чайники, сковородки, тазы… Не зря кабульцы шутят: «Если вы не нашли на Миндаи какую-нибудь вещь, значит, ее вообще не существует в мире».

На фоне шумного торгового города особенно выделяются молчаливые крепостные стены с большими неровными зубцами и слепыми отверстиями бойниц. То карабкаясь вверх, то круто сбегая вниз, стена тянется над Кабулом по гребню хребта Шер-Дарваз.

Издали она может показаться даже игрушечной, однако высота стены достигает семи метров, а толщина ее у основания — не менее четырех метров. Благодаря столь внушительным размерам эта крепостная стена и сохранилась, хотя была возведена в V веке.

Немного ниже ее, у восточного отрога хребта, высится другое крепостное сооружение — цитадель Бала-Гиссар. По преданию, сюда еще в древние времена заточали народных вождей, восставших против власти эмиров. Это грозное сооружение сослужило афганцам хорошую службу и во время их борьбы с англичанами.

Британские войска захватили Кабул в сентябре 1879 года. История сохранила много свидетельств их жестокости и вандализма, да они и сами не особенно скрывали это. Например, офицер Гринвуд писал, что он со своей ротой взорвал базарные склады и поджег город в нескольких местах сразу. Когда на другой день в Кабул вошли другие отряды английских войск, они довершили начатое, разрушили и сожгли почти весь город. В цитадели Бала-Гиссар англичане соорудили виселицу в форме круга, которую назвали «каруселью смерти»: на ней одновременно казнили по несколько десятков человек.

Сейчас Кабул — это разноликий город. Наряду с узкими улочками, затейливо петляющими по склонам гор, здесь можно увидеть и образцы архитектурного мастерства афганских зодчих. Спорят с голубизной неба бирюзовые купола «Шахской мечети», по преданию, названной в честь арабского полководца, который сражался против врагов сразу двумя мечами.

Старая часть Кабула — самая шумная. Здесь сливаются воедино крики зазывал, разносчиков угля, водоносов, оглушительный перезвон молоточков чеканщиков, протяжные завывания бродячих торговцев. В этот многоголосый шум то и дело врываются пронзительные крики ослов, яростно понукаемых погонщиками.

Есть в Кабуле улицы, где целый квартал можно идти по коврам, которые устилают землю перед дуканами. Множество ног месяцами безжалостно топчут багровую ткань, которая от этого становится еще ярче. Шерстяная пряжа для афганских ковров покрывается красками, полученными из корней марены, и краски эти не блекнут даже через сотни лет.

Новый город, расположившийся по левую сторону реки Кабул, имеет совершенно другой вид, в котором ясно прослеживается

европейское влияние. Здесь много садов, улицы — прямые и широкие: в этой части Кабула находятся дворцы, иностранные посольства, министерства и другие правительственные учреждения Афганистана. Между собой обе части Кабула — старая и новая — соединены мостами.

ФЛОРЕНЦИЯ — ЦВЕТОК ТОСКАНЫ

Прекрасный край, раскинувшийся по берегам реки Арно, был заселен еще до рождения Флоренции. Не у самого берега, а взобравшись на высокий холм, процветал задолго до Рождества Христова богатый этрусский город Фэзулы. Этруски появились здесь в VIII веке до нашей эры, но они обычно не селились на берегах рек, а предпочитали более безопасные вершины холмов. Однако остерегались они не столько наводнений реки Арно, сколько злых и воинственных людей, которые были столь же грозной силой, как и природные стихии. Во впадине между двумя горными вершинами отстроили этруски свои жилища, на одной горе поднялся их кремль, а все поселение было обнесено стеной.

Фэзулы не потеряли своего значения и когда Этрурию покорили римляне. Независимость исчезла, но благосостояние осталось. Позднее, когда в стране установился мир, торговля в Этрурии вновь оживилась, однако город Фэзулы просуществовал недолго. В 90—88-е годы до нашей эры этруски вместе с другими итальянскими городами подняли восстание против римлян и потерпели поражение. «Горные Фэзулы» были пощажены, и впоследствии Юлий Цезарь вывел сюда своих воинов-ветеранов, которых отпустил в отставку. Легионеры построили новый город, придав ему квадратную планировку военного лагеря. Ученые предполагают, что отсюда и произошло нынешнее название города: «Castra Florentia» — «Процветающий военный лагерь».

Во времена Римской империи Флоренция процветала благополучно, но ничем особенным не выделялась. Как и в других итальянских городах, в ней были храмы, термы, амфитеатр, театр и, конечно, главная площадь — форум. После распада империи Флоренция, как и другие города Италии, пережила сначала набеги варваров, а потом феодальные войны и смуты. Заметный рост Флоренции наметился в IX—X веках, когда в Средней и Северной Италии ремесло отделилось от земледелия и начало складываться товарное производство. Во Флоренции главным образом стали

развиваться банковское дело, посредническая торговля и производство тканой шерсти.

К XI веку город подпал под власть крупных и влиятельных сеньоров — герцогов Тосканских, которые правили Флоренцией мягко и умеренно. Население под покровительством герцогов достигло известного благосостояния, город рос и богател. Когда в XII веке владения сеньоров Тосканских распались, Флоренции удалось приобрести внутреннее самоуправление — права «вольной коммуны».

С этой победой флорентийцы вступили в яркий и бурный период своей истории. В свободном городе законодательная власть официально принадлежала всему народу (popolo), а исполнительная власть с 1138 года находилась в руках коллегии консулов, которые избирались сроком на один год от каждого района Флоренции. Как правило, консулами становились рыцари, влиятельные сеньоры и люди знатного происхождения. Большое влияние на городские дела имел епископ.

Община флорентийских граждан в то время терпела большие притеснения со стороны мелких вооруженных рыцарей, замки которых тесным кольцом окружали Флоренцию. Рыцари имели дома и в самом городе, поэтому торговцам и ремесленникам трудно было развернуться. И тем не менее сила последних постепенно возрастала: в городе образовалась «денежная знать», владевшая коммерческим капиталом. Она и стала устраивать широкие ремесленные производства, которым предоставлялись льготы, а также торговать не только с другими городами Италии, но и с соседними странами. Эта аристократия была энергичной и предприимчивой. Она привлекла в город много крестьян, освободив их от власти земельных сеньоров, правда, тут же подчинив их собственной эксплуатации. Но освобожденных крестьян привлекала более вольная и разнообразная жизнь во Флоренции и участие в общественных движениях, где они порой приобретали значительный вес.

Купцы вели упорную борьбу с промышленной знатью, поэтому к началу XIII века конфликт между этими социальными силами стал неизбежен. Эта борьба окрашивала кровью повседневную жизнь Флоренции. Нравы людей ожесточились, ненависть разгоралась не только между социальными группами, но и между родами, семьями и отдельными их членами. Обычными явлениями стали смуты,

предательства, заговоры и мщения… Одолевали Флоренцию и бурные события извне. В Италии за светское господство соперничали тогда две власти — священные римские императоры и римские первосвященники, которые добивались не только церковного верховенства, но и светской власти над миром и политикой государств в Европе. Флоренция держала сторону римской церкви, но окончательно освободиться от опеки императоров ей не удавалось. Всевозможные колебания сеяли новую вражду интересов, политических пристрастий и раздоров. В это время и зародились прославившиеся длительной борьбой партии гибеллинов и гвельфов. Гибеллинами в основном были феодалы, поддерживавшие императора; гвельфы, собственно городские круги Флоренции, — сторонники римского папы.[17]

В 1250 году гвельфы одержали победу, изгнали гиббелинов из Флоренции и приняли первую конституцию, которая закрепила права народа. В честь этого славного события Флоренция даже изменила свой герб: раньше на красном фоне помещалась белая лилия, теперь на белом фоне стала красоваться красная лилия. После этой победы во Флоренции была учреждена новая должность — «предводитель народа», который получил высшую исполнительную власть; а «подеста»[18] утратил свое политическое влияние, сохранив за собой лишь некоторые административные функции.

Несмотря на политические распри и трудности существования, Флоренция росла и давно уже шагнула за старую римскую ограду. Из городских ворот вышли и побежали вдаль целые улицы, за городскими стенами росли новые пригороды, вокруг первоначального ядра Флоренции возникала Флоренция средневековая. К концу XII века понадобилось выросший город вновь окружить второй стеной, однако вскоре и за ней началось дальнейшее расширение города, окруженного очаровательной природой: светлая лента реки, цветы и зелень, темно-синее небо, холмистая равнина…

Сам же город был гораздо суровее: собора и роскошных дворцов, а также прекрасных общественных зданий тогда еще не было. Флорентийцы ощущали себя нераздельной частью родного города, их душа радовалась его блеску и растущей славе. Они горячо любили свой город и, когда достигли некоторого благосостояния, стали заботиться о его украшении. В XII веке горожане еще не могли

возводить великолепные новые здания, поэтому начали перестраивать и заново отделывать старые церкви. Самым древним во Флоренции является, наверное, здание баптистерия Святого Иоанна Крестителя, который до середины XII века был главной церковью города и местом крещения новорожденных флорентийцев.

Время создания этого храма точно неизвестно: возможно, он был основан около 488 года, в дальнейшем несколько раз перестраивался, однако сохранил свою первоначальную восьмигранную форму. Фасады своего баптистерия флорентийцы облицевали белым и темно-зеленым мрамором и украсили тройными полукруглыми арками, которые опираются на пилястры с коринфскими капителями. По преданию, баптистерий был возведен на месте античного храма бога Марса, который считался патроном древнего города. Став христианской, Флоренция переменила своего покровителя, однако статую Марса в городе сохранили, только будто бы перенесли на берег реки Арно и поставили у моста. В средние века за нее принимали конную статую, действительно стоявшую там издавна. Среди народа крепко держалось поверье, что от сохранности этого загадочного изваяния зависит благополучие города: погибнет оно, пропадет и слава Флоренции.

Город развивал не только свои материальные богатства, но и духовные силы. В глубоком средневековье Флоренция была одним из наиболее просвещенных городов Италии. С римских времен там остались и действовали школы «семи свободных наук», в городе были и школы, которые епископ устраивал при своем дворе, а также монастырские школы, среди которых особенно выделялись те, которые действовали в обителях францисканского и доминиканского орденов. Они носили церковный характер, но в них изучались и философия и литература. И хотя в то время университета во Флоренции еще не было, но научное преподавание развивалось там в общих школах и в частных ученых кружках. Энциклопедически образованным человеком был Б. Латини, учитель великого Данте: ученый был известен всей Европе, и вокруг него создавалась атмосфера серьезного интереса к знаниям и интеллектуальной жизни вообще.

Для характеристики флорентийцев следует отметить рано развившуюся у них любовь к поэзии и поэтическому творчеству. Поэзию во Флоренции любили и чтили уже в начале XIII века, а в конце его она царила в городе безраздельно. В Сицилию и Северную

Италию проникла поэзия провансальских трубадуров: напевы провансальцев, переработки этих напевов со всех сторон обвевали Тоскану, и Флоренция мало-помалу сделалась одним из главных художественных центров на севере Италии. Один провансальский трубадур, напутствуя своего собрата в Италию, говорил ему: «Если будете в Тоскане, ищите приюта в благородном граде Флоренции. Там собираются все таланты, там совершенствуются и украшаются радость, песня и любовь».

К середине XIV века на поверхность городской жизни Флоренции поднялись многие семьи, отличавшиеся неистощимой энергией и деловой хваткой (Строцци, Альберти и др.). Среди них выделился банкирский род Медичи, который к середине XV века был уже одним из самых богатых и влиятельных во Флоренции. Козимо Медичи вошел в историю под именем Старший, и хотя сам он не отличался большой ученостью, но был другом образованности и искусства. При нем составилось ядро знаменитой галереи Уффици, он был первым из Медичи, кто на свои деньги стал целенаправленно собирать произведения живописи и скульптуры для украшения как собственных дворцов, так и города. Примеру Козимо Медичи, которого называли еще «отцом Отечества», следовали и его потомки, поэтому коллекция их постоянно пополнялась.

Шло время, шла вперед и жизнь во Флоренции, отмирало старое и крепло новое мировоззрение — гуманизм, принципиально противоположное идеологии церкви. Хотя условия жизни во многом еще оставались суровыми, но сами люди уже во многом изменились: они осознали прелесть земного мира, главным в котором был признан человек — активный, мыслящий и нравственный. У Франческо Петрарки, предки которого жили во Флоренции, об этом сказано просто и честно: «…какая польза в том, чтобы узнать природу диких зверей, рыб, птиц и змей и не знать, и даже не стремиться понять природу человека; уяснить, ради чего мы рождаемся, откуда и куда идем».

Гуманистическое мировоззрение достигло во Флоренции подлинного расцвета, здесь оно стало благодатной почвой для формирования искусства Возрождения. Огромный интерес, пробудившийся в итальянском обществе к миру земному и человеку, обусловил возрождение искусства портрета, которое совсем было

угасло в средние века. Первым великим скульптором эпохи Возрождения стал флорентийский мастер Донателло, создавший в 1411—1413-е годы статую Святого Марка, которую установили в одной из ниш в стене церкви Орсанмикеле. Святой Марк у Донателло — это благообразный старец с мягкой бородкой: он стоит в спокойной позе, опираясь на правую ногу и слегка отставив левую. Под красивой длинной одеждой, ниспадающей естественными складками, ощущается крепкая, отнюдь не старческая фигура. Великий Микеланджело говорил, что «никогда еще не видел статуи, столь похожей на порядочного человека, и если евангелист Марк был действительно таким, то его писаниям можно верить».

Новое мировоззрение нашло отражение в архитектуре (Ф. Брунеллески) и живописи, в которой молодой флорентийский художник Т. Мазаччо проявил себя как мастер, в совершенстве овладевший приемами реалистической живописи — светотенью и перспективой. Библейские герои предстают на его полотнах в облике обыкновенных людей, а в некоторых композициях на первый план выступают откровенно простонародные типы.

В конце XV века флорентийцы продолжали заниматься строительством на благо своего города. Когда Микеланджело вернулся сюда из Рима, где он прославился своей скульптурой «Оплакивание Христа», во Флоренции продолжались работы по отделке собора. Во дворе собора находилась прекрасная мраморная глыба, из которой некий ваятель собрался было создать статую, но только испортил мрамор и бросил работу. Микеланджело попросил отдать ему этот мрамор, на что руководители работ охотно согласились: мрамор, мол, все равно испорчен, и потому нечего ему здесь валяться. В 1504 году Микеланджело создал одно из величайших творений мирового искусства, изваяв библейского Давида в момент наивысшего напряжения сил, когда тот готов метнуть из пращи смертоносный камень в Голиафа.

С конца 1504 года в течение четырех лет во Флоренции работал великий Рафаэль, создавая своих знаменитых мадонн. Во Флоренции Леонардо да Винчи создал шедевр шедевров, всемирно известную «Джоконду» — творение поистине божественной, а не человеческой руки.

Однако цветущая жизнь Флоренции была прервана в конце XV века нашествием армии французского короля Карла VIII. Так как целью французских войск было завоевание Неаполя, они вскоре покинула Флоренцию, но жизнь в восстановленном городе оказалась не очень радостной. Фактическим хозяином города сделался молодой монах-доминиканец Джироламо Савонарола, который появился во Флоренции еще в 1480-х годах и уже тогда стал центром всеобщего внимания. Неистовый монах был убежден, что Господь направил его в мир для искоренения пороков высшего духовенства и светских властителей. Флорентийцы охотно внимали его пламенным речам, так как в них было много правды. Однако увлекшиеся поначалу горожане не сразу уразумели, что зажигательные речи Савонаролы направлены не только против пороков конкретных лиц, но и вообще против радостей земных. Придя к власти, Савонарола обрушил свой гнев на все мирское, сжигал на костре произведения Данте, Ф. Петрарки, Д. Боккаччо; уничтожал «непристойные» рисунки, гравюры, скульптуры, а также множество «сладострастных предметов, зеркала, карты, шахматные доски… различные благовония и всяческие вещи подобного рода, возбуждающие похоть». Вскоре из атмосферы Флоренции исчезло ощущение всех прелестей земных, мысль и энергия оказались обречены на апатию, к тому же вследствие экономических неурядиц в городе начались беспорядки и голод. Безумный монах понятия не имел, как совладать с этими бедами, и еще больше стал бичевать пороки и самозабвенно молиться. Благополучие флорентийских дельцов напрямую зависело от связей с миром реальным, и потому их союз с юным фанатиком был невозможен. Против Савонаролы возбудили судебное дело, потом папа Александр VI отлучил его от церкви, и в мае 1498 года он и два его приверженца были казнены на площади Синьории.

Флоренция — сравнительно небольшой город, но он сыграл поистине великую роль в истории мировой культуры. Даже среди других городов Италии, богатых историческими и художественными памятниками, этот цветущий город по праву считается сокровищницей искусства. В нем, как уже говорилось выше, возникло и расцвело искусство Ренессанса, когда мысли и чувства людей после многих веков средневековья вновь обратились к земному миру. В 1403 году Л. Бруни сочиняет «Похвалу Флоренции», прославляя ее как самый

совершеннейший из всех городов. В 1404 году К. Салутати называет город «цветком Тосканы, зеркалом Италии»:

«Какой город… во всем мире более безопасно расположен в своем кольце стен, более великолепен своими дворцами, более украшен храмами, более красив своими постройками, более внушителен своими воротами, более богат площадями и широкими улицами, более обилен жителями, более славен своей гражданственностью и обладает столь неисчерпаемыми богатствами?»

ЛОНДОН

Сначала этим именем назывался небольшой кельтский поселок, хотя история до сих пор точно не определила эпоху, когда кельтские племена бретонцев водворились на месте нынешнего Лондона. Потом римляне построили здесь укрепленный лагерь, и долгое время (ровно 400 лет) в стране продолжалось римское владычество. Юлий Цезарь первый раз высадился здесь в 55-м, а второй — в 54 году до нашей эры. Но основное завоевание Англии началось лишь при императоре Клавдии в 43 году уже после Рождества Христова.

Лагерь римских легионеров как раз совпадал по территории с теперешним Сити, хотя с тех пор этот район и значительно расширился. Под римским владычеством Лондон впервые принял вид настоящего города. К этому времени он был уже довольно значительным торговым пунктом. Римская башня, заканчивавшая стену Сити, стояла на месте нынешнего Тауэра, а холм, где сейчас возвышается собор Святого Павла, раньше был увенчан римским храмом Дианы.

Впоследствии Лондон очень сильно пострадал во время ожесточенной борьбы между королевой Баадикеей и римлянами. Город был истощен и осадой 367 года, пока не высадился и не рассеял нестройные ряды осаждавших полководец Феодосий. Но, несмотря на свое значение, в те времена Лондон еще не был возведен в ранг столицы.

Археологические остатки той отдаленной эпохи очень скудны, и самым главным является так называемый Лондонский камень, вправленный в фасад одной из церквей. Ученые относят его к III веку, когда во времена римского владычества камень находился в центре лондонского форума: от него расходились все дороги и отсчитывались расстояния.

Римляне ушли из Британии в 412 году, но окончательно их владычество прекратилось только к середине V века, когда в стране водворилась старинная бретонская власть. Однако воинственные и более сильные соседи еще долго мешали бретонцам установить свою полную самостоятельность. В 585 году страну покорили саксы,

основавшие в ней семь своих графств: в их числе было и графство Эссекс, в пределах которого находился тогда Лондон. Когда саксы приняли христианство, Лондон стал резиденцией их первого епископа.

К началу XI века Лондон находился в расцвете своего развития, и король Эдуард Исповедник сделал город столицей Англии. Однако после битвы при Гастингсе, несчастливой для страны, победоносный предводитель норманнов Вильгельм Завоеватель торжественно короновался в Вестминстерском аббатстве английской короной. Римские стены, подновленные и укрепленные, служили лондонцам не только для обороны от внешнего врага, но и для защиты от королевской армии. Норманнские короли, завладев Лондоном, не рискнули поселиться в центре Лондона среди враждебного населения. Они стали укрепленным лагерем у стен Сити, а потом и свою стоянку обнесли стенами. Так возник Тауэр, и так существовали бок о бок Сити за своими стенами и король за укрепленными башнями Тауэра. Вскоре он даровал жителям Лондона первую хартию, в которой обещал сохранить в силе все их старинные права.

Крепостной замок Тауэр, таким образом, строился не только для контроля над устьем Темзы, но и для острастки непокорных горожан. Однако Тауэр был лишь частично построен Вильгельмом Завоевателем, потом он расширялся и перестраивался при многих королях.

За долгие годы своей истории Тауэр выполнял различные функции. В средние века в его стенах чеканили монету, позднее в нем хранился государственный архив и находилась обсерватория, пока ее не перевели в Гринвич. И, конечно, с самого начала своего существования Тауэр, как и другие средневековые крепости и замки, служил тюрьмой и местом заключения пленных коронованных особ. Пленниками Тауэра были французский король Жан Добрый, герцог Орлеанский, здесь 25 лет просидел Шарль Орлеанский. В 1535 году в замке был казнен знаменитый мыслитель Томас Мор, мечтавший о Городе Солнца. Туристам и сейчас показывают место у «Ворот изменников», где дочь великого гуманиста, прорвав кордон стражи, в последний раз бросилась на шею отцу.

Сегодняшний Тауэр стоит на широком поле коротко подстриженной травы. Высокие стены, казематы из потемневшего камня, засыпанные рвы… Узкими бойницами хмуро глядят на Темзу

его квадратные башни, туда же смотрят жерла старинных пушек, поставленных на газоне у парапета набережной. Место прежнего вала теперь превращено в сад и плац для военных учений.

Среди многих достопримечательностей старинного замка есть низкий дом, построенный в голландском стиле королем Генрихом VIII. Сейчас в нем обитает коннетабль — комендант Тауэра, а во время Второй мировой войны здесь содержался Герман Гесс, заместитель Гитлера по партии, посланный им в Англию. В кабинете коннетабля стоит старинная алебарда, связанная с давней традицией: если ее острие было повернуто к преступнику, когда его везли по городу, все знали: он осужден на смерть. Мимо комнаты коннетабля можно пройти в большую темницу, где некогда томились Т. Мор и У. Рэйли — знаменитый мореплаватель, пират и одновременно известный английский поэт начала XVI века.

В Тауэре до сих пор совершается знаменитая церемония «Ключи королевы», которая происходит у одной из башен, где находится внутренний двор.

Тусклые фонари освещают уходящие вдаль массивные стены, гулко стучат каблуки солдат, одетых в красные мундиры и медвежьи шапки. Перед входом в башню неподвижно застыли четверо часовых.

И вот появляется главный сторож в красной ливрее и с фонарем в руках. Он встает между часовыми и в сопровождении их уходит запирать крепостные ворота. После этого он входит во внутренний двор Тауэра, и часовой громко спрашивает сторожа:

— Кто идет?

— Ключи! — кричит в ответ один из четырех солдат охраны.

— Чьи ключи? — вопрошает часовой.

— Ключи королевы!

— Входите, ключи королевы Елизаветы, — кричит часовой.

Тогда сторож со своей охраной проходит во внутренний двор, где уже выстроен новый караул — 12 солдат во главе с офицером. Сторож снимает шляпу и произносит краткую молитву, после которой он уносит ключи в комнату коменданта, где они хранятся до следующего дня.

Эта церемония не прерывалась ни разу в течение более 700 лет, даже во время войны: только тогда солдаты были одеты в защитную форму.

Старина обступает вас в Лондоне на каждом шагу. Вот, например, в котелке и с лестницей в руках едет на велосипеде фонарщик. Неторопливо останавливается у каждого газового фонаря, приставляет лестницу, так же неторопливо залезает наверх и зажигает фонарь. А рядом с ним сверкает и переливается танцующими огнями неоновая реклама…

На стенах многих лондонских домов до сих пор красуются «опознавательные» знаки, заменявшие номера в те дни, когда посыльные и кучера еще не обучались грамоте. То это изъеденный временем барельеф, то голова мавра в тюрбане или грифон с отбитым носом… Таверны, приютившиеся в подвалах, гордятся своими знаменитыми посетителями. Как утверждают, в «Черте» засиживался Д. Свифт, в «Старом чеширском сыре» — У.М. Теккерей и Ч. Диккенс. Так же знаменит и один из старинных викторианских особняков на Бейкер-стрит, хотя писатель А. К. Дойл никогда в нем не жил. Но более ста лет назад он поселил здесь, в доме 221-б, знаменитого сыщика-детектива Шерлока Холмса и его друга доктора Ватсона.

До середины XVI века почти весь Лондон еще умещался в стенах Сити. Небольшие слободы за его стенами тянулись на север и восток, а в западной стороне располагались Вестминстер, королевский дворец, здание парламента и некоторые другие постройки. Мало-помалу этот поселок стал разрастаться, дорога, которая вела сюда от Сити, начала обстраиваться домами и превратилась в улицу. Однако к северу от этой улицы еще в начале XVII века простирались поля, луга и деревни.

Только к XIX веку Лондон расширился во все стороны. Вестминстер вплотную сросся с Сити, а слободы превратились в пригороды. Но даже и в это время Оксфордская улица имела только один ряд домов (на северной стороне), а дальше шли луга и поля. Пригороды были заселены мало, ряды домов здесь перемежались пустырями, лугами и парками.

Рост пригородов стал возможен только с развитием путей сообщения: кроме железнодорожных линий, Лондон обслуживался еще подземной дорогой, омнибусами и трамваями. Первая подземная дорога была построена в английской столице в 1863 году. Комфортабельные, ярко освещенные вагоны мчались по узкой трубе, вентиляция здесь была образцовая: само движение поездов по трубам (всегда в одном направлении) способствовало циркуляции воздуха.

Подземная дорога несколько раз проходила под уровнем дна Темзы, и для городского движения река уже не была препятствием: ее берега соединяли 25 мостов и четыре тоннеля.

Чтобы познакомиться с английской столицей, лучше всего сесть на второй этаж знаменитого красного лондонского автобуса и проехать на нем, обозревая достопримечательности этого древнего города. Самый лондонский район — это деловой квартал Сити, расположенный между Вестминстером и Тауэром. В административном отношении Сити делится на округа и приходы, и хотя по своим размерам этот «город в городе» совершенно невелик по сравнению со всем Лондоном, зато каждый дом здесь — настоящий дворец.

Чуть ли не касаясь друг друга фасадами, вздымаются солидные здания контор, банков, страховых и коммерческих компаний. Однако улицы Сити узки и извилисты, и дома здесь словно лезут друг на друга, так как район этот очень старинный. Еще в 1600 году купцы из Сити учредили особый синдикат для торговли с Восточной Индией, и с тех пор обособивший себя от всего Лондона район ревностно защищает свои привилегии, дарованные королевскими грамотами и парламентскими актами. По своему деловому значению Сити — это подлинное сердце Лондона и «контора всей Англии», недаром его герб служит и гербом английской столицы.

Одной из самых привлекательных достопримечательностей города являются и лондонские парки, которые мало напоминают парки других стран. В них почти не встречаются статуи и фонтаны, мало клумб и цветов. Скорее, они напоминают сельский пейзаж, и у каждого из них свое лицо. Например, в Кенсингтонском саду чаще всего можно застать обычную воскресную идиллию. Громадные пруды с плавающими в них птицами — величавыми лебедями, разноперыми утками, стаями стремительных чаек… Матери и няньки толкают перед собой детские коляски, маленькие дети кормят птиц или пускают по воде кораблики. Но здесь можно встретить и седого джентльмена, который пускает по воде свой пароходик так же деловито и самозабвенно, как и ребенок. В 1921 году в Кенсингтонском парке поставлен памятник вечно юному Питеру Пэну — герою сказочной повести Д. Барри: он вырос за одну ночь, как и полагается в сказке, и памятник этот полюбился лондонцам самых разных возрастов.

На главную аллею сада выходят цветники Кенсингтонского королевского дворца, в котором родилась и провела свое детство королева Виктория. В саду воздвигнута статуя королевы, а в южной части сада возвышается монументальный памятник ее мужу — принцу Альберту.

Своей особой жизнью живет знаменитый Гайд-парк, получивший свое название от замка Hyde, который первоначально принадлежал монастырю Святого Петра Вестминстерского. Главный вход в парк ведет с площади Пикадилли через колоннаду монументальных ворот, которая является копией с афинских Пропилей. Слева от входа возвышается знаменитая статуя Ахилла, воздвигнутая в честь герцога Веллингтона. Со стороны Оксфордской улицы находится другой монументальный вход в Гайд-парк, который представляет собой мраморную арку в римском стиле с барельефами знаменитых скульпторов. Первоначально она была воздвигнута перед Букингемским дворцом, но потом ее перенесли сюда.

Гайд-парк — один из самых интересных уголков Лондона, и знаменит он прежде всего своими митингами. Из всех его уголков раздаются голоса, силящиеся перекричать шум и гомон снующей мимо толпы: проповедник новой секты, представитель общества трезвости, ораторы рабочей партии, гринписовцы… Здесь можно натолкнуться на все оттенки мысли, познакомиться с различными мировоззренческими концепциями, ни один круг идей не остается здесь не представленным.

Как Париж немыслим без Эйфелевой башни, так нельзя представить и Лондон без знаменитого Биг Бена. Эта готическая башня Вестминстерского дворца давно уже стала одним из символов английской столицы. Однако есть у Лондона и еще один символ, может быть, не такой парадный и величественный, как Биг Бен, но не менее известный. Это статуя юного крылатого существа, венчающая фонтан на Пикадилли. Лондонцы назвали скульптуру «Эросом», хотя ее автор А. Гильберт намеревался создать ангела милосердия. Но вот уже более 100 лет шаловливое крылатое божество, отлитое из алюминия, парит над фонтаном со своим изящным оружием — маленьким луком и стрелами.

Одной из важнейших площадей Лондона является Чаринг-кросс, от которой получил название и весь округ. В XII—XIII веках на этом месте располагалась деревушка «Charring», в центре которой король

Эдуард I в 1291 году воздвиг крест (cross) в память о своей супруге. Крест этот через 350 лет был уничтожен революционным парламентом Англии.

Северная часть Чаринг-кросс с 1830 года называется Трафальгарским сквером. Это одна из красивейших площадей Лондона, названная в честь победы адмирала Г. Нельсона над франко-испанским флотом в 1805 году. По своему архитектурному исполнению Трафальгар-сквер — единственная в Лондоне площадь, напоминающая подобные площади в других европейских столицах.

В южной части Трафальгарской площади воздвигнута конная статуя короля Карла I. Статуя эта была выполнена в 1633 году, но из-за начавшейся революции поставить ее не успели. Революционный парламент продал статую одному котельщику, обязав его обязательно перелить ее. Однако котельщик объявил потом, что он распродал ее по частям — и друзьям, и недругам Стюартов. Когда же произошла реставрация королевской власти, эта статуя вдруг оказалась в полной сохранности и была воздвигнута на месте эшафота, на котором погибли члены парламента, подписавшие смертный приговор королю.

В центре Трафальгарской площади возвышается грандиозная колонна Нельсона. Сам адмирал в сражении при мысе Трафальгар погиб, но сцена его смерти, а также эпизоды крупных морских битв, выигранных им ранее, представлены на бронзовых рельефах, украшающих пьедестал колонны.

На Трафальгарской площади всегда много народу. По ней идут и едут по делам, прогуливаются и отдыхают на ступеньках музеев, кормят голубей и с ними же фотографируются. Голуби так доверчивы, что «позируют», сидя на руках и даже на головах всех желающих.

О ПАРИЖ!

Сейчас доподлинно известно, что Париж возник прямо посреди Сены на маленьком островке Сите. Первоначально это было одно из тех укреплений, которые строились галлами, чтобы облегчить охрану мостов и обеспечить безопасность дорог. Париж долгое время весь умещался на этом острове, который тогда был даже меньше нынешнего.

Первое в истории упоминание Парижа и населявшего его племени относится к 53 году до нашей эры, когда Юлий Цезарь созвал сюда в Лютецию (город паризиев) представителей покоренных народов. Попав под власть римлян, Париж вошел в состав Лионской провинции, где часто гостили римские императоры. В самом конце V века Париж открыл свои ворота перед франками, и в 508 году король Хлодвиг из династии Меровингов поселился во дворце Тэрмов, построенном на левом берегу Сены еще римским императором Константином Хлором.

При королях династии Каролингов Париж в своем развитии как будто пошел к упадку. Карл Великий редко бывал здесь и даже перенес отсюда свою резиденцию. При его преемниках Париж несколько раз подвергался разрушительным нашествиям норманнов, и король Карл Лысый даже повелел пристроить к уже существующей городской стене еще три деревянные башни, возведенные на каменном фундаменте. На смену этим владыкам пришли короли из династии Капетингов, которые соорудили вторую городскую стену, но сейчас место ее расположения в точности неизвестно.

Одной из важных вех в развитии Парижа было время правления короля Филиппа-Августа. В этот период в городе было построено много монастырей, больниц, школ, рынков, фонтанов, водопроводов и прекрасных церквей. Именно в это время было начато строительство знаменитого Нотр-Дам де Пари, описать который лучше, чем это сделал В. Гюго в своем романе «Собор Парижской Богоматери», невозможно.

Огромное здание собора стоит на площади рядом со старинными домами и угрюмым, словно изборожденным морщинами парижским госпиталем. На этой площади танцевала цыганка Эсмеральда с

козочкой; отсюда, с паперти собора, следил за нею брат Фролло; по химерам Нотр-Дам де Пари карабкался трагический горбун Квазимодо. По соборной площади шествовали короли и королевы Франции, и до конца XVII века собор хранил на себе печать XIII века.

Впоследствии, почти до середины XIX века, он подвергался неумелым и варварским переделкам, а революция вообще изгнала из Нотр-Дам де Пари христианский культ, провозгласив собор в ноябре 1793 года храмом Разума. В нем зажгли светильники Истины, и балерина Майер, восседая на престоле и олицетворяя богиню Разума, принимала соответствующие почести. Ее окружала свита дев, которые без всякого стеснения отдавались поклонникам Разума в тех 37 часовнях, которые окружали внутренние стены собора. Наполеон Бонапарт в 1802 году прекратил эти оргии и возвратил храм христианскому культу, а потом под готическими сводами Нотр-Дам де Пари был провозглашен императором.

Для обеспечения безопасности Парижа при короле Филиппе-Августе на левом берегу возводится третья городская стена. Для ее сооружения был введен первый городской налог, который в течение последующих веков уплачивался за въезд в городские ворота с провизией.

Около 1204 года король Филипп-Август начинает перестройку Лувра, приблизительно в это же время парижские школы с их 20000 учащимися были объединены в университет. Во время правления короля Людовика XI в Париже учреждается еще восемь новых учебных заведений, среди них и знаменитая Сорбонна.

В XIII веке Робер де Сорбон, духовник короля Людовика Святого, основал на берегу Сены скромную школу богословия. Сначала в ее классах не было ни столов, ни скамеек, зимой пол устилала солома, а летом — трава, на которой и сидели школяры. Со временем задачи Сорбонны расширились, скромная школа превратилась в Парижский университет, куда потянулись со всей Европы ученые, странствовавшие из одного университетского города в другой. Самое старое здание университета было построено в 1629 году по приказу кардинала Ришелье — того самого, с которым враждовали отважные мушкетеры из романа А. Дюма.

Разные эпохи оставили в Париже лабиринты узеньких улочек с обшарпанными домишками, мансардами и решетчатыми деревянными

ставнями. Многие из них освобождены от автомобильного движения и полностью отданы пешеходам, как, например, живописный уголок около церкви Сен-Северэн. Крошечные лавочки, кафе и ресторанчики идут на этих улочках не только сплошной стеной, но зачастую и громоздятся друг над другом. Кухни здесь не прячутся за глухой стеной, они отгорожены от улицы лишь прозрачным стеклом, и потому ароматы специй просачиваются изо всей щелей.

Париж непрерывно строится и обновляется, причем новое часто вызывает взрывы страстей. Короля Людовика XIV критиковали за Версаль, Г. Эйфеля — за башню, сейчас спорят о Бобуре.

Возведенная для Всемирной выставки в 1889 году, Эйфелева башня породила гнев одних и вызвала восхищение других. С протестом против ее строительства выступили видные деятели французской культуры (Ги де Мопассан, А. Дюма-сын, Ш. Гуно и др.). Жители близлежащих кварталов даже подали в муниципалитет жалобу, возмущаясь «покушением на красоту Парижа». Но Эйфелева башня тем не менее устояла, а Г. Форд даже пытался ее купить и перевезти в Америку. Сейчас башня стала «самой знаменитой парижанкой», ее воспевали многие художники и поэты. А памятник гениальному создателю этого сооружения невзрачно примостился под самой башней — в одном из ее углов, и замечает эту зеленоватую фигуру разве что один турист из ста.

В Париже рядом со всем известной достопримечательностью всегда обнаруживается что-нибудь неожиданное и интересное. Не все, например, знают, что под площадью Бастилии протекает канал Сен-Мартен, где на катерах и баржах живут люди. Этот канал строили для перевозки грузов, а для подхода барж к складам и рынкам не нужно было никаких «архитектурных излишеств». Канал Сен-Мартен был очень функционален, а аромат времени могут навеять высокие и низкие, плоские и горбатые мосты, нависшие над его шлюзами.

От самой Бастилии сейчас остался лишь ее контур, выложенный булыжником на площади, да несколько камней в вестибюле станции метро. Посреди площади стоит позеленевшая от времени колонна высотой 52 метра, увенчанная позолоченным крылатым гением Свободы. Но сооружена она не в память взятия этой знаменитой парижской тюрьмы. В XIV веке король Карл V начал на этом месте возведение крепости, которая затем стала тюрьмой: сначала боялись

врагов внешних, потом короли стали опасаться своих свободолюбивых подданных. В июле 1789 года восставшие парижане взяли Бастилию штурмом, а потом разрушили ее и сровняли с землей.

Начать прогулку по Парижу лучше всего с места встреч и свиданий — бульвара Сен-Мишель, расположенного в Латинском квартале. Здесь, в его узких и кривых улочках, — сердце Латинского квартала, столицы веселого племени французских студентов, где всегда царит шумная молодежная сутолока.

В Латинском квартале находится и знаменитый Люксембургский дворец, выстроенный в начале XVII века по повелению Марии Медичи. Сначала архитектор С. Деброс приступил к разбивке большого регулярного сада и только через два года — к возведению самого дворца. Сейчас прекрасный вековой парк — это подлинный зеленый остров, раскинувшийся в плотной застройке Парижа. Еще писатель Н.М. Карамзин в «Письмах русского путешественника» отмечал: «Сад Люксембургский был некогда любимым гульбищем французских авторов, которые в густых и темных его аллеях обдумывали планы своих творений… Туда приходил иногда печальный Руссо говорить со своим красноречивым сердцем, там и Вольтер в молодости нередко искал гармонических рифм для острых своих мыслей».

Люксембургский дворец напоминал дворцы Флоренции, по которым тосковала Мария Медичи, став супругой французского короля. Их любви была посвящена «Галерея Рубенса» — настоящая жемчужина всего дворцового комплекса.

Одним из самых выдающихся исторических памятников Парижа является Триумфальная арка. Когда-то из-за потока машин к ней трудно было подойти, но теперь под площадью проведен подземный ход и можно спокойно подняться на лифте на 50-метровую высоту, чтобы сверху полюбоваться чудесной панорамой Парижа.

Триумфальную арку начали возводить в 1806 году, но не для прославления императора Наполеона. Она сооружалась 30 лет и была закончена уже при короле Луи-Филиппе. Но Людовик XVIII не особенно спешил с возведением памятника: семь лет строительная площадка пустовала. И только когда герцог Ангулемский одержал победу в Испании, королю пришла в голову блестящая мысль: пусть арка прославляет именно эту победу. А после революции 1830 года

Луи-Филипп решил вновь использовать арку: он повелел продолжить строительные работы, но объявил, что монумент будет посвящен «Славе французской армии с 1792 года». Таким памятник, открытый 29 июля 1836 года, является и поныне. Триумфальную арку украшают величественные барельефы, символизирующие Марсельезу, Триумф, Сопротивление и Мир, а также изображающие различные эпизоды французской военной жизни.

Бесчисленны музеи, художественные салоны, выставки и просто маленькие магазины, наполненные скульптурами и сувенирами. Если закрыт Лувр, то всегда открыты ателье художников и торговцев антиквариатом в Латинском квартале. Зимой и летом, днем и ночью выставлены картины на живописной площади Тертр, венчающей холм знаменитого Монмартра, откуда в большое искусство шагнули многие художники, взращенные в его атмосфере.

Для гостей французской столицы Монмартр — это «Мекка развлечений», однако само название этого известкового холма в 100 с лишним метров высотой совсем не веселое. Оно произошло от латинского слова «mons Marturum» («Гора мученика»), так как, по преданию, здесь был обезглавлен Святой Дионисий — первый епископ Парижа. Другое предание повествует, что на этом месте в 292 году были замучены христиане, а в XII веке на месте их мученической смерти был возведен монастырь, от которого сейчас осталась церковь Сакре-Кер («Священное сердце»). В своем нынешнем виде храм, построенный на общественные деньги в память о снятии осады Парижа в 1871 году, был возведен архитектором Абади. Несмотря на свое романо-византийское происхождение, эта базилика органично вписалась в парижский пейзаж: ее большой купол, подобный снежной вершине, и четыре малых видны из многих точек города.

А слева от площади кипит другая жизнь, навечно вобравшая в себя художнический дух Монмартра. На площади Тертр, некогда тихой и задумчивой, сейчас целый день шумит красочная людская круговерть. Здесь и сидящие с мольбертами художники, и многочисленные туристы со всех концов света. Непередаваемое очарование царит в этом столпотворении вокруг усердно сосредоточенных живописцев, которые сидят на таких же складных стульчиках и креслицах, какие были и сто лет назад. Весь Монмартр до сих пор пронизан духом славного прошлого — духом «свободной

земли свободных художников», где бывали О. Домье, О. Ренуар, К. Моне, М. Утрилло и многие другие, кто рисовал свою первую любовь — Париж.

После Первой мировой войны свободные художники перекочевали на Монпарнас. Это квартал аристократической богемы — писателей, поэтов и художников, которые в свое время группировались в прославленных кафе «Купол» и «Ротонда». А в «Мулен Руж» («Красной мельнице»), например, много времени проводил А. де Тулуз-Лотрек. Не жалея себя, он схватывал кончиком кисти причудливые образы ночной жизни старого доброго кабаре, легкие движения танцоров, их торжество на сцене и личные драмы в жизни. Не признанные официальным искусством, артисты кабаре «Мулен Руж» достигли своего настоящего величия на афишах А. де Тулуз-Лотрека.

В 1977 году на старой улице Бобур был открыт Национальный центр искусства и культуры имени Жоржа Помпиду. В нем разместились картинная галерея современного искусства, выставочные залы, богатая библиотека, коллекция диапозитивов, собрание грамзаписей: каждый посетитель может соприкоснуться здесь с наукой, искусством и культурой, но по поводу самого здания развернулись бурные споры. На конкурс был подан 681 проект, но первое место заняли не французы. Жюри конкурса назвало победителями итальянца Р. Пьяно и англичанина Р. Роджерса, по проекту которых в старинный парижский квартал вписалось здание высотой 50, длиной — 150 и шириной — 50 метров.

Необычный вид Бобура снискал ему много названий: «ангар искусств», «супермагазин культурного самообслуживания», «предприятие по переработке культуры». На первый взгляд Бобур действительно напоминает то ли стройку, с которой не сняли леса, то ли промышленное предприятие с выведенными наружу лестницами, эскалаторами, переходами, вентиляционными трубами и т.д. Через месяц после открытия Бобура художник Б. Лоржу вместе с другими представителями культуры начал сбор подписей против этого музея. Он утверждал, что создатели здания вступают на путь тех музеев, где вместо произведений искусства выставляются кучи угля и отбросы. Но были и другие мнения, и прежде всего — это огромные очереди у входа в Бобур. Сам архитектор Р. Пьяно сравнивал здание с чем-то

вроде космического корабля и говорил: «То, что было сооружено, предназначено не для той культуры, которая существует сейчас, а для той, какая будет через несколько десятилетий».

Париж непостижим, о нем нельзя рассказать даже тысячной доли. Вот незабываемо красивая улица Елисейские Поля, которые точнее следовало бы назвать Элизейскими. Королю Людовику XIV понравилось название из греческой мифологии «Элезиум» — место, где чистые души праведников обретали блаженство.

Знаменитая площадь Согласия еще в XVI веке располагалась за городом, а план ее был намечен лишь при короле Людовике XVI, имя которого она и носила первоначально. На площади стояла и конная статуя короля, про которую говорили: «Он здесь, как в Версале, без сердца и внутренностей». В 1792 году восставшие парижане свалили эту статую, а площадь переименовали в Революционную. Через год здесь были казнены король Людовик XVI и Мария-Антуанетта. Когда королеву в телеге везли на казнь, ее зарисовал из окна своей комнатушки молодой художник, тогда еще никому не известный. Потом он стал всемирно известным Давидом, а кусок картона с наброском головы, которая через час скатилась с плеч, теперь находится где-то в Америке. На этой площади были казнены Робеспьер, Дантон и другие революционеры: за два года террора — около 2800 человек. Когда потоки крови и братоубийства прекратились, в октябре 1795 года площади было дано ее нынешнее название. На площади Согласия после побед 1812—1813 годов бивуаком стояли русские казаки, и ими очень интересовались многие парижанки…

Русский Париж! Это прежде всего мост Александра III, построенный на русские деньги. Кроме того, российский император сам положил первый камень в его основание. С одной стороны моста расположено литое изображение каравеллы, с другой — изображение двуглавого орла.

Об истории улиц с русскими названиями мало кто знает. Вот, например, от высокой серой башни на площади Шатле начинается Севастопольский бульвар. Когда-то эта башня служила церковной колокольней, а теперь в ней видны лишь щелевидные окна, перемежающиеся нишами, скульптурами и башенками…

На Севастопольском бульваре находились скотобойни, рыбные, мясные и сырные лавки «чрева Парижа». Главный парижский рынок — целый город, который занимает огромный район недалеко от центра. Днем он спит, и только уборщики расчищают бесконечные горы листьев, стружек, опилок, досок от ящиков, бумажных и пластиковых пакетов. Но ночью!..

Ночью со всех концов Франции и из-за границы, сверля мглу яркими фарами, мчатся по автострадам мощные рефрижераторы. Фрукты Лазурного берега, устрицы Северного моря, вина Бордо и Бургундии, цветы из Голландии, маслины из Испании, мясо, овощи, дичь, рыба — все это мчится в Париж. Шум и оживление наполняют огромные крытые ангары, в подземельях которых расположились холодильники.

К 6 часам утра рынок затихает, готовясь к торжественной минуте открытия. И вот появляются первые покупатели-оптовики — представители крупнейших ресторанов, продовольственных магазинов, хозяева «бистро». То, что останется, разбирают домохозяйки, и к 10 часам утра рынок пуст — все продано.

Севастопольский бульвар — это не единственная в Париже улица с русским названием. Туристы иногда думают, что названия эти увековечивают имена крымских городов, сел и речушек, на самом деле они названы в честь побед Франции в Крымскую войну 1853—1856 годов: так Наполеон III отмечал свои ратные завоевания.

Своим прекрасным, чисто русским видом пленяет каждого церковь Святого Сергия Радонежского. Она поставлена на кирпичное основание, но сама вся деревянная, резная, словно северная русская изба. На парижской улице Дарлю расположен православный собор Святого Александра Невского: в нем по воскресеньям проходят службы и можно встретить потомков тех, кто после Октября 1917 года оказался в Париже.

Многие люди во всем мире мечтают побывать в Париже, этот город будоражит воображение даже больше, чем, например, Рим или Нью-Йорк. Парижем восторгаются, в него устремляются, и каждый рассказывает историю «своего» путешествия, потому что Париж, как сказал Э. Хемингуэй, — это «праздник, который всегда с тобой».

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ГОРОД КЁЛЬН

Экономическое значение Кёльна определилось довольно рано, уже к XI веку город стал одним из крупных центров европейской торговли. В нем было много рынков, в том числе и специализированных — мясных, рыбных, овощных, хлебных и других. Купцы Кёльна торговали со всей Европой — Англией, Францией, Италией, Норвегией, Русью, имели свои представительства во многих городах. Торговая палатка кельнских купцов в Лондоне находилась под покровительством самой английской королевы.

Однако лицо средневекового Кёльна определяла не только торговля. Город разрастался за счет своих пригородов, так что в X—XII веках его три раза обносили стенами. Один английский монах, побывавший в Кёльне в XI веке, назвал его «центром Германии, городом первой величины». И в этом не было никакого преувеличения, так как тогда в Кёльне проживало около 20000 человек. Нужды горожан обслуживали ремесленники более 50 профессий: гончары, кожевники, пекари, каретники, сапожники, мельники и т.д. Изделия городских ювелиров и оружейников были известны по всей Германии и за ее пределами.

Важное положение занимал Кёльн и в политической системе Германии. Как отмечает в своем исследовании Л.Н. Солодкова, еще в X веке кельнский сеньор в лице архиепископа получил герцогский титул. Архиепископы Кёльна с давних времен владели землями, виноградниками, солеварнями и недвижимостью как в самом городе, так и в его окрестностях. Вместе с герцогским титулом они получили еще и право оставлять в своей казне две трети доходов от рынков, судопроизводства и монетного двора, собирали дорожные пошлины со всех въезжающих в Кёльн и выезжающих из него, за провоз товаров по Рейну, рыночные пошлины с продуктов и товаров первой необходимости и т.д. Таким образом, все, что можно было извлечь из городского хозяйства, присваивал себе сеньор-архиепископ.

Естественно, что население города не могло мириться с таким положением и часто бунтовало. В 1074 году оно подняло восстание против архиепископа Ганнона II, причем в нем впервые приняла

участие и городская знать — «почтеннейшие, первейшие граждане». Поводом к восстанию послужило приказание архиепископа раздобыть для его гостя, мюнстерского епископа, подходящий корабль. Слуги архиепископа захватили корабль одного купца и выкинули с него все товары. Потом, как это водится, завязалась драка между людьми епископа и купеческим сыном и его товарищами.

Весть об этом случае быстро разнеслась по городу, возмущенные горожане окружили епископский дворец, стали бросать в него камни и грозить оружием. Архиепископ вынужден был сначала скрыться в соборе, а потом ночью тайно бежать из города. Через какое-то время кельнский архиепископ жестоко расправился с горожанами: шестистам богатым купцам удалось бежать из города, но вызванное войско разрушило их дома и разграбило город. Некоторые из зачинщиков были ослеплены, других высекли розгами, Ганнон II наложил на горожан огромный штраф и отлучил их от церкви. В результате подавления восстания Кёльн был доведен почти до полного запустения.

Но к XII веку горожане добились для Кёльна вольностей, которые закрепили их право иметь своих представителей в органах государственного управления. Интересы кельнцев выражали, конечно, наиболее богатые горожане, то есть купцы, причем наиболее знатные из них. Поэтому и появилась в Кёльне примерно в середине XII века необыкновенная корпорация «Цех богатых». Через несколько десятилетий эта корпорация забирает в свои руки контроль над деятельностью ремесленных цехов, фактически устранив архиепископа от управления цехами и вмешательства в свои собственные дела.

Однако средневековая жизнь Кёльна сводилась не только к борьбе горожан против сеньора-архиепископа. Издавна незаурядным, своеобычным и красочным событием был в Кёльне карнавал, за что город часто называли «северной Венецией». Страсть кельнцев к шумным гуляньям идет еще от древних римлян с их сатурналиями — праздниками в честь Сатурна. Ведь именно Кёльн в начале нового летоисчисления стал столицей Нижней Германии и назывался Colonia Claudia Ara Agrippinensium — в честь своей знаменитой уроженки Агриппины-младшей (супруги императора Клавдия и матери Нерона).

К чувственной римской радости добавились тевтонская тяжеловесность, языческая страсть к переодеваниям в звериные шкуры, что впоследствии часто вызывало неудовольствие церкви. Правда, она действовала и кнутом (вплоть до жестоких штрафов и даже заключения ослушников в тюрьму), и пряником, смотря иной раз сквозь пальцы на такие, например, еретические действа, как избрание «папы дураков». В знаменитом Кельнском соборе[19] и по сей день подлокотники кресел на хорах сохраняют резные изображения шутовских рож.

В 1794 году, когда Кёльн был оккупирован войсками революционной Франции, по городу был расклеен приказ, подписанный генералом Дарье: «Злоумышленники, которые… принимают любую окраску и используют всякую возможность, дабы нарушить общественный покой и порядок, безусловно, не упустят того, чтобы воспользоваться карнавалом для разжигания смуты». И генерал запретил «надевать всякие маски и бегать туда-сюда по улицам, в одиночку либо группами». Шесть лет понадобилось французам, чтобы убедиться в безобидности кельнских ряженых, и только в 1800 году запрет на проведение карнавалов был снят. Хронист Г.Т. Фабер так описывал карнавал 1800 года: «Артистами становились люди всех возрастов и сословий, а сценой — весь город. Невероятных размеров парики из пакли и льна, чудовищные носы, размалеванные всеми цветами и усеянные сотнями бородавок; там маски гермафродитов, под которыми не угадаешь ни пола, ни сословия, ни отечества».

В 1815 году Кёльн утратил статус вольного города и подпал под власть Пруссии, правители которой тоже омрачали жизнерадостность его жителей. Но в 1823 году была создана специальная «Праздничная комиссия», которая и ввела веселый нрав кельнцев в строгие организационные рамки. С того времени это веселое торжество не проводилось в городе только шесть раз — во время и после Второй мировой войны, когда на месте прекрасного города остались лишь руины.

Возрождение и самого Кёльна, и его карнавалов стало составной частью «немецкого экономического чуда». Причина его отчасти заключается и в том, что даже ежегодную подготовку к своему шутовскому маскараду кельнцы ведут «со зверской серьезностью», как

говорят они сами. Карнавальные комитеты собираются заранее и обстоятельно — в 11 часов 11 минут 11 числа 11 месяца. Магического смысла в этом числе нет, однако с веселой серьезностью кельнцы стараются и под него подвести теоретическую базу. Суть праздника, как они уверяют, это 11 «главных элементов», и первым из них является жизнерадостность «келыне» (так на рейнском диалекте называют себя жители Кёльна).

Конечно же, на время торжества из самых почетных горожан выбирается «Принц карнавала». Однажды этого титула удостоился фабрикант Э. Цанали — производитель знаменитой «кельнской воды» (одеколона). Внешний облик карнавального принца на протяжении многих десятилетий почти не изменился. Его голову украшает «золотая корона с павлиньим пером» (древний символ бессмертия), а грудь охвачена широкой золотой цепью. На белоснежные одеяния, перетянутые сверкающим поясом, небрежно наброшена княжеская мантия, подбитая горностаем. В правой руке «Принц карнавала» держит скипетр, левой опирается на клинок, получивший славное прозвище «клюки».

Более миллиона человек выходит на улицы Кёльна, и три дня, предшествующие «пепельной среде» перед Великим постом, становятся временем масленичной комедии. Карнавал в Кёльне стал такой же достопримечательностью города, как и его всемирно известный собор — оба воспетые великим Гете. В специальном бюллетене «Праздничного комитета» в феврале 1825 года было напечатано такое стихотворение поэта:

Возраст, как нам всем известно, —
Не спасенье дурака.
Но скажу я все же честно:
Для любого старика
Важно быть во граде Кёльне,
Где соседом мудреца,
Вольно это иль невольно,
Ты увидишь и глупца…

КАМНИ ДРЕВНЕЙ ТИПАЗЫ

В 70 километрах к западу от алжирской столицы, у подножия горы Шенуа, раскинулся уютный белый городок Типаза. Его название, если судить по распространенной в африканской топонимике приставке «Ти», — берберского происхождения. История города уходит далеко за пределы том времени, когда название его появилось в древних хрониках, и кажется вечной, как море и скалы. Так же, как и сейчас, ласкало солнце чудесный берег в тот день, когда сюда причалили первые финикийские корабли. Сейчас уже трудно установить, как встретил финикийцев берберский вождь, но они здесь остались, и произошло это более 3000 лет назад.

Первые сообщения о Типазе появились в I веке нашей эры, когда она стала колонией Рима. За век до этого под ударами римских легионеров пал гордый город Карфаген, во владения поверженного врага вступил новый хозяин. Славные солдаты требовали награды, ведь их так радовали чудесные бухты Типазы! И они были щедро наделены землей в окрестностях этого древнего города.

В 1949 году французские археологи откопали и расчистили в Типазе 200-метровый отрезок дороги. Ровная, плотно замощенная лента шириной 14 метров оказалась почти не тронутой временем, поэтому ее даже не нужно было реставрировать. Между плитами даже трава не пробивалась, так тесно они уложены.

За поворотом дороги находился нимфей — главный фонтан Типазы, посвященный богиням воды. Сюда нес горную ледяную воду 3-этажный акведук, отчасти сохранившийся в окрестностях города и до настоящего времени. Чуть-чуть воображения, и можно представить, как между голубоватыми колоннами, окаймлявшими полукруг искусственного водоема, каскадами струится вода, растекаясь множеством ручейков по мраморным желобам. Воды было много, и ее хватало всем — и для нужд города, и для орошения виноградников.

В Типазе римляне возвели театр — один из немногих в Северной Африке, построенный в виде глубокой чаши. А неподалеку от него размещался амфитеатр, на арене которого под рев толпы сражались и умирали римские гладиаторы. Амфитеатр примыкал к главной улице

античной Типазы, окруженной соснами и эвкалиптами. Выщербленные ступени ведут к каменным скамьям для зрителей, сохранились три первых ряда партера, ложи, кулисы, орхестра и просцениум.

По древней улице Типазы, ведущей точно на север — к морю, можно пройти к руинам патрицианских вилл, среди которых выделяется всемирно известная «Вилла фресок». Улицу обступают колонны портиков — то широких и монументальных, то узких и малозаметных…

А в стороне на холме можно увидеть развалины Капитолия с тремя алтарями, поставленными в честь Юпитера, Юноны и Меркурия, и храмов, которые обрамляли форум — мощеную площадь длиной 50 и шириной 25 метров. Остатки фундаментов помогут представить курию — здание, где заседал муниципальный совет, и трибуны для ораторов. Спустя три века после завоевания Типазы римлянами город разросся настолько, что занял все близлежащие равнины, и, как сообщают древнеримские источники, в нем проживало около 20000 человек.

Шло время, над языческой Типазой занималась заря христианства. Однако путь первых христиан был долгим и трудным. Древнее предание повествует, что молодая девушка по имени Сальса разрушила языческого идола, и тогда языческая толпа сбросила ее в море. Но волны, не приняв жертвы, осторожно вынесли девушку на берег. Церковь канонизировала Сальсу, и с тех пор у христиан Типазы появилась своя святая покровительница.

В IV веке над морем и городом поднялась величественная базилика, о которой сейчас напоминают лишь остатки чудесных мозаичных полов и обломки колонн, разделявших 9 нефов храма. У купели храма совершал обряд крещения епископ Александр, который заслужил уважение прихожан тем, что увековечил память первого епископа Типазы и восьми его сподвижников, построив на старом кладбище прекрасную капеллу. Девять резных саркофагов образуют круг на мраморном возвышении.

В 484 году король вандалов Хунерик ворвался в город и устроил там страшную резню, но христиане не отвернулись от своей религии. Часть их бежала в Испанию, а каждому из оставшихся король приказал отрезать язык и правую руку.

Много горя и крови видела Типаза, и потому пришедшие сюда в VI веке византийцы постарались защитить город каменной стеной и сторожевыми башнями. Одна из таких башен и поныне высится над морем. И все эти древние руины покрыты цветами: сквозь зелень и серые камни пробиваются нежно-лиловые ирисы, розы, герань, жимолость и желтые левкои…

Двадцатый век тоже оставил в Типазе свой след: на скале стоит мраморная часовня в честь Альбера Камю, автора знаменитого романа «Чума», а также прекрасных страниц о любимой им Типазе. Вот как описывал свои впечатления от Типазы французский писатель:

«Весной в Типазе обитают боги, и боги беседуют друг с другом на языке солнца, запаха полыни… моря, одетого в серебряную броню, чистого синего неба, руин, утопающих в цветах, и света, кипящего на грудах камней. Порою солнце слепит так, что все вокруг кажется черным. Глаза тщетно пытаются уловить что-нибудь, кроме капель света и цвета, дрожащих на краю ресниц. Терпкий запах душистых растений, которыми пропитан этот знойный воздух, перехватывает горло…»

Типаза пережила немало землетрясений, и каждое из них было бедой не только для жителей, но и для древних построек. Выполняя правительственную программу восстановления этих исторических памятников, местные власти стараются сберечь выщербленный римский мрамор, а рука мусульманина-каменщика добросовестно заделывает трещины в крестильной купели.

ЖЕНЕВА СТАРАЯ И МЕЖДУНАРОДНАЯ

Женева расположилась на берегу Женевского озера, которое сами швейцарцы называют Леманом. Женевское озеро — самое большое и самое красивое из всех швейцарских озер: оно имеет форму месяца, рога которого направлены к югу. Вода Лемана пленяет взор своим нежно-голубом цветом, она настолько чиста и прозрачна, что на небольшой глубине можно отчетливо различить предметы, лежащие на его дне. Близость к югу и зеленые холмы и горы, за которыми возвышаются снежные вершины, наделили Женеву мягким климатом. Поэтому даже летом, когда жарко печет солнце, в городе бывает прохладно от свежего ветра, дующего с гор. Красота Женевского озера и его берегов воспеты многими известными поэтами и писателями — Д. Байроном, Вольтером, И.В. Гете; А. Дюма сравнивал Леман с Неаполитанским заливом, Ж.Ж. Руссо сделал озеро главным местом действия некоторых сцен романа «Новая Элоиза».

Вначале Женева представляла собой крепость, которая находилась в зависимости у галльских племен. Примерно в 120 году до нашей эры эти племена подчинились римлянам, а потом в районе современной Женевы появились вышедшие в отставку римские легионеры, которые получили здесь земли. Они построили ряд новых крепостей и укрепили Женеву, защищавшую мост через Рону, который вел в страны, где жили еще не покоренные Римом племена. От этих времен сохранилось название одного из районов Женевы — Колоньи, происшедшее от латинского «колонь» — мост.

Первое упоминание о Женеве содержится в «Записках о Галльской войне» Юлия Цезаря, где говорится об этом мосте, разрушенном им в 58 году до нашей эры в сражении с гельветами: римский полководец воспротивился массовому переселению гельветов, перебиравшихся через Рону в районе Женевы. Шесть строчек из «Записок о Галльской войне» высечены на камне, вделанном в стену башни, расположенной на острове в центре Женевы. А на стене Старого города выложена мозаика, изображающая вступление войск Юлия Цезаря в Женеву.

Во времена римского владычества Женева процветала: здесь сходились дороги на Лион, в долину Роны, на Базель и далее — в Южную Германию и Фландрию. Римляне построили дороги и акведуки, постепенно вокруг крепости стали появляться поселения, и маленький поселок со временем превратился в город. Вторгшиеся в III веке на территорию Швейцарии германские племена, а в следующем веке — бургунды полностью стерли следы римского пребывания. Около 400 года в Женеву проникает христианство, в городе возникла первая христианская община и приступил к исполнению обязанностей первый из известных науке епископов.

Женева всегда занимала довольно небольшую площадь, и город, стиснутый кольцом крепостных стен, страдал от нехватки земли. Однако какой бы небольшой ни была занимаемая Женевой территория, нехватка земли с лихвой окупалась выгодным местоположением города, которое в средние века давало ему большие преимущества. Поэтому в Женеве еще издавна стали устраивать ярмарки, которые обычно приурочивались к большим религиозным праздникам. В XI веке здесь шла бойкая торговля пшеницей, которую везли из Ломбардии, французскими и фламандскими тканями, английским сукном; на женевских ярмарках продавали холодное и огнестрельное оружие, ювелирные изделия и драгоценные камни; из Испании и Лангедока привозили лен, из России — меха и мед, из немецких городов — металлическую посуду и оружие.

Ярмарки вызвали бурное развитие ремесел и в самой Женеве: в городе появились мелкие мастерские сапожников, портных, оружейников, перчаточников, художников, которые занимались росписью по дереву и тканям. Женева с этого времени и сама стала вывозить свои товары в Италию, Испанию, Францию и Фландрию. Доставка товаров в средние века была делом сложным и хлопотным: тюки с грузом везли через горы на лошадях, поэтому в одиночку купцы не ездили, а составляли большие караваны. Женевские власти организовали почтовые станции, на которых меняли и кормили лошадей, а также охрану таких караванов. Появились своего рода транспортные компании — предприниматели, бравшиеся доставлять товар, и первые страховые компании. А в XIV—XV веках возникли банки, например, в Женеве имел свой филиал знаменитый итальянский банк Медичи.

Став центром международных ярмарок, Женева начала быстро богатеть, но с началом эпохи Великих географических открытий женевские ярмарки стали приходить в упадок. Старые торговые пути сместились, возникли новые; кроме того, короли католических стран прервали связи с Женевой, которая к XVI веку утвердилась как один из крупнейших религиозных и политических центров, став «протестантским Римом». В это время многие европейские страны были охвачены широким социально-политическим движением, которое было названо Реформацией.

Крупнейшим феодальным собственником являлась католическая церковь, а между тем зарождались уже новые, капиталистические, отношения; поэтому борьба между феодалами и крепнувшей буржуазией обострялась. Однако сокрушение феодализма было невозможно без сокрушения католической церкви, именно против нее и была направлена борьба буржуазии, зачастую принимавшая форму различных учений.

Реформаторское учение еще с XIV века начали распространять в Женеве некоторые из немецких купцов. Потом пришли проповедники из Франции, и первым деятелем Реформации в Женеве был француз Г. Фарель, который организовал в городе первую публичную проповедь. В мае 1636 года народ Женевы заявил о своей готовности жить «в соответствии со святым евангельским законом и словом Божиим, в союзе и преклонении перед правосудием отказаться от месс, идолов и всяких других папских крайностей».

Через два месяца в Женеве появился молодой пикардиец Жан Кальвин, который, не занимая никакого государственного поста, преобразовал государство на теократической основе. Автор «Христианского закона» с этого времени и до самой своей смерти в 1554 году стал фактически духовным и светским правителем Женевы. В 1541 году Генеральный совет Женевы утвердил составленные под его руководством «Церковные установления», ставшие основой деятельности кальвинистской церкви. Ж. Кальвин сделал церковь дешевой и скромной, отменив католическую пышность обрядов, а заодно и некоторые католические праздники, чем увеличил число рабочих дней.

Ж. Кальвин и его ближайшие сподвижники — Г. Фарель и Без — потребовали, чтобы женевцы соблюдали строгие правила поведения:

театральные представления и другие общественные развлечения были запрещены, искусство признано фривольным, и его почти на два столетия изгнали из Женевы. Законодательные акты запрещали женевцам излишества в одежде, прическах, украшениях; запрещалось носить дорогие пряжки на поясах, золотые пуговицы, бархатную обувь и шелковые чулки. Ограничивалось даже число блюд на званых обедах, поэтому Вольтер позднее сказал о Женеве как «о городе, в котором никогда не смеются».

Через печатное слово Ж. Кальвин и его сподвижники стремились распространить свое учение по всему миру.[20] Кальвинизм шагнул далеко за пределы маленькой Женевы, которая до XX века была центром протестантизма в Европе. В дальнейшем ему уже не удалось сохранить в Женеве своих позиций: даже от знаменитой Духовной академии Ж. Кальвина в Женевском университете сохранился лишь небольшой факультет теологии. Однако Реформация сделала большое дело, утвердив за Женевой репутацию города международного значения, чему способствовал целый ряд обстоятельств.

В 1815 году Венский конгресс европейских держав объявил Швейцарию «вечно нейтральной страной». А на нейтральной территории удобнее собираться представителям разных стран и обсуждать спорные вопросы. Рассказывают, что во время работы Венского конгресса один из дипломатов в раздражении, что неприметной Женеве отведено столько места в переговорах о судьбах мира после разгрома Наполеона, заметил: «Но ведь ваша Женева — это не более чем песчинка». На что граф Каподистирия ответил. «Вы ошибаетесь: Женева — не песчинка. Это зернышко мускуса, которое наполняет своим ароматом всю Европу». А Ш.М. Талейран, один из самых искусных французских дипломатов, сказал: «Есть пять континентов: Европа, Азия, Америка, Африка и Женева».

С этого времени Женева становится местом проведения международных встреч. В 1830 году в городе было создано Общество мира, проводившее международные конкурсы сочинений на темы, как установить среди всех стран всеобщий и длительный мир. Общество стремилось организовать еще арбитражный суд и наделить его более обширными, чем у правительств, полномочиями, чтобы он мог регулировать все международные конфликты. Это сбылось только через 90 лет, когда была создана Лига наций. Но с началом Второй

мировой войны Лига наций как-то незаметно прекратила свое существование, и в международной Женеве стало необыкновенно тихо. Из всех международных организаций в годы войны действовало только общество Красного Креста, созданное еще в 1864 году.

Но вот закончилась Вторая мировая война, и международный дух Женевы возродился к жизни, когда в городе обосновались новые международные организации. В июне 1946 года в Сан-Франциско была подписана хартия новой международной Организации Объединенных Наций. Работа первой ассамблеи ООН проходила в Лондоне, верховные органы этой организации разместились в Нью-Йорке, а в Женеве находится европейская штаб-квартира ООН, откуда осуществляется большая часть ежедневной оперативной работы этой организации.

С Женевой связано столько международных событий, что в воображении невольно возникает огромный город с многомиллионным населением, дворцами и небоскребами. На самом деле даже сегодняшняя международная Женева — не очень большой город: пешком его можно обойти за 2—3 часа. Дворец здесь только один — Дворец наций, в котором разместилась европейская резиденция ООН. Он расположен в парке «Ариана», который Г. Ревийо в 1890 году завещал Женеве. Здание Дворца наций очень внушительное: в нем разместилось 820 рабочих комнат, 20 залов для заседаний, зал Совета и Большой зал Ассамблеи на 2000 мест. Наискосок от Дворца наций высится старомодное здание общества Красного Креста, за густой зеленью парка «Мон репо» укрылась резиденция Международной организации труда.

Небоскреб в Женеве тоже один — «Отель дю Рон», в котором размещается генеральное консульство США: причем здание это выделяется не столько своей высотой, сколько точным копированием американских небоскребов.

В старой Женеве Большая улица была одной из главных, а сейчас кажется, что название ей дано по ошибке — она короткая и узкая, причем зажата между высокими темными домами. В доме № 40 на Большой улице родился великий французский философ Ж.Ж. Руссо, а в доме № 11, где размещалось Общество любителей чтения, часто бывал В.И. Ленин. Впервые в Женеву В.И. Ленин приехал в 1895 году, чтобы установить связь с плехановской группой «Освобождение

труда», а в 1900 году приезжал договариваться с этой же группой о совместном издании газеты «Искра».

На барельефе старой башни Молар, которая стоит почти в самом центре Женевы, заботливо склонилась над изгнанником женщина. Над барельефом высечены слова: «Женева — город изгнанников». В суровые времена XIX и начала XX веков город давал приют всем гонимым на родине борцам против тирании и религиозного гнета. Здесь находили убежище французские гугеноты, гарибальдийцы, участники польского восстания 1863 года, немецкие революционеры из бисмарковской Германии и многие другие зарубежные деятели, отстаивавшие свои свободолюбивые идеи.

ПЕЩЕРНЫЕ ГОРОДА КАППАДОКИИ

Несколько миллионов лет назад, еще в третичный период, в Анатолии произошло извержение вулкана Эрджиеш-Дагы — самой высокой горы Малой Азии. Потоки лавы, смешанной с пеплом, хлынули в долину Гереме и толстым слоем покрыли территорию в несколько тысяч квадратных километров. Потом за долгие века ветры унесли, дожди смыли легкие породы, а застывшая лава и спрессовавшийся пепел постепенно превратились в туф — мягкий в обработке и одновременно прочный строительный материал. Так появились высокие конусообразные скалы Каппадокии (местности в средней Анатолии) — целый лес разноцветных каменных столбов, шпилей, грибов и башен, тянущийся на десятки километров.

Перед глазами путешественников встает очень необычная картина, когда повсюду простирается море… застывших каменных волн, сотворенных из туфа и песчаника. Волны эти гуляют в разных направлениях: то круто взмывая вверх, то обрываясь вниз или выстраиваясь в ряд, напоминающий гигантские мехи растянутой гармони.

В этих местах, изолированных от остальной части Малой Азии непроходимыми лесами и высокими горами, люди селились очень давно. В туфовых нагромождениях, легко поддававшихся обработке, они вырубали себе жилища и погреба, на плодородных землях долин выращивали зерно, овощи и фрукты.

В IV веке пустынные и уединенные пещеры долины Гереме привлекли монахов-христиан, которые стекались сюда из всех районов Римской империи. Они нашли пещеры, образовавшиеся в лавовых конусах, идеальным местом для отшельнического скита, где можно быть ближе к Богу. Пещер было много, а странной формы скалы можно легко выдолбить и превратить в жилища, в них можно было вырубить другие помещения и проложить множество ходов. Монахи усердно долбили пещеры, устраивая в них кельи и церкви, стены и своды которых украшали разноцветными фресками.

Церкви отличались друг от друга и по форме строения, и по своим размерам. Монахи недолго размышляли над названиями своих храмов. Церковные власти были далеко в Византии и не могли указать отшельникам на их легкомыслие. Потому большую церковь, где было темно, монахи назвали просто Темной; а другую — с растущими у входа яблонями — церковью Яблока.

В IV веке был основан монастырь Архангелов. По преданию, в 325 году на его месте был ночлег царицы Елены, когда она уже в весьма преклонных летах путешествовала в Иерусалим.

Тогда явился ей во сне небесный архангел Михаил и возвестил, что Святой Крест Господень, скрытый в земле, извлечется ею оттуда. Обрадованная этим известием, мать императора Константина пообещала воздвигнуть храм на том самом месте, где ей явился архистратиг.

— Не здесь, не здесь, — сказал посланник Божий, — а на месте, поросшем тернием, куда я сам тебя поведу, построить обитель во имя Архангелов и всех бесплотных сил, которые хранят человека и споспешествуют праведнику стоять в правоте.

Проснувшись, царица Елена увидела над собой огненную звезду, которая и повела ее в путь, а потом остановилась над местом, где лежал один камень. Здесь и был поставлен престол Архангелов, а поднятый из земли камень вделали в стену так, чтобы можно было видеть обе противоположные его стороны, различающиеся цветом.

Все храмы Каппадокии богато расписаны: стены, потолки, колонны и своды покрыты красочными фресками. Роспись делалась в IX—X веках, но в сухой прохладе фрески и до настоящего времени сохранили первозданную чистоту красок. Основу красок во всех фресках составлял яичный желток в сочетании с растительными и минеральными компонентами. Благодаря такой основе краски, плотно положенные на туфовый грунт, не боятся сырости и не трескаются. Лишь кое-где лики святых иссечены прямыми полосами — это следы от сабель сельджуков.

История не сохранила имена тех, кто создавал эти иконописные шедевры. В литературе лишь туманно упоминается, что среди украшавших пещерные храмы живописцев были армяне, а также греки из Киликии и Византии.

Входы в подземные жилища и храмы тщательно маскировались, переходы из жилищ в церкви и монастыри перекрывались круглыми каменными блоками, которые выкатывались из потайных ниш. Наружу выводились дымоходы и вентиляционные стволы, незаметные для постороннего глаза.

Подземные города, а их в Каппадокии несколько, значительно старше по возрасту пещерных храмов. Исследователи считают, что их начали возводить еще во втором тысячелетии до нашей эры. Люди, занимавшие подземные катакомбы, были выходцами из государств хеттов[21], ассирийцев и других районов Малой Азии. Здесь находили убежище рабы-беглецы и гладиаторы Римской империи, а позднее подземные города стали заселять рабы, бежавшие из Византийской империи.

Южнее долины Гереме находятся два города — Каймакли и Деринкюю, в которых до сих пор ведутся археологические исследования. Небольшой город Каймакли интересен тем, что под ним находится еще один город — подземный. Это довольно просторный, хотя и несколько мрачноватый лабиринт из ходов и залов, расположившихся на четырех уровнях.

Город Деринкюю имеет восемь подземных уровней и уходит в глубь земли на 85 метров. Эти города-катакомбы, вырубленные все в том же туфе, располагались на 6—8 уровнях-этажах и потому могли служить убежищем сразу для нескольких тысяч человек. Все в городах было приспособлено для длительного проживания: продовольственные склады, колодцы, кухни, вентиляция, выдолбленные в камне чаны, в которых давили виноград и делали вино. Здесь жили, справляли свадьбы, рожали детей, умирали. В городах-катакомбах, кроме монастырей и церквей, имелись мастерские, даже конюшня и загон для скота.

Когда не было непосредственной опасности нападения, люди выходили из подземных городов на поверхность и занимались сельским хозяйством. В случае же опасности они снова скрывались под землей, тщательно замаскировав все ходы в свои жилища.

Из поколения в поколение обитатели Каймакли и Деринкюю углубляли и совершенствовали свои подземные жилища, делали все возможное, чтобы обезопасить себя от вражеских нападений. Они сооружали ложные коридоры, которые заканчивались глубокими

провалами, делами тайные переходы в жилые комнаты и залы. Воздух в городах был чистым и свежим, поэтому дышалось там легко. Через все этажи, под которыми протекают грунтовые воды, были пробиты вентиляционные шахты с проемами в каждом ярусе. Бадьями, привязанными к толстым канатам, подземные жители поднимали наверх воду.

Ученые предполагали, что города Каймакли и Деринкюю, возможно, были соединены между подземным тоннелем, но найти его долгое время не удавалось. Но вот спелеологи совершенно случайно обнаружили в Деринкюю, на уровне третьего яруса, высокий и широкий коридор, который отходил в сторону от одного из тоннелей. Оказалось, что именно этот коридор и соединял два города, так что их жители, даже не выходя на поверхность, могли общаться между собой и помогать друг другу в борьбе с врагом.

В XIV веке могущественная Византийская империя пала под ударами турок, и на смену христианству пришел ислам. Турки знали о проживающих здесь христианах, но довольно терпимо относились к ним, не разрушали их храмы и жилища. Но впоследствии монастыри в долине Гереме распались, и монахи разбрелись в разные стороны. Действующих церквей здесь в настоящее время нет, так как нет христианского населения: последние христиане покинули Каппадокию в 1924 году.

Однако опыт христианских монахов переняли турки-крестьяне. Так как не было дерева для возведения домов, они тоже стали вырубать себе жилища в лавовых конусах. Такие дома даже имели некоторые преимущества: они ничего не стоили (кроме собственного труда), не требовали ремонта и защищали от грабителей. Кроме того, их можно было постоянно расширять, добавляя к основному помещению кладовые: а если семья разрасталась, то и новые комнаты.

В таких жилищах обычно имеется большая комната высотой до трех метров, которая одновременно является и гостиной, и столовой. Посередине ее стоит большой стол, высеченный из камня, и каменные сиденья, которые тянутся вдоль стен. Они покрыты ковром и тонкими подушками; несколько ковров висят на стенах. Во всех помещениях вырублены обычно два окна.

ТЕПЛЫЙ ГОРОД ТБИЛИСИ

Две крепости в Тбилиси смотрят друг на друга через реку Куру — это остатки Метехского замка и развалины статной Нарикалы, заложенной, как предполагают некоторые исследователи, еще Александром Македонским. Из их узких бойниц смотрит сама история, и многое помнят эти грозные стражи. Бережно хранит предания о возникновении Тбилиси и память народная. Грузинский летописец Л. Мровели так повествует об охоте царя Парнавоза (302—237 гг. до н.э.).

«В этот день вышел царь на охоту и на Дигомском поле погнался за оленями. И бежали олени по ухабам и рытвинам тбилисским. Парнавоз преследовал их, пустил стрелу и попал в оленя… Пробежал еще немного олень и упал у подошвы скалы».

Этот отрывок из летописи имеет общие корни с народным грузинским преданием, в котором рассказывается, как грузинский царь, охотясь однажды в вековом лесу на месте, где теперь находится Тбилиси, ранил оленя. Истекая кровью, олень свалился на бегу в теплый серный источник и, омыв рану в воде, быстро вскочил и скрылся в лесу. Царь исследовал этот источник и, найдя его теплым и целебным, приказал заселить эту местность.

Есть у этого старинного предания и другой вариант.

Однажды охотился царь в ущелье реки Куры, вблизи от Мцхеты — тогдашней столицы Грузии. Царю удалось подстрелить фазана, и убитая птица упала в густую чащу, где охотникам не сразу удалось ее найти. Каково же было удивление царя, когда после долгих поисков фазана нашли почти сваренным! Птица лежала в горячем источнике, и царь решил основать в этом чудесном месте город.

Так повествуют об основании города древние легенды, известные каждому грузину. С самого начала своего возникновения город назывался Тбилиси (от слова «тбили» — теплый), что зафиксировано не только в легендах и преданиях, но и в многочисленных исторических документах, начиная с древних летописей. Сухие строчки летописи «Картли Цховреба» рассказывают, что «Вахтанг Горгасали строил город Тбилиси и положил его твердыне основание, а

сын его Дачи достроил стены Тбилиси и, как было завещано Вахтангом, сделал город царской резиденцией».

Родословная Тбилиси начиналась на правом берегу Куры — в районе серных бань, приблизительно между нынешним Метехским мостом и плотиной «300 арагвинцев». Многие бани сохранились в Тбилиси со старых времен, и среди них старейшая Ираклиевская баня, за владение которой еще в XVI веке спорили члены царской семьи и князья церкви.

Все банные помещения находятся сейчас ниже уровня земли; они перекрыты круглыми сводами и освещаются через стеклянный фонарь над куполом банного зала. В старину время купания в банях не ограничивалось, и уже помывшиеся люди могли оставаться в них хоть до утра. Тбилисские бани были своего рода «клубами», где горожане любили проводить свой досуг, здесь назначали деловые встречи и даже задавали обеды. Городские свахи в специальные дни нередко устраивали в банях смотрины.

О тбилисских серных банях с восторгом писал А.С. Пушкин, приехавший в Тбилиси в 1829 году: «От роду не встречал я ни в России, ни в Турции ничего роскошнее тифлисских бань». Через 100 лет после поэта писатель А. Толстой так же восторженно утверждал, что «сидя в мраморном бассейне, человек чувствует себя не то Помпеем, не то Лукуллом».

Самое раннее письменное упоминание о Тбилиси относится ко второй половине IV века, когда Иран укрепил свое политическое влияние в восточной части Грузии. В древней летописи говорится, что около 368 года питиахш (наместник) персидского шаха, избрав своей резиденцией укрепленный город Тбилиси, приступил к возведению дополнительных крепостных сооружений на Сололакской горе. Делалось это в противовес Мцхета — древней столице грузинских царей, за действиями которых и должны были наблюдать питиахши.

На протяжении своей многовековой истории Тбилиси пережил немало тяжелых испытаний. С древнейших времен через город шли торговые пути с Запада на Восток, и кто только не воевал с Тбилиси, не брал его штурмом. Из века в век шли на него войной, грабили и разрушали иранцы и турки, хазары и арабы, византийцы и хорезмийцы, армии Чингисхана и Тамерлана. Сорок раз за время своего существования Тбилиси поддался опустошительным

вражеским нашествиям, во время которых истреблялось его население, сжигались царские дворцы и жилища простых горожан, расхищались сокровища, уничтожались бесценные памятники грузинской культуры. Но город никогда не склонялся перед полчищами завоевателей и каждый раз вставал из руин и пепла еще более прекрасным.

Своими мероприятиями по укреплению политического единства страны и подъему ее хозяйственной и культурной жизни прославился царь Давид IV, прозванный за свою созидательную деятельность Давидом Строителем. Он восстановил независимость Грузии от сельджуков, вел борьбу с крупными феодалами, создал постоянное войско. В период правления этого царя (1089—1125) в Тбилиси основываются больницы и дома призрения, сооружаются новые здания, водоводы и караван-сараи. Дальнейшее развитие получают ремесла и торговля: сорок молодых людей были отправлены в Константинополь для получения высшего специального образования. По свидетельству иранских историков, тогдашний Тбилиси был богатым и многолюдным городом, изобиловавшим садами и виноградниками. В нем было 68 бань, в которых «лилась горячая вода без огня». Тбилисские ремесленники изготавливали прекрасные инкрустированные уздечки, седла и колчаны; оружие и художественные изделия из керамики, драгоценных металлов, эмали и кожи пользовались доброй славой во всех странах Передней Азии и даже в далекой Индии. В Тбилиси занимались производством стекла и изделий из хрусталя, на городских рынках продавали ртуть и воск, бобров и выдр. На базары средневекового Тбилиси приходили караваны верблюдов и лошадей с богатыми товарами, здесь сгружались с арб огромные бурдюки с вином, здесь размещались торговые ряды с медной посудой (тазами и подносами) и ряды с глиняными кувшинами, мисками и тарелками.

За торговыми рядами со свертками шелковой ткани, парчи и сукна чувствовался то острый пряный аромат от лавок с перцем, имбирем, шафраном и гвоздикой; то резкий запах кожи, исходивший от шорных рядов и складов, заваленных конской сбруей, седлами и мягкими азиатскими сапогами. Особые ряды благоухали редкими бальзамами, среди которых можно было отыскать и ценные снадобья — касторовое или розовое масло, ревень или зеленую банную глинку, мгновенно удаляющую волосы.

На тбилисском базаре ковали лошадей, брили головы, шили бурки и папахи, играли в нарды… Разноязыкая речь — грузинская, армянская, персидская, турецкая, еврейская, русская — смешивалась с криками погонщиков, песнями ашугов, перестуком молоточков в мастерских чеканщиков, дыханием кузнечных мехов. А рядом жарили шашлыки и толпился праздный люд, азартно повышая ставки на петушиных боях и схватках баранов.

Периоды мирного развития Тбилиси были сравнительно недолгими. Чтобы вырваться из бедственного положения и найти союзника в борьбе с очередными врагами, в XVIII веке Грузия обратилась за помощью к России. Но политические и культурные связи Грузии и России начались гораздо раньше: первые грузинские послы появились при дворе московского царя еще в XV веке. Они искали сближения с могучим северным соседом, и царь Иван Грозный направил тогда в Грузию отряд казаков. Еще более прочными стали русско-грузинские отношения в XVIII веке, когда в 1722 году во время персидского похода Петра I между русским царем и Вахтангом VI был установлен военный союз.

Средневековый Тбилиси славился и как город замечательных поэтов, здесь расцвел гений Ш. Руставели, И. Шавтели, М. Хонели и других. Крупных успехов достигли науки, литература и искусство; в кельях монахов, на состязаниях стихотворцев в царских дворцах прославленные поэты перекидывались шаири (четверостишиями), здесь процветала духовная и светская литература.

С Тбилиси связаны многие великие имена и русской литературы. «Через Грузию неизбежно проходят в сердечном плане русские поэты», — сказал Н. Тихонов. Этот город был всегда притягателен для русских поэтов, писателей и художников; они связывали с ним свою судьбу, а покидая Тбилиси, мысленно всегда возвращались к нему. «Волшебным краем» называл этот город А.С. Пушкин, который был до глубины души взволнован приемом, который оказали ему в Тбилиси. «Я не помню дня, — писал поэт, — в который бы я был веселее нынешнего; я вижу, как меня любят, понимают и ценят, и как это делает меня счастливым».

В Тбилиси и Грузии жили писатели-декабристы В. Кюхельбекер, А. Бестужев-Марлинский, А. Одоевский, поэты пушкинской плеяды — Д. Давыдов, А. Шишков, В. Тепляков. В Тбилиси служил корнет

Нижегородского драгунского полка М. Лермонтов, сосланный на Кавказ за стихотворение «На смерть поэта» и посвятивший Грузии своих «Демона», «Мцыри», «Дары Терека» и другие произведения. Из Тбилиси поэт писал: «Если бы не бабушка, то, по совести говоря, я бы охотно остался здесь».

Через 14 лет после отъезда М. Лермонтова сюда приехал Л. Толстой. Готовясь вступить в Кавказскую армию, он поселился в доме немецкого колониста и вел дневники о своем пребывании в Грузии. Здесь Л. Толстой написал свое первое произведение «Детство», а десятилетия спустя — повесть «Хаджи-Мурат», в которой отразились многие из его тбилисских впечатлений.

Не один раз бывал в Тбилиси русский драматург А. Островский. В 1883 году, увидев в грузинском театре актрису М. Саларову-Абашидзе в роли Полины из пьесы «Доходное место», он сказал ей: «Пока вы живы, моя Полина не умрет». Свой первый рассказ «Макар Чудра» молодой Алексей Пешков опубликовал в тбилисской газете «Кавказ» и впервые подписал его именем «Максим Горький». Поэма «Девушка и смерть», наброски к легенде «Данко», несколько рассказов — все это тбилисский период творчества М. Горького. В разное время через Тбилиси пролегали литературные пути Г. Успенского, А. Белого, Д. Фурманова и других писателей и поэтов. В Тбилиси находили добрых друзей В. Маяковский, С. Есенин, Б. Пастернак, О. Мандельштам, К. Паустовский. С Тбилиси связаны имена художника И. Айвазовского и композитора П. Чайковского, В. Немировича-Данченко и Ф. Шаляпина; здесь бывали А. Чехов, И. Репин, А. Рубинштейн, М. Балакирев, художники В. Васнецов и В. Верещагин.

Друзей у русских писателей и других выдающихся деятелей русского искусства в «теплом» городе Тбилиси было немало. Многие останавливались в гостеприимном доме князя Александра Чавчавадзе — поэта-романтика и образованнейшего человека своего времени. Современники говорили о нем: «Все, что приезжало из Петербурга порядочного и сановитого, молодого и старого, составляло принадлежность гостиной князя. Прелестное семейство его… было в Тбилиси единственным, в котором заезжие гости с Севера и Запада находили начало святого грузинского гостеприимства в полном согласии с условиями образованного европейского общества».

С Тбилиси и семейством князя А. Чавчавадзе была тесно связана судьба А. Грибоедова, который, по словам одного из современников, «любил Грузию так пламенно, так чисто, как редкие любят даже родину свою». В доме своего тестя[22] он встречался с передовыми представителями грузинского общества и вместе с ними активно участвовал в решении вопросов, связанных с благоустройством Тбилиси, учреждением публичной библиотеки, основанием газеты «Тифлисские ведомости». Еще до того как комедия «Горе от ума» была выпущена в свет, ее ставили на тбилисской сцене любители. Неоконченную трагедию А. Грибоедова «Грузинская ночь» современники признавали достойной «украсить не только русскую, но и всю европейскую литературу».

Пантеон грузинских писателей и общественных деятелей находится на полпути к святой горе Мтацминда, нависающей с запада над Тбилиси щетинистым гребнем. А на искусственной террасе у подножия скалистого склона сооружена церковь Мамадавити. В VI веке, когда здесь были еще непроходимые леса, это место облюбовал святой Давид — один из 13 отцов-миссионеров, возвратившихся из Сирии в Грузию. Сначала на этом месте находились часовня и молельня монаха-подвижника, впоследствии воздвигли небольшой храм, который в эпоху средневековых войн был разрушен. Нынешняя купольная церковь Святого Давида возводилась в течение 10 лет — с 1861 по 1871 год. С церковным родником, вытекающим из расселины скалы, связано одно старинное поверье. Женщине, задумавшей сокровенное желание, надо смочить в родниковой воде камушек и приложить его к церковной стене. Если камушек удержится, значит, Всевышний услышал молитву и желание счастливицы исполнится.

Возле церкви на двух разновысотных террасах и расположился Пантеон, где похоронены великие грузинские писатели и поэты — И. Чавчавадзе, Н. Бараташвили и Г. Табидзе, драматург Д. Эристави и другие. В южной части террасы находится один из четырех сложенных ступенями больших камней черного лабрадора с надписью на грузинском языке: «Акаки». Здесь похоронен любимый поэт грузинского народа А. Церетели. Неподалеку находится могила певца гор Важа Пшавела, а над ней — необработанная каменная глыба, привезенная из его родного района.

В скале на нижней террасе, в маленьком гроте с каменной аркой, видны две могилы. На арке высечена надпись на грузинском языке: «Здесь покоится прах Грибоедова. Воздвигла памятник этот супруга его Нина, дочь поэта Александра Чавчавадзе, в году 1832». Рядом с ним похоронена и его супруга.

В Тбилиси много музеев, но трудно определить, где кончается город и где начинается музей. Художником и бытописателем старого города был Н. Пиросмани. Своеобразие облика Тбилиси во многом определяется его местоположением часть города находится в котловине, окруженной с трех сторон невысокими хребтами и возвышенностями; другая часть расположилась на склонах гор Мтацминда, Таборис-мта, Сололакского хребта и низких отрогах. Исторически Тбилиси, следуя рельефу местности, строился по склонам гор, дома в городе располагались уступами, скученно и плотно примыкая друг к другу. Современники отмечали, что в Старом городе, «не касаясь ногами мостовой, а только поднимаясь и опускаясь с одной крыши на другую, можно было обойти целый квартал и открыть себе вход в любой дом».

Старый Тбилиси многие десятилетия мало менялся в своей планировке. Да и современному городу не хватает места, он вытянулся по долине Куры уже более чем на 30 километров, а его улицы все равно взбегают на склоны и заворачивают за отроги гор. Природный рельеф всегда осложнял градостроительство в Тбилиси, но ему же город обязан и своим неповторимым очарованием. Расположенные террасами кварталы, меняющееся направление улиц, колоритное сочетание природы и архитектуры — все придает Тбилиси красоту совсем особую.

ЗЛАТА ПРАГА

Основательницей Праги считается Либуша — мифическая праматерь чешских князей, имя которой встречается в хрониках летописца Кузьмы, умершего в 1125 году.

Однажды стояла Либуша с мужем своим Пржемыслом, старейшинами и всей дружиной на скалистом утесе высоко над Влтавой. Длинные тени лежали на буйно цветущих лугах, по которым под сводами ольхи, яворов и верб бежал Батич-поток. Роща была залита сиянием заходящего солнца, и последние лучи его освещали золотистым светом буйные нивы.

Все любовались прекрасным урожаем и, глядя на зреющие хлеба, дивились такой благодати. Один из старейшин вспомнил, что представало его глазам много лет назад:

— Какая глушь тут была! Лес да лес, вон как там! — И он махнул рукой на запад — на лесистые горы, раскинувшиеся за светящейся от солнца рекой. — Пока не падут под топором дровосека те дремучие леса, оттуда еще долго будут к нам жаловать в гости голодные волки…

Все затаили дыхание, замерли, боясь шевельнуться, и смотрели на стоящую впереди молодую княгиню. Лицо ее вдруг осветилось священным восторгом, взор запылал, и благоговейный страх объял сердца всей дружины.

Не замечая ни мужа, ни старейшин, вдохновенно простерла Либуша руки в сторону синеющих за рекой холмов и, устремив на лес сверкающий свой взор, возвестила:

— Вижу город великий. До звезд вознесется слава его! Есть в лесу место, в 30 гонах[23] отсюда, в излучине Влтавы. С севера ограждает его поток Брусница, что бежит в глубоком ущелье; на юге — скалистая гора… Там, в лесу, найдете вы человека — он обтесывает порог дома. И назовете вы город, что построите на том месте, Прагой. И как князья и владыки склоняют головы, переступая порог дома, так и будут они кланяться дому моему. Воздадут ему честь и хвалу, и будет слава его велика во всем мире!

Действительно, мало есть городов в Европе, которые при самом своем рождении получили бы в дар такое красивое

месторасположение. Но прежде чем город стал «златой Прагой», прошло много веков.

В Праге одновременно сосуществуют все эпохи и все архитектурные стили — романский, готика, Ренессанс, барокко, модерн, сооружения социалистического времени — и все это цело, потому что всегда бережно сохранялось. Город не разрушали, хотя и несколько раз оккупировали: Прага славна не только героическим сопротивлением, но и пассивным протестом. Недаром нацисты называли чехов «улыбающимися бестиями».

А начиналась Прага на Градчанском холме, где были возведены ее первые древние сооружения. Вероятно, славяне, заселявшие долину Влтавы с незапамятных времен, ставили свои постройки и на других холмах, но Прага начиналась именно тут. В 880-х годах первый, известный по летописям, чешский князь Борживой заложил Град, и доныне служащий резиденцией президента Чехии. Крещеный в Моравии просветителем славян Мефодием, князь Борживой построил на левом берегу Влтавы первую христианскую церковь в честь Пресвятой Девы Марии. До наших дней церковь эта не сохранилась, но и теперь в Праге можно видеть образцы романского стиля, который преобладал в Чехии до середины XIII века. Это ротонды Святого Креста, Святого Мартина, Святого Лонгина, а также церковь Святого Йиржи (Георгия) — самое примечательное из романских зданий города, несмотря на то что один фасад его и переделан в стиле барокко. Словно два белых пальца светятся над Пражским Градом стройные башни этой романской базилики: она была построена еще в 973 году, но свой нынешний вид обрела в 1142 году. От времени собор врос в землю, и подойти к нему можно лишь по ступенькам узкой, затемненной улочки.

В XIII веке на правом берегу Влтавы возникает Старо место (Старый город), сложившееся из небольших дворянских усадеб и купеческих домов. Самым маленьким историческим районом Старого города является Вышеград. По легенде, он был заложен еще до Пражского Града воеводой Краком, преемником праотца Чеха. Однако ученые считают, что на самом деле он появился, вероятно, только в X веке, когда здесь была сооружена деревянная крепость. Впоследствии на Пражском Граде был выстроен замок-резиденция князей Пржемысловичей, но вскоре его затмил другой замок, выросший на

противоположном берегу Влтавы и постепенно ставший центром королевской власти. Вокруг них на холмистой местности были разбросаны небольшие селения, которые сначала жили раздельно, а потом слились.

Через полвека вблизи Пражского кремля появляется еще один город, позже названный Малой страной. В самом начале XIV века у дороги, ведущей к Пражскому Граду, были основаны Градчаны, а при короле Карле IV к ним присоединился Новый город на правом берегу Влтавы. Тем самым к середине XIV века была определена территория исторического ядра Праги, которая потом без изменений существовала внутри городских стен в течение целых шести веков.

В 1784 году эти исторические районы Праги, в течение многих веков остававшиеся самостоятельными, император Иосиф II «собрал» в единый город. У каждого из них к этому времени была уже своя собственная история, ведь Прага принадлежит к древнейшим городам Европы. Уже тысячу лет назад купцы и путешественники рассказывали о нем как о чуде, их восторг вызывали многочисленные каменные дома, раскинувшиеся по обоим берегам Влтавы, и знаменитые базары, полные изделий искусных ремесленников. О каменной красоте Праги говорили еще в середине X века. Так, например, Ибрагим ибн Якуб, посол халифа Кордовы, путешественник и купец, в 965 году отмечал в своем дневнике: «Город Прага построен из камня и известняка и является самым большим рынком славянских земель».

Вторым архитектурным стилем, который расцвел в Праге, была готика. Особенно много готических построек сохранилось в Праге от времен правления короля Карла IV, прославившегося в Европе своим благоразумием и мудростью. При нем был выстроен мост, соединивший берега Влтавы недалеко от Пражского кремля. Карлов мост находился на старинной королевской дороге, по которой король в сопровождении советников и охраны отправлялся от городских ворот к своей резиденции, располагавшейся в Пражском Граде.

Если процессия была особенно пышной, то пражане знали, что происходит что-то весьма важное. Когда вдобавок еще звонили пражские колокола и королевская свита бросала в толпу мелкие монеты, то если это была не коронация, значит, королевская свадьба или крестины наследника престола.

Королевская дорога была самой важной пражской магистралью в XII веке и еще долго после этого. Многие мечтали иметь там дом или мастерскую, небольшую лавку или винный погребок, потому что это было поистине «золотое дно». Чужестранцы оставляли здесь немало монет местной или иностранной чеканки. Достаточно было королю, королеве или кому-нибудь из их приближенных задержать взгляд на разложенных товарах, повелеть что-нибудь показать — уже одно это было великой честью!

Карлов мост пережил века, был свидетелем многих исторических событий, знал времена славы чешского народа и годы его унижения. С тех пор, как он был построен, многое изменилось в Чехии: не раз споры и междоусобные войны разделяли людей одной крови и одного языка, лишь мост оставался неизменно любим всеми на протяжении многих веков.

Из всех пражских мостов Карлов мост самый прочный, потому что, как гласит легенда, при строительстве его в раствор, скрепляющий камни, добавляли яйца.

На шестнадцать могучих пролетов моста и на столько же опор нужно было такое большое количество яиц, что его не нашлось ни в самой Праге, ни в ее окрестностях. И тогда король Карл IV приказал всем чешским городам присылать сырые яйца на постройку моста. И присылали их отовсюду: подъезжали воз за возом, яйца сгружали, тут же разбивали и бросали в раствор. Только недогадливые жители одного города прислали яйца, сваренные вкрутую, и тогда вся Прага смеялась над простаками.

Когда 520-метровый Карлов мост только был построен, на нем не было ни одной скульптуры. Лишь деревянный крест был установлен на выступе, перед которым в древние времена совершались казни. Человек, приговоренный к смерти, у того креста творил свою последнюю молитву. Сейчас на стене, которая соединяет одну из башен моста с монастырем Ордена Святого Креста, со стороны реки можно увидеть вытесанную из камня голову Бородача. Рассказывают, что эта голова изображает первого строителя моста, который приказал высечь на камне свое изображение на вечную память потомкам.

В настоящее время Карлов мост украшен триумфальной аркой и целой галереей скульптур, выполненных в стиле барокко. На одной из опор, за балюстрадой, стоит фигура рыцаря Брунцвика — пражского

юноши, который отправился странствовать и сражаться за справедливость.

В далекой стране он убил дракона и освободил дочь короля, и тот в благодарность предложил рыцарю взять ее в жены. Но Брунцвик отказался, так как в Праге его ждала невеста. Разгневанный король бросил отважного рыцаря в темницу, но выбраться из нее юноше помог волшебный меч, который теперь замурован в кладке моста. Когда Праге будет угрожать враг, меч сам выйдет наружу, острием своим укажет на неприятеля и поведет чехов в бой.

При короле Карле IV было начато и возведение собора Святого Вита — на месте первоначальной ротонды, воздвигнутой в 926 году князем Вацлавом. Своим фасадом собор напоминает Нотр-Дам де Пари. Он строился несколько столетий, работу прерывали войны, моровая язва, но дело переходило от отцов к сыновьям и внукам, и теперь собор Святого Вита является не только самым большим в Праге, но еще и жемчужиной мировой готики.

Пройдя по Карлову мосту, мы достигнем Староместской площади. Улицы, примыкающие к ней, так узки и запутанны, что писатель К. Чапек, неистощимый на выдумки человек, обронил об одной из них: «Улочка до того узкая, что осел едва ли пройдет по ней, если растопырит уши».

На Староместской площади высится и пражская Ратуша со своеобразной башней, увенчанной каменным шлемом. Рассказывают, что когда-то шпили на вершине башни были покрыты золотом и светились лучах заходящего солнца вместе с другими позолоченными пражским башнями. С тех пор и пошло название «Злата Прага». Живший в XI веке ученый Больцано не поленился сосчитать все пражские башни, и тогда их набралось 103, а в нынешней Праге их гораздо больше.

В 1338 году Староместский район получил некоторое самоуправление, в ознаменование чего жители и приступили к строительству Ратуши. Но пражане не бросились строить ее сразу же: они без спешки, рассудительно выбрали в центре города дом, выкупили его у владельца, а позже пристроили к нему готическую башню. Слева к зданию Ратуши в XV веке пристроили еще один дом — тот, у которого над окном расположен герб «Praha regni» («Прага — глава королевства»). Следующий дом в том же ряду городу достался по

наследству: в свое время он принадлежал лавочнику Кржижу, инициатору строительства Вифлеемской часовни, в которой читал свои проповеди магистр Ян Гус. С XIX века к комплексу пражской Ратуши были отнесены еще два дома, расположенные по соседству.

В старой Праге все напоминает о прошедших веках, и неторопливо отсчитывают время знаменитые часы на башне Ратуши, установленные в 1410 году, а потом не раз переделывавшиеся. По легенде, пражане приказали ослепить создателя курантов, мастера Гануша, чтобы ни в каком другом городе он больше не мог создать подобного чуда. Но магистр-звездочет отплатил им за такую черную неблагодарность: он попросил подвести себя к своему творению, твердой рукой прикоснулся к механизму, и часы остановились. Однако это только легенда, хотя часовых дел мастера тоже звали Ганушем.

Часы на пражской Ратуше состоят из трех частей. Верхняя часть — это два окошка, из которых появляются Апостолы. Пока они идут по кругу, в окошках «этажом ниже» Скелет переворачивает песочные часы, звонит в погребальный колокол и кивает Турку, но тот в ответ отрицательно качает головой. Щеголь смотрится в зеркало, Скупой с радостью позвякивает монетами в кошельке, но все это суета — все равно каждого в конце ждет Смерть…

Вторая часть часов — циферблат, который изображает движение небесных тел. Правда, художник исходил из средневекового представления о Вселенной, когда Земля считалась ее центром. Третья часть — это календарный круг со знаками Зодиака и символами 12 месяцев. Каждый день круг поворачивается на один зубчик большого колеса.

Многовековая Прага цела еще и потому, что ее жителей не одолевал пафос переустройства. Огромный Старый город — самый большой в мире — по сути дела остается нетронутым, несмотря на прожитые столетия. Потому, сколько бы вы ни знакомились с чешской столицей, ее никогда нельзя постигнуть до конца. Ни с каким городом мира не связано столько загадочных историй, как с Прагой. Сейчас уже даже неважно, выдуманные это истории или реальные, так как в этом городе мистика всегда была частью обыденного.

А есть еще Прага литературная… Хочешь — не хочешь, а ищешь на тротуарах и улицах города следы героев незабвенного романа Ярослава Гашека о бравом солдате Швейке. Помните историю про

пана Паливца — трактирщика, который угодил в тюрьму за портрет Франца Иосифа? Портрет висел в трактире «У чаши», где его загадили мухи, а пан Паливец — человек осторожный, хоть и сквернослов, возьми да и закинь его на чердак… В трактире «У чаши» любил сиживать и промышлявший собачками Швейк. Всю эту историю можно было бы считать вымыслом Я. Гашека, но вот он — трактир «У чаши»! Стойка, небольшие залы и портреты целых двух Францев Иосифов! Посетители сидят себе, едят и пьют за столами под изображениями сценок из жизни всем знакомых героев, и кто скажет, что Швейк не живет рядом с нами?! Роман Я. Гашека пронизан Прагой; если выписать из него названия всех улиц и площадей, парков и пригородов, дворцов, домов и т.д., то получится своеобразный путеводитель по городу.

Стобашенная Прага, Прага музыкальная, «злата Прага»… Кто хоть раз видел Градчаны или Золотую улочку, на которой в средние века жили ювелиры и алхимики, кто бродил по древним площадям и улицам чешской столицы, тот никогда ее не забудет. Поднявшись на Ратушу, даже сами пражане не могут сдержать восхищенного вздоха: Старый город лежит не вдали, не в дымке, а рядом. Разбегаются в стороны его улицы-колодцы, до бесчисленных башен, кажется, можно дотянуться рукой; а кругом, на сколько хватит глаз, волны красно-бурой черепицы, и потому никакими словами не передать неповторимого очарования Праги. Рассказывают, что чешского патриота Юлиуса Фучика фашисты перед казнью долго возили по пражским площадям и улицам, потому что Прага — это город, которым искушается сердце человеческое…

БРЮССЕЛЬ

Зарождение бельгийской столицы — города Брюсселя — относится к VIII веку. Город возник благодаря своему чрезвычайно выгодному географическому местоположению на древних транспортных путях, которые соединяли северную часть Европы с Францией, Германией и другими странами. Уже к X веку Брюссель становится одним из главных городов княжества Брабант, а еще через четыре века, когда город перешел во владение герцогов Бургундских, он превратился в крупнейший торговый центр с богатым купечеством, аристократической верхушкой и патрициатом.

Брюссель во многом не похож на другие столицы мира. Ему более 1000 лет, и около 800 из них он находился под иноземным владычеством бургундских герцогов, императоров Австрии и Испании, Наполеона Бонапарта, голландцев и немцев. И каждый новый хозяин стремился насадить в городе свои порядки и обычаи. Но будучи столько веков в подчинении, Брюссель встал над центрами империй, которые когда-то им правили, и сделался столицей европейского государства. Более того, именно здесь размещаются штаб-квартиры многих международных организаций, например, Европейского союза, НАТО и других.

За свою долгую и бурную историю Брюссель не раз подвергался разрушениям со стороны многочисленных завоевателей. В конце XVII века, например, армия французского короля Людовика XIV уничтожила исторический центр, и сейчас во многом утрачен традиционный облик средневекового города — города мастеров-ремесленников и торговых гильдий. Потом была снесена часть «самого брюссельского квартала» Маролль, где сейчас возвышается Дворец правосудия. А совсем недавно, меньше полувека назад, был разрушен построенный в начале XX века Дворец народа — лучшее творение архитектора Виктора Хорта, основоположника стиля «модерн» в архитектуре.

Нынешний Брюссель живописно раскинулся на обширной равнине, одна сторона которой несколько приподнята на юго-восток.

Это обстоятельство и обусловило разделение Брюсселя на верхний и нижний город, между которыми расположилась его центральная часть.

Главное место, куда устремляется всякий приехавший в бельгийскую столицу, — это Гранд-Плас, то есть Большая площадь, которая на самом деле невелика. Однако трудно представить Брюссель без этой площади со средневековым ансамблем окружающих ее зданий. Вид нарядных фасадов старинных зданий с большим количеством статуй, стрельчатых окон, устремленных в небо остроконечных башен, узорчатых карнизов, длинных коридоров, дверей с замысловатой резьбой настолько необычен, что путешественнику трудно сразу сосредоточиться на чем-то одном: пышное сочетание готики и барокко сразу очаровывает своей величавой красотой.

На Гранд-Плас, высятся старинные здания и среди них знаменитая городская ратуша, которая строилась на протяжении нескольких веков. Знаменита она еще и тем, что ее центральный вход несколько смещен, так как из-за ошибки архитектора он расположен не на оси башни.

На Гранд-Плас расположился и «Дом короля» — элегантное, точно сотканное из тончайших каменных кружев здание, покоящееся на десяти колоннах. Это готическое строение возникло из другого здания, находившегося здесь еще в XIII веке и известного в исторических хрониках под названием «Хлебный дом». В XV веке «Дом короля» подвергся большой реконструкции, а в XVI веке королем Карлом V вновь был переделан, причем весьма значительно. Некоторое время в этом дворце жили правители Брабанта, и потому его называли «Домом герцогов». Позднее дворец переименовали в «Дом короля», хотя ни один король в нем никогда не жил.

Сейчас в «Доме короля» разместился Городской музей, посвященный истории Брюсселя. В его залах представлена подробная экспозиция развития города со времени его основания. Множество моделей, планов и карт дают посетителям полное представление о том, как развивалась столица Бельгии. Со стен свисают знамена ремесленных корпораций, под стеклом витрин выставлены редкие документы, принадлежавшие виднейшим людям страны, создававшим ее историю и строившим город. В последние десятилетия два раза в год Гранд-Плас превращается в ковер из бегоний, хотя в старину в

Брюсселе не выкладывали цветочных ковров: на центральной площади в основном сжигали еретиков или рубили головы бунтовщикам. Увлеченный тропическими растениями, завезенными в Европу в середине XIX века, Стаутеманс решил сделать им рекламу. В 1950-х годах он создал цветочные ковры в нескольких маленьких городах Фландрии и во французском городе Лилле. В 1971 году он покорил брюссельскую Гранд-Плас, и с тех пор 700000 корней бегонии с плантаций под Гентом привозятся в Брюссель и за несколько часов выкладываются поверх брусчатки прямоугольником 77х24 метра. Такой ковер украшает главную площадь бельгийской столицы в течение трех дней, так как в бегонии много воды, и она без труда может продержаться этот. срок Считается, что сегодняшние «цветочные ковры» берут свое начало от того ковра, который разостлали верноподданные горожане испанскому королю Карлу V — уроженцу Фландрии.

В 1549 году Брюссель устроил торжественную встречу Карлу V, и сейчас в городе ежегодно с большой пышностью проходит праздничное шествие «Омеганг» — воспроизведение той блестящей церемонии. Много часов продолжается торжество, в котором участвуют сотни людей и лошадей. При проведении празднества сохранены все атрибуты той эпохи, а многие знатные фамилии Фландрии и Брабанта представлены потомками, которые из поколения в поколение передают свои исторические традиции. Их дети начинают «придворными пажами», а потом вырастают в «баронов» и «герцогов». В Брюсселе вам покажут мостовые, по которым ходил Карл V; алтари, у которых он преклонял колени, и таверны, в которых он якобы любил повеселиться.

Рядом с Гранд-Плас, за углом, под темной колоннадой расположился барельеф лежащей святой. Некогда несчастные матери, которые из-за бедности сами не могли вырастить своих детей, клали новорожденных младенцев в специальный ящик, устроенный под свечой. Через отверстие с другой стороны детей забирали монашки. Сейчас медная рука святой натерта до ослепительного блеска, так как ее гладят все, кто хочет исцелиться от какой-нибудь болезни.

Особое положение приобрел в жизни Брюсселя, да и всей Бельгии, знаменитый «Маннекен пис», которого бельгийцы любовно называют «старейшим гражданином столицы». «Писающий мальчик»

— это небольшой фонтан, огороженный решеткой. На каменном возвышении в соответствующей позе стоит 2—3-летний бронзовый мальчик в натуральную величину. Существует множество легенд о его происхождении. Одна из них, например, повествует о шалуне, который был застигнут врасплох феей, когда писал на крыльце ее дома. В наказание разгневанная фея превратила его в камень.

Другое предание рассказывает, что фигура «Писающего мальчика» изображает маленького сына герцога Готфрида Брабантского и была изваяна в 1619 году знаменитым бельгийским скульптором Ж. Дюкесноем. А сюжет статуи родился благодаря следующему эпизоду.

Во время борьбы герцога с восставшими вассалами удача отвернулась от правителя, и победа стала склоняться на сторону противника. В самый критический момент сражения солдаты вдруг услышали крики слуги, что в люльке сына герцога, который сопровождал отца в походе, приключилась обыкновенная детская беда. С громким смехом солдаты стали повторять: «Маннекен пис! Маннекен пис!», и это событие воодушевило упавшее было духом войско, солдаты бросились в атаку и выиграли сражение. В память об этом событии герцоги Брабантские и построили знаменитый фонтан.

Нынешняя скульптура «Маннекен пис» высотой 61 сантиметр была изготовлена в XIX веке, но установлена она на месте древних изваяний, которые стояли тут издавна. «Писающий мальчик» пользуется всеобщей любовью, и по большим праздникам его одевают в нарядные костюмы. Ему преподносят в подарок национальные одежды, всевозможные костюмы и мундиры, и это уже давно стало традицией. По преданию, первый костюм «Писающему мальчику» прислал в 1698 году курфюрст Баварский, а через 50 лет французский король Людовик XV подарил ему наряд из золотой парчи.

В Городском музее выставлено более 100 копий «Маннекен пис», одетых в самые разнообразные костюмы. Тут и одежда французских революционеров, мундир придворного времен Наполеона Бонапарта, перья индейского вождя, форма американского полицейского. Есть среди них и русская национальная одежда. В залах музея хранятся и поднесенные «Маннекен пис» подарки, а также посвященная ему литература: об истории «Маннекен пис» писали многие бельгийские ученые и даже психологи.

«Писающий мальчик», который знаменит гораздо больше, чем любой другой памятник, награжден и многими орденами. В частности, высшим бельгийским орденом, который был дан ему «за гордое и пренебрежительное отношение к врагу, выразившееся в его независимой позе».

Среди старинных зданий, расположившихся на Гранд-Плас, внимание туристов неизменно привлекает «Дом портных и Виктора Гюго»: в этом доме французский писатель жил после того, как его изгнал из Франции Наполеон III. По существу это даже не один дом, а целый комплекс домов: в среднем из них, наверху которого стоит бронзовая женщина, протянувшая руку к площади, и жил великий француз.

В главе 35-й бессмертного романа Ш. де Костера «Легенда о Тиле Уленшпигеле» есть такие строки:

«Три дня спустя вошел он в богатое село Уккле, под Брюсселем. Возле гостиницы „Охотничий Рог“ его остановил дивный запах жаркого».

Сейчас Уккле стало одним из пригородов Брюсселя, и здесь к одному из старинных каменных зданий, немало повидавшему на своем веку, примыкает средневекового вида постройка из красного кирпича. В ней и размещается небольшой ресторанчик «Охотничий Рог» — тот самый, где Тиль Уленшпигель накормил нищих слепцов за счет уккальского священника.

В бельгийской столице есть места, связанные и с Россией. В 1929 году Н.М. Котляревский — личный секретарь барона П.Н. Врангеля, живший тогда в Брюсселе, решил начать строительство храма во имя Иова Многострадального. А кроме того, храм возводился, чтобы не забылась память о царственных мучениках и всех верных «белому делу».

Особая художественная комиссия, в которую входили академик живописи И.Я. Билибин, академик архитектуры Н.П. Краснов и другие выдающиеся деятели русской культуры, из 60 древнерусских памятников выбрала в качестве прообраза нового храма придел церкви в Остроге. Как гласит старинное предание, эту церковь во второй половине XVI века выстроил царь Иван Грозный во имя преображения Господня. Три шатра церкви были богато украшены восходящими кверху ярусами кокошников.

Торжественная закладка русской церкви в Брюсселе состоялась 20 января (2 февраля) 1936 года, но вскоре строительные работы прервала Вторая мировая война, и освящение храма состоялось только в 1950 году. Рядом с храмом была выстроена шатровая колокольня с колоколами «малинового звона». Во внутреннем убранстве церкви прежде всего привлекают внимание памятные доски, которые содержат имена 144 архиереев (претерпевших мученичество) и имена вождей «белого движения», указаны на них также названия полков, кадетских корпусов и т.д. — всех тех, кто «помнит и чтит светлое прошлое родной земли».

По некоторым свидетельствам, в храме хранятся уникальные реликвии, принадлежавшие членам расстрелянной царской семьи: крест и найденные в Коптяковском лесу иконки и кольцо, Библия цесаревича Алексея, образ Святого Иоанна Крестителя, находившийся в Ипатьевском доме, а также погон государя-императора и его полушубок…

ЧИЧЕН-ИЦА — ГОРОД ГОРОДОВ МАЙЯ

На востоке было царство Красного Чака — оттуда приходило багряное палящее светило; на севере царствовал Белый Чак — его ледяное дыхание приносило снега и дожди; Черный Чак жил на западе, где над песчаными пустынями чернели горы; а на юге, где желтели саванны и колыхалось пестрое разнотравье джунглей, правил Желтый Чак. А между царствами богов лежала страна народа майя. Со всех сторон слетались к благодатной земле майя Чаки, шумя ливнями и грохоча грозами. Наклоняли они гигантские кувшины с водой, с небес сходила радуга, и вечно юный бог кукурузы и владыка лесов Юм-Кааш начинал прорастать зелеными побегами.

Так говорится в одной из легенд майя. Много было у них красивых легенд, не меньше, чем красивых городов с красивыми названиями — Паленке, Тикаль, Ушмаль, Чичен-Ица… В этих городах возводились каменные дворцы, украшенные резными узорами, ступенчатые пирамиды с храмами Солнца на верхних площадках, астрономические обсерватории, стадионы для игры в мяч, каменные арены театров.

Название майяского города Чичен-Ица означает буквально «рот колодца, пасть». В середине V века племя ица нашло на этом месте сенот (естественный колодец) и обосновалось вокруг него.

До X века Чичен-Ица был богатым и красивым городом, одним из важнейших центров цивилизации майя, во многом загадочной еще и сегодня. В городе процветали искусства и ремесла, в храмах совершались пышные многодневные мистерии, часто с человеческими жертвоприношениями. В 692 году индейское племя ица по какой-то причине покинуло свой главный центр, уже тогда величественный и прекрасный. С их уходом все здания и храмы пришли в запустение.

В IX веке на полуостров Юкатан пришло племя тольтеков: они подчинили себе значительную часть государства майя, захватили город Чичен-Ица и сделали его своей новой столицей. По всей вероятности, майя и тольтеки не воевали друг с другом, слияние их было мирным. Тольтеки приняли язык майя, их достижения в астрономии и

математике, научились у них возделывать землю. Сами они принесли новые порядки, вместе с ними пришли и новые боги. Майя переняли у тольтеков искусство возводить круглые здания, похожие на небольшие башни обсерваторий, начали поклоняться их богу. Ученые не исключают, что Чичен-Ица был столицей изгнанного из Тулы верховного бога-вождя Топильцина-Кецалькоатля, который у майя был известен под именем Кукулькана. Для этого бога была построена пирамида «Кастильо», возведенная на развалинах более древнего сооружения. Господствующая над всей окружающей местностью, пирамида представляет собой 9-ярусное сооружение с лестницами на всех четырех сторонах: каждая лестница состоит из 91 ступени.

Своим симметричным расположением, строгой ориентированностью по сторонам света и числом ступеней лестницы символизируют времена года, месяцы и дни. В дни весеннего и осеннего равноденствия здесь можно было наблюдать, как лучи солнца падают на камни пирамиды таким образом, что Пернатый змей-Кукулькан, голова и хвост которого были высечены соответственно на вершине и в основании пирамиды, словно оживает и, извиваясь, начинает выползать из храма.

Тольтекский правитель Пернатый змей прежде всего приказал построить в побежденном майяском городе святилище бога Кецаля, имя которого он носил. Завоевавшие Мексику испанцы назвали этот архитектурный памятник «Караколь» («Улитка»), так как морская раковина (улитка) была одним из обычных атрибутов Кецаля — повелителя ветров.

Цилиндрическую форму в Мексике имели только святилища Пернатого змея. Но майя связали эту постройку не только с богом Кецалем, но и со своим календарем. Здание, первоначально круглое, впоследствии обнесли террасой: над первым этажом Караколя строители возвели второй этаж, тоже круглый, но значительно меньших размеров. В стенах верхнего этажа проделали четыре квадратных отверстия, и в центре надстройки, таким образом, была создана обсерватория, откуда жрецы наблюдали за небесными светилами.

Звездочеты майя пользовались в Караколе двойным календарем, а следовательно, и двойной системой счета Когда в Чичен-Ица вступил Пернатый змей, к этой системе прибавился и третий календарь, в

котором продолжительность года определялась временем обращения Венеры — 584 дня. Индейские астрономы, которые искали во взаимоотношениях светил абсолютный порядок, быстро нашли соотношение между «гражданским» годом майя и годом планеты Венеры.

На расстоянии трех полетов стрелы от центра Чичен-Ица располагался «Колодец смерти», в котором жил Юм-Чак — бог дождя и влаги. Сенот майя считали священным: рек вокруг не было, и вдруг на этом месте известняковая порода провалилась и появилась вода. Под ней исчезли кусты и деревья, только белые стены колодца среди пышной зелени джунглей, как зубы бога Юм-Чака, требовали жертв. Если бог будет гневаться, то все на земле погибнет: деревья, птицы, звери. Без дождя все сгорит, и тогда погибнут сами люди; останутся только высокие горы и бездонное небо. Чтобы бог Юм-Чак проявил милость, ему нужны самые красивые девушки, которых он ждет на дне Священного колодца.[24]

Неподалеку от священного сенота высился «Дом черных письмен», названный так по изображению майяского жреца, которое находится в центральном помещении: фигуру жреца украшает венок из рисованных черной краской майяских иероглифов. Кроме черных письмен, стены этого здания имеют красные оттиски человеческих рук, какие нельзя увидеть ни в каком другом месте. Чешский ученый М. Стингл отмечал, что их могли оставить строители «Дома черных письмен», который производит впечатление незаконченной постройки, покинутой раньше срока. В среднюю часть здания ведет широкая лестница, однако до возведения следующего этажа очередь так и не дошла; кроме того, из 18 помещений «Дома черных письмен» рельефами украшено только одно.

В результате завоеваний тольтеков сложилась смешанная майя-тольтекская культура, просуществовавшая несколько столетий. Для архитектуры того времени были характерны внушительных размеров храмы, сложенные из рыхлого известняка. Храмы стояли на массивных основаниях-платформах, богато украшались барельефами и настенной росписью. Таким был и «Храм воинов», построенный в честь тольтекских воинов, чьи образы воспроизводят большинство колонн этого храмового комплекса. Вход в храм стерегут изображения бога, который привел воинственных тольтеков в Чичен-Ица: это две

высокие колонны в виде Пернатого змея. «Храм воинов» был украшен множеством фресок с изображениями на мифологические, исторические и даже бытовые сюжеты, но особенно часто встречаются здесь образы ягуара и орла.

В «Храм воинов» вел когда-то просторный зал с колоннами. Бесчисленные колонны, изображающие тольтекских воинов, стоят и сегодня, только без крыши. Здесь была обнаружена и мужская фигура, изображенная в несколько необычной позе: полулежа, приподнявшись на локтях, с высоко поднятой головой. Каменный истукан, переживший храм и город, смотрит так же горделиво и насмешливо, как и 1000 лет назад. Это Чак-Мооль — божество воинственного племени тольтеков: он держит в руках большое блюдо, в котором, возможно, когда-то возжигали священный огонь или клали в него подношения богам.

«Храм воинов» раскопал американский ученый Эрл Моррис, который и установил, что в фундаменте храма замуровано еще более древнее святилище. Он пробил стены внешнего храма и внутри него нашел точно такой же храм, только меньших размеров. А на внутренних стенах обоих храмов Э. Моррис увидел прекрасные фрески, изображающие героические подвиги воинов Пернатого змея при завоевании Юкатана.

СВЕТЛЕЙШАЯ ВЕНЕЦИЯ

Венеция, пожалуй, единственный на земле город, без особых изменений сохранившийся на протяжении последних 500 лет. Окажись сейчас здесь Тициан, один из самых знаменитых ее граждан, он смог бы легко ориентироваться в городе. И площадь Святого Марка, и чудесные дворцы и храмы, и многочисленные каналы, и даже многие улицы с их магазинами и лавками — те же, какими они были в 1566 году.

Поезд въезжает в Венецию по огромному виадуку, который покоится на 222 пролетах. Только этот виадук и параллельно идущий с ним автомобильный мост связывают город с берегом. Венеция расположена на 118 островах, ее прорезают 175 каналов, самый большой из которых так и назван — «Большой канал»: его длина — около 3 километров, а ширина — около 50 метров. Автомобильная дорога упирается в небольшую площадь Рима, на которую выходят фасады многоэтажный гаражей — очень длинных и высоких зданий с широкими окнами. Площадь Рима является своего рода воротами в Венецию: миновав ее, вы можете передвигаться только по воде.

На Большом канале всегда царит оживление: плывут огромные моторные и весельные баржи с товарами, утлые лодочки, роскошные моторные лодки, какие-то парусные суденышки, курсируют маленькие пароходики. И, конечно, гондолы. Их происхождение относится еще к XI веку, но с тех пор они мало изменились. Всегда легкие и изящные, в дни чумы 1630 года гондолы были выкрашены в черный цвет и сохранили его до сегодняшних дней. С зазубренным металлическим украшением на носу и гребцом с одним веслом на корме, они отличаются друг от друга только величиной и большей или меньшей роскошью отделки. Когда-то в них катались галантные кавалеры и таинственные дамы в полумасках, а красавец-гондольер распевал любовные песни.

По Большому каналу плывешь словно по музейной галерее. Гондола скользит под знаменитым мостом Риальто — самым красивым в Венеции; мимо Золотого дома, получившего это название за обилие

украшений на своем фасаде; мимо дворца Вендромин, в котором в 1883 году скончался великий композитор Рихард Вагнер…

По обе стороны Большого канала тянутся старинные здания, о стены которых плещется вода. Двери некоторых из них расположены прямо над водой и открываются так, что выйти из дома можно только в гондолу. Лишь иногда между дверью и водой располагается маленькая площадка или несколько ступенек.

Мост Риальто возвели в XVI веке. Когда смотришь на него издали, кажется, будто через канал перекинута мраморная глыба с выдолбленным сводом (внизу) и нишами (наверху). Вблизи эти ниши оказываются ювелирными магазинами, которые занимают чуть ли не весь мост, оставляя для движения лишь узкий проход.

А начиналась Венеция в конце V века, когда жители из северной Адриатики и Падуи, спасаясь от нашествия гуннов во время великого переселения народов, заселили небольшие островки обширной лагуны. Жизнь обитателей этих мест была в те времена достаточно сурова. Прежде всего необходимо было обеспечить себя твердой землей, на которой можно было бы возводить долговременные здания. Значит, надо было осушать озера, гатить болота, настойчиво и терпеливо отвоевывать у моря участки суши, возводить насыпи и прокладывать каналы.

Чтобы построить дома, переселенцы заостряли верхушки срубленных деревьев и вгоняли их в зыбкую почву. Лесов в ту пору здесь было много, так что нужды в дереве переселенцы не испытывали. Так были созданы свайные фундаменты, на которых построены почти все здания Венеции. Например, церковь Санта-Мария делла Салюте, возведенная в память об избавлении города от чумы, стоит на 1500 таких свай. До сих пор могучий лес вогнанных в землю стволов держит на себе весь город, не давая ему погрузиться в лагуну.

Географическое местоположение Венеции тоже было очень выгодным, и уже в IX веке город стал торговым посредником между Западом и Востоком, что способствовало его политическому росту и экономическому обогащению. Громадные выгоды извлекала Венеция и из крестовых походов: она захватила много земель, получила ряд привилегий и еще больше распространила свое торговое влияние. Вначале Венеция зависела от Падуи, потом входила в состав

Византийской империи, а с конца X века стала самостоятельным государством. Так небольшая группа островов лагуны выросла в обширную и могущественную державу.

Куда бы вы ни шли в Венеции, какой бы маршрут ни избрали, вы всегда попадете на площадь Святого Марка — единственную площадь в городе. Здесь же расположены самые знаменитые достопримечательности Венеции, и, как жемчужина в роскошной оправе, встает собор Святого Марка.

Первоначально небесным покровителем города считался Святой Федор, но к IX веку этот византийский святой сменился латинским Святым Марком. Тогда же появилась и легенда по поводу этой перемены.

Возвращаясь из Аквилеи, где он проповедовал христианскую веру, Святой Марк был застигнут бурей и остановился на одном из островов лагуны. Во сне ему явился ангел и возвестил, что здесь он обретет покой. Святой Марк принял мученическую смерть в Александрии, где и был погребен. Отсюда его тело тайно вывезли два венецианских купца, объявив таможенникам, что они везут солонину.

Слова Божьего ангела «Мир тебе, Марк, евангелист мой!» впоследствии были начертаны на штандарте Венецианской республики. В 828 году священную реликвию доставили в Венецию. За несколько лет среди монастырских садов венецианцы построили собор своему новому святому. Через 150 лет первоначальное здание собора сгорело от пожара, который перекинулся сюда от резиденции дожей. Предание рассказывает, что при этом пропали и святые останки евангелиста Марка. Вскоре храм был восстановлен с некоторыми добавлениями, но через 100 лет его заменили совсем новым зданием.

История современного собора Святого Марка восходит к XI веку, когда в своих основных частях храм был уже завершен. Новый собор надо было освятить, и незадолго до этого дня власти Венецианской республики объявили о всеобщем посте. Был устроен молебен, чтобы с Божьей помощью отыскать пропавшие мощи своего святого. Вот тогда-то и произошло чудо.

Когда процессия во главе с дожем медленно двигалась по собору, у одной из колонн воссиял свет: в ней рассыпалась каменная кладка, и из отверстия показалась рука с золотым кольцом на среднем пальце. В то же мгновение по всему собору разлился чудесный аромат. Ни у кого

не возникло сомнения, что воистину нашлось тело Святого Марка, и все вознесли хвалу Господу за столь дивное возвращение исчезнувшего святого.

Строительство собора продолжалось еще несколько столетий, и каждое поколение венецианцев вносило что-то новое в облик собора, украшало и обогащало его. Из всех подвластных Венеции стран сюда свозились поистине сказочные сокровища. Из вестибюля, расписанного величайшими художниками, посетитель попадает во внутреннюю часть собора, в глубине которого находится Золотой алтарь[25]; за ним помещается картина на темы святой жизни, подаренная когда-то собору венецианскими аристократами. Картина выгравирована из золота, которого пошло 35 килограммов, и украшена 2500 драгоценными камнями.

На другом конце площади Святого Марка расположена кампанилла — 100-метровая колокольня собора. С ее верхней площадки открывается восхитительный вид на Венецию, прилегающие острова и море. Площадь перед собором обрамлена длинными зданиями Старых и Новых прокураций — древних административных учреждений Венецианской республики. На площади Святого Марка находится и самое грандиозное здание Венеции — Дворец дожей, который тоже строился и украшался несколько столетий. Трудами многих талантливейших умов и рук был создан этот ни с чем не сравнимый архитектурный памятник. Как бы в насмешку над всеми законами архитектуры массивная верхняя часть дворца покоится на легких ажурных арках. При первом взгляде на Дворец дожей кажется, что это здание опрокинуто фундаментом вверх и крышей вниз: два этажа колонн внизу и сплошная стена наверху.

Дворец Дожей производит совершенно особое впечатление. Может быть, оно вызывается тем, что дворец не был крепостью, так как в Венеции не существовало обычных для средневековой Европы крепких замков. Здесь море служило защитой, а вместо фортов у республики был великолепный флот, потому в архитектуре дворца с самого начала присутствовали декоративность и легкость.

В непосредственной близости от Дворца дожей стоит здание знаменитой тюрьмы Карчери, окутанное страшными легендами и преданиями, в которых переплелись вымысел и реальность. Когда-то в одной из ее камер добровольно провел ночь английский поэт Д.Г.

Байрон, чтобы пережить ощущения, которые испытывает узник. Здание тюрьмы с Дворцом дожей соединено мостом Вздохов: сквозь его зарешеченные окна осужденные, прощаясь со свободой, бросали последний взгляд на море, солнце и небо… Иногда по нему проводили приговоренных к казни.

А снаружи мост Вздохов даже приветлив. Он повис над узким каналом, упершись концами в стены дворца и тюрьмы. В настоящее время многочисленные туристы могут полюбоваться отсюда видом лагуны, а по вечерам из проплывающих под мостом гондол слышатся звуки гитары и пение…

Венеция представляется каким-то таинственным, сказочным городом — золотым, голубым и розовым; городом дворцов и храмов, слепящего солнца и бархатной ночи, наполненным чудными песнями гондольеров, шелестом волн и ароматом моря. Это город, в котором воедино сливались роскошь и преступления, где бродили закутанные в плащи кавалеры, а преступники исчезали в молчаливых водах каналов.

Венеция прекрасна днем, она полна очарования и ночью… Здесь камни пахнут морем и каждое здание города — это живая история. Здесь столько фресок и картин, скульптур и мозаики, что город давно уже превратился в огромный музей. Сквозь века пронесла Венеция благородство своего облика и неповторимую красоту… В XIX веке писатель Ф. Грильпарцер в своих путевых заметках писал: «Тот, кто, стоя на площади Святого Марка, не чувствует, что его сердце бьется сильнее, может похоронить себя».

Но в начале 1960-х годов появилось сообщение, которое потрясло всю Венецию. Город медленно погружается в море — на 2, 5 миллиметра в год; уже на 13 сантиметров погрузилась в воду статуя Кампо Сан-Стефано, находящаяся в центре Венеции. Понижение уровня островов привело к тому, что морские приливы стали вмешиваться в жизнь Венеции. Когда с моря дуют сильные ветры, вода остается в лагуне; наступает прилив, и площадь Святого Марка превращается в соленое озеро. Движение по каналам тогда прекращается, так как гондолы не могут пройти под низкими мостами. Море затопляет первые этажи домов и вливается в магазины.

Специалисты считают, что в Венеции половина из 200 дворцов нуждается в срочном ремонте, а десятая часть всех домов уже просто в безнадежном состоянии. Несколько лет назад подводные археологи,

работавшие в венецианской лагуне, искали средневековые корабли, а нашли квартал древнеримского портового города. Они подняли несколько архитектурных фрагментов, но особенно ценным оказалось то, что поднять было нельзя, — остатки мола. Сооружение, построенное 2100 лет, состояло из дугообразных каменных стен длиною по 150 метров. Они превосходно защищали город от высоких приливов. Если нарастить эти стены, то сейчас Венеция была бы надежно защищена от затоплений. Однако такого проекта нет, и «Жемчужина Адриатики», как когда-то называли Венецию, страдает от наступления морской стихии.

НА УЛИЦАХ ЛХАСЫ

Англичанин Д. Уолтер, посетивший в конце XIX века столицу Тибета, так описывал священный город ламаистов Лхасу.

«Перед нами внезапно открылась долина, казавшаяся широким озером полей и рощ; Красный дворец великого ламы, точно маленькое сияющее пятно, увенчивал конический холм Потала Края долины поднимались, образуя скалистые горные иглы. На самых высоких и крутых утесах поднимались монастыри, похожие на замки».

Тибет не одно столетие оставался страной, запретной для иностранцев. Более того, Тибет был для многих не реальным местом на земле, а неким загадочным и таинственным мифом. На протяжении многих веков эта страна являлась «терра инкогнита» и для отдаленных от нее государств, и даже для соседних народов.

Недоступность Лхасы во многом зависела от непроходимости естественных преград, от положения Тибета за высочайшими горами мира. Но не только природа стояла на страже этой страны: в средние века государство упорно исповедовало закрытость страны, особенно по отношению к европейцам, «несшим на священную землю скверну». По пальцам можно пересчитать китайских монахов, посетивших этот далекий центр северного буддизма, католических священников-миссионеров, отправлявшихся в Лхасу; индийских лазутчиков, пробиравшихся туда под видом купцов и паломников и собиравших для англичан сведения о Тибете; путешественников-авантюристов и путешественников-ученых, которые сгорали от страсти достичь недостижимое и изведать неизведанное. Но Тибет и Лхаса оставались недоступными для европейских путешественников и случайных пришельцев.

Сменив европейский костюм на одежду мусульман, пытался проникнуть в Тибет доктор Муркрофт, но был зарезан. В 1885 году британский полковник Таннер начал пересечение Западного Тибета со стороны Гималаев, но под угрозами властей вынужден был повернуть обратно, так и не достигнув Лхасы.

Кара ожидала и тех, кто оказывал помощь пришельцам. В 1881 году сюда сумел попасть индиец Сарат Чандра Дас, которому помог

первый министр Панчен-ламы. Правительство Тибета узнало об этом случае только через год, когда Чандра Дас уже благополучно отбыл на родину, но кара была устрашающей. Министр Панчен-ламы был публично наказан палками, а затем умерщвлен с запретом перерождаться в дальнейшем. Его родные и близкие были осуждены на пожизненное заключение, а все их имущество было конфисковано.

Монахи монастыря Сэра, предоставившие ночлег другому путешественнику — переодетому паломником японцу, были посажены в тюрьму. Но предварительно им выкололи глаза за проявленную беспечность. Даже прославленный русский путешественник Н.М. Пржевальский, снискавший мировую известность, не достиг Лхасы и вынужден был отказаться от своей мечты. В конце XIX века он писал, что Тибет представляет «обширную неведомую площадь, какая не сыщется не только во всей необъятной Азии, но даже на всей нашей планете. Если отдельные части страны на юге кое-где, урывками, исследованы, то вся северная часть этого гигантского нагорья является неведомой землей, которая… известна менее, чем видимая поверхность спутника нашей планеты».

Более счастливым оказалось путешествие в Тибет бурята Г. Цыбикова: он был допущен в священную Лхасу, осматривал главные святыни «страны небожителей», изучал богослужения, быт и искусство жителей Тибета. Г. Цыбиков привез в Санкт-Петербург 333 старинные книги — трактаты по медицине, философии, истории и тибетской грамматике.

Официально «двери» Тибета начали открываться сравнительно недавно, когда иностранцы получили возможность, купив разрешение, проехать в Лхасу, возникновение которой предание относит к VII веку. Произошло это во время правления Сонцзэнгампо, который сначала царствовал в древней столице Тибета, а потом перебрался в местечко Раса, где и начал возводить новую столицу.

Существует предание, что до 640 года вся Лхаса была озером, в котором обитал священный дракон. В этом году Сонцзэнгампо, поддавшись уговорам своей непальской жены, решил построить буддистский храм. Вместе с ней он пошел к озеру и бросил в него кольцо, чтобы найти счастливое место для храма. Кольцо упало на середину озера, откуда тотчас выдвинулся священный чортен. После этого Сонцзэнгампо и его народ наполнили озеро камнями, и на этом

водном основании явилась Лхаса. В память о священном драконе в главном храме Лхасы поставлена часовенка, рядом с которой установлена большая каменная плита. Плита эта служит преградой, замыкающей ключи озера, во второй месяц каждого года камень поднимают с таинственными ритуалами, при этом слышится страшный вой ветра. Дракону бросают драгоценные приношения, чтобы он не рассердился и не поднял воды, которые могут поглотить священную Лхасу.

До конца VIII века город назывался «Раса» («Огороженное место»), что указывает на существование здесь укрепленного поселения еще до правления Сонцзэнгампо. А название «Лхаса» (в переводе с тибетского «Земля богов») город получил благодаря статуям Будды Шакьямуни, привезенным в Тибет двумя женами Сонцзэнгампо — из Китая и Непала.

В западной части Лхасы возвышается высокая продолговатая скала, на вершине которой возведена Потала — Дворец второго кормчего, который в течение последних трех веков служил резиденцией Далай-ламы — теократического правителя Тибета. Вход в Поталу представляет собой гигантскую каменную арку верхняя часть ее закрыта грубым шерстяным занавесом, а по бокам спускаются две огромные кисти из тигровых шкур — символ монастырской власти. На одной из стен Поталы представлена карта Тибета, на которой изображено расположение всех монастырей, существовавших при Далай-ламе V.

Под мрачные своды Поталы никогда не проникает дневной свет. Только трепетное пламя масляных светильников в руках монахов выхватывает из темноты ступени узкой лестницы и стены с изображенными на них воинами — охранителями Поталы. За толстыми стенами галереи Красного дворца скрыты усыпальницы Далай-лам: только на сооружение гробницы Далай-ламы XIII пошло несколько тонн чистого золота. В зале, где покоится Далай-лама XIII, галереи расположены в три этажа, а соединены они почти вертикальными деревянными лестницами с перилами, до блеска отполированными от частых прикосновений.[26] В центре полутемного зала вырисовываются контуры 20-метровой башни, сделанной из листового золота. Из него же выполнены стоящие кругом огромные

лампады, которые больше похожи на купели: в каждую из них помещается 2—3 пуда ячьего масла.

Самым большим и самым священным храмом Лхасы и всего Тибета является Джукханг (Дом господина), возведенный Сонцзэнгампо для хранения буддийских святынь. Святилище Будды, расположенное на площади Бако, так тесно окружено домами, что издали рассмотреть его просто невозможно. Ноги паломников, приходящих к Джуконгу уже многие века, проделали глубокие желобки в каменных плитах, ведущих к храму Еще больше их углубили головы и руки преклоняющихся богомольцев.

На площади перед храмом стоят три больших медных котла для чая, каждый примерно около трех метров в диаметре и около одного метра в глубину. По праздникам, когда на площади совершаются религиозные церемонии, в них заваривается чай для тысяч монахов. В прежние времена китайские императоры ежегодно присылали ламам сотни тонн чая в качестве субсидии. Чай — излюбленный напиток тибетцев, недаром старинная поговорка гласит: «Нет жизни, если нет чая».

Главный вход в храм Джукханг, обращенный на запад (в отличие от всех других тибетских храмов, ворота которых выходят на юг), украшен известными буддийскими символами — золоченым «колесом жизни» и двумя оленями. На крыше главного храмового здания расположились 4 золоченые часовни, посвященные Будде Шакьямуни, Бодхисаттве Авалокитешваре, Будде будущего Майтреи и правителю Сонцзэнгампо.

Главная святыня Джукханга — статуя Будды Шакьямуни, изображающая его в 16-летнем возрасте, когда он был еще юным царевичем у себя дома в Капилавасту. Статуя сидящего Будды размером приблизительно с человека. Будда сидит у восточной стороны храма на троне под балдахином, а перед ним на низком и длинном столике день и ночь горят золотые светильники с маслом.

В левом притворе храма стоят статуи китайской принцессы Вэнь Чэн и Сонцзэнгампо, а в боковом зале — статуя основателя храма Цзонхавы. В храме находятся статуи и других божеств, например, Пэл-Лхамо — покровительницы женщин. Перед ней обычно совершаются возлияния ячменным вином и разбрасываются ячменные зерна. Это привело к появлению в храме множества мышей, которые снуют по

алтарю и складкам платья статуи. Но в храме с ними никто не борется, так как у благочестивых паломников они считаются перевоплощением душ умерших монахов и монахинь.

От созерцания храма Джукханг создается впечатление, будто вы перенеслись в совершенно иной мир. Непрерывно течет поток паломников-тибетцев, словно все население Тибета собралось на улице, кольцом охватывающей храм. Богомольцы одной рукой перебирают четки, другой крутят молитвенные колеса — металлический барабан на короткой палочке, к которой на цепочке прикреплен противовес, облегчающий вращение.

Всегда тесно и на маленьком молитвенном дворике. Как только освобождается место, паломники тотчас садятся, сразу же разуваются и связывают себе ноги под коленями. Затем, расстелив перед собой кусок ткани или шкуры, они берут в руки деревянные бруски, перехваченные ремнем наподобие половой щетки, и начинают священный ритуал: встают на колени, а затем, опираясь на руки, скользят вперед, пока не распластаются на каменных плитах, отполированных миллионами богомольцев. Неторопливо и методично бьют поклоны тибетцы — мужчины и женщины, старые и молодые, старухи с промасленными волосами и одетые в джинсы юноши и девушки…

Возраст монастырских стен исчисляется столетиями, но здесь же на площади можно увидеть и то, чего жители Лхасы не знали еще несколько десятилетий назад. Это — здание Народного банка, а чуть дальше — Дом государственной торговой компании.

Сейчас Тибет, а точнее, два его города — Лхаса и Шигацзе — стали открытыми для иностранного туризма. Поэтому здесь ведется интенсивное строительство, которое все больше набирает темпы. Улицы тибетской столицы сделались пестрыми и шумными, временами они напоминают восточный базар, где трудно сразу определить, кого больше — продавцов или покупателей. Почти в каждом доме расположилась лавка: в нижнем этаже торгует хозяин дома, а на втором и третьем — жилые помещения с обязательными цветами на окнах.

В крошечных лавках не хватает места, и тогда товары выносятся на улицу: иногда над палатками натягивают белые тенты или ставят зонты. И когда жаркое полуденное солнце освещает бесконечный

поток людей, а ветер надувает белые полотнища тентов, кажется, что перед вами уже и не улица, а полноводная река, по которой плывут десятки парусных лодок.

Названия главных площадей и улиц Лхасы связаны с торговлей: центральная площадь именуется «Бако» — «Торговая», вторая по величине улица города называется «Вайдуйсика» — «Базарная» и т.д. На базаре Лхасы можно увидеть изделия всех ремесел Тибета и все, что привозят издалека караванщики. Ковры из Гьянцзе, кинжалы из Дэге, отороченные мехом шапки, седла с серебряным набором, невыделанные звериные шкуры… Здесь в одной лавке можно приобрести все, начиная от швейной иголки и кончая седлом, будильником, кастрюлей или ковром.

Прямо на мостовой разложили свой немудрящий товар торговцы, сбывающие паломникам разноцветные платки, пояса и другие предметы одежды. Иностранным туристам предлагают бронзовые колокола и кубки, статуэтки будд, старинные монеты, серебряные ящички для амулетов, молитвенные колеса и другие вещи. Встречаются в Лхасе и непальцы, торгующие индийскими благовониями.

Сотни звуков сливаются в незатихающем гуле толпы, идут жаркие споры покупателей с продавцами: ведь купить, не поторговавшись, просто неприлично. Звенит серебро, так как всю выручку торговец считает, проверяя каждую монету ударом о камень.

К ароматному запаху ритуальных свечей, которые жжет продавец благовоний, примешивается резкий запах прогорклого ячьего масла, которое перед продажей месяцами выдерживается в кожаных мешках.

Еще в 1960-х годах на улицах Лхасы можно было встретить девушек с лицами, вымазанными грязью. Когда-то, чтобы оградить монахов от искушения, в Тибете был издан указ, разрешавшей женщине выходить на улицу только вот с таким лицом. Прошло несколько столетий, и правило настолько вошло в обиход, что стало привычкой.

В последние десятилетия стала знаменита на весь мир тибетская медицина. Стены Мынцзикана, школы тибетской медицины и астрологии, завешаны пожелтевшими от времени рисунками: одни изображают строение человеческого тела и его органов, другие показывают причины различных болезней, третьи обозначают удобные

для иглоукалывания или кровопускания места. Эти старинные рисунки были главным учебным пособием в Мынцзикане, по ним училось не одно поколение тибетских врачей.

Мынцзикана была основана при Далай-ламе V, в год Огня и Дракона. Из монастырей всего Тибета присылают сюда наиболее способных молодых людей, которые в течение 12—15 лет изучают медицину и практикуются в лечении болезней. Сильно упрощая, скажем, что в основе тибетской медицины лежит идея о пяти первоэлементах (или стихиях), из которых состоит все живое, в том числе и человек: металл, дерево, вода, огонь и земля. Всякая болезнь происходит оттого, что их равновесие в организме человека нарушается. Врач должен искать избыток или недостаток какого-либо элемента и, зная взаимодействие стихий, устранять его.

Аптека Мынцзикана представляет собой настоящий музей, по экспонатам которого можно изучать флору, фауну и минералогию Тибета. Чего только нет в сотнях ящичков, из которых состоят стены аптеки! Тибетская медицина насчитывает около 6000 видов лекарств, которые подразделяются на восемь основных категорий. К первой категории относятся 64 вида лекарств, приготовленных из камней; затем следуют лекарства, созданные из почв, трав, цветов, коры деревьев и т.д.

Нелегок путь учения для того, кто решил посвятить себя изучению тибетской медицины. Почти 9 лет уходит на то, чтобы выучить Дюши — медицинский канон. В распоряжении тибетских врачей нет ни рентгена, ни анализов, даже термометра нет. Пульс человека, цвет его лица, глаз и языка — вот единственные признаки, по которым выпускник Мынцзикана должен распознать около 400 заболеваний, а опытный врач — до тысячи. Главное, с помощью чего тибетский врач заглядывает в организм больного, — это пульс человека. Многовековой практикой определены 26 мест на теле человека, где пульс может больше всего рассказать врачу. Слушать его — примерно в течение получаса — предпочтительнее на заре. Частоту пульса врач меряет своим дыханием: 5 ударов на один вдох считается нормальным, а вот по отклонениям от этой нормы тибетские медики и судят о здоровье человека…

ЛИССАБОН — СТОЛИЦА НА КРАЮ ЕВРОПЫ

Первые впечатления от Португалии могут быть самыми противоречивыми, все зависит от того, где начинается ваше знакомство с ней. Тот, кто прибывает в Португалию на пароходе, неожиданно попадает в красочное средневековье. При подходе к Лиссабону с борта судна открывается вереница живописных прибрежных городков и курортных поселков, крутые холмы, красные черепичные крыши, купола и высоченный стальной мост через широкую реку Тежу. Из окна электрички или автомобиля видишь прилепившиеся к самому берегу старые крепости. Самой изящной по архитектуре и самой знаменитой из них является Беленская башня. Белен — это португальское произношение Вифлеема. Набожные португальцы, давая крепости это название, оказались правы, именно здесь на рубеже XV—XVI веков рождалось могущество Португалии, здесь же возносилась и слава создателям империи. В XV веке Великие географические открытия вывели Лиссабон на новый исторический рубеж. В начале июля 1497 года напротив деревни Белен на якоре стояли четыре судна. Сотни людей пришли проводить отважных моряков, отправлявшихся в долгое и опасное путешествие. Так начиналось беспримерное плавание португальских мореходов к берегам Индии, открытие морского пути к ней и вывело Лиссабон в число первых городов Европы.

Беленская башня — один из самых элегантных лиссабонских памятников XVI века. Она была сооружена по приказу короля Мануэла I, но в то время называлась крепостью Святого Висенти у Белена. Башню построили на острове, и смотревшим на нее казалось, что она стоит на воде. Потом река Тежу в этом месте изменила свое русло, подавшись на юг вода ушла, и башня оказалась на берегу. По своему прямому назначению башня, как крепость, никогда не использовалась. Лишь иногда она становилась тюрьмой, куда заточали государственных преступников.

Неподалеку от башни расположился монастырь иеронимитов Жеронимуш, который когда-то стоял на самом берегу реки, у гавани

Рештелу, откуда и отправлялись в свои знаменитые плавания португальские каравеллы. Сначала на месте монастыря стояла небольшая часовня Энрике Мореплавателя. С именем этого португальского принца и связано начало Великих географических открытий Португалии. Однако сам он, вопреки прозвищу, никуда не плавал, но он создал морскую школу в Сагреше, в которую со всей Европы собрал лучших знатоков морского дела, и вообще всячески поощрял развитие мореходства. Так что не случайно именно в этой часовне Васко да Гама молился перед отплытием в Индию. В ней же через два года король Мануэл встречал его и после славного возвращения из похода.

Эпоха короля Мануэла I была периодом расцвета во всех областях деятельности. Даже урожаи тогда, по свидетельствам современников, были самыми высокими, а Лиссабон по роскоши своей превзошел все остальные европейские столицы. До 2000 кораблей, нагруженных драгоценностями, шелками, пряностями и черными невольниками, ежегодно причаливали к устью Тежу.

Возведение монастыря якобы было задумано в честь открытия морского пути в Индию, однако буллу на возведение монастыря король Мануэл I получил от римского папы в 1496 году — за год до отплытия Васко да Гамы. И тем не менее успех экспедиции оказал существенное влияние на то, каким монастырь стал впоследствии.

За счет поступающих сокровищ королевская казна Португалии получила огромные суммы, которые тратила на сооружение дворцов, монастырей и храмов. С притоком заморских сокровищ король Мануэл внес в проект будущего монастыря существенные изменения, не считаясь ни с какими затратами. Монастырь иеронимитов возводился почти 200 лет, за это время в его строительстве участвовали многие зодчие, отсюда и сочетание разных стилей в его архитектуре.

Триумфальный храм монастыря одновременно является и пантеоном: в нем покоятся бренные останки португальских королей и королев, принцев и принцесс. Здесь можно увидеть саркофаг Васко да Гамы, а напротив — саркофаг величайшего португальского поэта Луиса де Камоэнса. Но его саркофаг пуст; поэт умер от чумы и похоронен в неизвестном массовом захоронении. Иногда, правда, упоминается и другая версия: во время землетрясения 1755 года

саркофаг поэта раскололся, и прах величайшего певца морской славы Португалии ветром разнесло во все стороны.

В соборе есть и памятник королю Себаштиану — человеку судьбы необыкновенной и во многом таинственной. В 1578 году король Себаштиан двинулся в Марокко — крестовым походом против мавров. Однако войска его были наголову разбиты, и только 60 из 18000 солдат его армии вернулись на родину. Сам король пропал без вести, не оставив после себя наследников. Это событие сильно подорвало могущество португальской империи, и власть в стране захватил испанский король Филипп II. Но пропавшего в марокканских песках короля Себаштиана в самой Португалии не считали погибшим: его даже объявили «желанным», до сих пор ждут и уверены, что он вернется.

Португальцы гордятся своей историей, и в Лиссабоне на каждом шагу встречаются памятники былого имперского величия страны: огромные соборы и парадные монументы королям, главная площадь города называется «Праса-ду-Комерсия». И разве может быть иначе в стране, которая долгое время жила морской торговлей? По названиям лиссабонских улиц можно восстановить едва ли не всю историю географических открытий.

Неподалеку от Беленской башни стоит грандиозный монумент Первооткрывателям, выполненный из гранита. На фоне высокого и тонкого каменного корабельного паруса выделяются ступеньки, по которым цепочкой поднимается группа рыцарей, капитанов, ученых и монахов. Они направляются к носу корабля, где стоит Энрике Мореплаватель, держащий в руке модель каравеллы и указывающий путь в неизведанные морские просторы.

Возле монумента всегда много туристов, которые хотят запечатлеть себя на фото на том месте, откуда Васко да Гама отправился открывать морской путь в Индию. Под памятником, прямо посреди площади, раскинулась огромная мозаичная карта Земли, на которой отмеченные имена и даты указывают открытия, сделанные португальцами по всему миру. А с высокого противоположного берега на Лиссабон взирает колоссальный белый Христос, возведенный на народные пожертвования в 1962 году.

С историей Лиссабона можно познакомиться и в городском музее, который разместился во дворце Митра, раньше принадлежавшем

епископу. В музее развернута экспозиция, рассказывающая об истории города с XVI века до наших дней. Один из музеев Лиссабона специально посвящен каретам. В нем собрана интересная коллекция, в которой представлены и пять карет XVII века. Все они роскошно отделаны, внутри обиты бархатом и шелком с вышивкой.

Появление в Лиссабоне в XIV веке карет обострило транспортную проблему города, так как улицы его не были приспособлены для таких средств передвижения. Во всей столице не было ни одной улицы, достаточно широкой, чтобы по ней могли разъехаться две кареты. Неизбежно возникали заторы, а вместе с ними и бурные споры, так как никто не хотел уступать дорогу и пятиться назад. В Лиссабоне было даже издано несколько указов: в одном, например, говорилось, «что спорящие по поводу того, кто имеет большее право на проезд по улице, будут подвергаться аресту». Для нарушителей указа вводился штраф — 2000 крузадуш, а в случае неуплаты виновного отправляли в далекую Бразилию.

В XVI веке центр Лиссабона представлял собой лабиринт бесчисленных улочек, переулков и тупиков. Они были настолько узки, что с полным основанием их можно назвать щелями. Улица «Оуривесариа да Прата» (серебряных дел мастеров) столь узка, что по ней не могло пройти вьючное животное.

В XVII веке Лиссабон насчитывал 70000 жителей, но общественного транспорта в городе не было, а личным служили паланкины. Паланкин знатного человека несли двое слуг, а сбоку шел третий: он помогал хозяину залезать в паланкин и вылезать из него, а также разгонял толпу. У знатной дамы эскорт выглядел еще солиднее: кроме двух слуг, ее сопровождали еще трое, одетые в черные костюмы и восседавшие на лошадях.

Уличное освещение появилось в Лиссабоне в последнее десятилетие XVII века. Тогда король Педру II издал указ, согласно которому улицы в португальской столице ночью должны были освещаться, «чтобы, как это имеет место при дворах монархов других государств, граждане города имели возможность передвигаться с большими удобствами и с большей безопасностью».

Несмотря на скученность улиц, к середине XVIII века Лиссабон, утопающий в апельсиновых рощах, считался одним из красивейших и процветающих городов Европы. Город богател, в довольстве жили его

граждане, которые были ревностными католиками. Самыми красивыми зданиями в городе считались королевский дворец и опера. Кроме того, в Лиссабоне возводилось множество храмов. Жители с гордостью любовались на дело рук своих и свято исполняли все религиозные обряды, к которым готовились заранее — пышно и торжественно.

Так было и 1 ноября 1755 года, когда лиссабонцы собирались отметить один из традиционных католических праздников — День всех святых. Улицы были празднично украшены, над городом плыл торжественный перезвон колоколов… Все соборы португальской столицы широко распахнули свои двери, а после богослужения верующие намеревались пройти шествием по улицам своего города. Все было готово к торжественному моменту, но… шествие не состоялось.

Ранним утром без каких-либо признаков надвигающейся катастрофы город неожиданно вздрогнул от землетрясения. Лиссабон, будто погребальным саваном, накрыла огромная свинцово-серая туча: вслед за первыми двумя подземными ударами последовал третий, который и довершил начатое разрушение.

Из 20000 домов, которые тогда были в Лиссабоне, более или менее уцелело только 3000. В центре города сохранились часть королевского дворца и здание оперы, только почернели от огня и копоти. Все церкви и храмы, служебные и жилые здания, которые не разрушили подземные толчки, оказались объяты разбушевавшимся пожаром. Многие жители, надеявшиеся переждать землетрясение в домах, сгорели заживо.

После случившейся катастрофы над Лиссабоном еще долго вились черные дымы пожарищ. Всюду плавали вырванные с корнем деревья, остатки мебели, домашний скарб, трупы людей и животных. Катастрофа была страшной, и Лиссабон надо было отстраивать заново. Город возродили, но и сегодня в архитектурном облике Лиссабона можно найти множество следов той страшной истории, которую пережила португальская столица.

АНТВЕРПЕН

Антверпен — старинный бельгийский город, о котором в летописях упоминается уже в VII веке. Поэтому история его, как пишет М. Герман в своем исследовании о городах Фландрии, началась задолго до того, как образовалось бельгийское государство, которому нет еще и двух веков.

В течение своей долгой истории Антверпен захватывался норманнами и германскими императорами, но Фландрия всегда возвращала себе знаменитый город и порт. Всемирная торговая слава пришла к нему в XVI—XVII веках, когда европейские купцы стали отправлять в Индию и Новый свет свои корабли.

А начинался Антверпен с замка, который сейчас, как и многие другие знаменитые и старинные сооружения города, обходится без собственного имени его называют просто Замок (по-фламандски — Стен). Он был первой крепостью на реке Шельда, берега которой в те времена были пусты, низки и болотисты. Только дома норманнов свидетельствовали о том, что здесь заложен город. Историки предполагают, что, может быть, и Замок был заложен норманнами, однако достраивали его уже к X веку.

Для того времени это была грозная крепость с могучими стенами и высоким, неприступным донжоном. Некогда Замок принадлежал Готфриду Буйонскому — знаменитому вождю первого крестового похода, позднее он стал резиденцией городского самоуправления, а во времена испанского владычества здесь размещалась инквизиция. Это были мрачные страницы в истории Стена[27], когда каждого, заподозренного в ереси, неповиновении властям или вольнодумстве, ждали пытки и почти всегда один конец — костер-аутодафе («акт веры»). В XIX веке былое архитектурное благородство Замка несколько подпортили пристройки в стиле ложной готики.

Другие старинные здания Антверпена тоже мало что сохранили от своего первоначального облика и обросли архитектурными наслоениями разных эпох — порой изысканными, а иногда просто грубыми. Архитектурный облик Антверпена в основном определил XVI век — век великого П.П. Рубенса. О городе часто говорят как о

«родине Рубенса». Здесь, на Зеленой площади в центре города, стоит сегодня бронзовый Рубенс, приветливо встречая прохожих. Великий фламандский художник изображен в просторной блузе-безрукавке, в шароварах и сапогах, у ног его лежит палитра с красками.

Кто бы ни прошел по площади, всякий приветствует гениального фламандца поклоном или дружеским жестом. Здесь Рубенс — хозяин, он царит здесь, встречает гостей, сопровождая их по площадям, аллеям и бульварам Антверпена. Здесь долгое время летними вечерами, по средам и субботам, давались концерты в честь великого художника. Горожане бережно сохраняют домик своего прославленного земляка, построенный в стиле итальянского Возрождения; в настоящее время в нем восстановлена мастерская художника. Она захватывает, конечно, не своей подлинностью, а возможностью воочию представить себе обстановку, в которой создавал свои шедевры великий мастер.

В XVI веке в Антверпене был возведен и прославленный готический собор Богоматери, так как Дева Мария издавна считалась покровительницей города. На месте собора некогда стояла маленькая часовенка, в которой хранилась главная святыня Антверпена — статуя Богородицы. Нынешний собор был заложен еще в 1352 году неким мастером Жаном Амелем, который отдал этому сооружению 40 лет жизни. Но он умер, так и не увидев собор возведенным хотя бы на четверть, и завещал свое дело сыну Петеру.

Антверпенский собор рос неторопливо, будто в медлительности этой видел свое будущее величие. Башня собора, которая сейчас видна еще издали, к началу XVI века поднималась над еще маленьким и приземистым Антверпеном, поражая самих жителей и всех путешественников своей высотой и дивным звоном 40 колоколов. Немецкий художник А. Дюрер, побывавший в Антверпене в те времена, когда завершалось строительство собора, писал: «Церковь Богоматери в Анторфе чрезвычайно велика, настолько, что там одновременно поют много служб, и они не сбивают друг друга. И там постоянно происходят роскошные празднования, и приглашают лучших музыкантов, каких только можно достать».

Антверпенский собор Богоматери украшает немало картин П.П. Рубенса, но особое место в нем, да и в творчестве самого художника,

занимает полотно «Снятие с креста», которое является частью триптиха (в него входят еще картины «Распятие» и «Вознесение»).

Легендарное прошлое Антверпена живет в реликвиях то трогательных, то величественных, а иногда и просто забавных. Одним из старейших памятников, посвященных основанию города, является знаменитый фонтан, расположенный на булыжной площади перед городской ратушей. Фонтан, автором которого традиционно называют К. Массейса, изображает композицию, как русалки поднимают юношу, держащего отрезанную руку поверженного рядом человека. Ажурное железное плетение увенчано фигуркой Брабо — легендарного героя, с которого и принято отсчитывать историю города.

В незапамятные времена на месте Антверпена стоял замок кровожадного великана Друона Антигона, обложившего окрестных жителей и мореходов, проплывавших по реке Шельде, огромной данью. Тем, кто отказывался платить, он отрубал руку. Но однажды нашелся смелый юноша Сальвий Брабо, который сам отрубил руку великану и забросил ее в реку. С тех пор возникший здесь город и получил название Антверпена.[28]

О древности Антверпена говорит и причудливое сплетение его старинных улиц. Ратушную площадь, например, окружают неправдоподобно узкие и очень высокие дома (в 5—6 этажей) со стрельчатыми окнами, аркадами и тонкими высокими колоннами. Все эти здания принадлежат средневековью, и названия их словно взяты из рыцарских баллад: «Дом большого арбалета», «Дом старых весов» и т.д. В «Доме старых весов» долгое время размещался цех живописцев (гильдия Святого Луки), и сюда, вероятно, нередко заглядывал П.П. Рубенс.

Чудом сохранились в Антверпене рядом с сияющими витринами почти микроскопические лавки, некогда принадлежавшие ювелирам, колбасникам, мясникам… На улице Мясников высится возведенное по чертежам Г. ван Вагемакера здание Скотобойни. Просторный и гулкий зал ее нижнего этажа, с его каменным полом и высоко поднятыми окнами, отвечал своему прямому назначению, а тонкое переплетение нервюр сводов бесстрастно взирало на разделку мясных туш. Здание Скотобойни стало символом и свидетельством процветания богатейшей гильдии, чем немало гордились ее члены.

Но назначение Скотобойни не исчерпывалось только продажей мяса, так как на верхних этажах ее размещались помещения для деловых заседаний и праздничных торжеств. В настоящее время здесь расположился Музей истории, археологии и прикладных искусств, среди экспонатов которого собрана богатая коллекция оружия.

Старый Антверпен невелик и весь уместился на правом берегу Шельды: раньше он был окружен стенами, на месте которых теперь тянутся роскошные бульвары — Итальянский, Французский, Английский и Американский. От них к реке тянется площадь Меир, больше похожая на длинную и широкую улицу, в которую со всех сторон вливаются узкие улочки. Площадь Меир занята не магазинами, конторами и банками, а патрицианскими особняками, и получается, что дом П.П. Рубенса находился чуть ли не самой окраине Антверпена.

На площади Меир разместился особняк, который по традиции называется «Королевским домом» — изящная и простая постройка в стиле Людовика XV. Архитектор Баурсшейдт выстроил этот отель для богатого и знатного горожанина Яна Сустерна в 1745 году, и с тех пор это невысокое 2-этажное здание стало лучшим украшением площади. Английская королева Виктория, Наполеон Бонапарт и Мария-Луиза, будучи в Антверпене, останавливались именно в этой гостинице, что весьма льстило городским монархистам.

Новый Антверпен — это просторные улицы, расположившиеся между светлыми многоэтажными зданиями. Здания красивы и удобны, но… они могли бы разместиться в любом городе Европы. В них мало старинной души Антверпена, и потому они отступили на другой берег Шельды, которая разделяет город на две части. Над рекой нет мостов, и разъединенные половинки Амстердама могут показаться оторванными друг от друга. Однако глубоко под Шельдой проложены прекрасные широкие туннели: это удобно для автомашин, а большим судам не мешает подходить к антверпенским причалам.

ДЕЛИ

Немного найдется на земле столиц, которые имели бы столь богатую историю, как Дели. Основанный задолго до нашей эры, город преграждал путь в плодородные районы Индии многочисленным захватчикам, которые, преодолев Хайберский перевал, врывались на плоскогорье через узкий коридор между непроходимыми песками пустыни Тар и неприступными Гималаями. Мало что осталось от Дели с тех далеких времен, ведь город семь раз разрушали до основания, но семь раз он вновь возрождался.

История Дели уходит в глубь веков — во времена правления героических царей «Махабхараты» Индийцы непоколебимо уверены, что еще в XIII—XII веках до нашей эры герои этого эпоса — пять братьев Пандавов — основали на берегах реки Джамны дивный город Индрапрастху.

Украшенный рвом, напоминающим море, и обнесенный стеною, простирающейся вверх до самых небес; светлый, как белые облака или лучи месяца, блистал этот прекрасный город… С большими, хорошо распланированными улицами, избавленный от превратностей судьбы, красующийся белыми великолепными зданиями, город Индрапрастха выглядел подобно царству Индры…

Много раз упоминается в поэме этот город, и по ряду указаний можно предположить, что его место на берегу Джамны соответствует местоположению нынешней индийской столицы До сих пор на территории средневековой крепости. Пурана-кила, на одном и том же месте, из века в век отстраивается небольшой храм, известный как «храм царицы Кунти» — матери эпических Пандавов. Со всей Индии стекаются сюда паломники, чтобы почтить память женщины, взрастившей пятерых героев.

То теряясь в безвестности, то вновь возникая в преданиях и исторических хрониках, жил город Индрапрастха, хотя порой он и превращался просто в поселок. В период процветания империи Гупта (IV—VI вв.) область Индрапрастхи, как и все соседние районы, входила в состав этой империи. С тех пор и известна всему миру Железная колонна высотой 6 метров и диаметром 40 сантиметров,

поставленная в городе в V веке. Железо, из которого сделана колонна, настолько свободно от примесей, что не поддается коррозии, до сих пор на ней нет ни единого пятнышка ржавчины.

Расположенная на окраине Дели, рядом с храмом Кутб-Минар, со 100-метровой высоты его минарета колонна кажется черной спичкой. На высоте человеческой груди колонна блестит, настолько отполировали ее ладони паломников, а бока колонны испещрены строчками двух аккуратных надписей. История рассказывает, что 900 лет назад в Дели правил мудрый царь Ананг Пал. При нем расцветали ремесла и искусства, ему были подвластны звери и птицы. Этот царь и приказал отлить колонну из чистого железа и поставить ее на голову змеи, которая закопана в землю.

Все было сделано, как повелел царь. Но через много лет один из его потомков не поверил рассказу о змее и приказал подвинуть колонну, чтобы проверить, действительно ли в земле есть змея. Однако за свое неверие царевич был наказан — династия, основанная Ананг Палом, рухнула.

Первая надпись на колонне обозначает имя Ананг Пала и даты его правления; вторая надпись сделана знаками, которые использовали в древнеиндийском царстве Гуптов, таким образом ученые и установили, что возраст колонны — более 1500 лет.

Царь Ананг Пал только перевез колонну в Дели, но к созданию ее не имел никакого отношения. Ко времени ее создания металлургия Индии была уже на такой высоте, что железо употреблялось даже для изготовления плугов. И все равно науку до сих пор продолжает интересовать вопрос, как древним мастерам удалось добиться такой чистоты железа? Этому изумляются даже в самой Индии. «До сих пор мы не научились делать ничего подобного. Неужели в прошлом люди знали секрет, который потом был утерян?»

В VI — начале VII века город Индрапрастха входил в царство Пушпабхути, но столицей его он не был. Однако как один из торговых городов на Джамне и как древний центр индуизма он не терял в этой империи значения, основанного на величии своего эпического прошлого.

Когда раджпутские князья из рода Томар укрепили свои политические позиции, они основали на Джамне свое царство, отстроили на месте Индрапрастхи другой город и назвали его

«Дхиллика», который со временем превратился в Дхилли, затем в Дехли (или Дели). Собственно, с 736 года и берет свое начало нынешнее название индийской столицы.

Раджпутские князья воздвигали в своих княжествах индуистские храмы, украшали их множеством колонн, скульптурами и фризами, изображающими целые сцены из древних мифов. В южной части современного Дели сохранились остатки обширного комплекса, в котором 480 каменных колонн с фигурными капителями составляли галереи 30 храмов. Здесь частично уцелело и искусственное озеро Сураджкунд, название которого обычно переводится как «пруд солнца». К этому озеру люди приходили, чтобы совершить ритуальные омовения и поклониться солнцу.

Резкий поворот в судьбе Дели произошел, когда раджпутские князья были побеждены афганским правителем Мухаммедом Гури. В 1206 году город стал столицей Делийского султаната — первого индийского государства, управлявшегося мусульманами. Его основал Кутб-уд-дин — военачальник и наместник Мухаммеда Гури; о времени его правления которого напоминает величественный минарет Кутб-Минар, ажурная резьба которого напоминает неразгаданные письмена.

Весь облик Дели с этого времени стал заметно меняться. Официальной религией в новом государстве был объявлен ислам, и новые правители начали активно возводить дворцы, мечети и мавзолеи, украшая их каменным кружевом, четким геометрическим орнаментом и причудливым плетением арабской вязи. Все меньше становилось в Дели зданий с традиционными для индуизма пластическими изображениями богов и людей, исчезли из силуэта города шикхары — ступенчатые или выпукло-конические башенные крыши индуистских храмов. Вместо них стали прорисовываться круглые купола мечетей, над которыми стремительно возносился к небу полумесяц.

Правители Делийского султаната предпринимали дальние походы, из которых возвращались с богатой добычей. Рассказывают, что правитель Гияс-уд-дин сливал в озеро Сураджкунд расплавленное золото, награбленное его солдатами.

Многое повидали на своем веку старые Делийские ворота, которые серой громадой возвышаются над оживленными улицами города. Страшный удар обрушился на город в конце XIV века, когда

войска Тимура предали его огню и мечу, истребляя жителей и складывая из их голов пирамиды. Но и на этот раз Дели восстал из пепла…

На троне сменялись мусульманские правители, но все они воздвигали вокруг города мощные крепости, чтобы отражать нападения врагов. Тогда и была построена знаменитая Пурана-кила, которую окружали стены высотой до 20 метров.

В Делийском султанате изменился и быт людей. Многие жители Дели приняли ислам и стали соблюдать законы шариата.

В 1526 году на севере Индии создается государство Великих Моголов. Первые правители этой династии — умные политики и воины-владыки Бабур, Хумаюн, Акбар, Джахангир, Шах-Джахан — остались в истории индийской культуры и памяти народной как покровители искусств и наук.

Во времена Акбара и его сына Джахангира Дели оставался провинциальным городом, хотя строительство в нем и велось. Например, из розового песчаника был возведен великолепный мавзолей Хумаюна — ансамбль сооружений, составляющий единое целое с парком. Акбар отличался веротерпимостью и привлекал в столичные города художников и музыкантов, поэтов и зодчих, при нем даже возобновилось строительство индуистских храмов.

Дели вновь стал столицей в 1638 году, когда Шах-Джахан перевел сюда свою резиденцию из Агры. Среди многих достопримечательностей Дели выделяется мечеть Джама Масджид, в которой хранятся священные реликвии: Коран, написанный рукой Мухаммеда, волос из его бороды, отпечаток на мраморе ступни пророка и остаток его сандалии, усыпанный лепестками роз.

Когда в 1739 году войска персидского властелина Надир-шаха вошли в Дели, богатство этого города их просто ошеломило. Красота и роскошь могольских дворцов поразили воинов иранского шаха, и позднее они рассказывали, что стены и двери царских покоев украшали золотые таньга, яхонты, изумруды, рубины, алмазы и хризолиты. Даже крыши дворцов покрывали золотые монеты и сияли они так, что были видны на расстоянии в несколько километров. Историк Мухаммад Казин, не в силах сдержать своего восторга, писал:

Сады и дворцы — настоящий Ирам.
Портреты красавиц видны тут и там.
Дворцовые стены лазурью блестят,
Как в райском саду, что построил Шаддад.
Средь золота, красок, цветов и картин
Рассыпаны жемчуг, алмаз и рубин.

Дели был разграблен, а его жители стали жертвами разбоя и насилия, которые учинило войско Надир-шаха. Воины персидского правителя возвращались домой с богатой добычей, а от некогда цветущего Дели остались лишь дымящиеся руины. Через 40 лет в городе побывал Гулям-Мухаммад, который в своих путевых заметках отмечал: «Нашел город опустевшим, однако даже в таком состоянии он превосходит многие другие столичные города».

…Как и большинство восточных городов, Дели четко делится на две части: старую, сформировавшуюся еще во времена Великих Моголов, и новую, заложенную англичанами в 1911 году. Англичане вошли в Дели, когда город переживал тяжелые дни. Бесконечные войны подорвали жизнь многих индийских городов, в них замерла торговля, резко сократилось ремесленное производство, лишились работы золотых дел мастера, остановились станки прядильщиков, прекратилась выделка шелка. Бедность и нищета стали уделом тысяч простых людей, оставшихся без заработка и средств к существованию.

И все же Дели продолжал жить. Возводя Новый Дели возле старого города, англичане развернули строительство в таких грандиозных масштабах, каких не знали не только в Индии, но, пожалуй, и в градостроительстве самой Великобритании. Возводимая новая столица должна была стать символом незыблемости и могущества британской колониальной империи, поэтому она застраивалась по заранее намеченному плану. Однако по иронии судьбы британское владычество в Индии рухнуло через 16 лет после завершения строительства Нью-Дели.

Новый город утопает в зелени цветущих садов, аллей и парков, в их тени прячутся красивые виллы, дворцы и коттеджи — здания, которые возводились для английских аристократов и крупных индийских чиновников. В Нью-Дели находится и грандиозный по

размерам храмовый комплекс Лакшми Нарайяе, возведенный в 1938 году на средства индийского магната Бирлы. На парковой территории, среди зеленых насаждений, декоративных каналов и бассейнов раскинулись затейливые постройки и скульптурные изваяния. Среди них возвышается главное святилище с шикхарами — башенными завершениями в индоарийском стиле.

В Раджхад — большом парке Дели — похоронены Махатма Ганди, Джавархал Неру и другие выдающиеся люди Индии. Здесь, чего невозможно представить на русском кладбище, индусы по утрам делают зарядку, устраивают пробежки, и это вовсе не считается непочтительностью.

Могила Махатмы Ганди находится посреди большого газона, по краям которого растут деревья. Газон окружен четырехугольным земляным валом, покрытым травой. По этому валу и совершают утренние пробежки индусы — вокруг вечного огня, который оказывается под ними как бы в углублении.

Древнейшим знаком почтения к усопшим в Индии является обход вокруг надгробия. Этот ритуал индусы совершают, войдя через единственные в земляном валу (покатом снаружи и отвесном, как стена, внутри) ворота и пройдя по выложенной каменными плитами дорожке к центру газона, где на высоком надгробии из черного мрамора горит огонь. Под ним на мраморе высечен единственный слог «Рам», означающий благословение. Когда террорист смертельно ранил Махатму Ганди, тот сложил пальцы в мудре благословения и произнес этот слог.

Мемориал Джавахарлала Неру разместился в «доме у трех ликов», в котором некогда находилась резиденция английского главнокомандующего. Сам Д. Неру говорил, что лучший способ почтить память человека — это попытаться понять его идеи, а потом воплотить их в жизнь.

СТОКГОЛЬМ, ПЛЫВУЩИЙ ПО ВОЛНАМ

Шведская столица взору туристов открывается зелено-багровыми шпилями церквей, дворцов и редкими модернистскими небоскребами. Стокгольм расположился на островах и полуостровах, и куда в этом городе ни пойдешь — повсюду выйдешь к морю. В Старом городе стрельчатые колокольни церквей и фасады дворцов отражаются в голубом водном зеркале. На север и на юг протянулись стальные ленты мостов, возле которых целый день сидят с удочками рыболовы-любители.

Море наполняет Стокгольм звуками, светом и запахом. Оно плещется у каменных подошв города, зеркальным блеском подсвечивает древние кварталы, даже самые узкие улочки насыщаются свежестью вольных просторов. Море — святыня Стокгольма, которой поклоняются, чтят ее и проявляют к ней внимание даже в мелочах: море встречается в названиях ресторанов и клубов, на витринах магазинов и в сувенирах… А на набережной в районе Скепсбрун стоит великолепная мраморная скульптура работы А. Миллера, которая изображает страшное морское чудовище в человечьем обличье, обхватившее тоненькую русалку.

Стокгольм, построенный на островах, полуостровах и на скалистых береговых возвышенностях, во всех направлениях изрыт каналами. Его часто называют «северной Венецией», потому что это еще и город набережных. Но не только каналы и набережные придают поэтическое очарование Стокгольму. Море, заливы, острова, парки в центре города и сосновые леса на его окраинах тоже создают своеобразный облик города. Каменный Стокгольм в чем-то старомодно массивен и суров, как поседевший викинг, и в то же время он легкий и яркий, как юная модница. Стокгольм приветлив, задумчив, сдержан и немного важен…

Острова определили и общую структуру городского пространства шведской столицы. Их разделяют проливы, каналы и протоки, которые способствовали тому, что каждый из главных островов имеет свою

собственную центральную улицу или площадь, а нередко и памятник, определяющий архитектурный силуэт данного острова.

Самым великолепным зданием шведской столицы является королевский дворец, перед которым из года в год вышагивают с ружьями голубоглазые, румяные молодцы. Неподалеку от дворца возвышается Стурчюрка — собор Святого Николая, в котором короновались шведские короли. Этот самый ранний из сохранившихся памятников архитектуры и одно из первых каменных строений Стокгольма сначала относился к францисканскому монастырю, основанному в 1270 году. Шведских монархов и членов их семей стали хоронить здесь с конца XIII века: в настоящее время церковные службы в соборе Святого Николая не проводятся, и он сохраняется как мемориальный памятник.

Самой большой достопримечательностью Стурчюрки является скульптурная группа Святого Георгия, выполненная мастером Б. Нотке в 1489 году. Группа состоит из двух частей: конной статуи Святого, убивающего дракона, и коленопреклоненной принцессы. Эта скульптурная группа была заказана Стеном Стуре Старшим, регентом королевства, в честь победы над датчанами в 1479 году. Заказчик отождествлял себя со Святым Георгием — рыцарем, защищающим и освобождающим принцессу-Швецию, статуя которой установлена на отдельном постаменте. Скульптурная группа Святого Георгия является национальной святыней Швеции, недаром она была дважды повторена в городских ансамблях Стокгольма: бронзовая отливка статуи украшает небольшую Купеческую площадь Старого города, а ее золоченая копия установлена на Ратуше.

Здание Ратуши было выстроено в 1920-е годы, но архитектор Р. Эстберг придал ему черты сооружений XV века. Например, в древние рыцарские замки, где не было стекол, свет проникал через непокрытые стропила, и потому потолок одного из залов Ратуши расписан под «облачное небо».

От Стурчюрки небольшая улочка ведет на рынок — самое высокое место в Старом городе. На рыночной площади во времена датского короля Христиана II происходили знаменитые «кровавые бани». Этот король, желая упрочить за собой шведские владения, под предлогом проклятия римского папы отрубил головы ста именитым гражданам Стокгольма.

Почти все площади города украшены статуями шведских королей и великих людей нации. Среди них выделяется очень красивый памятник Густаву Адольфу, который изображает короля-героя верхом на коне.

Долгие годы вечером 6 ноября у этого памятника собирались члены Общества любителей пения и пели патриотические песни, в том числе и «Не унывай, маленький отряд!», которую сочинил сам король перед сражением под Люценом.

Слева к острову Стаден примыкает остров Риддархольм, на котором возвышается церковь шведского дворянства — высокая готическая колокольня с ажурным шпилем. Эта церковь является усыпальницей шведских королей и вместе с тем местом погребения многих знаменитых граждан, а также собранием военных трофеев. На стенах главного прохода храма в несколько рядов висят небольшие металлические таблички, на черном фоне которых написаны имена всех лиц, которые были когда-либо награждены орденом Серафимов — высшим знаком отличия Швеции. В списке награжденных есть гербы с именами русских императоров Александра I, Николая I и Александра II, а из государственных людей России — А.В. Суворова, князя А.Д. Меншикова, графа К.В. Нессельроде и др.

Саркофаги шведских королей поставлены в особые капеллы под склепами, вдающимися в церковную стену. Предметом особого почитания является гробница Карла XII, но прах этого шведского короля был дважды потревожен, когда гробницу открывали в 1764 и 1859 годах. Целью исследователей было разрешить вопрос: «Был ли король убит выстрелом из крепости или изменнически застрелен французом Сигье, которого за 1000 червонцев подкупила сестра короля Элеонора». Во время последнего исследования комиссия, состоявшая из врачей и анатомов, пришла к заключению, что смерть короля произошла от вражеской пули.

…Во многих городах мира старые и новые кварталы на глаз различаются более или менее четко. В Стокгольме они смешались и растворились друг в друге. Рыцарские дворцы, средневековые домики с островерхими крышами и улочки шириной с коридор соседствуют с многоэтажными зданиями из стекла и бетона, что придает городу еще большее очарование.

Центр Стокгольма составляет Старый город, который называется Риддархольм — Остров рыцарей. На том месте, где теперь разместились старинные здания шведской столицы, до Рождества Христова стояли небольшие рыбачьи хижины. Старинное скандинавское предание гласит, что на эту бедную и неизвестную землю обратили внимание только после следующего события.

Агн, двенадцатый потомок Инглингов, только что возвратился после набегов на Финляндию, откуда привез Скиальфу — дочь убитого им князя. Он пристал к берегам озера Мэларен и захотел жениться на плененной княжне, которую сам же поверг в нищету и сиротство. В бедственном своем положении девушка не противилась и даже приняла обручальное кольцо, но в душе ее горели только ненависть и жажда мщения.

В назначенный для бракосочетания день Агн собрал своих сподвижников и отпраздновал свое счастье таким неумеренным количеством медовой браги, что упал в беспамятстве. Воспользовавшись этим, Скиальфа освободила пленных соотечественников, которые и напали на своих врагов. Потом они обрубили канаты судов и направились на родину, а место этой драмы еще долго называли Агновым.

Шведы начали посещать его сначала из любопытства, потом оно показалось им приятным и удобным, так что со временем берега эти покрылись поселками и многочисленными жилищами. Как город шведская столица впервые упомянута в летописях 750 года: тогда ее часто называли «городом среди мостов», так как весь он умещался на небольшом острове Стаден. Когда в конце XII века немецкие купцы заинтересовались шведскими товарами (железной и медной рудой, смолой и пушниной), они стали строить на острове склады, используя его как перевалочный пункт в своей балтийской торговле.

В 1252 году регент Швеции Ярл Биргер, устав от нападений морских разбойников, которые проникали в глубь озера Мэларен, решил укрепить небольшое местечко Хольмия, и с этого времени начинается история шведской столицы. Сначала Стокгольм застраивался только на трех островах, но около 1400 года, по мере того как освобождались новые участки суши, вокруг города началось возведение новых стен, которые имели 17 бастионов с укрепленными воротами.

Официально столицей Швеции Стокгольм стал в 1634 году, но фактически — по значению и характеру предоставлявшихся льгот — он был главным городом страны уже в первой половине XV века. Шведские короли жаловали Стокгольм различными торговыми привилегиями, так как были заинтересованы в получении доходов с этой торговли. Еще XIV веке особый закон предписывал населению районов, расположенных к северу от города, вывозить свои товары только через Стокгольм.

Как уже говорилось выше, шведская столица раскинулась на островах, и потому дома в городе в основном каменные. Только на окраине Стокгольма стоят традиционно деревянные, какие предпочитают строить в провинциальной Швеции. А на острове Скансен расположился музей без стен и крыши. Он разместился под открытым небом, на большом скалистом острове, который омывают синие волны морского залива. В этом музее можно очутиться в шведской деревушке давно минувших времен, где под сенью дуба стоит дом, окрашенный в теплую красную краску. Спрятался в тень ветхий сарай, а его соломенная крыша, на которой весело чирикают воробьи, почернела от времени.

Маленькая табличка сообщает, что это — усадьба богатого крестьянина из лена Блекинте, построенная в XVIII веке. Возле дома стоять ульи из грубо вырубленных колод, над которыми кружатся пчелы… На пороге дома можно увидеть крестьянку в башмаках и толстых шерстяных чулках, в расшитой кофте и белой наколке на голове. Это один из экскурсоводов, которые в Скансене носят костюмы того века, к которому относится постройка. Они встречают вас как гостеприимные хозяева, топят печи и показывают, как раньше пекли хлеб или ткали…

Каждый дом в музее стоит в окружении природы той местности, откуда он привезен: усадьбу из Сконе окружает степь, вокруг чума кочевника-саами из далекого северного Норланда воссоздан уголок каменистой тундры. За 2—3 часа здесь можно совершить путешествие по всей Швеции и наглядно познакомиться с ее историей, природой и бытом народа.

В Скансене есть и зоопарк, который очень любят дети. Здесь, в траве у дорожки, важно прогуливаются фазаны, которые чистят свои перья, не обращая никакого внимания на восторженных зрителей. В

Скансене свободой пользуются все звери; например, в углублениях между скал живут медведи, но эти углубления выдолблены так, чтобы косолапый не мог отсюда вырваться…

Уже более 200 лет Швеция не знает, что такое война. Судьба была милостива к этой стране: когда послевоенная Европа залечивала свои раны, в Швеции оберегали права человека, заботились об охране труда и неустанно следили за тем, чтобы у всех были равные возможности чего-либо добиться в жизни. Здесь не рвались бомбы, ни один камень не упал с ее стен, поэтому нетронутой оказалась красота древнего Стокгольма, которой восхищаются все, кто побывал в этом городе. Здесь не нужно было восстанавливать разрушенное, и поэтому новое возводилось так, чтобы оно сочеталось с традиционным обликом города и дополняло его ярким блеском современности.

БАГДАД — ГОРОД «ТЫСЯЧИ И ОДНОЙ НОЧИ»

«Благодатная страна» Ирак расположена между Тигром и Евфратом — в районе, который библейские предания называли «раем на земле». Место, на котором на несколько километров вдоль Тигра раскинулся современный Багдад, было известно еще до завоевания страны арабами. Здесь издавна проходили ярмарки, на которых продавали лошадей.

Халиф аль-Мансур из династии Аббасидов совершил много поездок по стране, выбирая подходящее место для своей столицы. В 762 году он заложил на западном берегу Тигра город Мадинат-аль-Салям, и на вопрос: «Почему именно в этом месте был основан город?» — халиф впоследствии отвечал: «Оно прекрасно, как военный лагерь. Кроме того, здесь Тигр, который свяжет нас с дальними странами вплоть до Китая. Он доставит нам все, что дают моря, а также продовольствие из Двуречья, Армении и соседних районов. Затем здесь же и Евфрат, который принесет нам все, что могут предложить Сирия и Ракка и прилегающие к ним земли».

Первоначально план города был намечен на земле пеплом. Халиф аль-Мансур обошел стены, ворота и улицы будущего города, а затем приказал наложить на линии из пепла пропитанные нефтью семена хлопка и поджечь их. Потом халиф сам заложил первый камень в основание Мадинат-аль-Салям — Города мира. Это было официальное название города, которое употреблялось в документах и выбивалось на монетах. Однако были у новой столицы и другие имена. Мадинат-аль-Мансур (Город Мансура), Мадинат-аль-Халяли (Серповидный город), Мадинат-аль-Заура (Извилистый город). Однако во время строительства новый город продолжали называть Багдадом — по имени небольшого поселка, который назывался так еще с доисламских времен, а впоследствии новое название и совсем было оставлено.

В истории известно несколько древних городов, которые имели форму круга или овала. Это давало большие преимущества при защите от вражеских нашествий, а кроме того, экономило довольно значительное количество строительного материала. По свидетельствам

современников, Мадинат-аль-Салям имел совершенно правильную форму круга, что говорит о чрезвычайно высоком мастерстве древних зодчих. Диаметр города равнялся 2638 метрам, все три его стены были сложены из необожженного кирпича, а обожженный кирпич использовали только при кладке потолков и сводчатых переходов.

Аль-Мансур всячески стремился к тому, чтобы ограничить население города только теми лицами, которое имели отношение к его двору. Поэтому «Город мира» напоминал скорее военный лагерь, чем обычный для востока город — центр ремесел и торговли. Центральную часть города занимала главная площадь, на которой возвышался дворец халифа; рядом с ним размещались главная мечеть, семь зданий диванов (правительственных учреждений) и дома сыновей аль-Мансура. В этом районе никто, кроме самого халифа, не имел права ездить верхом на коне.

Дворец халифа всех видевших его потрясал своим великолепием. В него вели золотые ворота, по названию которых весь дворец иногда называли «Баб-аз-захаб» — «Золотым дворцом». Дворец был известен и под другим названием — «ал-Кубба ал-хадра» («Зеленый купол»). По преданию, на вершине купола была установлена фигура всадника с копьем, который будто бы поворачивался и указывал копьем в ту сторону, откуда появлялись мятежники или враги. Купол дворца рухнул во время бури и сильного наводнения, случившегося в 941 году, а стены его простояли до середины XII века.

Несмотря на «ограничительные» мероприятия халифа аль-Мансура, город уже через несколько лет после своего основания стал сильно разрастаться. Он не вмещался в тесные границы полувоенного поселения: изгнанные из Круглого города торговцы стали строить свои ряды и лавки вблизи его стен, речных пристаней и вдоль основных сухопутных дорог.

В течение первых десятилетий своего существования Багдад не подвергался осадам и не знал серьезных волнений, и это было золотым временем его расцвета. Из всех городов тогдашнего мира только Константинополь мог соперничать с Багдадом в великолепии. Своим процветанием город был обязан прежде всего тому, что стал крупнейшим центром мировой торговли. Бесчисленные караваны доставляли на багдадский базар запорошенные пылью дорог тюки с

фарфором и шелковыми тканями, мехами и воском, драгоценными камнями и пряностями, золотом и слоновой костью…

Багдад рос и богател со сказочной быстротой. Сюда прибывали купцы с Запада и Востока, здесь совершались самые крупные по тем временам сделки, багдадские купцы считались едва ли не самыми богатыми в мире. Вместе с ними богатели и багдадские халифы, жившие в роскоши, о которой рассказываются легенды. Например, дворцовая челядь одного из халифов в X веке насчитывала 1000 человек: в нее входили гвардия и личная канцелярия халифа, чтецы Корана, астрологи, часовщики, шуты, посыльные и скороходы, барабанщики, медики, повара и т.д.

Наибольший блеск принесло Багдаду правление внука основателя города — Харуна ар-Рашида, славу которого разделила и его любимая жена Зубайда. Она первая ввела моду на туфли, расшитые драгоценными камнями, кушанья при ней подавались только на золотой и серебряной посуде. Незабываемым событием в памяти многих поколений стала свадьба халифа аль-Маамуна с дочерью визиря Буран. На новобрачных, сидевших на золотом ковре, украшенном жемчугом и сапфирами, с золотого подноса высыпали 1000 крупных жемчужин. Среди гостей разбрасывались шарики из мускуса, в каждый из которых была закатана записка с названием подарка, раба, земельного надела, прекрасного коня и др. Свадьба халифа аль-Маамуна и пир, заданный халифом аль-Мутаваккилом, считаются «двумя событиями, которые не имеют третьего подобного в исламе».

Однако расцвет Багдада был не особенно долгим, и со смертью Харуна ар-Рашида закончилось мирное существование города. Богатства его разжигали алчность завоевателей, и потому Багдад часто подвергался вражеским нашествиям. Главный удар все завоеватели наносили по Круглому городу, где располагалась крепость багдадских халифов. Кроме того, борьба сыновей Харуна ар-Рашида за власть привела к длительной осаде Багдада, после которой большая часть его осталась лежать в руинах. Особенно досталось Круглому городу, его разрушенные стены и здания больше уже никогда не восстанавливались. Последующие стихийные бедствия и трагические события окончательно стерли с лица земли даже следы города, построенного аль-Мансуром. И ученым до сих пор не удалось точно

установить даже место, на котором размещался легендарный Мадинат-аль-Салям.

Однако после нашествия в 1258 году монгольского хана Хулагу, воины которого разграбили и уничтожили Багдад, город через довольно короткое время возвращает себе былую славу крупнейшего мирового центра торговли. До нашествия монголов Багдад воспринимался и как духовная столица исламского мира. Халиф, даже утратив свое политическое влияние, на протяжении многих веков продолжал удерживать духовную власть над общиной мусульман. Сила его власти подчас была ощутимей реальной власти османских султанов. Еще при дворе халифа аль-Маамуна собирались видные ученые, поэты, врачи, музыканты… За короткий срок народы халифата усвоили знания, накопленные греками в течение многих веков, и обогатили их, выработав собственную богатейшую культуру. В Багдаде переводились сочинения ученых других стран, и работа переводчика очень ценилась халифами. Например, аль-Маамун выплачивал знаменитому переводчику и врачу Хунайну ибн Исхаку за каждую переведенную книгу столько золота, сколько она весила.

В Багдаде были открыты первые в мусульманском мире аптеки и больницы. Еще в конце VIII века в городе было налажено производство бумаги, благодаря чему всего за несколько дирхемов можно было приобрести рукописную книгу, тщательно переписанную профессиональным писцом. Халиф аль-Маамун основал в Багдаде «Дом книги» — своего рода академию того времени.

Через полтора века после нашествия монголов на Багдад обрушилось новое бедствие — войска Тамерлана, которые тоже не пощадили город. После них последовали правление персов, их борьба с турками за господство над Ираком, а в XVII веке страна и ее столица попали под власть Османской империи. К началу XX века Багдад превратился в приземистый пыльный городок с населением 140 тысяч человек. Почти повсюду жались друг к другу убогие глинобитные домишки, люди побогаче делали над своими домами деревянные надстройки с балконами, которые нависали над проезжей частью улиц.

Сегодняшний Багдад ни по каким признакам не сравним с древним городом. Его новый облик складывается под влиянием требований времени, и потому можно только удивляться частой смене городских пейзажей и картин. Широкие, наполненные людским

гомоном проспекты соседствуют с молчаливыми переулками, парковые зоны из финиковых пальм чередуются с унылыми песчаными пустырями, которых остается все меньше. Давно исчезли с просторов Тигра круглые челны, о которых можно было прочитать в старинных книгах о путешествиях: сейчас они перебрались куда-то на юг, в низовья реки.

Сейчас над Тигром перекинуты новые мосты, но кое-кто из жителей помнит, как еще в 1930-е годы единственный наплавной мост во время часто случавшихся тогда высоких паводков разрывало и носило по реке. Смотрители на моторных лодках вылавливали баграми разрозненные части переправы, и толпы любопытных зевак собирались на берегу поглазеть, как пойманный мост водворяют на место.

Сегодняшний Багдад встречает гостей обилием красок, непривычно громкими сигналами автомобилей и ярким солнечным светом. Весь он пропитан какой-то особой атмосферой, навеваемой от предвкушения встречи с городом «Тысячи и одной ночи», где переодетым бродил халиф Харун-ар-Рашид, где под покровом ночи плутовал знаменитый «багдадский вор», где жили простоватые купцы и их хитроумные жены. На набережной Тигра установлена бронзовая скульптура, изображающая облокотившегося на подушки царя Шахрияра, завороженно внимающего Шахерезаде, рассказывающей очередную сказку великой книги.

И конечно, Багдад, как и любой восточный город, невозможно представить без сука (базара), который занимает обширный квартал между берегом полноводного Тигра и улицей Харуна-ар-Рашида. По давней традиции торговля на восточном базаре «специализирована»: в одном месте продают ткани, в другом идет распродажа обуви, в третьем предлагают покупателям готовое платье… Грохот огромных молотов, сминающих куски оцинкованного железа; звонкий перестук молоточков, выбивающих затейливые узоры на листах меди; пронзительный визг металла под зубьями пилы, шум паяльных лам и вздохи кожаных мехов, раздувающих горны, — это Медный сук. Здесь не только торгуют готовыми изделиями, но и изготовляют их в мастерских, расположенных здесь же.

Особенно оживленным Медный сук был во времена правления халифа Харуна ар-Рашида, когда Багдадский халифат и его столица

были в самом расцвете своей славы. Как рассказывают арабские сказки, халиф любил бывать на Медном базаре, переодевшись в одежду купца, торговца или простого горожанина. В то время на Медном базаре работало более 300 мастерских, объединенных в своего рода гильдию — со своими правилами, законами и традициями. В мастерских изготовлялись боевые доспехи и оружие для воинов, металлические детали для строительства дворцов, мечетей и жилых домов, а также блюда и кофейники, котлы и подносы и, конечно же, украшения. Водопровода в те времена не было, и, чтобы черпать воду из Тигра, багдадцы покупали на столичном базаре кувшины. Грациозная багдадская девушка с кувшином, полным воды, — героиня многих арабских песен, легенд и сказаний.

Шум, вечно стоящий на Медном суке, вошел во многие арабские пословицы и поговорки, и при случае багдадцы обязательно расскажут вам историю о любви бедного юноши к девушке из богатой семьи. Отец девушки согласился на неравный брак при условии, если влюбленный юноша перекричит шум Медного сука. Но все попытки выполнить это условие заканчивались неудачей, и свадьба не состоялась.

Не исчез из Багдада и мазгуф. Если в вечернее время пройтись по городской набережной, то можно увидеть множество небольших костров, расположенных один возле другого. С наветренной стороны они обычно защищены оградкой из прутьев, а на другой стороне торчат воткнутые в землю колышки, на которых лежит нечто, похожее на раскрытую книгу. Время от времени к «книге» наклоняется человек и переворачивает ее. Еще несколько минут назад эта «книга» плескалась в бочке: рыба эта очень красива и похожа на что-то среднее между карпом и небольшим сомом. Ловкие руки разрезают рыбу, названия которой никто не знает, вдоль, «разворачивают», насаживают на колышки и держат над пылающим огнем костра до тех пор, пока она не станет золотистой Потом «книгу-рыбу» кладут на горячий пепел — и мазгуф готов. Вы можете есть его прямо у костра или отойти в сторонку; можете присесть на скамейку, куда продавец быстро принесет вам арабский хлеб, салат из помидоров и острый перец с луком…

СВЯЩЕННАЯ ТУЛА — СТОЛИЦА ТОЛЬТЕКОВ

Издали этот город похож на большую деревню с одноэтажными домиками, окруженными каменными заборами. Однако Тула является одним из древнейших городов Мексики, основание которого относится к VIII веку. Тула была столицей и культурным центром тольтеков и называлась тогда «Толлан» — «Место грамотных людей».

Индейские хроники сообщают, что Толлан был основан правителем Чальчиутланецином. Примерно в 980 году на трон взошел принц, которому при рождении было дано имя Се-Акатль — «Один тростник». Полное его имя было Се-Акатль-Накшитль-Топильцин — «Наш господин Один тростник».

Тольтеки владели Мексикой всего 200 лет — с середины X до середины XII века, но до наших дней дожили легенды и предания об их удивительных доблестях и умениях. Их главным богом был Кецаль — Пернатый змей, изображения которого то и дело встречается в живописи и архитектуре Тулы: то он обвивает колонны зданий, то взирает с настенных росписей пирамид. Среди всех достопримечательностей Тулы выделяется Коатепантли — Стена змей, на которой изображены гигантские гремучие змеи, заглатывающие человеческие скелеты.

Сегодня полное название этого современного мексиканского городка звучит так: Тула-де-Альенде. Веселый провинциальный городок приятен чисто по-мексикански: здесь пахнет кукурузными лепешками, гудят колокола храмов, здесь поют так красиво, как это умеют делать только в Мексике. Однако долгое время ученые даже не знали, где находится знаменитая столица тольтеков. Как писал чешский путешественник и ученый М. Стингл, «до конца XIX века никому и в голову не приходило искать древнюю Тулу на месте нынешнего городка». В 1880 году сюда направился французский археолог Д. Шарне, который приступил к раскопкам холма на окраине города. Он обнаружил скрытую в его недрах величественную пирамиду, которая явно указывала на то, что Тула была важным религиозным центром доколумбовой Америки. Однако впоследствии

открытие французского ученого было забыто, и главный город тольтеков стали искать где угодно, но только не там, где город с таким же названием существует до сих пор.

Только с середины XX века внешне ничем не примечательная Тула становится местом, куда со всего света устремляются исследователи истории доколумбовой Америки. Уже первый удар лопаты археологов в 1940 году открыл сразу несколько находок. Недалеко от центра нынешней Тулы ученые обнаружили руины древнего города, сердцем которого была крутая пирамида. Индейцы называли ее Тлауискальпантекутли — Венера, или Утренняя звезда. Культ этой планеты тольтеки переняли от своих северных соседей-кочевников, для которых Венера была представительницей Мишкоатля — могущественного бога, требующего человеческих жертв. Пирамиду украшали каменные изображения ягуаров, а также поедающих человеческие сердца орлов: ягуары и орлы были символами некоторых воинственных племен Центральной Америки. Между каждой парой орлов, украшавших облицовку пирамиды, располагался символ самой Венеры — раскрытая пасть змея, а на ней — человеческая голова.

На вершине пирамиды раньше, вероятно, стояло святилище бога Кецаля, с которым некоторые вожди тольтеков отождествляли себя. До настоящего времени на ее верхней площадке сохранился лишь ряд человеческих фигур, условно названных учеными «атлантами» — по имени героя древнегреческих мифов, который держал на своих плечах небесный свод.

Вытесанные из камня тольтекские воины, высота которых 4, 6 метра, застыли под тяжестью оружия, и все они представляют бога Кецаля в образе Утренней звезды. Когда-то воины-атланты поддерживали перекрытия храма, к сожалению, к настоящему времени многие из скульптурных рельефов, украшавших храм, бесследно исчезли. Однако и те, что сохранились, дают представление о некоторых сюжетах убранства храма. Наряду с воинами, тольтеки часто изображали орлов, пожирающих человеческие сердца; загадочных животных, отчасти напоминающих кошек с колокольчиками на шее, и совсем ни на кого не похожих зверей, которых можно назвать «змее-птице-ягуарами».

Перед храмом находилось место общих собраний, которое тоже было перекрыто крышей. Некоторые из колонн, на которых она

держалась, стоят в Туле до сих пор.

В Туле был обнаружен и Чак-Мооль — весьма своеобразная статуя, вытесанная из темного базальта. Чак-Мооль лежал с чуть согнутыми ногами и обращенной вверх головой, поэтому ученые предположили, что он представлял собой посланца богов. Через особое отверстие, которое находилось на плече статуи, он принимал человеческую кровь — наиболее предпочитаемую богами жертву.

Многие следы материальной культуры тольтеков свидетельствуют, что это был очень воинственный народ с культом человеческих жертвоприношений. Когда молодой и энергичный правитель «Наш господин Один тростник», который был к тому же и верховным жрецом тольтеков, вступил на трон, он принял имя бога, которому хотел служить — имя бога Кецаля. В конце X века вождь и верховный жрец тольтеков Топильцин-Кецалькоатль попытался перестроить жизненный уклад тольтеков на более мирный лад, но в Толлане деятельность нового правителя вызвала сопротивление. Часть жителей оставалась верна культу Пернатого змея, но в другой части тольтекского общества на первое место начинает выдвигаться новый бог Тескатлипок. В Толлане разгорелись религиозные страсти, которые повлекли за собой междоусобные войны. Борьба перенеслась и во дворец правителя: в результате ее вождя низвергли, и он был вынужден покинуть Тулу. Вместе со свергнутым правителем город покинули тысячи жителей, и все они направились на восток, куда в один прекрасный день удалился и бог Кецаль. Перед этим он собрал ближайших своих учеников и сообщил им, что однажды опять вернется со стороны востока. Предсказанный богом срок был уже близок, и тут появился испанский конкистадор Эрнан Кортес, который прибыл к берегам Мексики с востока. Поэтому индейцы и не решились напасть на испанцев, опасаясь, что это будет война против бога Кецаля.

ФЕС — РЕЛИГИОЗНАЯ СТОЛИЦА МАРОККО

На крайнем западе обширного арабского мира расположилось древнее государство Марокко, берега которого еще в давние времени посещали греки, римляне и финикийцы. Античная мифология сохранила легенду о «Геркулесовых столпах», которые воздвиг себе по обе стороны от Гибралтарского пролива Геракл. Эти «столпы» — скалы Гибралтар Джебель-Муса — считались у древних народов рубежом мира на западе.

Города Марокко так непохожи один на другой, что кажется, будто выросли они на разной почве и строили их разные народы. Отчасти произошло это, может быть, потому, что культура этой арабо-берберской страны вместила в себя и богатство античного мира, и достижения иудейских ремесленников[29], и идеи ученых, бежавших из Испании от преследований инквизиции.

Средневековые арабские города не имели единой градостроительной системы. Одни (например, Дамаск) возникли в глубокой древности и сохраняв в своей архитектуре черты античности и ранневизантийского периода, другие (Фустат, Куфа, Басра и т.д.) возникали на местах, где располагались арабские гарнизоны, что изначально и определило их строгий функциональный характер городов-лагерей.

История Феса начинается в первые века ислама От известных городов Востока, Багдада или Каира, Фес отличается тем, что сохранил в архитектуре города свою многовековую историю. А судьба города уникальна, так как он был основан дважды. В 789 году султан Мулай Идрис I, сын Фатимы — дочери пророка Магомета, решил не расширять Волюбилис — старую столицу Марокко, а построить собственный город на правам берегу реки Фес.[30] В 808 году его сын, Идрис II, построил напротив укрепленного лагеря отца, на левом берегу Феса, королевскую резиденцию, мечеть и рынок.

Исследователь Т.Х. Стародуб отмечает, что длительное время, вплоть до последних десятилетий XI века, это были два

противостоящих друг другу и враждующих между собой городка. О первоначальном планировочном замысле и характере застройки что-то определенное сейчас сказать трудно, но уже через полвека в каждом из них была своя квартальная мечеть. Полулегендарная история приписывает основание этих мечетей двум сестрам — дочерям некоего выходца из города Кайруна. Похожие друг на друга, как сестры, обе мечети имели свой молитвенный колонный зал с нефами, параллельными стене киблы, небольшой минарет и сахн — обсаженный деревьями дворик.

Во время правления Фатимидов обе мечети приобрели статус соборных, что сказалось не только на архитектуре их самих, но и окружающих зданий. Обе мечети оказались в центре общественной жизни своих городков: к ним сходились торговые и проезжие улицы, и потому вокруг них стали группироваться и жилые кварталы.

Из-за своего более удобного географического местоположения левобережная часть Феса в этот период развивалась интенсивнее, чем правобережная. Именно к западной части города вплотную подходили пути, связывавшие Фес с берегами Атлантики и Средиземного моря. В 1069 (или 1075) году, когда султан Юсуф ибн Ташфина Альморавида объединил оба города в один, в левобережной его части развернулось обширное строительство. В объединенном городе выделился общий центр, которым стала мечеть Карауин, впоследствии приобретшая функции мусульманского университета.

Архитектура мечети Карауин в ее современном виде, за исключением отдельных достроек и изменений в декоре, сложилась в основном в эпоху правления династии Альморавидов. Со второй половины XII века и весь город Фес стал развиваться с ориентацией на эту мечеть-университет. Позднее мечеть обросла комплексом других зданий, прежде всего, связанных с университетом и медресе. Их близкое расположение и обращенность порталов медресе на мечеть были вызваны не только архитектурными замыслами, но и необходимостью приблизить общежития студентов к месту занятий и богослужения. Медресе, завия (странноприимный дом), бани, гостиницы и другие постройки, включая торговые ряды Кайсария, плотным кольцом обступали Карауин, поэтому жилым домам горожан практически невозможно было разместиться рядом с мечетью. Однако среди всевозможных изогнутых улиц и тупиков нетронутыми

оставались пути, соединявшие Карауин с главными городскими воротами Феса.

В Фесе около 800 мечетей, но главной остается Карауин, расширенная в XIII веке. Это самая большая мечеть Северной Африки, во время религиозных праздников в ней одновременно могут разместиться 22000 человек. По сей день в древний арабский университет Карауин приезжают учиться молодые люди из Ливии, Алжира и Судана, в его стенах получили образование многие политические деятели Марокко.

В отличие от Карауина мечеть Андалу в другой части Феса осталась обычной мечетью — главным культовым зданием только правобережной части города. Центральное положение мечети Андалу в этой его части города подчеркивается сходящимися к ней и обтекающими ее главными улицами правобережья, торговой площадью и великолепным монументальным порталом с высоко поднятым кедровым навесом.

Фасады обеих мечетей выходят на оживленные улицы, к ним можно подойти с разных сторон, кроме того, они имеют круговой обход для проведения религиозных шествий. Один из таких праздников ежегодно проводился в конце августа — начале сентября в честь основателя города Мулай Идриса I.[31] Наряду с шествиями по городу обязательны обходы вокруг квартала Завия, в котором находится мавзолей основателя города. В стену мавзолея вделана мемориальная медная доска с отверстием, в которую правоверные мусульмане просовывают руку: эта церемония символизирует их общение с «душой святого», который наводит на них «барака» — милость Аллаха.[32]

Другой праздник отмечается студентами Карауинского университета в память о полученных ими в XVII веке привилегиях от династии Алауитов за поддержку, которую они оказали этим правителям в получении власти. В благодарность владыка предоставил студентам право ежегодно в течение одного месяца управлять городом. Рассказывают, что студенты в дни своего правления прекращали неправедные суды и расправы, стремились делать для горожан лишь добрые дела: занимались просветительством и старались облегчить положение бедняков, больных, стариков. Сохраняя свою религиозную

окраску, праздник этот позднее включил в себя и черты народного карнавала.

Как и все марокканские города, Фес разделен на две части: старую — Фес-аль-Бали и новую — Фес-аль-Джедид. Окруженный нескончаемыми садами и виноградниками, город в прошлом был важнейшим торговым центром. И сегодня в Фесе много живописных базаров, каких, пожалуй, не встретишь в других городах Марокко. Узкие улицы-траншеи, где не разъехаться двум встречным ослам, переходят в полутемные, крытые железом тоннели. По обе стороны тянутся нескончаемые ряды прилавков, заваленных обувью, посудой, парчой… Ряды ювелирных изделий кажутся волшебной пещерой из сказки «Али Баба и сорок разбойников»: от пола до самого верха, как связки баранок, здесь развешаны золотые браслеты, ожерелья, кольца, бусы; проходы заставлены чеканной серебряной посудой, на стенах — дорогие кинжалы, мундштуки, кальяны…

После переезда короля в Рабат Фес стал обычным провинциальным городком, но остался религиозный святыней Марокко, к тому же сохранил за собой славу торгового и ремесленного центра. Главное очарование города — это средневековая медина. Когда в Мекке пророку Мухаммеду стала угрожать опасность, он перебрался в город Медину, и с тех пор так называются старые кварталы любого мусульманского города. Медина в Фесе и сейчас остается точно такой же, как ее описал знаменитый путешественник XVI века Лев Африканский: те же узкие улочки, те же лавки и мастерские — все на своих местах.

Можно часами бродить по улицам фесской медины — мимо культовых зданий, общественных бань, украшенных разноцветной керамической плиткой фонтанов… Ни один турист не пройдет мимо построенного в 1357 году медресе Бу-Инания, не полюбовавшись его створчатыми дверями, отделанными бронзой, лестницей из оникса и фаянса, тончайшими декоративными арабесками, куполом с деревянной отделкой. Внутренний двор медресе тоже отделан ониксом, мрамором и ценными породами дерева. Галереи трехэтажного здания отделены от двора ажурной деревянной загородкой, которая скрывает выходящие на балкон комнаты. Все стены покрыты мозаичной плиткой, а вдоль стен — витиеватые

стихотворные надписи, выполненные черными буквами на белой черепице.

Медина в Фесе начинается сразу же за воротами Бу-Джелуд. Когда-то они предназначались для торжественных выездов султана, а теперь под пышной центральной аркой, украшенной богатым орнаментом, пестрым потоком течет шумная людская толпа. Медина разделяется на отдельные районы, каждый из которых представляет собой замкнутую структуру: имеет свою мечеть, собственное водоснабжение, хлебопекарню и хамам (турецкую баню). Узкие, извилистые улочки медины, фонтаны во внутренних двориках, шум базара складываются в ни с чем не сравнимую картину, которая как будто открывает окно в другой мир. Вечером, когда ветер с гор приносит в узкие улочки медины прохладу, они наполняются народом. В одной из многочисленных лавчонок марокканец может купить глиняную посуду, в общественной пекарне — испечь хлеб, из городского фонтана — набрать воды. Туристов привлекает в медине пышный дворец султана, экзотика пестрых лавочек, пряные запахи и андалузские мелодии, звучащие в кофейнях… Товары, которые в медине являются предметами первой необходимости, в европейской части Феса становятся сувенирами.

Жители Феса в большинстве своем носят национальную одежду: длиннополые, наподобие халата, бурнусы, фески и белые остроносые бабуши, что придает городу еще более своеобразный колорит. Только в Фесе делают «отличные бабуши», «великолепные бабуши» — кожаные туфли без задников.

В Фесе выделывают кожи уже более 1000 лет, и в течение всего этого времени более 40 поколений кожевников передают младшим секреты дубления, отделки и окраски кожи. Мало кто знает, что фесские ремесленники обрабатывают кожи по старым рецептам — без применения кислот, щелочей и другой «химии». Сначала предварительно обработанные шкуры опускают в большие чаны со специальным раствором, которые располагаются в городе прямо под открытым небом, и выдерживают в них сутки. Затем шкуры переносят в чаны, где концентрация дубильных веществ выше, потом в другие, и так продолжается несколько дней.

Затем шкуры укладывают друг на друга в штабеля, чтобы танниды распределились более равномерно. Потом кожу промывают,

отпрессовывают, разглаживают, высушивают и только после всего этого из нее делают лучшие на свете бабуши — такие, которые даже неискушенный покупатель отличит от всякой другой обуви на любом базаре Марокко.

ВЕЧНАЯ КРАСОТА КИОТО

Японский город Киото — не просто удивительный город с замечательными памятниками архитектуры. На полтора миллиона жителей Киото сегодня приходится около 2000 храмов, сотни парков и десятки дворцов. Сами японцы называют свой город национальным сокровищем, и действительно пятая часть всех шедевров японской архитектуры находится именно в Киото.

История города началась 22 октября 794 года, когда император Камму с наследным принцем въехали в новую столицу, названную «Хэйан» — «Город мира и спокойствия». До этого японская столица находилась в Нагаоке, но дворцовые интриги привели к политическому убийству, и тогда императорский двор решил поменять место своего пребывания, так как город был осквернен пролитой кровью.

Для новой столицы была выбрана деревня Уда в уезде Кадоно. Сюда в 792 году император приезжал дважды, чтобы осмотреть место, выбранное его приближенными. Деревня располагалась в живописной долине среди гор, и строительные работы здесь начались уже в 793 году. Японский императорский двор тогда во всем следовал китайским образцам, и новую столицу построили на китайский манер — с ровными улицами, пересекающимися под прямым углом.

Более тысячи лет Киото оставался столицей Страны восходящего солнца, то переживая времена расцвета, то становясь жертвой пожаров и междоусобиц. Волны истории унесли много уникальных архитектурных памятников и построек, но то, что сохранилось в городе, удивляет всех побывавших в нем строгостью и скупостью линий, а также пышностью и богатством красок.

Для иностранцев Киото прежде всего ассоциируется с императорскими дворцами и многоэтажными пагодами, окруженными бледно-розовой сакурой. Но если выйти на привокзальную площадь, перед вами откроется обычная панорама современного японского города: нескончаемый поток машин, коробки многоэтажных зданий и телевизионная башня, вокруг строительства которой в свое время разгорались нешуточные страсти. Многие жители Киото, особенно

представители интеллигенции, считали, что эта 100-метровая башня изуродует вид древней японской столицы. Другие, наоборот, утверждали, что она станет еще одной достопримечательностью города.

В 1994 году Киото отпраздновал свое 1200-летие, но древность здесь не превратилась в музейную мертвенность, а его храмы и дворцы до сих пор сохраняют неуловимую связь времен. В Киото современность не только не затмила старину, но даже не потеснила ее, а наоборот, слилась с ней в единое целое. Так, например, напротив величественного Дворца военных правителей возвышается стеклянная громада гостиницы, а неподалеку от ультрасовременного вокзала с универмагами и отелями стоят древние седые храмы.

Сейчас исторических построек и памятников, храмов и святынь, дворцов, оград и садов в Киото столько, что повсюду можно встретить какую-либо достопримечательность: полого прогнутую крышу храма, поднимающуюся вдали пагоду или улочку, на которую выходят фасады старинных домов. Особой гордостью японцев по праву считается дворцовый комплекс Кацура[33], который начал возводиться в 1615 году как загородная императорская резиденция. Ее средневековая простота и красота постоянно меняющихся парковых ландшафтов гармонично сочетаются с изящными павильонами и беседками.

А ведет свою архитектурную историю Киото с возведения императорского дворца Госе, который не раз менял свое местоположение и перестраивался. В нынешнем своем виде дворец Госе (что означает «Высокочтимое место») был отстроен после очередного пожара в 1855 году. Одиннадцать гектаров земли окружены высокой глинобитной стеной, сверху покрытой черепицей В стене сделаны шесть ворот, главными из которых являются Южные. Они открываются два раза в год, и только император имеет право проходить через них. Обыкновенные посетители и туристы проходят во дворец через ворота Сэйсемон, название которых переводится довольно необычно: «Ворота осенних указов».

Центром дворца Госе является Сисинден — Церемониальный зал — с примыкающим к нему двором, засыпанным белой галькой. Здесь в торжественной обстановке возводили на трон императоров. Подобно буддийским храмам того времени, Сисинден имеет высокую вогнутую крышу с плавными очертаниями и со спокойными, сдержанными

линиями. Под карнизом крыши расположилась галерея, окруженная небольшой верандой.

Внутренний интерьер Церемониального зала прост и в то же время величествен. В гладких отполированных досках пола отражаются массивные круглые столбы, которые сделаны из неокрашенных, но тщательно выровненных и отполированных стволов деревьев. Фасад зала обращен на юг, а к входу в него ведет большая пологая лестница, которая выводит в песчаный сад, лишенный всякой растительности.

Территория сада покрыта белым песком и выровнена граблями по строжайшим геометрическим линиям, направленным к фасаду здания. Внутри Сисинден, на возвышении под огромным шатром, стоит императорский трон, сделанный из красного сандалового дерева, инкрустированный перламутром и украшенный эмблемой императорского дома — цветком 16-лепестковой хризантемы; за ним расположен трон поменьше — для императрицы.

Здесь много комнат, каждая из которых имеет свое назначение. В одной император молился, воздавая должное храму Исэ, где обитала богиня Аматэрасу, даровавшая власть японским императорам. В другой были «поющие» доски, своего рода система безопасности: даже при самом осторожном шаге они издавали тонкий своеобразный звук. Жилые покои императора расположены в здании, которое сооружено над землей — на невысоких подпорках, как это делалось в синтоистских храмах, и окружено верандой с двумя небольшими лестницами, спускающимися в сад.

Во время правления сёгунов их резиденция располагалась в замке Нидзо, основанном в конце XVI века представителями династии Токугава. Замок представляет собой невысокое, но длинное деревянное строение с пологой, изогнутой крышей и позолоченным орнаментом на треугольном щите, который висит над главным входом. У каждого зала замка Нидзо — свое назначение, в зависимости от этого он убран с большей или меньшей роскошью.

Каждый зал имеет только три стены: четвертой стены, которая бы отделяла помещение от коридора, нет. Стены залов расписаны выдающимися художниками знаменитой школы Кано. Вот, например, на одной изображены гнущиеся от ветра тонкие бамбуковые и

камышовые стебли, на другой прекрасно передана воздушная легкость цветков сакуры.

В первом зале особые чиновники должны были удостовериться, что прибывшие в замок особы — именно те, за кого они себя выдают. Когда сегодня туристы приближаются к этому павильону, они невольно вздрагивают: несколько десятков вельмож, одетых в традиционные праздничные кимоно, низко склонились перед сёгуном, сидящим на небольшом возвышении. Позади него — позолоченные раздвижные двери, за которыми всегда стояли телохранители.

Ни в одном японском городе нет столько храмов, как в Киото, и сколько их точно — едва ли знают и сами жители. Буддийские храмы — это обычно огромные деревянные строения с массивными столбами и широкой изогнутой крышей. Киемидзу («Храм прозрачной воды») — исключение: он как бы прикрепился к крутому лесистому склону, и когда стоишь на его веранде, то создается ощущение, что храм висит в воздухе.

Древняя легенда так повествует о возникновении «Храма прозрачной воды».

Это было в VIII веке. Однажды монах Энтин обнаружил струящийся водопад, и ему послышались такие слова: «Найди этот источник, прозрачные воды которого впадают в реку Ёдо». Долго бродил монах по горе Отава, пока не обнаружил в глубине заповедного леса место, окутанное туманами. И здесь монах Энтин встретил отшельника-мудреца по имени Гёэй. Мудрец дал монаху кусок дерева, в котором обитал дух богини милосердия Каннон. Энтин вырезал из бесценного куска изображение богини и поместил эту деревянную скульптуру в небольшой бамбуковой хижине, которая и стала прародительницей храма, получившего свое название от прозрачности вод, струящихся по горному склону.

В письменных источниках Киемидзу упоминается с 811 года, когда он перешел под покровительство японских императоров. В храмовый ансамбль входит множество зданий: молельный зал, пагода, основной храм, навес для колокола и другие — всего 30 построек. В хондо (главном храме) на алтаре помещено изображение богини Каннон.

Всегда многолюдно и в Сандзюсангэндо, что в переводе означает «Тридцать три»: именно столько обликов способен принимать Будда,

являясь людям. В центре зала возвышается огромная статуя богини милосердия и сострадания Каннон, а вокруг нее расположилась тысяча таких же статуй, но меньшего размера.

За главным храмовым залом тянется длинная галерея, в которой установлены скульптуры демонов, привезенные сюда со всей Японии. У злых и жестоких демонов от ярости перекошены лица, а руки и ноги застыли в каком-то конвульсивном танце. В старые времена некоторые из них стояли у ворот храма, чтобы защитить его от влияния чужих духов.

Большое впечатление производят на сегодняшних гостей Киото и традиционные сады, которые для японцев являются образцом прекрасного. Небольшой водопад, миниатюрные холмы и долины, деревья — все придает им неповторимое очарование.

В Киото прославленные японские сады сосредоточились в храмовом комплексе Дайтокудзи, основанном в XVI—XVII веках. Разными людьми, в разное время и по разным поводам возводились храмы и сады, сосредоточенные сейчас на небольшой территории. Монастырский ансамбль состоит из главного монастыря — административного центра, как бы представляющего собой весь комплекс, и еще 23 монастырей, которые подчинены главному. В каждом из них есть свой настоятель, свои сады и храмы, а также свой статус: закрыт ли этот монастырь для посетителей или же отдельные части его открыты, например, сад-музей, «чайный сад», исторический памятник и т.д.

Оставив обувь у входа или сменив ее на музейную, вы вступаете на темные, отполированные веками доски веранды, проходите во внутренние помещения, устланные шелковистыми соломенными циновками, и ищете безлюдное место, где можно было бы предаться созерцанию сада, рассмотреть живопись на внутренних стенах храма или просто поразмыслить о собственном бытии. Маленький уголок земли, отведенный, например, под «чайный сад», оказывается загадочным миром, где вы можете прожить целую жизнь и пережить разные эмоции.

Внимательно прислушавшись к тишине, вы почувствуете, что она тихо «звучит»: где-то вдали «разговаривает» маленький водопад, в кронах бамбука шумит ветер, на цветах и кустах гудят шмели… Особенно значительна тишина в пасмурные дни поздней осени, когда

можно насладиться полным одиночеством и беспрепятственным слиянием с искусно организованной природой. Тогда часы, проведенные на открытой галерее или в глубине павильона перед раздвинутыми стенами-седзи с видом на тот или другой уголок сада, покажутся вам мгновением.

Но самая главная достопримечательность Киото и самая большая его ценность «Сад камней», который имеет еще и другие названия — «Философский сад», «Сад Рёандзи». И десятки толкований сути, которую столетия назад вложил мудрый монах Соами в 15 черных, необработанных и разных по величине камней, разбросанных по белому песку.

«Пятнадцать камней» упоминает любой путеводитель, на самом деле многочисленные туристы и посетители замечают только 14 из них. Пятнадцатого камня перед глазами нет, его загораживают соседние. Делаешь шаг по деревянной галерее, протянувшейся вдоль края песчаного прямоугольника (с остальных трех сторон «Сад камней» ограничен каменной монастырской стеной), — и снова перед глазами только 14 камней. Пятнадцатый — тот, что до сих пор прятался, — теперь оказался на виду, зато «исчез» другой камень. Еще шаг по галерее — и гениально спланированный «хаос» предстает уже в новой композиции, состоящей все из тех же пятнадцати камней, из которых один постоянно невидим. Разные люди проходили по галерее, и разные мысли вызывал у них «Философский сад»…

Каждая эпоха долгой и бурной жизни древнего Киото оставила в его истории свои памятники. А сейчас ежегодно, 22 октября, в Киото проводится «Процессия веков» — праздник, который возник в 1815 году, когда было возведено синтоистское святилище Хэйандзингу, посвященное императорам Камму и Комэй. Рано утром в храме проводится торжественная служба, во время которой возносятся молитвы почившим владыкам. Затем выносятся паланкины-микоси, в которых, как гласит предание, временно пребывают их души. Началом праздника считается момент, когда участники шествия вступают под своды тории — самых больших ворот в Японии. Потом процессия следует из храма к Императорскому дворцу, и по дороге перед зрителями разворачиваются картины различных периодов японской истории. С исключительной точностью воспроизведены все реалии жизни каждой эпохи и все детали костюмов по моде тех лет.

Например, период Мэйдзи (1868—1912) представлен императорской армией и отрядами крестьян. Именно они были главными участниками реставрации Мэйдзи, которая положила конец господству сёгунов (военных правителей) и восстановила императорскую власть.

Токугавский период (1603—1868) представлен эпизодом, когда посланник сёгуна направляется в Киото, чтобы оказать императору церемониальные почести. В середине процессии несут паланкины, а за ними на лошадях везут огромные, богато украшенные короба с дарами сёгуна.

Следующая часть «Процессии веков» посвящена двум выдающимся государственным деятелям, объединителям страны, — полководцам Ода Нобунага и Тоетоми Хидэеси. Так, эпизод за эпизодом, уходя все глубже и глубже в хронологию, раскрываются замечательные страницы японской истории.

ГОСПОДИН ВЕЛИКИЙ НОВГОРОД

Медленно, почти незримо катит свои светлые воды Волхов, по обоим берегам которого раскинулся старинный русский город Новгород. Молчаливы стены новгородского кремля, молчаливы маковки глав Софийского собора, молчит голубое высокое небо, распростершееся над новгородской землей — над Волховом, Ильмень-озером и Чудским озером. Только земля новгородская не молчит каждый камень на ней, каждый холмик, каждая археологическая находка рассказывают о вечно живой истории Новгорода.

Однако о названии города и времени его основания в исторической и археологической науке нет единого мнения. Дата рождения Новгорода — 859 год — условная, поскольку установлена она только по первому упоминанию города в русских летописях. Но, кроме русских летописей, есть богатая письменность Византии, и оказалось, что там Новгород упоминается гораздо раньше 859 года. Например, в «Житии Святого Серафима Сурожского» повествуется о нападении на Крым новгородской дружины во главе с князем Бравлиным:

«…рать была велика, а князь силен зело. Руссы повоевали византийские владения от Херсонеса до Керчи и с многою силою подступили к Сурожу…»

Взяли новгородцы и Сурож, но у гробницы Святого Серафима князь Бравлин «вдруг был поражен внезапным недугом обратися лицо его назад». После того князь крестился, а крестил его сурожский архиепископ Филарет — лицо историческое, много раз упоминающееся в византийских хрониках.

Исследования многих российских историков нападение на Сурож относят к концу VIII — началу IX века, а американский византолог Г. Вернадский называет даже более точную дату — 790 год. Поэтому естественно предположение, что сам Новгород возник еще до похода князя Бравлина, но археологических подтверждений более ранней (чем 859 год) датировки города пока нет. Поэтому даже византийские свидетельства некоторые ученые берут под сомнение.

По богатству своему и значению Новгород был вторым городом на Руси после Киева, и владел он самой большой землей русской — Новгородской. Она представляла собой огромное государство, которое охватывало весь север нашей страны — от Балтики до Урала и от Ильмень-озера до Баренцева моря. Однако обширные новгородские земли были скудны, огромные пространства покрывали леса и болота, но предприимчивые новгородцы-ушкуйники, купцы и первопроходцы, заводили свои поселения по всему Северу.

В знак своей силы и могущества город над Волховом воздвиг «дубовый храм о тринадцати верхах» — Софию Новгородскую. Когда церковь в 1045 году сгорела, князь Владимир заложил в центре каменного кремля, южнее Боярских ворот, Софию каменную.[34] Этот собор тоже горел, но каждый раз поднимался вновь, становясь еще краше и величественней. «Где София — там и Новгород», и не зря говорил народ, что до конца XV века «дом Святой Софии» не имел себе равных ни в Новгородской земле, ни в других русских землях. В этом соборе русские князья служили молебны перед отправлением в боевые походы, его опекал и Иван Грозный, но когда город пытался перечить ему, он разорял «Святую Софию».

По берегам широкого Волхова раскинулся вольный Новгород, и для возведения города лучшего места в этих краях найти было нельзя. Он находился в центре водных путей, связывавших русские земли с западными странами; через Новгород проходил «великий путь из варяг в греки», и город контролировал бескрайние просторы русского севера вплоть до Белого моря. Выгодное географическое местоположение и определило быстрый рост города. Не сельское хозяйство и даже не ремесла, а торговля была «внутренним и внешним жизненным нервом» Новгорода. Господин Великий Новгород посылал своих купцов на рынки немецких городов и в Бухару, изделия искусных новгородских ремесленников славились далеко за пределами земли Новгородской; город молился в своих многочисленных церквах, пировал и принимал заморских гостей.

Новгород сыграл выдающуюся роль и в создании Древнерусского государства, центр которого находился в Киеве. В 882 году новгородский князь Олег, собрав дружину могучую, захватил Киев, обосновался там и сделал его центром государства. Однако значение Новгорода после объединения его с Киевом и другими княжествами,

вошедшими в состав Древнерусского государства, нисколько не уменьшилось. В борьбе за власть киевские князья часто опирались на Новгород, здесь они набирали дружины для своих походов, сюда обращались за помощью при неудачах и всегда находили поддержку.

В силу общего уклада своей жизни Новгород всегда проявлял стремление к самобытности и самостоятельности. Полухристианский-полуязыческий, но всегда вольный город-гуляка, город-купец, город-воин 300 лет жил под звон вечевого колокола. Под его раскаты шумел на берегах Волхова удалой ушкуйник Васька Буслаев, не веривший «ни в сон, ни в чох, ни в птичий грай» и вернувшийся из своих походов почтенным посадником Василием Буслаевичем. Дерзкая предприимчивость, тяга к странствиям отличают и былинного Садко — богатого новгородского гостя.

Новгород и вправду был богатым городом, и зарились на его богатства с Востока и с Запада. Над крестом средней главы Софийского собора парит металлический голубь. Старинное предание повествует, что голубь этот — судьба Новгорода: он всегда хотел быть вольным городом мира, а ему навязывали пожары, разорения и битвы. Монголы, правда, до города не дошли, но зато двинулись на него тучи с Балтики, и в борьбе с вражеским нашествием стал Новгород щитом для земли Русской. А во главе войска был поставлен юноша-князь Александр Невский, вся дальнейшая жизнь которого была столь тесно связана с Новгородом, что он почитался своим, хотя и не был уроженцем города.

В начале XII века, когда Киевская Русь распалась на отдельные княжества, Новгород стал самостоятельным городом и превратился в феодальную республику — Господин Великий Новгород. Правящими кругами в ней стали владевшие обширными землями бояре, богатое купечество и высшее духовенство. Князь в Новгороде не имел такой власти, как в других русских городах, так как его приглашали сюда княжить на определенных договорных условиях: договоры скреплялись целованием креста. Главная задача князя состояла в организации обороны города. Все вопросы городской жизни решались на Совете господ, во главе которого стоял епископ. Епископ владел кремлем и Софийским собором, где хранилась новгородская казна, ведал внешними сношениями Новгородской республики, имел право судить и наблюдать за торговлей. Решения Совета господ потом

выносились на утверждение вече — собрания свободного городского населения. Главой исполнительной власти являлся посадник, который председательствовал на вече.

Русский историк В.О. Ключевский писал, что новгородское вече ведало всю область законодательства, все вопросы внешней политики и внутреннего устройства, а также суд по политическим и другим важнейшим преступлениям, соединенным с наиболее тяжкими наказаниями, лишением жизни или конфискацией имущества и изгнанием… Вече постановляло новые законы, приглашало князя или изгоняло его, выбирало и судило главных городских сановников, разбирало их споры с князем, решало вопросы о войне и мире.

Жизнь Новгородской республики бурлила на знаменитой торговой стороне — Ярославовом дворище. Когда-то здесь стоял пышный и богатый двор князя Ярослава Мудрого, а потом Ярославово дворище стало вечевой площадью, на которой происходили все важнейшие политические события. Отсюда народ шел громить особо ненавистных бояр, отсюда, начиная с 1136 года, под перезвон вечевого колокола новгородцы «указывали путь» негожим князьям и архиепископам.

Нередко на вече, куда собирались «всем городом», сталкивались представители враждующих партий. Когда междоусобица казалась неизбежной, по обеим сторонам Волхова собирались два вече. Двигаясь навстречу друг другу, они сходились на большом мосту, и если духовенство не успевало разнять противников, дело заканчивалось кровавым побоищем.

Московские князья, ведя борьбу за объединение русских земель, не раз ходили походами на Новгород. Московский князь Дмитрий Иванович Донской первым заставил новгородцев признать свою зависимость от Москвы, но жители вольного города еще долго продолжали бороться. Особенно рьяно боролся против Москвы Дмитрий Шемяка, которому удалось даже на некоторое время захватить московский престол. Потерпев поражение, он вынужден был скрываться у новгородских бояр, но дело его продолжили другие.

В 70-х годах XV века, в последние дни независимости Новгорода, часть новгородской знати захотела перейти под власть литовского князя. Душой патриотов, которые противодействовали притязаниям Москвы, была Марфа Борецкая, за которой закрепилось прозвище «посадница», хотя она ею никогда не была. Двор вдовы новгородского

посадника на Софийской стороне был местом, куда стекались все недовольные присоединением Новгорода к Москве.

Сыновья и друзья Марфы-Посадницы объявили на вече, что Новгород — сам себе государь, жители его — люди вольные и сами выберут себе князя и что лучше отдаться под власть литовского князя Казимира, чем подчиниться Москве. Многие в Новгороде приняли сторону Борецких, и народ стал волноваться.

В ответ на такие действия новгородских бояр московский князь Иван III предпринял поход на Новгород: «Вечевому колоколу в отчизне нашей в Новгороде не быти, посаднику не быти, а государство нам свое держати». Поход этот принял характер общерусского ополчения, так как под начало Москвы — против «изменников христианству» — собирались войска со всех подвластных ей земель.

Новгородцы в решающем сражении на реке Шелони потерпели поражение, и московский князь расправился со многими именитыми новгородцами — у кого отобрал земли, а кого отправил в ссылку. Плакали и убивались новгородцы, когда со звонницы снимали выпоротый плетьми вечевой колокол, народ и именитые горожане долго провожали его с безмолвной горестью и слезами. Однако старинное предание повествует, что, когда повезли колокол в самодержавную Москву, по дороге, на холмах Валдая, упал он в глубокий овраг и разбился на мелкие кусочки. А из тех кусочков мастера-умельцы отлили валдайские колокольцы, которые разнесли свои песни по всей России.

Однако Иван III считал, что новгородцы еще не до конца покорились ему, и еще раз «явился в Новгород под предлогом благочестия… чтобы удержать их в вере, так как они якобы хотели отпасть от русского закона. Посредством этой хитрости он занял Новгород и обратил его в рабство, отняв все имущество у архиепископа, граждан, купцов и иноземцев»[35].

Марфа-Посадница говорила, что с потерей вольности померкнет слава Новгорода, опустеют его широкие и многолюдные посады, позарастут травой улицы, великолепие и богатство отцов исчезнут, а слава города станет басней в народе. И напрасно любопытный странник будет искать среди печальных развалин, где собиралось вече, где стоял дом Ярослава и мраморный образ Вадима; никто ему не

укажет их. Он задумается горестно и скажет только: «Здесь был Новгород».

Однако сила традиций новгородской вольности была так велика, что в течение еще 100 лет в Новгороде были живы воспоминания о прежней вольной жизни. Кроме того, в годы правления Ивана Грозного новгородцы были недовольны затянувшейся Ливонской войной, которая разоряла их земли и мешала торговле с заграничными странами. Чтобы ослабить тягу новгородцев к самостоятельности, царь отправился с опричниками на Новгород.

Второго января передовой царский отряд обложил Новгород, овладел пригородными монастырями, захватил все церковное имущество и, взяв в плен до 500 монахов, поставил их «на правеж» до прибытия царя.[36] Той же участи подверглись целые сотни семейств новгородцев, имущество которых было опечатано.

Через четыре дня прибыл Иван Грозный, а с ним и царевич Иван, и 1500 стрельцов. По приказу царскому игумены и монахи, взятые «на правеж», были забиты до смерти палками, а трупы их были отданы в обители для погребения. Архиепископ Пимен был взят под стражу, а дом его отдан опричникам на разграбление. Взятых в плен горожан и купцов пытали в присутствии царя и царевича, пытали не просто, но опаляя их каким-то необыкновенным горючим составом; затем началось потопление новгородцев в Волхове. Сотнями и тысячами на санях свозили обоего пола и всякого возраста жителей на берега реки, на которых стояли опричники с копьями, баграми и долбнями, то есть деревянными молотами. Оглушив жертву ударом долбни по голове, ее бросали в проруби; выплывавших из-подо льда прикалывали или вталкивали обратно в воду, и это зверство продолжалось в течение пяти недель!

По окончании этой расправы царь со своими сподвижниками начал грабить и жечь окрестные монастыри, резать обывателей, истреблять скот и житницы, разрушать дома, сквернить женщин и младенцев, наконец, велел опустошить и обезлюдеть окрестности Новгорода на 250 верст в окружности!

Но вопреки предсказаниям Марфы-Посадницы, Новгород не погиб. Пройдя через многие испытания — огонь гражданской войны, голод, разруху, сквозь все испепеляющие годы Великой Отечественной, — он только приумножил свою славу.

КРАКОВ

«Не в один день Краков строился» — так говорят в Польше, когда хотят сказать, что надо вооружиться терпением и старанием, ибо прекрасное и полезное создается не сразу. Старинный польский город Краков прекрасен в любую погоду и в разное время суток. И ранним утром, когда по его улицам и тихим бульварам стелется туман с Вислы; и в полдень, когда солнце стоит прямо над Рыночной площадью, а с башни Марьяцкого собора раздаются трубные звуки «гейнала». Тогда оживает старинная легенда о мужественном князе Краке, победившем вавельского дракона.

Польский князь Крак, добившись мира, все свое внимание стал уделять внутреннему устройству государства. Сначала на холме, омываемом водами Вислы, он построил королевский замок; затем для его безопасности и великолепия основал город, которому дал свое имя.

Но вскоре Краков постигло страшное несчастье: под Вавельским холмом поселилось огромное чудовище — то ли змей, то ли дракон. Прожорливое чудище похищало крестьянский скот, а иногда даже и людей. Ненасытность дракона так измучила жителей Кракова, что они уже стали подумывать о бегстве из города. И тогда князь Крак повелел начинить предназначенную для кормления дракона падаль серой, воском и смолой, потом поджечь ее и бросить чудовищу. Дракон проглотил еду и вскоре испустил дух от жара, сжигавшего его внутренности.

Князь Крак правил государством мудро и счастливо, он жил долго и умер в глубокой старости. Чтя его память, благодарные жители Кракова похоронили князя с надлежащими почестями и в согласии с обычаем. А чтобы его могила жила в веках и чтобы потомки не забывали о ней, краковяне соорудили из песка курган такой высоты, чтобы вершина его возвышалась над всеми окрестными холмами.

Первые письменные сведения о Кракове появились в летописях VIII—IX веков; так, например, арабский купец-путешественник Ибрагим ибн-Якуб, упоминая о городе «Кароко», писал, что его торговые связи простирались вплоть до «руссов и Константинополя». Однако еще гораздо раньше (II в.) в одной из записей

александрийского ученого Клавдия Птолемея упоминается город Карродунум над Вислой. Новейшие археологические данные подтверждают, что уже в то время на склонах Вавельского холма было много пещер и существовало укрепленное поселение.

Застройка холма менялась на протяжении многих лет, а рост Кракова начинается в XI веке, когда город фактически становится столицей государства. Краков тогда был оживленным, высокоразвитым по тому времени городом: владеть им означало владеть всей страной. Уже к XIII веку подъезжавшие к городу путники видели, что «Краков окружен двойными крепостными стенами, с башнями и фортификациями; есть в нем множество прекрасных домов и огромных храмов».

О польском короле Казимире Великом говорят, что он получил Польшу деревянной, а оставил каменной. В первую очередь это относится к Кракову: город имел различные привилегии, богател и расширялся. В середине XVI века Казимир Великий расширил Вавель и возвел на холме новые кафедральный собор и королевскую резиденцию. Впоследствии почти каждый король старался присоединить к старинному зданию новую часть в своем вкусе и стиле — романском, готическом, барокко…

Почти одновременно строились Ратуша, Сукенницы, Весовая палата, девять новых костелов; расширялись и укреплялись городские стены и башни. В средние века Краков был обнесен крепостной стеной, ощетинившейся башнями и барбаканами — небольшими фортификационными сооружениями. Городские стены и крепостные валы в начале XX века были уничтожены, но возле Флорианских ворот в Кракове и сейчас можно увидеть барбакан — один из немногих уцелевших в Европе памятников готического крепостного строительства.

Через Флорианские ворота попадаешь на одну из старейших и очаровательнейших улиц Кракова, южная сторона которой, на площади Рынка, замыкается Марьяцким собором — самым известным готическим собором Польши. Внутри высокий неф Марьяцкого костела замыкает радуга, за которой находится сияющий золотом алтарь работы Фейта Штоса.

Самая высокая башня Марьяцкого собора (81 метр) была и самым высоким строением в городе, и находилась она в ведении не

церковных, а городских властей. С нее хорошо просматривались все окрестности Кракова, и, когда дозорный на Марьяцкой башне трубил сигнал, ему отвечали трубачи с других башен. Тогда горожане спешно вооружались и занимали заранее условленные места на крепостных стенах.

Когда в июньские дни проводятся «Дни Кракова», по городским улицам шествуют герольды в средневековых костюмах, которые объявляют программу праздника. А на рынке, подражая галопу лошади, к великому удовольствию жителей, пляшет обязательный персонаж народных гуляний — Лайконик, одетый в татарский костюм.

Образ Лайконика ведет свое происхождение с XIII века, когда Польшу осаждали татарские полчища. Вражеские войска никак не могли взять Краков — ни штурмом, ни длительной осадой. Как-то на рассвете татары начали осторожно подбираться к городу, но находившийся на башне Марьяцкого костела дозорный заметил их и предупредил город. Однако ему не удалось до конца сыграть сигнал тревоги: татарская стрела пробила ему горло.

До сегодняшнего дня ежедневно, каждый час появляется трубач на башне и трубит «гейнал» — старинную военную песнь польских рыцарей. Как в старину, он поворачивается лицом попеременно ко всем четырем сторонам света; и как в старину, мелодия «гейнала» внезапно обрывается, как в далеком прошлом внезапно оборвалась жизнь зоркого часового. А в 12 часов дня радио транслирует «гейнал» по всей Польше, потому что эта мелодия стала еще и позывными Краковской астрономической обсерватории как сигнал точного времени.

Сегодня в северо-восточной части Рыночной площади одиноко возвышается Ратушная башня, а когда-то площадь Рынка была тесно застроена: здесь стояли готическая Ратуша с башней, амбар в стиле Ренессанса для хранения зерна и гауптвахта. Ратуша была построена во второй половине XIII века, а строительство башни закончилось в 1383 году.

В прошлые века Ратуша и ее башня выполняли самые различные функции. Со дня основания Ратуши в ее подземельях находилась тюрьма «Доротка», в которой три самых мрачных склепа предназначались для пыток. А по соседству, в подвале башни, по

иронии судьбы был устроен веселый кабачок «Свидница», где рекой лились вино и пиво…

Ратуша надежно охранялась не только из-за находящихся в ней преступников: на первом этаже Господского зала хранилась казна богатого города Кракова. Общественные финансы, которыми ведали три казначея, находились в сундуке, называвшемся «кадула». Сундук запирался на три разных ключа, и каждый казначей имел только один из них, поэтому открыть сундук казначеи могли только одновременно. В Господском зале польские короли принимали присягу граждан Кракова. Естественно, что Господский зал — это сердце Ратуши: он был украшен картинами и драгоценными тканями, а вдоль стен стояли длинные скамьи, выложенные подушками из красного сафьяна.

Рядом с Ратушей раскинулось грандиозное здание Сукенниц — торговых рядов, общей протяженностью 100 метров. Здание покрыто вогнутой крышей, в которой проделаны световые фонари. Как и всякое старинное здание в Кракове, Сукенницы имеют свою историю, которая начиналась еще в XII веке. Тогда это была, в сущности, улица, по сторонам которой тянулись лавки купцов, а выходы из нее на ночь закрывались деревянными решетками. Около 1300 года были построены новые торговые ряды, накрытые одной общей крышей, что было тогда новинкой. С внешней стороны к стенам нового здания примыкали беспорядочно громоздившиеся лавки и палатки, накрытые двускатными крышами. Дальше располагались лавочки, в которых продавали решительно все: соль, рыбу, обувь, глиняную и оловянную посуду и т.д. И только в 1380 году было начато строительство новых торговых рядов для продажи исключительно сукна.

За время своего существования Сукенницы не раз перестраивались во время ремонтов, происходивших после каждого пожара, а их было бесчисленное множество. В XIX веке Сукенницам чудом удалось избежать сноса, они были даже отремонтированы на средства, собранные горожанами. После ремонта и перестройки аркад часть помещений первого этажа Сукенниц заняли кафе; на втором этаже, помимо просторных залов для балов и приемов, располагалась Галерея польской живописи. Она была открыта в 1870 году во время торжественного юбилея польского писателя Ю. Крашевского.

В XIV веке в Кракове был образован первый в Польше университет, располагавшийся в нескольких зданиях, которые король

Ягелло скупил на улице Святой Анны. Самое старинное из низ — Коллегиум Майюс (Большая коллегия) — сохранилось до наших дней. Поднявшись по каменной лестнице, можно попасть в зал алхимии, где когда-то изучали не только естественные науки, но порой занимались и чернокнижием. Легенда утверждает, что именно здесь учился знаменитый доктор Фауст. Сейчас уже трудно сказать, так ли было на самом деле, но зато можно увидеть подлинную астролябию, которой пользовался Н. Коперник.

Каждый из домов на площади Рынка имел огромные подвалы, выходившие далеко за пределы фасадов. Сколько легенд связано с ними, сколько таинственных историй приключалось со смельчаками, пытавшимися проникнуть в них! Рассказывают, что в одном из таких подвалов как-то заблудилась кухарка, служившая у одного из краковских алхимиков. А попала она туда, гоняясь за петухом, который никак не хотел попадать в кастрюлю. Конечно, это был никакой не петух, а сам черт. В благодарность за спасение он насыпал кухарке полный передник золота и строго наказал не оглядываться, пока не выйдет из подвала.

Женщина, конечно же, не утерпела и на последней ступеньке оглянулась. Дверь мгновенно захлопнулась с таким треском и так сильно, что срезала любопытной кухарке пятку, а золото тут же превратилось в мусор.

Произошло это в подвале дома «Под Кшиштофорами», названном так по изображению Иисуса Христа над порталом. Дом этот был построен еще в 1370 году, но и до наших дней сохранились его сводчатые готические сени с лепниной.

В те далекие времена, когда Краков стоял на бойком торговом месте, земля здесь стоила очень дорого. На купленном участке старались строиться не вширь, а вверх, поэтому дома тесно прижимались друг к другу. Узкие 3-оконные, они немного откинулись назад, так как шире у основания, и кажется, что дома специально так расположились, чтобы просидеть на улицах Кракова века.

Не всякий город может вот так запросто перенести вас на несколько веков назад. А в Кракове невозможно избавиться от мысли, что время здесь сдвинулось: ни витрины современных магазинов, ни современный транспорт не могут вывести вас из этого состояния. Вы идете мимо галереи «Суконных рядов», и голуби слетают вам на

голову с завитков аттиков, венчающих здания. Дома старой части Кракова немного чудаковаты на вид. Время их молодости придало им неизгладимые черты, которые не изменились и в последние столетия.

То, чего не могло сделать за века всепожирающее время, пытались исполнить во время Второй мировой войны оккупировавшие Краков фашисты. В городе разместилась немецкая администрация, а в Вавельском замке поселился «генеральный губернатор» Г. Франк, грабивший и разрушавший национальные сокровища Польши. Прекрасно знавшие художественную цену Марьяцкому алтарю, немцы хотели немедленно конфисковать его и увезти в Германию.[37]

В Вавельском замке гитлеровцы снесли несколько строений, а на месте живописного комплекса «Королевских кухонь», где когда-то готовился пышный свадебный пир для Зигмунта I и принцессы Боны, построили свое административное здание. Покои Казимира Великого и королевы Ядвиги они превратили в пивной бар, в Сенаторском зале показывали кинофильмы, а на террасах королевского сада построили бетонный бассейн.

Планируя превратить Краков в город-западню, город-могилу для его населения и наступавших частей Советской Армии, немцы приспособили к обороне крепостные стены города и все старинные здания с прочной кирпичной кладкой. Они забаррикадировали улицы, построили дзоты, вырыли траншеи и окопы; заминировали мосты, казармы, аэродром в Раковицах, подземные коммуникации и стратегические дороги, которые вели в Краков…

Но наступление советских войск было столь стремительным, что немцы бежали, не успев выполнить своего варварского намерения. Маршалу И.С. Коневу, осуществившему этот блистательный маневр, в знак признания его заслуг благодарные поляки присвоили звание «Почетный гражданин Кракова».

ТЕГЕРАН

Основание Тегерана одни историки относят приблизительно к IX веку, но особого значения город в те времена не имел, так как вся его жизнь полностью зависела от соседа — древнего и богатого города Рея (нынешнего тегеранского предместья). Другие ученые первое упоминание о Тегеране датируют XII веком, когда город был всего лишь небольшой деревушкой. Такое расхождение в датах произошло, вероятно, оттого, что Тегеран возник сначала не как город, а как деревня, служившая дачным предместьем Рея.

Маленьким и неприметным поселением, располагавшимся рядом с могущественным соседом, Тегеран оставался до начала XIII века. Однако и на раннем этапе своего существования Тегеран не был заурядным селением. Иранский летописец Мохаммед Казвини писал о нем:

«Дома жителей Тегерана построены под землей и подобны пещерам муравьев. Всякий раз, когда враги нападают на них, жители Тегерана немедленно прячутся в своих подземных домах. Даже если враги держат деревню в окружении в течение нескольких дней, а то и месяцев, они все равно не могут захватить ее, снимают осаду и уходят».

В пещерах имелись холодные родниковые источники, там хранились специально созданные запасы продовольствия. Этим особенностям Тегерана суждено было сыграть определенную роль в его последующем возвышении.

В 1220 году оба города подверглись опустошительному набегу монголов. Значительная часть населения Реи, спасаясь от завоевателей, бежала под защиту домов-пещер Тегерана и осталась там жить. От последствий монгольских набегов Рея так и не смогла оправиться, а Тегеран выжил, и с этого времени значение его, из-за выгодного географического положения, стало быстро возрастать.

К XIV веку Тегеран превратился уже в сравнительно крупный торговый центр, а в 1404 году побывавший в Тегеране Гонсалес де Клавихо, кастильский посол при дворе Тимура, говорил о нем как уже о вполне сложившемся по тогдашним понятиям городе. Превращение

Тегерана в город завершилось к концу XVI века, когда по приказу шаха Тахмаспа вокруг города была возведена большая стена длиной в 6000 шагов с 114 башнями.

К XVII веку Тегеран в основном был глинобитным городом, в котором размещалось около 3000 домов. В 1729 году Надир-шах освободил Тегеран от афганцев, а еще через 30 лет город посетил иранский монарх Керим-хан Занд. Расположение города и сам Тегеран ему очень понравились, и он даже хотел сделать его своей столицей, но потом все-таки оставил ее в Ширазе.

Столицей Ирана Тегеран стал в конце XVIII века по воле Ага Мохаммед-хана, основателя каджарской династии. В 1785 году после кратковременной осады он захватил Тегеран, который к тому времени был небольшим городком с населением в 20000 человек. Ага Мохаммед-хан выбрал его, руководствуясь прежде всего военно-стратегическими соображениями. Воинственного владыку прельстили раскинувшиеся вокруг города богатые предгорные пастбища, которые могли прокормить многочисленную конницу шаха. Кроме того, от Тегерана было недалеко до плодородных провинций, которые могли бы снабжать столичный гарнизон провизией, и до других районов, где проживали племена, поддерживавшие Ага Мохаммед-хана в его борьбе за иранский престол.

Начало «столичного периода» в истории Тегерана было отмечено строительством шахских дворцов, крепостей и мечетей, самой величественной из которых является Шахская мечеть. А в середине XIX века город был кардинально перестроен, расширились границы Тегерана, он был окружен крепостным валом и рвом, было сооружено 12 ворот, которые выходили на 12 ответвлявшихся от города дорог. Каждую ночь, в 12 часов, пушки выстрелами оповещали караваны и путников, что ворота закрываются и город отходит ко сну.

После Первой мировой войны Тегеран начал развиваться ускоренными темпами, но все равно и в те годы он оставался второстепенным городом с населением около 200000 человек. Он сохранял многие черты, свойственные восточным городам; центром его была площадь Топхане (Пушечная), печально знаменитая тем, что на ней вешали преступников. От площади отходило несколько центральных улиц, более или менее благоустроенных. В других кварталах Тегерана, отделенных друг от друга глинобитными стенами,

преобладали узкие и немощеные улицы, которые чаще всего были грязными и пыльными.

Новое возрождение Тегерана связано с 1930-ми годами, когда он превратился в главный административный центр Ирана. Город начал быстро менять свою планировку, отдельные его кварталы стали полностью перестраиваться, в центральном и северном районах вместо глинобитных домов вырастали новые здания. Тегеран стал расширяться, продвигаясь в основном в северном направлении — к Шимрану; название это означает «прохладное место». А название иранской столицы, по одной из версий, истолковывается как «жаркое место».

Новые здания в Тегеране строятся в основном в современном стиле, но в них зачастую сохраняются и элементы восточной архитектуры — плоские крыши, сводчатые окна и двери, мозаичный орнамент в наружной кладке стен. Беседки и бассейны с фонтанами строятся во дворах не только жилых домов, но и административных зданий.

Постепенно в архитектурном облике Тегерана исчезают следы старой планировки. Ничего не осталось от его 12 ворот, о чем сильно сожалеют старожилы иранской столицы. Лишь названия ворот передались некоторым городским кварталам: Дарвазе Казвин, Дарвазе Давлати и др. Не осталось следов от крепостного вала и рва. Но современный Тегеран унаследовал от старого города стиль застройки некоторых площадей, от которых под прямым углом друг к другу отходят четыре магистральные улицы. Кварталы с узкими улочками, арыками и глинобитными домами сохранились главным образом в южной части Тегерана.

На одной из окраин Тегерана стоит домик, где последние годы жил аятолла Хомейни. В глубь небогатого квартала ведет улочка, на которой теснятся старые домишки, построенные в XIX веке. Таким же скромным выглядит и жилище Хомейни. От соседних домиков оно отличается лишь портретами имама на веранде, куда поднимаются по наружной лестнице. В небольшой комнатке стоит диван, перед которым на коврике стоят поношенные шлепанцы хозяина дома.

Если жилище Хомейни поражает своей простотой, даже бедностью, то его могила производит совсем другое впечатление. Еще издали видны блестящие купола и четыре минарета гигантской мечети,

возводимой в честь аятоллы. Могила Хомейни находится внутри огромного зала, который во время молитвы может вместить тысячу человек. Среди этого огромного пространства небольшое возвышение под колпаком с маленькими окошечками просто теряется. Надгробие покрыто зеленым и красным полотнищами: это цвета ислама и крови борцов, пролитой во время революции. По углам святой могилы — бумажные деньги. Через щели сооружения их бросают верующие.

Тегеран поначалу может разочаровать всякого, кто мечтал увидеть восточный город, созданный нашим воображением под впечатлением сказок «Тысяча и одна ночь». Многие кварталы сегодняшнего Тегерана своим обликом напоминают большие европейские города, так как он превратился в крупный деловой международный центр на Востоке. Но все-таки прежде всего это восточный город, а значит, не может обойтись без базара. Основанный более 200 лет назад, он прочно сохраняет черты старого Востока: неумолчный гул голосов, горячие споры продавцов и покупателей, шустрые босоногие мальчишки, зазывающие клиентов или настойчиво пытающиеся сбыть свой товар.

История тегеранского базара начинается со времен династии Каджаров. А первым торговцем, своего рода основателем базара, был Баба Ноуруз — содержатель караван-сарая, который за плату давал путешествующим своих мулов. Жил Баба Ноуруз в районе, где сегодня располагается мечеть Шах Абдоль Азим, а в те времена на ее месте стояли городские ворота. Караваны, приходившие в столицу Каджаров из южных городов (Исфагана, Шираза и др.), не могли миновать этих ворот, и Баба Ноуруз первым имел возможность выбирать товары, осуществлять сделки и беседовать о торговых делах.

Постепенно торговая территория расширялась, из небольших разрозненных базарчиков она превращалась в лабиринт торговых улиц, бесконечных переходов, скопление лавок и домов. За долгое время своего существования тегеранский базар был свидетелем многих событий, отдельные его районы названы именами, заслужившими добрую славу или печальную известность.

На тегеранском базаре, самом крупном крытом рынке мира, можно найти все что угодно: редкие по красоте и мастерству изделия ремесленников, исфаганскую глазурь, мозаику Шираза, кушанские ковры, ткани, парфюмерию, ювелирные изделия. Здесь встречаются торговцы и покупатели из самых разных районов и городов страны,

говорящие на разных диалектах. Горячие споры и неудержимый водопад новостей определяют здесь не только цены на товар, но и политику той или другой провинции, того или другого города.

Торговые ряды на тегеранском базаре имеют свои названия: Медная, Ковровая, Серебряная, Посудная улицы, и тянутся они на километр. Часть базара еще со старых времен занята арочными строениями, крыши магазинов другой части базара срослись между собой, тем самым создав навес почти над всей территорией рынка.

На тегеранском базаре мало что изменилось за эти 200 лет. Единственное новшество было привнесено сюда в середине 1950-х годов, когда разрушающиеся своды некоторых галерей заменили стеклянными перекрытиями. Конечно, крупным бизнесменам было бы нетрудно модернизировать базар и расширить его галереи. Однако эти новшества могут нарушить старинные правила торговли, вырабатывавшиеся десятилетиями. Недаром некоторые торговцы говорят, что «базар должен оставаться таким, каков он есть. Я не пробыл бы здесь и часа, если бы он стал походить на одну из людных торговых улиц Тегерана».

РОСТОВ ВЕЛИКИЙ

«Преславный град Ростов» впервые упомянут в старинной летописи «Повесть временных лет» под 862 годом. Однако археологические памятники свидетельствуют, что человек начал осваивать эти земли во времена более древние. Близ Яковлевского монастыря на речке Унице и сейчас можно найти предметы эпохи неолита — черепки с характерным орнаментом из ямок или гребенчатых полос, отшлифованную костяную иглу, грузило и даже янтарную подвеску.

Русский исследователь Ю. Шамурин отмечал, что об основании Ростова нет устных преданий и легенд, которые так поэтично украшают историю многих древнерусских городов. Возникновение города относится к временам незапамятным, к давности более древней, чем народные предания и легенды. Ростов существовал еще до пришествия на Русь Рюрика: это было одно из древнейших поселений славян среди угро-финского племени меря, обитавшего в северном Поволжье. Меряне занимались охотой, рыбной ловлей, земледелием; были им знакомы кузнечное и литейное дело, кожевенное производство, а также обработка дерева и волокнистых веществ.

В X—XI веках на ростовские земли проникают новгородские словене и кривичи, к XII веку меря совершенно исчезают, слившись со славянами. Оба народа мирно уживались друг с другом, занимаясь рыболовством, охотой, земледелием и ремеслами. Как память, меря оставили по себе целый ряд названий населенных пунктов, сохранившихся до наших дней: Веска, Инеры, Шугарь, Ишма, Солоть и другие.

Поселившись в новом городе, новгородцы сохранили тесную связь с метрополией как в области обычаев, так и порядков. В Ростове прочно укрепился вечевой строй, когда власть князя была ограничена, а в вече господствовало сильное земское боярство. На зависимость ростовских князей от бояр, на вынужденную «ласковость» князей указывали еще владимирские и ростовские летописцы.

Затерянный среди лесов, Ростов находился и вдали от широких политических путей, поэтому город мало привлекал князей, которые бывали здесь только наездами. Быстро усиливаться, богатеть и процветать город стал только с XI века. При князе Юрии Долгоруком Ростов получил титул «Великий», хотя князья по-прежнему не живут в городе, предпочитая ему Новгород и Владимир, а позднее Суздаль. При богатстве и многочисленности населения города кажется немного странным, что князья не стремятся сделать Ростов своей резиденцией. По отрывочным намекам некоторых летописей, князей смущали уже само «величие» города и свободный и вольный ход его жизни. Ростовские бояре издавна славились своим «буйством», да и горожане представляли собой народ весьма активный: бунты, изгнания и даже убийства неугодных лиц не были редкостью в истории Ростова.

Зато здесь, вдалеке от шумных княжеских дворов, строились церкви и копилась христианская культура в те времена, когда еще не существовала Москва. Ростовские монахи издавна славились своей образованностью, а монастыри — библиотеками. Из Григорьевского «Затвора» выходили на всю Русь религиозные проповедники, из Ростова вышел и просветитель зырян Стефан Пермский.

Один из древнейших городов русских, Ростов когда-то был равен богатством и славой Новгороду и Киеву, и потому много было охотников разорить ростовские земли. Кого только не повидали берега озера Неро: здесь побывали татаро-монголы, литовцы, поляки, шведы, разорявшие и грабившие город, но каждый раз Ростов вставал из пепла еще более величественным и прекрасным.

Большого расцвета город достиг при князе Константине Всеволодовиче (конец XII — начало XIII в.), который даже перенес сюда столицу Северо-Восточной Руси из Владимира, правда, ненадолго. После смерти Константина Всеволодовича княжество разделилось на три самостоятельных удела, и Ростов отошел к князю Василько Ростовскому, который, как говорится о нем в летописях, «наружность имел величественную и прекрасную» и был всеми любим за добродушие и кротость.

В битве с татарами Василько Ростовский был взят в плен, но отказался поступить на службу к хану Батыю. Он даже пищу принимать от них не хотел: «Враги моего отечества и Христа не могут быть мне друзьями». Разъяренные отказом татары зарубили князя, а

вдова его, Мария, постриглась в монахини и основала на окраине Ростова монастырь Спаса-на-Песках, который в народе называли «Княгининым». Впоследствии по указу императрицы Екатерины II он был слит с Яковлевским в единый Спасо-Яковлевский монастырь.

«Ехал черт в Ростов, да испугался крестов», — гласит старинная народная поговорка, в которой верно отразилась главная черта Ростова как города православного. Повсюду на зелени полей, окружавших город, белели монастыри и старинные церкви, а в центре Ростова высился кремль, украшенный несколькими десятками церковных глав. Создание этого белокаменного ансамбля связано с именем митрополита ростовского Ионы Сысоевича — выходца из крестьян, человека огромной культуры и тонкого художественного вкуса. Он хорошо знал историю и традиции ростовской школы архитектуры, многое увидел и по-новому оценил, будучи в Москве, где некоторое время исполнял обязанности местоблюстителя патриаршего престола.

Вернувшись из Москвы в 1664 году, митрополит Иона Сысоевич приступил к возведению своей резиденции в Ростове. Ростовская митрополия была тогда еще богата, в ее владения входили земельные угодья, сотни деревень, десятки рыбных ловель, мельницы, соляные варницы… Имея такое богатство, митрополит и начал возведение резиденции в Ростове — начал решительно, но с осторожностью и эстетическим тактом. К тому времени в центре города уже красовался великолепный Успенский собор: путь к новой резиденции митрополита как раз и должен был проходить мимо него, значит, предстояло возвести ансамбль, достойный такого соседства.

В Успенском соборе хранились такие святыни, как кипарисовый крест с частью древа Креста Господня, чудотворный образ Богоматери Владимирской, святые мощи под спудом святителей Леонтия и Феодора и князя Василька, а на вскрытии — мощи святителей Исайи и Игнатия. Кроме того, здесь находилось до 150 частей мощей других угодников Божиих.

Когда в 1160 году Успенский собор сгорел, летописец сильно сокрушался, что погибло такое чудо, ибо собор был «…зело преудивленный, такова убо не бывало и потом не вем, будет ли». Однако вскоре князь Андрей Боголюбский заложил первый каменный собор, но от «неискусства немчина Куфира» его стены рухнули через 40 лет. Через девять лет заложили новый собор, однако и его

уничтожил пожар, а во второй половине XVI века Успенский собор в Ростове возвели подобно Успенскому собору в Кремле. Несмотря на огромные размеры, Успенский собор в Ростове удивляет поразительной гармонией своих пропорций, он просторен и светел, великолепны его фрески работы ярославских и костромских мастеров.

Вот рядом с этим архитектурным шедевром митрополит Иона Сысоевич и начал возводить свою резиденцию. Дело двигалось быстро, и одно за другим вырастали сказочные каменные строения. В южной части Владычного двора долго стояла маленькая деревянная церковка на каменном подклете, но в 1671 году она сгорела от удара молнии. Подклет тогда решили не разбирать, а использовать для возведения нового храма. Так появилась церковь Спас-на-Сенях, главный вход в которую был сделан не с западной стороны (как это обычно бывает у православных храмов), а с севера. Это не было ни бунтом, ни ошибкой, просто с западной стороны к церкви примыкала Белая палата.

По предположениям исследователей, церковь Спаса-на-Сенях была расписана самой первой, так как была возведена в 1675 году уже как домовая церковь. В ее росписях изображены евангельские сюжеты «Распятие», «Снятие с креста», «Положение во гроб», «Воскресение» и другие. Большой интерес представляет композиция «Страшного суда», занимающая всю плоскость западной стены. Левая половина росписей отведена праведникам: среди них особенно выразительна группа, во главе которой идет апостол Петр с ключами от рая в руках.

Правая часть росписей посвящена аду и грешникам: ад изображен в виде огненной массы, на которой сидит главный черт и держит на коленях Иуду с мешочком сребреников. Замысел художника при написании «Страшного суда» основывался на реальных, земных представлениях, и потому мучения грешников изображены как пытки в застенках заплечных дел мастеров.

К 1690 году были возведены еще надвратная церковь Воскресения, церкви Иоанна Богослова и Григория Богослова. Мощные стены опоясали территорию, на которой разместились Митрополичий дом[38], Красная палата — «хоромы для пришествия великих государей», Дом на погребах, Иераршая палатка и другие постройки.

Красная палата в своем первоначальном виде до нас не дошла, а между тем это было одно из самых интересных сооружений кремля. По описи 1691 года, «хоромы для пришествия великих государей» описывались так: «Столовая, в ней писано стенным письмом; пол настлан железными и чугунными досками, перед столового — сени; подле сеней — палата Отдаточная, двои сени проходные, под ними исподних житей-хлебня, да 8 палат жилых. От ворот на двор крыльцо каменное, над лестницей — свод; над рундуками два шатра каменных, опаяны железом белым».

Разные периоды были в истории ростовского кремля. После 30 лет расцвета при митрополите Ионе Сысоевиче в его жизни наступил упадок, а когда митрополию перенесли в Ярославль, ростовский кремль и вовсе захирел. Без присмотра были оставлены и погибали древние книги и архивные документы, целые вороха бесценных свитков и рукописей валялись в башнях и переходах архиерейского дома. Кремлевские здания стали постепенно перестраиваться и приспосабливаться для других нужд; сооружения, не использовавшиеся практически (особенно башни и храмы), быстро приходили в упадок.

В начале XIX века ансамбль даже хотели снести, а на его месте построить огромный по тем временам гостиный двор. К счастью, этого не случилось, но разобрать успели верхнюю часть Часобитной башни и второй этаж Красной палаты. Ростовские купцы почти все кремлевские постройки быстро превратили в добротные склады. Красная палата, вызывавшая в свое время восхищение всех, стала мрачным лабазом, в котором хранились вино и соль: для удобства хранения этих товаров были даже выломаны стены, столпы и арки внутри нее, а настенная живопись уничтожена. В течение почти 50 лет ростовский кремль приходил в упадок, и только с 1870 года началась планомерная работа по его восстановлению и реставрации.

В настоящее время по своему общему виду ростовский кремль напоминает огромный монастырь. Хотя раньше монастыри строились и как оборонительные сооружения, но здесь нет приемов крепостного зодчества — ни рвов, ни решетчатых ворот, ни отводных стрельниц. Скорее, он напоминает замок — олицетворение силы и власти его бывших обитателей.

Кроме культовых построек в кремле, в Ростове было много и других храмов и монастырей — Богословская церковь, Богоявленский. Авраамиев и Спасо-Яковлевский монастыри… Более 20 церквей было в городе, и почти в каждой из них есть что-то интересное с художественной точки зрения. Особенно интересна церковь Исидора Блаженного, архитектурные формы которой были не совсем характерны для Ростова. Одноглавая, с гладкими стенами, она более напоминает небольшие церкви Пскова и Новгорода.

Сейчас Ростов Великий — тихий городок Ярославской области. Но когда подъезжаешь к нему, открывается удивительно красивая панорама города, встающего из озерных вод, словно легендарный Китеж-град.

КИЕВ — МАТЬ ГОРОДАМ РУССКИМ

На высокой горе, поднимающейся над седым Днепром, раскинулась широкая и величественная площадь Богдана Хмельницкого. Здесь сверкает ровный и чистый асфальт, ходят трамваи и троллейбусы, но стоит только оглядеться, как на вас сразу же повеет древностью. Неподалеку от площади, по левой стороне Владимирской улицы, сохранились остатки Золотых ворот, выстроенных в 1037 году — во время правления князя Ярослава Мудрого. За ними высится знаменитый Софийский собор, заложенный князем в том же году в память победы над печенегами…

Немного найдется в мире городов, вокруг возникновения которых происходило бы так много споров в среде ученых историков, археологов и любителей древности. А начало этим многочисленным дискуссиям положил Нестор-летописец, который в «Повести временных лет» поместил легенду, согласно которой апостол Андрей в I веке побывал в Поднепровье и на одной из киевских гор водрузил крест как символ будущего города.

«Повесть временных лет» начинает последовательное изложение истории Киева как столицы Древнерусского государства с 862 года. Однако и сам летописец пытался докопаться до ответа на вопрос: «Откуда есть пошла Русская земля и кто в Киеве нача первее княжиты». Археологические раскопки свидетельствуют, что территория нынешнего Киева была заселена уже в I веке до нашей эры. Возникшие здесь поселения своего наивысшего развития достигли ко II—III векам, после чего началось их постепенное угасание. С IV века славянское население здесь стало проживать постоянно, и с этого времени город начал расти и развиваться.

Однако проблема происхождения Киева, как указывалось выше, постоянно привлекала к себе внимание ученых, которые приходили к самым противоречивым выводам о времени основания города и об этническом происхождении его основателей. Начальные шаги города над Днепром чаще всего связывали не со славянами, а с другими народами — сарматами, готами, гуннами, норманнами, аварами. Так, например, основываясь на некоторых древнескандинавских

источниках, Киев отождествляли с городом Данпарстадом — легендарной днепровской столицей готов. В «Старшую Эдду» вошли, в частности, «Речения Хамди» — один из вариантов истории несчастной Сванхильды, выданной замуж за готского короля Германариха и казненной им самым жестоким образом. Хамди и два его брата, отправившиеся в путь, чтобы отомстить за смерть сестры, попадают в столицу готского короля, где видят «дворец готов и склоны глубоких берегов». Некоторые исследователи (например, Г. Вигфуссон) встречающееся в тексте «Речений Хамди» слово «djupat» (глубокий) пытались исправить на «Danpar» (Днепр) и таким образом объединить ставку Германариха на Днепре и Киев в одно.анпарстад упоминается также в «Песне об Аттиле», «Херварасаге», «Песне о Хльоде и Анганте», но и отсюда можно сделать вывод лишь о том, что в Приднепровье существовал какой-то политический центр готов, однако это вовсе не означает, что он располагался на территории современного Киева.

Древнерусская легенда повествует, что Киев основали три брата — Кий, Щек и Хорив, и легенда эта в древней Руси была очень известной: так или иначе она вошла в состав всех летописей, которые освещают начала древнерусской истории. В «Повести временных лет» у Нестора-летописца читаем:

«Полем же жившем особе и володеющем роды своими, иже и до сее братье бяху поляне, и живяху каждо съ своим родом и на своих местах, владеюще каждо родом своим. И быша три брата: единому имя Кий, а другому Щек, а третьему Хорив, и сестра их Лыбедь. Седяше Кий на горе, где же ныне Увоз Боричев, а Щек седяше на горе, где же ныне зовется Щековица, а Хорив на третьей горе, от него же прозвася Хоревица. И створище град во имя брата своего старейшего, и нарекоша имя ему Киев».

Аналогичные рассказы есть и в тех кодексах, которые отражают другие летописные традиции, нежели «Повесть временных лет». Легенда об основании Киева тремя братьями вскоре после своего возникновения вышла за пределы Руси и распространилась среди соседних народов, в первую очередь — западных славян. Со временем это предание перекочевало и в неславянские страны: подвергаясь определенной переработке, оно нашло свое отражение в «местных

источниках» (например, армянский вариант киевской легенды встречается в «Истории Тарона» Зеноба Глака).[39]

Вначале Киев оставался сравнительно небольшим городом — центром Полянского союза племен. Со временем славянские союзы переросли в Древнерусское государство, вместе с ними рос и Киев, постепенно превратившийся в «стольный град державы».

В середине IX века в Киеве правил Аскольд — последний представитель династии Кия. В 862 году новгородский князь Олег и его воины «пришли к горам Киевским». Увидев город, князь так сильно пленился его красотой, что, покорив его, официально провозгласил Киев столицей Руси и произнес знаменитые слова: «Да будет (Киев. — Н.И.) матерью городам русским!».

Однако, кроме приятности климата, красивости местоположения и богатства страны, сравнительно с севером, тому были и другие обстоятельства. Киев находился там, где Днепр, приняв самые большие притоки свои — Припять и Десну, поворачивает на восток, в степи — жилище кочевых народов. Здесь и должна была утвердиться главная защита от них; здесь же, вероятно, было и сборное место для русских лодок, отправлявшихся в Черное море.

В годы княжения Олега Русь освободилась от тяжкой и унизительной зависимости перед Хазарским каганатом. Подобно своему предшественнику Аскольду, князь Олег совершил два похода на Царьград (в 907 и 911 гг.) и оба раза одержал славные победы. В русско-византийском договоре 911 года Киев выступает уже как общепризнанная столица Руси.

При преемниках Олега, князе Игоре и княгине Ольге, Киев рос и укреплялся, но в основном он оставался деревянным городом. Правда, во время правления княгини Ольги в Киеве уже начинается каменное строительство.

Одну из наиболее ярких страниц в историю Древней Руси и ее стольного града вписал князь Святослав. «Когда Святослав вырос и возмужал, стал он собирать много воинов храбрых. И легко ходил он в походах, как пардус, и много воевал». Действительно, недолгое княжение Святослава было наполнено шумом походов и звоном битв: под его водительством храбрые дружины прошли от Волги до Дуная, везде прославляя русское оружие. Воюя в далеких странах, князь Святослав редко бывал в Киеве, чем и воспользовались печенежские

ханы — извечные враги Руси. В 968 году они осадили Киев, в городе начался голод, не хватало воды. Но система киевских укреплений выдержала осаду, а тут и подоспевшее войско воеводы Претича освободило стольный Киев-град.

Богатырским, героическим временем было и правление князя Владимира Красное Солнышко, как его назвали русские былины. Это были годы блестящих успехов Древнерусского государства, когда складывалась и развивалась самобытная и яркая культура древнерусской народности. Расцвел и стольный град Киев.

На Киевских горах воссияла благодать Божья, когда русский народ принял Святое Крещение и стал исповедовать святую веру Христову. «Что солнце между планетами, что царь между народами, то Киев между городами. На высокой горе стоит он, опоясанный зелеными садами, увенчанный золотыми маковками и крестами церквей, словно святою короною», — так писал украинский писатель Е.П. Гребенка.

Быстрый рост Киева в X — первые годы XI века отмечали все иностранные путешественники, послы и купцы, побывавшие в нем. Город поражал приезжих своим богатством, многолюдством, пышностью дворцов и храмов. Т. Мерзебургский, саксонский хронист начала XI века, отмечал, что «в большом городе Киеве насчитывается 400 церквей, восемь торжищ и необычайное скопление народа».

В истории Киева целую эпоху составляет время правления князя Ярослава, который крепко держал бразды правления в своих руках. Цвела при нем Русская земля, за что и прозвали его на Руси и в других государствах Мудрым. Во время его княжения Киев перешагнул свои первоначальные границы и быстро расширился во всех направлениях. Да и принарядил князь Киев не хуже Царьграда-Константинополя, возвел новые стены на земляных валах и соорудил Золотые ворота.

Кое-кто упрекал князя в расточительности: мол, к чему эта позолота, да и ворота слишком большие — ширина их равнялась ширине средней части главного киевского собора. Но князь Ярослав знал, что делает, и на украшение Божьих храмов не жалел никаких средств. А ворота — это лицо города: пусть все — и странники, и торговцы, и друзья, да и враги тоже — сразу видят, как богат, красив и могуч Киев И новые храмы поставил князь в Киеве, один Георгиевский, другой Ирининский, а главную церковь земли Русской, сердце русской митрополии, он посвятил мудрости Софии.

Софийский собор в Киеве был заложен на самом высоком месте — на поле победоносной битвы киевлян с печенегами. Потому многокупольный Софийский собор открывался путнику отовсюду, через какие бы ворота он ни вошел в город. В последние годы правления князя Ярослава Мудрого была заложена и Киево-Печерская лавра — первообраз и идеал русских монастырей.

Слава Киева была тесно связана с жизнью Ярослава Мудрого, а со смертью своей князь как будто унес в гроб не только счастье стольного града, но и могущество Руси. При некоторых преемниках князя Киев еще продолжал украшаться, в нем строились новые монастыри и церкви, однако некоторые князья стали больше заниматься родовыми счетами и преследовать личные цели. Они не только не щадили «матери городов русских», но и интересами Руси пренебрегали, сами водили в нее врагов и вместе с ними разоряли и страну, и первопрестольный Киев-град.

Приходилось терпеть Киеву и ужасные разорения от соотечественников: так, например, суздальский князь Андрей Юрьевич в 1169 году приступом взял Киев, разграбил его, а потом отдал на расхищение своим союзникам. Н.М. Карамзин в «Истории государства Российского» писал: «Победители, к стыду своему, забыли, что они россияне: в течение трех дней грабили не только жителей и дома, но и монастыри, церкви, богатый храм Софийский и Десятинный, похитили иконы драгоценные, ризы, книги и колокола». В 1204 году Рюрик Ростиславич, желая возвратить себе Киев, позвал половцев и вместе с ними взял город приступом. Потом он не только разграбил город, но не пощадил даже жизни старцев и невинных детей.

Однако выгодное географическое положение давало Киеву возможность быстро возрождаться, поэтому восставший после каждого нашествия город еще долго привлекал к себе взоры и враждовавших между собой русских князей, и соседей-кочевников.

А потом последовало грозное нашествие монголо-татар, которое на долгие годы повергло город в безвестность. Монголо-татары во главе с Менгу, двоюродным братом хана Батыя, приблизились к Киеву в 1239 году. По словам летописей, вражеские военачальники так «удивились красоте и величеству города», что Менгу не решался штурмовать укрепления древнерусской столицы, а пытался склонить

киевлян к сдаче, на что те ответили гордым отказом. Пришлось послам возвращаться ни с чем, но в 1240 году объединенные войска хана Батыя переправились через Днепр и осадили Киев. Галицкий летописец так сообщал о появлении возле города несметных вражеских полчищ:

«Пришел Батый к Киеву с большой силой, со множеством своих воинов, окружил город, обступила сила кочевников, и был город в великой осаде… И нельзя было голоса слышать от скрипения множества телег, от рева верблюдов и от ржания стад его коней. Вся Русская земля наполнилась воинами!»

Разрушив Киев, орды хана Батыя понеслись на запад и, словно огненный смерч, прокатились по Волыни и Галицкому княжеству, разорили Польшу и Венгрию. Долгое время не мог оправиться Киев после нашествия армии хана Батыя. Овладев городом, монголо-татары уничтожили часть жителей, которые защищали его, а другую часть (в основном ремесленников) увели с собой. Число киевских жителей сократилось с 50000 до 2000—3000. К середине XIII века татар в Киеве сменяют литовцы, потом поляки.

В середине XVII века начинаются кровопролитные войны против господства польской шляхты. Во главе казачества тогда стоял запорожский гетман Богдан Хмельницкий. После ряда славных побед он торжественно направился к Киеву, где его радостно встречали и оказывали всякие почести. Когда Богдан Хмельницкий изгнал из всей Украины польских помещиков, поляки объединились с татарами и турками, решив окончательно захватить Украину. И тогда гетман обратился к московскому царю Алексею Михайловичу, прося его принять Украину под свое покровительство и присоединить к России. С этого времени начинается новая славная страница в истории Киева — города, на долю которого выпало много всякого рода испытаний и превратностей судьбы…

БУДАПЕШТ — ЖЕМЧУЖИНА ДУНАЯ

Широко раскинулся Будапешт по берегам Дуная. Матовой белизной своих построек, стесненных в перспективе серебристыми горами, похож он на большую оправленную в серебро жемчужину. После войны Будапешт, как и многие другие города Европы, представлял собой печальную картину. Отступая под натиском советских войск, гитлеровцы в бессильной злобе взорвали все мосты через Дунай, разрушили городские коммуникации, вывели из строя или вывезли оборудование многих предприятий. Город лежал в руинах: на заснеженных улицах и площадях громоздились кучи щебня и кирпича, торчали искореженные рельсы трамвайных линий. Люди сидели в разрушенных квартирах и подвалах без воды, газа, света…

Сильно пострадала нагорная часть — Буда — район старинных дворцов, церквей и роскошных аристократических особняков. Здесь немцы дрались особенно упорно и отчаянно — за каждый дом, за каждую оконную раму. Вынужденные отступать, они поджигали красивейшие исторические здания, хотя с военной точки зрения в этом не было никакой необходимости. В здание Парламента попало более 250 бомб и артиллерийских снарядов, но оно и сейчас высится над самым Дунаем почерневшим утесом — со всеми своими готическими шпилями и каменными резными украшениями.

История Буды, расположенной на правом берегу Дуная, насчитывает, уже 2000 лет. Лесистые горы служили городу хорошей защитой от врагов, а богатая строительными материалами и целебными источниками местность была очень притягательной для заселения. Арависки, одно из кельтских племен, первыми основали здесь военное поселение Ак-Инк, название которого означает «Обильные воды».

В I веке до нашей эры Римская империя захватила Паннонию (западную часть нынешней Венгрии), и с тех пор ее граница в течение четырех веков проходила по Дунаю. На месте кельтского поселения римские легионеры основали город с латинизированным названием Аквинкум. Этот римский город в эпоху нашествия сменявших друг

друга народов был уничтожен полностью, так что даже название его не сохранилось. Полчища гуннов, аланов, гепидов, готов и других народов прошли через эти края, чтобы в конце концов уступить место венграм.

Жили здесь и славянские племена: слово «пешт», как считают венгры, сохранилось от них. Пешт — это пещера, какие в великом множестве сохранились под Будапештом. Большие и малые, они сформированы древним Дунаем или вырублены людьми. Венгерские племена пришли сюда в конце IX века и основали здесь государство, претерпевшее за свою историю и взлеты, и падения.

В первые столетия существования Венгерского королевства оба города у переправы через Дунай начали бурно развиваться, однако ни Пешт, ни Буда еще не принадлежали к крупным городам государства, так как королевская резиденция располагалась в другом месте. Во времена монгольского нашествия в 1241 году вместе с другими городами страны Буда и Пешт были разрушены полностью.

Решающим в развитии венгерских городов стал 1247 год, когда король Бела IV, опасаясь новых нашествий монголов, стал строить по всей стране крепости. На необитаемой до того горе в Буде (впоследствии названной Вархедь) была построена королевская крепость, вокруг которой вырос город. Во время правления династии Анжу (1308—1386) крепостной дворец в Буде был расширен, здесь стали строить свои дома горожане и знать.

Другой король, Матяш, находившийся под сильным влиянием итальянцев, использовал свои громадные доходы для создания в Буде самого блестящего в Европе королевского дворца. В одном из документов король писал: «Мы желаем вывести наш город Буду, который является резиденцией королевского величества, из состояния заброшенности, что послужит на пользу и всему государству». Король Матяш пригласил в Буду наиболее выдающихся мастеров того времени, которые и выполнили внутреннюю отделку королевского дворца. Дворец украшали фонтаны из красного мрамора, бронзовые статуи, резные двери и плафоны, цветные эмалированные скамьи и печи. В остальной части Буды строительная культура подлинного Ренессанса не развивалась, однако горожане и знать тоже стали приводить в порядок свои дома, украшать их снаружи и изнутри.

Растущая Буда вобрала в себя некоторые близлежащие деревни и вскоре стала исключительно привлекательным городом.

В эти столетия на другом берегу Дуная рос очень богатый город Пешт, плативший самый большой в государстве налог. В XV веке Пешт был окружен крепкими стенами, а для защиты пристани на берегу Дуная были возведены бастионы. Но при турецком владычестве[40] развитие обоих городов приостановилось: более того, по свидетельствам очевидцев, через несколько десятилетий после прихода турок Буда и Пешт превратились в бедные города восточного типа. Здания хоть и оставались в относительной сохранности, но внутреннее убранство их было совершенно разгромлено. Королевский дворец в Буде был превращен в казармы и склады, церкви перестроены в мусульманские мечети.

Почти 150 лет не развивался и Пешт, не вышедший за эти годы за свои средневековые стены. Прекратились знаменитые ярмарки Пешта, приносившие ему богатство, и постепенно город превратился в бедное деревенское поселение, к тому же плохо защищенное. Ко времени осады 1686 года Буда уже почти не существовала: что не было разрушено при пушечном обстреле — уничтожил пожар; что пощадили турки — разграбили осаждавшие. В Буде и Пеште в живых оставалось лишь несколько сотен жителей.

Освобожденные от турок с помощью Австрии венгерские города оставались во власти военного управления австрийской империи. Обещая льготы и даровые земли, императорский наместник старался привлечь в Буду и Пешт новых поселенцев, и они приезжали сюда из Австрии, Германии, Чехии и других стран. Возвращались в родные края и уцелевшие венгры.

В Буде не было королевского дворца, так как резиденция австрийских императоров находилась в Вене. Но в годы своего правления императрица Мария-Терезия повелела построить в Будайской крепости королевский дворец, однако ни сама императрица, ни ее наследники так и не побывали в его стенах. В 1777 году в нем разместился венгерский университет, что очень подняло престиж Буды.

Административное объединение Буды и Пешта в один город произошло в 1873 году, и это не было вопросом только общего градостроительства. Единый Будапешт, а не отдельные Буда и Пешт,

объединил хозяйственные и духовные силы страны, чтобы противостоять Габсбургам. В значительной степени объединению «двух жемчужин Дуная» способствовало возведение первого постоянного висячего (Цепного) моста через Дунай. Теперь мосты составляют неотъемлемые и притом неповторимые черты облика венгерской столицы. Будапешт уже невозможно представить без этих величественных сооружений, связавших гористую Буду и равнинный Пешт. Как бы паря в воздухе, встали мосты один над другим, соперничая между собой в красоте и изяществе. Самым длинным в Будапеште считается мост Арпада (928 метров), а самым старинным — Цепной мост. Он особенно красив вечером, когда загораются сотни электрических лампочек, высвечивающих его элегантные контуры.

Далеко выплеснулась за пределы Венгрии и слава будапештских парков, которых в городе насчитывается около тысячи. Маленькие и большие, они не похожи друг на друга ни своим устройством, ни назначением, так как каждый из них связан с определенным ландшафтом, микроклиматом и даже возрастом живущего рядом населения.

Тысячи искусных венгерских мастеров посвятили себя заботам о парках. Вот, например, Варошлигет, который создавался как подарок к 1000-летию Венгрии. Приглашенный из Франции садовник Неббьен спланировал на окраине Будапешта целую городскую рощу, в которой деревья разных цветов и формы листьев сплелись в сложный, но живой рисунок, меняющийся и трепещущий от самого легкого дуновения ветерка. Здесь томятся и грустят плакучие ивы, тянущиеся к земле каскадами своих ветвей. В траве желтеют гончарные амфоры, манят к себе увитые виноградом беседки, радуют глаз водоемы с дремлющим камышом. А рядом гордятся своей красотой стоящие на газонах тополя-гиганты…

Варошлигет — это даже не один, а несколько парков, в которых люди разного возраста могут найти для себя участки для отдыха, игр и занятий спортом. В него входят зоосад и «Веселый парк», а также небольшой ботанический сад. В Варошлигет есть и особый сад, специально спланированный инженером-садовником Чербоверо для слепых людей. Этот парк огорожен стеной, а гравиевая дорожка, ведущая в него с улицы, близ парка сменяется дощатым покрытием. Поэтому тот, кто идет, не видя дороги, легко узнает, что он близок к

цели своей прогулки. Парк для слепых представляет собой классический круг, в центре которого расположился бассейн. И как меняются лица людей, когда они слышат мягкое журчание водных струй!

Архитектурные красоты и сокровища разбросаны в Будапеште повсюду, так как город планировали не по циркулю и линейке, как, например, современные города Америки. И хотя есть в венгерской столице и целостные ансамбли (в частности, Крепостной район и др.), все же не они характерны для города.

Настоящий Будапешт — это сочетание неожиданностей. В городе все насыщено историей, бережно сохраняются даже следы тяжелого турецкого ига. Идешь, например, по оживленной улице Фё и вдруг видишь низкую, словно вросшую в землю турецкую купальню с позеленевшим куполом, уже несколько веков стоящую на горячем источнике. В подвале нового дома можно обнаружить римскую мозаику с изображением Геракла и тигра, тянущегося к виноградной лозе. В современный Будапешт вошли и руины римского поселения, расчищенные и огороженные террасами, нисходящими вниз — к ушедшим в землю древним постройкам. Узкие улочки старых кварталов привлекают уютом приземистых домиков, которые тесно сомкнули свой каменный строй перед наступающими новостройками. Будапешт просто оглушает обилием архитектурных шедевров, и потому можно без конца любоваться мягкими взлетами его мостов, затейливым кружевом чугунных изгородей, резными дверями дворцов и выдающимися скульптурами.

МАДРИД

Долгое время считалось, что в Мадриде, кроме посещения музея Прадо, делать нечего. На протяжении нескольких столетий было принято ругать здесь все: грязь, шум, жителей, климат. В разные эпохи большой парадности в Мадриде не наблюдалось, многие путешественники из Италии и Франции свидетельствовали об «ужасах» испанской столицы: дома сделаны словно из грязи, из окон выливаются ночные горшки, ножи и вилки употребляются мало… Главное изумление относилось к тому, что как же может быть столь могущественной империя, в которой живет такой нецивилизованный народ?

Бесконечные споры начинаются между испанскими историками, как только встает вопрос: «Когда и кем был основан Мадрид?». Одни считают, что город был основан римлянами, так как в самом Мадриде и его окрестностях были найдены могильные плиты римских захоронений. Однако ни на одном из этих камней не указывалось поселение, название которого хотя бы отдаленно напоминало слово «Мадрид».

Есть предположение, что в римские времена Мадрид назывался Мантуа. сторонники такой версии ссылаются на тексты Птолемея, в которых якобы под этим названием подразумевался Мадрид. Одни ученые авторитеты поддержали эту версию; другие, не менее авторитетные, основываясь на другом документе, утверждали, что Мадрид когда-то носил имя Миакум. Этот город, как писал император Август, находился на полпути между Сеговией и Титулсией. Отсюда ученые и сделали вывод, что речь могла идти только о Мадриде, так как других городов на середине этого пути нет.

Как бы там ни было, ясно одно — Мадрид имеет очень древнюю историю. Сейчас почти все ученые сошлись на том, что основание Мадриду положила крепость, построенная арабским эмиром Мохаммедом I. Теперь уже довольно трудно установить, на пустом ли месте возвел свои укрепления эмир, однако оно могло ему понравиться, так как с возвышающегося над рекой Монсанарес холма хорошо были видны долины и горы Гуадаррамы, откуда можно было

ожидать нападения врагов. Некоторые ученые полагают, что здесь издавна существовало какое-то поселение (пусть и не римское), которое Мохаммед I превратил в крепость. Позже как раз на этом месте возвел свой замок кастильский король Энрике II Гастамара, потом здесь появился укрепленный замок династии Габсбургов, а в настоящее время высится королевский дворец.

Решающим в истории Мадрида был 1561 год, когда испанский король Филипп II перенес сюда из Толедо столицу государства и Мадрид стал центром политической и дворцовой жизни. Многие уголки наиболее старой части города — площади, дворцы и другие здания — хранят много исторических преданий и легенд, иногда поэтических, иногда совершенно невероятных. Например, по поводу улицы Паса (ее название значит «изюм») существовало поверье, что тот, кто не пройдет по ней, никогда не женится.

Если смотреть на Мадрид с юго-запада, на фоне города выделяются белые башни неоготического собора Амульдены. «Святой Девой Амульденой» называется статуя Пресвятой Девы — покровительницы испанской столицы.

Статую Пресвятой Девы Амульдены привез в Испанию апостол Иаков, который в I веке проповедовал христианскую веру на Пиренейском полуострове. Когда эти земли захватили арабы, верующие спрятали статую своей небесной покровительницы от завоевателей. Король Альфонс VI, отвоевавший в 1083 году Мадрид у арабов, знал, что в городе хранится чудодейственный образ Пресвятой Девы, но все попытки найти его были напрасны. Только после торжественного молебна, когда процессия во главе с королем двигалась по улицам Мадрида, из стены одного дома вдруг выпало несколько камней, и статуя предстала перед взорами изумленных верующих.

На протяжении нескольких веков статуя Святой Амульдены хранилась в старинном мадридском соборе Санта-Мария, а после его сноса — в одном из монастырей. Нынешний собор Святой Амульдены был заложен в 1833 году прямо напротив королевского дворца. Работы по его возведению продвигались очень медленно, а незадолго до Гражданской войны в Испании вообще приостановились. Возобновились они только в 1944 году, и к настоящему времени собор возведен практически полностью, но внутри он почти пуст. На стенах

его отсутствует всякое убранство, однако, несмотря на это, в 1992 году папа Иоанн Павел II освятил собор.

Центральная площадь испанской столицы называется Пуэрта-дель-Соль, что переводится как «Ворота Солнца». В прежние времена в каменной стене, опоясывающей город, действительно находились городские ворота, через которые можно было наблюдать восход, когда солнечные лучи «входили» в город. В XVI веке ворота снесли, чтобы расширить проезд, и на освободившемся пространстве образовалась площадь, присоединившая к себе и территорию одного из рынков. По свидетельству Х.Л. де Ойос, испанского священника и гуманиста, учителя великого Сервантеса, ворота были снесены по приказанию короля Карлоса I вскоре после того, как его войска в 1521 году подавили восстание в Кастилии. Ворота снесли, «чтобы расширить столь важный выход из города», однако еще более 100 лет после этого площадь служила всего лишь отправной точкой на Гвадалахару. А главенствующее положение в Мадриде занимала Городская площадь.

Долгое время главным зданием на Пуэрта-дель-Соль была церковь Буэн-Сусесо, построенная благодарными горожанами в память за избавление от чумы 1438 года. Сейчас главным строением на площади является «Здание почт», возведенное в 1768 году. Почти через 100 лет после строительства «Здания почт» на его крыше была возведена башенка, на которой установили часы. Сконструировал их бывший пастух Рамон Лосада, который каким-то образом попал в Англию и стал там знаменитым часовых дел мастером. Над башенкой было возведено нечто вроде открытой беседки со сферической крышей. Под ней на вертикальном металлическом стержне укреплялся шар: когда в Мадриде наступал полдень, шар «сам» опускался, и на это «чудо» любовалось не одно поколение горожан. Сейчас эти старинные часы представляют собой целую астрономическую обсерваторию: они показывают движение планет, месяцы и времена года, восход и заход солнца, атмосферное давление. Часовые стрелки указывают время на 20 циферблатах, где отмечены названия разных городов нашей планеты.

Сначала в «Здании почт» размещалось министерство внутренних дел, а после поражения в 1939 году Испанской Республики в нем разместилось управление безопасности генерала Ф. Франко. Сейчас «Здание почт» занято муниципальными учреждениями, а возле него,

прямо в асфальт тротуара, вмонтирован бронзовый "0" (ноль), от которого начинается отсчет расстояний по всей Испании.

В наши дни Пуэрта-дель-Соль не поражает своими размерами, однако в истории Мадрида, да и всей Испании не было ни одного сколько-нибудь значительного события, которое каким-нибудь образом не прошло бы через эту площадь. По особым случаям она одевалась в праздничный наряд, как это было, например, в 1759 году — в день восшествия на престол короля Карлоса V. Тогда городские власти и жители домов, окружающих площадь, украсили свои жилища и фонтан Марибланки цветами и яркими лентами. Вокруг Пуэрта-дель-Соль установили 8 колонн с нимфами, соединив их лавровой гирляндой.

В 1766 году площадь была свидетелем заговора и мятежа «плащей и шпаг» против маркиза Л.Г. Эскилаче. На фасаде «Здания почт» укреплена доска и в память о народном восстании, поднятом в 1808 году против Наполеона Бонапарта. В 1812 году Пуэрта-дель-Соль была свидетелем провозглашения конституции, а потом ее сожжения после возвращения короля Фердинанда VII…

В середине Пуэрта-дель-Соль стоит белая мраморная статуя Венеры, которая называется «Марибланка» — «Белая Мари», более 200 лет венчавшая фонтан на площади. Проект этого фонтана был разработан итальянским скульптором Р. Гачи в 1618 году, но только через 12 лет в его круглую чашу из раскрытых бронзовых масок, укрепленных на вершине восьмигранника, упали первые струи воды. В середине XIX века фонтан вместе со статуей убрали в связи с реконструкцией площади, и долгое время Марибланка переходила с одного места на другое. В 1948 году, когда статуя ютилась на проспекте Реколетас, какие-то веселящиеся молодчики свалили ее с пьедестала и разбили на куски. Реставрированная Марибланка хранится сейчас в одном из музеев Мадрида, а в 1986 году на Пуэрта-дель-Соль возвратилась ее белоснежная копия: она заняла свой пьедестал, но уже без того фонтана, у которого в течение двух веков мадридцы назначали свидания.[41]

Правители Мадрида всегда питали любовь к прудам и фонтанам. Самым знаменитым из них считается фонтан «Сибелес», который уже давно стал символом испанской столицы. Не случайно мифологическую богиню, изображенную на фоне Триумфальной арки

стоящей в колеснице, запряженной львами, называют «вечной невестой Мадрида». В начале 1980-х годов городской муниципалитет решил подарить копию «Сибелес» мексиканской столице, что вызвало у испанцев чувство некоторой ревности — дружба дружбой, а «невестой» делиться все-таки негоже. А потом полушутливо-полусерьезно они просили мексиканцев не напяливать на «богиню» широкополые шляпы и пестрые пончо.

За долгие годы своего существования «Сибелес», установленный в 1782 году, был свидетелем многих исторических событий, однако мало кто даже из мадридцев знает, что под фонтаном находится золотой запас государства. На глубине 37 метров была построена бронированная камера испанского государственного банка, в котором и хранится часть резервов страны.

На площади, названной его именем, в белом мраморе застыл Христофор Колумб. Несмотря на высокую колонну-постамент, он кажется небольшим в сравнении с двумя вознесшимися напротив него ультрасовременными башнями. Эти сооружения — 45-этажный небоскреб «Башня Пикассо» и следующая за ним по высоте «Башня Европы» — являются самыми высокими зданиями Мадрида. Небоскребы, расположенные по обе стороны проспекта Кастельяна, образуют некое подобие гигантских ворот и потому их называют «Воротами Европы».

Христофор Колумб стоит на своей площади с конца XIX века, а за ним расположился «Сад открывателя» с огромным ковром из травы и деревьями — кряжистыми оливами, соснами и магнолиями. Широкий каскад воды ниспадает от памятника, воплощая родную для мореплавателя стихию. Несколько ступенек вниз — и вы оказываетесь под этим каскадом, но шум падающей воды и мириады сверкающих брызг еще больше обостряют восприятие карты, на которой в бронзе, алюминии, португальском граните и олове отражен путь трех каравелл Христофора Колумба.

Мадрид называли величественным и провинциальным, гостеприимным и равнодушным, открытым и замкнутым — все зависело от точки зрения автора высказывания, а порой и от его настроения. Очарованный красотой дочери обувщика Игнасии, в Мадрид из Италии приехал Д. Казанова. Но здесь изощренный покоритель женских сердец успеха не имел: Игнасия предпочла

молодого соседа. К тому же на таможне у Казановы отобрали 4 килограмма нюхательного табака, а потом еще посадили в тюрьму за незаконное ношение оружия. Так что пребывание в Мадриде знаменитого обольстителя было не особенно удачным, однако в своих воспоминаниях Казанова оставил о нем очень теплые воспоминания, назвав его одним из самых веселых и привлекательных городов.

КАИР

«Кто не видел Каира, тот ничего не видел», — говорится в книге сказок «Тысяча и одна ночь». В 1970 году город отметил свое тысячелетие, но его история началась на несколько веков раньше основания нового Каира.

В 639 году к Нилу подступили войска халифа Омара, которыми командовал полководец Амра. После семи месяцев осады арабская армия заняла Вавилон, располагавшийся на восточном берегу Нила. Происхождение этого названия весьма загадочно, но по некоторым, весьма беглым, указаниям античных авторов, ученые предполагают, что этот район еще во времена фараонов заселяли бежавшие из Двуречья восставшие рабы. В память о далекой родине они и окрестили свое новое убежище Вавилоном.

Древняя легенда рассказывает, что в то время, когда полководец Амра осаждал Вавилон, на крыше его военной палатки голубка свила свое гнездо. Это было признано хорошим предзнаменованием, и, чтобы не потревожить молодой выводок, предводитель халифа Омара приказал не снимать свою палатку. Она так и оставалась стоять у подошвы горы Мукаттам, когда войска халифа отправились в поход на Александрию.

Город, основанный на месте военного лагеря полководца Амра, был назван «Фустат» («палатка»). Вскоре здесь была возведена мечеть полководца Амра, которая в то время мало чем отличалась от обыкновенных жилищ. Это была небольшая и низкая сырцовая постройка с посыпанным галькой полом и плоской глиняной крышей на пальмовых столбах. В ней не только совершались религиозные отправления мусульман, мечеть служила также залом для совещаний, суда и… приютом.

По мере того как приходила в упадок Александрия, роль Фустата возрастала, и к середине VIII века он превратился в политический и экономический центр Египта. По углам мечети Амра появились невысокие надвратные башни, потом многие правители подновляли и украшали эту мечеть, а в 827 году она подверглась коренной перестройке. Тогда мечеть была расширена в два раза и достигла своих

нынешних размеров. Каирцы называют мечеть Амра «венцом мечетей», и не только за ее древность, размеры и грандиозность форм: именно в ней верующие всех исповеданий, признающие единого Бога, не раз собирались на молитвы в годину общих испытаний.

Решительный перелом в истории Фустата произошел во время правления Ахмеда ибн Тулуна — личности незаурядной, хотя он был сыном тюркского раба. При нем на склонах Мукаттам был возведен обширный дворец, а ближе к холму Яшкур заложен новый город. Если прежний Фустат рос довольно стихийно, то план новой правительственной резиденции был продуман весьма тщательно, поэтому со временем город из провинциального центра превратился в столицу страны. Ахмед ибн Тулун назвал свою новую столицу «Мизр» («Блистательная»), и это имя у средневековых авторов закрепилось и за Фустатом.

В 904 году халифы Багдада вернули себе власть над Египтом и сровняли с землей дворец строптивого Тулуна. Однако построенную им в 879 году мечеть они не тронули, и она до сих пор является украшением Каира. Легенда рассказывает, что план мечети был прислан халифу первым христианским архитектором, томившимся в тюрьме. В Фустате строились не только мечети, но и христианские церкви, самой значительной из которых является церковь Святого Сергия.

Со временем Аббасидам становилось все труднее удерживать власть над разнородными частями своей обширной империи, и в 969 году войска династии Фатимидов почти беспрепятственно заняли Фустат. Недалеко от него был заложен новый город, в котором уже через два года была расквартирована их армия и в общих чертах закончено возведение мечети и дворца. В 972 году аль-Муизз, халиф мусульманской династии Фатимидов, торжественно вступил в свою новую столицу, названную «аль-Кахира» («Победоносная»).

По поводу этого названия в ученом мире существуют две версии. Как рассказывают восточные хроники, такое название новому городу было дано не только «в память одержанных Фатимидами побед, но и как предзнаменование будущих, которые небо пошлет им над их врагами». По другой версии, город получил свое название в честь планеты Марс, которую арабы называют аль-Кахира.

Прежде чем заложить новый город, его будущую территорию окружили укрепленной на кольях веревкой с подвешенными к ней колокольчиками. По знаку астролога в благоприятный момент нужно было дернуть за веревку, чтобы по звону колокольчиков одновременно начать работу. Но когда на небе всходил Марс, на веревку опустился ворон и колокольчики зазвенели…

По представлениям арабов Марс — несчастливая планета, но вопреки предзнаменованию город все же назвали «Победоносным». Несколько позднее в новом городе появились итальянцы, которые сокращенно стали называть его Каиро, за ними и другие европейцы начали именовать его каждый по-своему, например, французы называют его Кэр.

При строительстве Каира материалом служили главным образом камни из развалин древнего Мемфиса, Фустата и пирамид фараонов. Эти камни отличались необыкновенной прочностью, даже и сейчас в стенах какой-нибудь старинной кладки можно обнаружить камни, испещренные древними иероглифами.

В течение долгого времени Фустат и Каир существовали рядом, но постепенно Каир вбирал его в себя и в XVII веке поглотил уже полностью. Лишь квартал Кебеш остался от старого города, некогда простиравшегося от скалы, на которой стоит знаменитая каирская Цитадель, до Нила.

Цитадель — «гнездо Мухаммеда Али» — была сооружена еще в 1176 году, во времена правления знаменитого султана Саладина. Он выстроил здесь себе дворец, впоследствии постоянно служивший резиденцией султанов-мамелюков. Но от величественной прежде крепости сейчас остались внешние стены с южной и восточной сторон: в их древней кладке застряли ядра наполеоновских пушек. На территории Цитадели расположилась мечеть Мухаммеда Али, двор которой окружают легкие алебастровые колонны, отчего и всю мечеть часто называют Алебастровой. Все в ней сделано из алебастра, даже прислоненный к стене ручной электрический фонарик, который светится трепетным красноватым светом.

Ее огромные купола и стройные минареты давно уже стали символом Каира. Эхо, как стайка птиц, разлетается по мечети и многократно звенит под ее куполами. Направо от входа в мечеть находится могила Мухаммеда Али, обнесенная бронзовой оградой.

На широкой площадке перед мечетью расположен «колодец Иосифа», который гораздо старше ее по возрасту. Он был вырыт еще в средние века, строительство же самой мечети началось в 1820 году. По преданию, в нем был заключен библейский праотец Иосиф, проданный в рабство своими братьями. Вырытый в скале, колодец этот имеет глубину 88 метров, и дно его находится на одном уровне с дном Нила. Сколько ни смотри в этот колодец — не увидишь даже блеска воды…

В Старом городе расположились и островки коптского (христианского) Каира. Христианство пришло в Египет задолго до ислама — еще в III веке. Сначала с ним боролись те, кто почитал древних богов Нила. С VII века в Египте начал быстро распространяться ислам, но копты сохранили и себя, и свою веру.

Старейшей в Каире является Подвесная церковь, воздвигнутая в IV веке во славу Девы Марии. Храм построен над южными воротами Вавилонской крепости, стоявшей на берегу Нила. Церковь как бы парит в воздухе, так как ее основание покоится на сваях, а через стеклянные ниши пола видна вода.

Со времени основания Каира и до завоевания его турками здесь последовательно правили четыре династии, и в разные эпохи в городе возводились величественные мечети. Современницей нового Каира является мечеть эль-Азхар («Мечеть цветов»), сохранившая свой восточный облик. Еще несколько веков назад в ней был основан мусульманский университет, в котором обучалось до 9000 студентов, пришедших со всех концов мусульманского мира. До сих пор профессора преподают здесь, учитывая традиции, не изменившиеся с X века.

По грандиозности, величию и мужественной грации выделяется в Каире мечеть султана Хасана. Так и кажется, что в XVI веке ее построил какой-нибудь арабский Микеланджело. Длина этой знаменитой мечети — 140 метров, ширина — 75, а один из ее минаретов достигает высоты 86 метров. Она примечательна своими ребристыми, как будто скрученными минаретами. Рассказывают, что султану было представлено много архитектурных проектов, но ни один ему не понравился. Однажды он с досады скрутил пергамент с чертежом и бросил его, а потом посмотрел и приказал: «Стройте так!».

Мечеть султана Хасана в сущности не одна мечеть, а четыре. Именно столько было при султане крупных мусульманских сект,

примирить которые он и надеялся. Витиеватый фонтан посреди двора мечети служил всем одинаково для традиционного омовения, а потом приступали к молитве: в одном дворе, но каждая община в своей нише, пробитой в стене.

В Каире с древности существовало четкое деление на кварталы, каждый из которых, в свою очередь, делился на несколько частей. Кварталы представляли собой группу домов обязательно с общими воротами, которые запирались на ночь. В основном в каждом квартале селились люди одной профессии, одной религии или общего происхождения. По кварталу проходила центральная улица, нередко дававшая ему название, в нем размещались одна или несколько мечетей, баня, лавки, рынок.

Каир огромен и разнолик, поэтому рассказывать можно лишь об отдельных его частях. В ослепительном свете купаются купола минаретов, в мягкий полумрак погружены улицы и базары. Вот, например, громаднейший крытый базар Хан эль-Халиль — знаменитый «золотой рынок», основанный более 700 лет назад султаном Ашрафом Халилем. В глазах рябит от золотой и серебряной парчи, муслина, разноцветного шелка… Это изобилие не умещается в тесных лавочках и выплескивается на улицу: торгуют и на лотках, и на тележках, и с возов. Истошно кричат зазывалы, расхваливая свой товар; сверкают белозубыми улыбками продавцы, энергично жестикулируя и бойко торгуясь. Хан эль-Халиль — это сплошная цепь магазинов, лавочек и лавчонок, которые тянутся на сотни метров: заблудиться здесь легко, выйти без проводника почти невозможно.

Еще в XIV веке писатели и путешественники с восторгом рассказывали о восточных тканях ручной работы. Вместе с шелком в них входили золотая и серебряная нити, которые придавали тканям большую плотность и удивительные по разнообразию рисунки. Невозможно подобрать два куска одинаковой материи: рисунки на них как будто чередуются в одинаковом порядке, и только пристально вглядевшись, можно заметить разницу в промежутках линий и размерах орнаментов.

Но «золотой рынок» славится не только тканями. В Хан эль-Халиле разместились еще 12 самостоятельных «суков» — базаров, которые специализируются на продаже определенных товаров. Только проводники безошибочно знают, где находится медный, терракотовый

ряд или владения золотых дел мастеров. Это поистине царство ювелиров — мастеров самой искусной и тончайшей работы. Повсюду слышен дробный стук молоточков, быстрые, почти незаметные движения рук вьют тонкую золотую проволоку и узором укладывают ее на шкатулки. Сегодняшние каирские умельцы-искусники, будь то ваятели или ювелиры, чеканщики или ткачи, сознают себя прямыми наследниками тех мастеров, что возводили знаменитые пирамиды и великого Сфинкса. И сознают это с заслуженной гордостью!

Каирцы очень жизнерадостны и никогда не унывают. Даже бездомные и безработные стараются не показывать своего горя, и потому на улицах никогда не засыпающей египетской столицы всегда слышны смех и веселые шутки. Они очень простосердечны, и если вас ненароком толкнут, — не обижайтесь! Лучше с улыбкой примите неизменное «малеш» — едва ли не самое распространенное и необыкновенно емкое слово, основной смысл которого сводится к «Прошу прощения!».

Каирцы очень религиозны, в громадном большинстве своем — они правоверные мусульмане. Когда радио разносит по улицам и площадям протяжный призыв к молитве, жизнь этого неугомонного города останавливается. Разноголосый хор муэдзинов поднимает с постели спящего и напоминает каждому бодрствующему мусульманину: «Аллах акбар! Ля илляхи илле Аллах!» («Аллах велик! Нет Бога, кроме Аллаха!»). Водители, парикмахеры, официанты, продавцы — буквально все прекращают свои занятия, расстилают молитвенные коврики и совершают намаз. Так происходит пять раз в день — сегодня, как вчера и позавчера, как и сотни лет назад…

УЛЫБАЮЩИЙСЯ ГОРОД ХАНОЙ

Ханой — очень приветливый город. Как мать дарит своему ребенку улыбку с первых мгновений его жизни, так и Ханой всегда улыбается людям. Со стен пагод улыбаются Будды в розовом ореоле, лотосы в озерах, хризантемы, гладиолусы, пионы — все это тоже многоцветье улыбок и доброты ханойской земли. Приветливо покачивают кронами кокосовые пальмы, да и сами дома как будто излучают свет и тепло. Простые и уютные, они лишены архитектурных капризов и восточной чопорности, зато в каждое лепное украшение на крыше вьетнамские зодчие стремились вложить только один смысл — радушие и гостеприимство. Каменные хвосты драконов на крышах домов — символ мира и спокойствия его жителей, ведь издавна дракон — повелитель вод — наделен великими добродетелями. Он верно служил людям и всегда защищал их, да и сам Ханой несколько столетий назад назывался «Тханглонгом» — «Городом взлетающего дракона».

Много воды утекло в Красной реке с тех пор, как на ее берегах появился Тханглонг. В IX веке китайский правитель Гао Бянь заложил здесь храм, который сейчас охраняется государством как памятник старины. Через 200 лет вьетнамский император Ли Тхай Хо начал возводить город, но на болотистой почве городские стены рушились. Старинное предание рассказывает, что однажды во сне император увидел белого коня, который выходил из храма. Конь проскакал вокруг нескольких деревень и снова удалился в храм. Сохранив в памяти участок, обозначенный следами конских копыт, император приказал на этой территории возвести стену, которая оказалась весьма прочной. Храм с тех пор стал называться «Бать Ма» — «Белая лошадь».

Первоначальное название должно было принести городу быстрый расцвет и счастье, однако ему выпал нелегкий жребий: не раз за свою многовековую историю город подвергался разрушениям. Особенно сильно Тханглонг пострадал в XIII веке от трехкратного нашествия захватчиков, вторгшихся с севера, но в конечном итоге непрошеные завоеватели получили достойный отпор. По сей день люди приходят в «Храм двух сестер», чтобы почтить память отважных женщин из рода

Чынг, которые, как гласит древнее предание, подняли восстание против завоевателей. Храм построен в стиле китайской пагоды и раньше был украшен золотыми статуэтками Будды, но впоследствии они исчезли. На темных стенах храма сохранились лишь великолепные барельефы, изображающие разъяренного тигра, возносящегося к небу дракона, аиста с цветами лотоса в клюве и слона, попирающего ногами змею.

Местом паломничества в Ханое является и квартал Донгда с его знаменитыми Баньяновыми холмами, которые, по преданию, возникли на том месте, где в 1789 году была разбита 200-тысячная китайская армия.

Тханглонг начинался с крепости, история которой насчитывает уже больше 1000 лет. Сейчас от крепости сохранились лишь остатки Северных ворот, в каменной стене можно видеть глубокую, почерневшую от времени выбоину — след от ядра, выпущенного французской артиллерией в апреле 1872 года. С тех пор улицу, примыкающую к старой крепости, называют «улицей Раненого сердца».

Недалеко от крепости, в самом центре Ханоя, раскинулось «Озеро возвращенного меча». Оно почти правильной формы, вода в нем изумительного голубого цвета и такая прозрачная, что с берега видно, как по дну ползают большие черные черепахи. Озеро образовалось на месте старого русла Красной реки, которая нынче течет несколько севернее. Посреди озера стоит башенка, которая называется «Храмом черепахи» и с которой связана одна старинная легенда, где исторические факты столь тесно переплелись с поэтическим вымыслом, что разделить их уже невозможно.

Эти события произошли в те времена, когда феодалы китайской династии Мин вторглись в земли Вьетнама с севера. Народ под предводительством рыбака Ле Лоя поднял восстание, но китайцы были лучше вооружены, и вьетнамское войско терпело поражения.

Когда крестьянская армия отошла в горы и встала на отдых, в один из вечеров в лагерь пробрался бедно одетый вьетнамец. Его отвели к шатру, где вокруг Ле Лоя собрались военачальники, одолеваемые тревожными думами.

— Ле Лой, — сказал бедняк. — Я — простой рыбак и каждый день ловлю рыбу на своем озере. А вчера сеть зацепила что-то

тяжелое, и я еле-еле подтянул ее к лодке. Потом на поверхность озера сплыла огромная черепаха, которая держала в зубах меч. Вот он, этот меч! Сокрушай им, Ле Лой, врагов нашей земли! — Рыбак вытащил из лохмотьев молнией сверкнувший меч и с поклоном вручил его вождю.

Ле Лой разбил полчища китайских захватчиков, прогнал их с вьетнамской земли и стал правителем страны. В честь великой победы он устроил праздник на том озере, где жила черепаха. В синих и желтых лодках Ле Лой и его приближенные выплыли на середину озера, и вдруг перед носом лодки правителя появилась старая черепаха и сказала:

— Тебе, Ле Лой, был послан меч, чтобы разгромить врага. Твой долг выполнен, ты победил. Меч этот страшен только захватчикам, и теперь верни его мне.

Меч описал над водой полукруг, черепаха схватила его в пасть и погрузилась в воду.

В честь легендарного рыбака-императора на середине «Озера возвращенного меча» воздвигнута нефритовая пагода Гок Сон, к которой с берега перекинут легкий изогнутый мостик. Недалеко от пагоды и возвышается над водой изящный «Храм черепахи», а вместе эти сооружения являются замечательными памятниками старинного вьетнамского зодчества, хотя в их архитектурных формах чувствуется и влияние Китая.

Свое нынешнее название — Ханой — город получил в 1839 году, и означает оно «город между рек». Собственно сам Ханой — это «внутренний город», где на сравнительно небольшой территории живет около 1000000 человек. Лабиринт тесных улиц делового Ханоя начинается у северного берега «Озера возвращенного меча». Это самый густонаселенный район города: здесь на каждый квадратный километр, застроенный домами не выше трех этажей, приходится 20—30 тысяч человек.

Сеть улиц «императорского города» окончательно сложилась к началу XX века, но многие дома были построены еще раньше — на месте бамбуковых и соломенных хижин. Феодальные правители Вьетнама запрещали незнатным людям строить дома, которые хотя бы отдаленно напоминали здания «императорского города». Закон императора Зя Лонга так и предписывал: «Дома простых людей не

могут иметь два этажа или двухъярусные крыши; их нельзя красить разными красками или рельефно украшать».

Новые черты в облике Ханоя появились в конце XIX века, когда французы захватили город и разрушили императорские дворцы, а на месте старинных пагод построили здания почты и телеграфа. С приходом колонизаторов в Ханое резко выделились «европейская» и «туземная» части. Состоятельные ремесленники и торговцы перестали обращать внимание на прежние императорские предписания и стали строить по-новому. На широких, выложенных каменными плитами улицах «европейского города» один за другим вырастали фешенебельные особняки и роскошные отели, богатые магазины и другие здания; здесь разбивали тенистые парки и зеленые скверы… Ханой тогда стал резко расти вверх, места в городе не прибавилось, и жизненное пространство приходилось расширять только так.

Нижние этажи зданий оставались прежними, зато надстройки над ними стали воплощать самую буйную фантазию зодчих-самоучек и хозяев-заказчиков Миниатюрные балкончики, на разной высоте площадки под навесом, с перилами и ограждениями, лепные орнаменты… Например, в Парусном ряду до сих пор стоит дом, который отличается весьма замысловатой архитектурой. Дом этот называется Ты Зыонг — «дом мясников»: его действительно построили мясники, переселившиеся из провинции в Ханой. Карнизы этого дома украшены тонкой лепкой, изображающей целые сюжеты, где многочисленные керамические фигуры облиты глазурью темно-зеленых оттенков…

«Туземная» часть Ханоя, где кривые улочки были настолько узки, что по ним с трудом могла проехать одна повозка, становилась все мрачнее и грязнее. Это был район опиумных курилен и винных лавок, хотя до французского владычества вьетнамцы не знали даже вкуса алкогольных напитков. На границе между «европейской» и «туземной» частями французы выстроили тюрьму Ша-Тьен.

В 1940 году французов сменили японские завоеватели, которые тоже мало заботились о благоустройстве Ханоя. Только с сентября 1945 года, когда страна обрела независимость, вьетнамцы стали украшать и благоустраивать свою столицу, бережно сохраняя ее исторические памятники. Многие улицы города до сих пор имеют

средневековые названия: улица Дорожных корзин, улица Бумажных изделий, улица Жареной рыбы и т.д.

Улица Кхамтхиен издавна считалась улицей звездочетов, писателей и ученых. Во время декабрьских налетов 1972 года она пострадала больше других, но уже в первые мирные месяцы стала восстанавливаться и преображаться. Бережно сохраняя ее древнюю архитектуру, рабочие-каменщики искусно заделывали кирпичом пробоины в стенах домов. Конечно, восстановить весь квартал в том виде, как он существовал много веков назад, невозможно. И тогда ханойцы решили засыпать воронки, проложить здесь широкий проспект, а по обе его стороны разбить аллеи, которые приведут к «Памятнику погибшим на улице Кхамтхиен».

Достопримечательностью вьетнамской столицы является и «Храм литературы», посвященный Конфуцию. В нем несколько двориков, заросших сейчас густой травой, в которой прячутся небольшие пруды, когда-то служившие бассейнами для купания, а теперь затянутые тиной. Узкая дорожка, выложенная каменными плитами, ведет из одного дворика в другой.

Все в «Храме литературы» скрывается в тени широколистых банановых и огромных манговых деревьев, как утверждают, ровесников самого храма. Некоторые из деревьев уже умерли и стоят, лишенные коры и листьев, как высохшие от времени скелеты великанов. В глубине двориков пахнет свежим сеном, тиной и дымком от ароматических свечей, день и ночь горящих в храме. Внутри храмового здания темно и прохладно, трепетный свет тонких свечей падает на большое бронзовое изваяние Будды. Перед Буддой стоит столик из сандалового дерева с чашечками для риса и вазами для фруктов. Неподалеку бронзовый аист (символ счастья и спокойствия), стоя на черепахе (символе бессмертия), держит в клюве цветок лотоса. Здесь же висят медный гонг и два меча, охраняющие храм от злых духов.

С XI века в храмовых двориках воспитывалась духовная элита Вьетнама. Вокруг Храма каменные черепахи поддерживают 84 плиты с именами победителей в конкурсных экзаменах на высшую ученую степень и литературных состязаниях, которые проводились здесь со времен основания Храма и вплоть до захвата Вьетнама Францией. Перед плитами установлена высокая изящная башня, служившая в

свое время кафедрой — с нее ученые через бамбуковый рупор произносили речи, поэты читали стихи, экзаменующиеся отвечали на вопросы ученого совета…

В Ханое рядом с каждым, даже совсем не большим озерком можно встретить храм или пагоду. Символом города считается «Пагода на одной колонне», возведенная в 1049 году. Легенда рассказывает, что как-то король Ле Тхань Тонг увидел во сне спускавшуюся с гор богиню Гуаньинь. Наутро король приказал возвести в ее честь пагоду, которая сейчас расположилась неподалеку от площади Бядинь. Деревянное сооружение, поднявшись посреди небольшого водоема, приобрело форму лотоса, а внутри пагоды находилось скульптурное изображение богини. Весь ансамбль выражал мысль, что лотос всегда остается чистым среди моря скорби…

За последние десятилетия Ханой, конечно же, сильно изменился. В 1970-х годах вьетнамские и советские архитекторы разработали совместный проект реконструкции и строительства столицы, который предусматривал создание второго города с сохранением «старого Ханоя». Географическим центром города должна стать площадь Бядинь, на которой находится мавзолей Хо Ши Мина. Ханой заботится о мавзолее: полы здесь всегда устланы коврами, парадные комнаты сияют чистотой, курится дым благовонных палочек. В полном порядке содержится и Музей Хо Ши Мина, в витринах которого выставлены «макеты мечтаний» вьетнамского лидера о городе будущего — высотные дома в районе Западного озера — сдержанные, чистейших архитектурных пропорций сооружения в стиле Ле Корбюзье.

Но и живя в столице, ханойцы во многом сохранили черты сельского быта. Например, между пятиэтажными корпусами новостроек нередко можно увидеть огороды. Подсобные хозяйства имеют многие предприятия, учреждения и учебные заведения. А в некоторых центральных кварталах города утро начинается с переклички петухов.

Сегодняшний Ханой с его почти тысячелетней историей, в сравнении с ярким и живым городом Хошимином, представляется скорее мудрым и медлительным, как старая черепаха. Как старик, трясущийся над старыми семейными реликвиями, Ханой отвергает всякие критические замечания по поводу заплесневевших фасадов своих домов, полуосыпавшихся черепичных крыш и позеленевших

ставней «старого города» с его темными пещерками-жилищами и глухими внутренними двориками. Ханой дорожит и прогнувшимися балконами с потрескавшимися колоннами, и ржавыми коваными решетками…

Каждая столица мира своеобразна не только своей историей и архитектурными традициями. Помимо них, любому городу присущи свои собственные, особенные звуки. Ханойские улицы с раннего утра наполняются глуховатым шуршанием тысяч велосипедных шин. Нескончаемым потоком рабочие и студенты, школьники и служащие, молодежь и пожилые люди катят на своих велосипедах на заводы и фабрики, в мастерские и учреждения, школы и другие учебные заведения. Они заполняют все улицы и площади города, и приезжему кажется невероятной способность ханойцев не только избегать столкновения, а и двигаться слаженно друг с другом. Но, присмотревшись, нетрудно заметить, что порядок в этом движении обеспечивается единым ритмом — ритмом мирной, спокойной жизни.

ВЕНА

Вена расположена в том месте Австрии, где Дунай, прорвавшись сквозь теснины Венских ворот, выходит на равнину. Эта равнина издавна привлекала к себе поселенцев, ибо «земля здесь одарила людей и хлебом, и вином, и фруктами», как писал в середине XVII века австрийский топограф М. Цейлер.

Вена хотя и тесно связана с историей Австрии, но существовала еще задолго до создания австрийского государства. Около 3000 года до нашей эры на территории современной Австрии поселились венето-иллирийские племена, основавшие на месте одного из сегодняшних районов Вены поселок и возведшие вокруг него укрепления. После них сюда пришли кельты, которых в 16 году нашей эры сменили римляне. На месте нынешней Вены римляне нашли кельтское поселение «Виндомина» и построили тут один из своих лагерей, центр которого находился на месте нынешнего Хохер-Маркт. Главный лагерь римлян располагался несколько дальше, но в Виндобоне (так римляне переименовали Виндомину) постоянно стоял гарнизон одного из римских легионов. Географическое положение Виндобоны позволяло римским войскам не только отражать набеги германцев, но и самим предпринимать захватнические вылазки.

Со временем вокруг военного лагеря стали вырастать торгово-ремесленные поселки. В Виндобоне охотно и подолгу жил римский император Марк Аврелий, здесь он и умер в 180 году. С течением времени римляне были вытеснены отсюда новыми завоевателями, которые в этом районе вообще часто сменяли друг друга, но наиболее настойчиво к захвату этих земель стремились германские племена, которые переименовали Виндобону в Вению. Нынешнее название австрийской столицы впервые упоминается в исторических хрониках в 1030 году, но только в 1037 году Вена называется городом. Тогда она входила во владения герцогского рода Бабенбергов — могущественных правителей, владевших многими австрийскими землями. Однако сами Бабенберги тогда еще не жили в Вене, потому что она была слишком открыта для нападений мадьяр.

В 1138 году Генрих Язомирготт, маркграф этого же рода, сооружает у самых ворот тогдашней Вены свой дворец, в котором почти сразу же начинается довольно пышная светская жизнь. При нем же происходит закладка собора Святого Стефана и возведение Бенедиктинского монастыря для призванных им ирландских монахов.

При Леопольде VI Вена занимала уже почти всю свою нынешнюю центральную территорию и считалась одним из красивейших нижнегерманских городов. Рост Вены вширь в то время прекратился, и начался внутренний рост города. Появляются Суконная, Ювелирная и другие улицы, а также Дворянская, на которой не разрешалось жить торговцам и ремесленникам.

Строгая грань, проводившаяся между сословиями, отражалась и на внешнем облике города, каждый квартал которого имел свою собственную «физиономию». Так, в «городском статусе» Леопольда VI говорилось, что «потомственные граждане, владеющие поземельною собственностью, пользуются привилегиями перед купцами и мещанами, а все они вместе отрицают право заседать „в совете“ за ремесленниками». В соборе Святого Стефана сейчас можно видеть надгробную плиту, посвященную памяти бургомистра К. Форлуфа и двух «советников», казненных в 1408 году на Свиной площади ремесленниками, которые тогда одержали победу над «потомственными бюргерами».

В конце XIII века Вена переходит под владычество Габсбургов, которые постепенно присоединяли к своим владениям все новые и новые территории. В 1529 году пришлось выдержать первую осаду турок, которые завоевали Венгрию и тем самым открыли себе свободный путь к австрийской столице. Жители Вены сожгли все пригороды и срыли замок на Каленберг, чтобы лишить турок всякого прикрытия, и в течение 18 дней выдерживали осаду, пока им на помощь не пришло подкрепление. Множество немецких городов (например, Нюрнберг и другие) прислали тогда Вене крупные пожертвования, чтобы она могла вновь воздвигнуть свои укрепления.

Через полтора века турки снова осадили Вену, но городские жители во главе с бургомистром Либенбергом организовали защиту своей столицы, в стенах которой тогда укрылось и население пригородов. Вена выдерживала осаду и отбивала все атаки, пока не подоспела помощь Яна Собесского.

Отчасти именно бурные события истории привели к тому, что Вена никогда не была мировым центром. С одной стороны, национальные противоречия постоянно подтачивали империю, с другой — городу не хватало свободного выхода в море. Но, может быть, благодаря этому Вена и сохранила в своем архитектурном облике цельность и однородность старины, чего нет в большинстве крупных европейских городов.

Старая Вена — это своеобразный историко-архитектурный музей с характерными чертами средневекового города, узкими изломанными улицами и темными, прижавшимися друг к другу домами и церквами. Нет ни одного свободного клочка земли: но увенчанные каноническими куполами и островерхими гранеными шпилями строения седой старины подчас теряются среди зданий пышного барокко, возведенных в конце XIX века, или в причудливом сочетании барокко с готикой.

На Соборной площади почти на 140 метров ввысь взметнулась стройная башня собора Святого Стефана, который венцы любовно называют «Штефель». Этот центр и символ Вены является крупнейшим готическим собором Австрии: он красуется почти на всех венских сувенирах и вызывает неизменное восхищение всех, кто способен оценить прекрасное.

«Штефель» строился, перестраивался и подновлялся в течение трех столетий. Его ажурная башня кажется особенно легкой рядом с основным зданием, а из ее проемов открывается величественная панорама: от Дуная и начинающейся за ним равнины на востоке до высоких холмов Венского Леса.

Крутая, с острым гребнем крыша собора устлана многоцветной глазурованной черепицей, а стены покрыты искусно высеченными узорами: лепные, резные, литые и кованые украшения создавали великие умельцы, большинство из которых остались безымянными. В средние века каждый венский подмастерье, добившись звания мастера, вколачивал гвоздь в особый деревянный столб. И мастеров в Вене оказалось так много, что со временем столб превратился из деревянного в «железный». Он и сейчас стоит неподалеку от «Штефеля» как символический памятник усердию, трудолюбию и таланту народа, построившего один из красивейших городов мира.

В 1945 году, отступая от Вены, гитлеровцы подожгли собор, который полыхал около трех дней. Сгорела крыша, упал 20-тонный колокол, обвалилась часть стены, были уничтожены многие украшения. Погиб и знаменитый орган, на котором играли многие всемирно известные музыканты и композиторы. Старожилы рассказывают, что собор Святого Стефана от полного уничтожения спас молоденький рыжеволосый русский лейтенант. Вокруг все горело и рвались снаряды, а он под пулями вместе со своими солдатами бросился тушить полыхавший собор, когда воду носили только касками и другими подручными средствами.

С запада и юга австрийскую столицу окружает знаменитый Венский Лес. Это крайние отроги Альп и покатые возвышенности, которые становятся все более высокими и крутыми по мере удаления от города. На их склонах расположились кудрявые рощи, виноградники и отдельные строения. В будние дни этот красивый район производит впечатление тихой местности, которую населяют лишь распевающие на все голоса птицы, а на дорогах встречаются автомобили с туристами. В воскресные же и праздничные дни сюда устремляются и сами горожане.

Самой парадной улицей Вены является Рингштрассе, возникшая на месте крепостных стен, окружавших город в средние века. По обеим сторонам улицы Ринг находятся главные правительственные учреждения Австрии. Здесь же высится построенная в готическом стиле Ратуша, на шпиле которой установлена фигура Рыцаря, ставшего символом и гордостью муниципальных властей города. Когда Ратушу сооружали, представители духовенства потребовали, чтобы ее шпиль был не выше шпиля близлежащего собора, поэтому здание Ратуши пришлось укоротить на два метра. Но в это время городу подарили статую Рыцаря, и таким образом Ратуша победила.

Живописная, утопающая в зелени Вена, расположенная на берегу «голубого Дуная», всегда полна очарования. С этой рекой связаны многие исторические даты и знаменательные события культурной жизни Австрии: именно очарование Дуная питало творчество И. Штрауса.

Вена и музыка — понятия неразрывные. Вы идете по улицам этого удивительного города, а из открытых окон домов доносятся знакомые мелодии менуэтов В.А. Моцарта, сонат Л. ван Бетховена и

вальсов И. Штрауса. В доме И. Штрауса сейчас разместился кабачок «Либер Августин», и хотя с виду он весьма невзрачен, в нем побывало много известных всему миру людей. В одной из комнат кабачка на сводчатом потолке воспроизведены автографы знаменитых людей. В.А. Моцарт и Марк Твен, И. Штраус и Ф. Шаляпин, С. Цвейг и Э. Карузо пили здесь пиво из массивных кружек с крышками…

В одном из старинных домиков на маленькой кривой улочке жил и работал Франц Шуберт. Рассказывают, что балкон домика Ф. Шуберта выходил во двор, и когда у композитора не было денег, он вывешивал на перила балкона свои брюки с вывернутыми карманами, чтобы кредиторы не беспокоили его напрасно…

Вену за ее улыбки и роскошь, за моды и музыку всемирная молва еще в XVIII веке окрестила «веселым городом». Это определение сохранилось за ней и по сей день: город действительно выглядит веселым и привлекательным. Если вы даже не были в Вене, стоит только произнести название австрийской столицы, — и в вашем воображении зазвучат пленительные звуки вальса, зашелестит тенистый Венский Лес, заиграют на солнце волны «голубого Дуная»…

СТАРАЯ И НОВАЯ ВАРШАВА

Как многие старые города Европы, Варшава появилась на свет во времена древние, почти незапамятные. Большое значение для возникновения городов имели тогда реки: люди селились в местах, где был высокий берег, к которому судам удобнее было причаливать. Такое место есть и недалеко от впадения в Вислу ее притоков — Буга и Нарева: здесь и возникла будущая Варшава.

Варшава сделалась известной гораздо позже первых польских городов — Кракова, Познани и других, однако точно определить ее начало и происхождение трудно. В X веке здесь жили потомки древних полян — поляки, которые построили поселение Старе Брудно на правом берегу Вислы. Через два столетия ожил и левый берег Вислы — тут появились селения Уяздов и Солец (соль привозили). С тех пор и потянулись сюда люди, и вскоре на обоих берегах Вислы появилось 30 поселков. Все они потом стали пригородами, а то и улицами Варшавы: Воля, Мокотув, Жерань и другие.

В XIII веке на левом берегу Вислы возвели замок, а вокруг него появился поселок, который стал колыбелью Варшавы, ее Старым городом — Старувкой. В замке сидел каштелян, наместник князя Мазовецкого, а сам князь жил в Уяздове.

Версий о происхождении названия города очень много. Некоторые историки считают, что своим основанием Варшава обязана богатой чешской семье Варшев (или Варшовцев). Избегая гонений в своем отечестве, Варшевы еще в 1108 году переселились в Мазовецкое княжество со своей многочисленной дружиной. Они поселились над Вислой в урочище, которое назвали Прагой, а уж потом на противоположном гористом берегу основали Варшаву.

Другие ученые дружно утверждают, что никакого чеха не было, а просто жил в замке каштелян Варцислав, от его имени и произошло название будущей столицы Польши. «И каштеляна такого не было, — спорят третьи. — Просто пришли сюда люди с Поморья и основали город». А четвертые исследователи полагают, что название города произошло от слова «верши» — плетеной из лозы длинной корзины, какой ловили в Висле рыбу местные крестьяне.

Проходили десятилетия, и Варшаве становилось уже тесно в границах Старувки. Старый город значительно расширился после пожара 1378 года, когда он был окружен новыми стенами. Вскоре к Старувке с севера прилепляется Нове Място, которое еще недавно было селом. Новый город сначала не был обширным и ничем особенным не отличался: весь он состоял из деревянных домов, пашни, крестьянских дворов и только в некоторых местах его украшали сады. Выделялся в нем лишь костел Пресвятой Богородицы, который, по преданию, был построен на месте языческого капища.

Еще больше Варшава увеличилась, когда один из князей Мазовецких, Януш, основал отдельное Варшавское княжество (XV—XVI вв.) и сделал Варшаву своей столицей. Этот князь первым стал всеми средствами улучшать Варшаву, умножил доходы города и расширил ее границы. Радели о благосостоянии города и простые ее граждане: например, два обывателя — П. Брун и Н. Панчатка — подарили Варшаве селение Солец, где находились магазины, водяные мельницы и фабрики.

Сердцем Старого города был Рынок, на котором веками сосредоточивалась хозяйственная, общественная и политическая жизнь города. Сейчас Рыночная площадь кажется тесной, а в старые времена она была еще теснее, так как в центре ее высилась Ратуша. Ее возвели в те времена, когда после пожара в Вавельском замке король Зигмунт III перенес столицу Польши из Кракова в Варшаву. Ратуша, в которой располагались городские власти, простояла много лет, и разобрали ее только в 1818 году.

После перенесения столицы в Варшаве и ее окрестностях стали возводиться церкви и красивые здания. Король Зигмунт III был любителем изящных искусств и потому поощрял к возведению прекрасных зданий своих подданных. Польские магнаты, переселившиеся в Варшаву вместе с королевским двором, покупали в городе земли и строили дворцы в стиле итальянских «палаццо».

В 1644 году был установлен памятник королю Зигмунту III его сыном Владиславом. Памятник состоял из мраморной колонны коринфского ордера, которую венчала медная, вызолоченная в огне статуя короля — монарха и воина: с плеч его ниспадает коронационный плащ, открывающий рыцарские доспехи. В правой

руке король держит искривленную саблю, в левой — крест, несколько превышающий самое статую.

Эта колонна была вытесана по заказу самого короля Зигмунта III, который хотел поставить монумент в память победы, одержанной им над восставшей шляхтой в 1607 году. Король повелел вытесать колонну, которая бы величиной своей превзошла великолепие римских памятников. Но при перевозке колонна посередине треснула, а вскоре после этого король Зигмунт умер. Одну из частей этой колонны сын короля Владислав и употребил на памятник отцу, но в надписях на ней не сказано о победе отца, видимо, чтобы не раздражать шляхту упоминанием о ее поражении.

Захватив польскую столицу во время Второй мировой войны, немцы сразу же стали выполнять личное распоряжение Гитлера. Обергруппенфюрер фон ден Бах получил новый приказ утихомирить Варшаву, то есть во время войны сровнять ее с землей… И в течение пяти лет фашисты планомерно и целенаправленно разрушали польскую столицу, все великолепие которой было уничтожено безжалостной силой: дом за домом, улица за улицей взлетали в воздух. Варшава была разрушена почти полностью (на 85%). Город превратился в гигантское кладбище улиц, площадей, костелов, дворцов; он стал пустынным и мертвым.

В Варшаве уцелели лишь здания, которые до последнего дня были заняты гитлеровцами. На аллее Первого Войска Польского стоит один дом, вроде бы ничем особенным не отличающийся от других. Но старые варшавяне до сих пор не любят ходить мимо него и всегда стараются перейти на другую сторону улицы. Этот дом остался целым только потому, что во время войны в нем размещалось гестапо и его предварительная тюрьма с перегородками и деревянными скамьями, которую жители Варшавы назвали «трамваем». Этот «трамвай» шел только в одну сторону, и тот, кто в него попадал, уже никогда не мог спрыгнуть.

В январе 1945 года, когда части Советской Армии и Войска Польского вошли в Варшаву, в разных концах города еще гремели взрывы — рвались мины замедленного действия, оставленные врагом. В городе обитало всего около 162000 человек, и весь он был усеян могилами 700000 варшавян, погибших в борьбе с оккупантами. Еще долгие годы вид варшавских улиц напоминал пустынный пейзаж…

Но с армейскими частями на руины и пепелища еще пылающей Варшавы со всех сторон потянулись ее прежние жители — первые колонны беженцев пешком, на велосипедах, толкая перед собой детские коляски с убогим скарбом… Они не обманывали себя и знали, что их ждет почти пещерная жизнь. Снег вокруг был черным от копоти и сажи, запах гари казался неистребимым… Люди, одетые во что попало, искали свои дома, которых не было. Не было ни Королевского замка, ни прекрасных дворцов магнатов; колонна короля Зигмунта лежала на земле, и поверженный монарх, словно моля о возмездии, протягивал к небу руки… В Краковском предместье, у ступеней своего костела, лежал бронзовый Христос, упавший под тяжестью креста; бесследно исчезли памятники астроному Н. Копернику, поэту А. Мицкевичу и герою восстания 1794 года Я. Килинскому. И где они — неизвестно: взорваны, разрушены, отправлены на переплавку или вывезены в Германию?

Но варшавянам, вернувшимся на пепелища своей столицы, ее руины и развалины были дороже, чем иным комфорт и покой. Люди селились где попало: в наскоро расчищенных подвалах, в уцелевших первых этажах домов, за неимением стекла окна забивали фанерой, вместо печей ставили буржуйки. Не работал водопровод, но уже тогда жители города напевали:

Варшава, моя ты, Варшава!
Одну тебя вижу в мечтах…

Самым старым в Варшаве был «дом князей Мазовецких», построенный, по преданию, на том самом месте, где стояла хижина легендарных Варша и Савы, от которых (еще одна версия!) будто бы и получила свое название столица Польши. Как гласит легенда, однажды князь, заблудившись на охоте, наткнулся на рыбачью хижину, в которой застал женщину Еву с двумя новорожденными детьми. Князь вызвался быть крестным отцом Варша и Савы и щедро одарил семью рыбака. Рыбак построил себе большой дом, вокруг которого стали селиться и другие рыбаки. Так вот и появилась Варшава, а впоследствии на месте усадьбы Варша и Савы построили дом

мазовецкие князья, которые в память о родоначальниках Варшавы украсили угол своего дома статуей Евы с двумя детьми на руках.

А самым старым собором в Варшаве является кафедральный собор Святого Иоанна. Около главного алтаря его находится «часовня Господа Иисуса» с большим деревянным распятием, которое в народе называют «пан Езус Старый». По преданию, это распятие сначала находилось в Нюрнберге.

Когда в Германии распространился протестантизм и из храмов стали удалять иконы и статуи, распятие разломали на несколько частей, чтобы потом сжечь их. В это время в Нюрнберге находился варшавянин Г. Барычка, приехавший сюда за товарами. Он подобрал куски распятия, спрятал их и привез в Варшаву. Здесь распятие поместили в «Фаре» (кафедральном соборе), и вскоре оно прославилось тем, что на голове Спасителя стали отрастать волосы. Они росли на ней и в Нюрнберге, но после распространения «лютеровой ереси» волосы засохли. А в Варшаве вновь стали расти, и один раз в год их обрезала золотыми ножницами невинная девушка.

Варшавяне восстановили свой город! Поистине волшебная сила таится в гордом гербе Варшавы — Сиренке, девушке из греческой легенды. Во все времена она была символом мятежного и бесстрашного духа варшавян: то грозила бедами и тревогами, то была чарующей и пленительной, как сама Висла, выбросившая ее на берег.

В восстановленной Варшаве многие районы и улицы поменялись местами: одни, ранее известные и модные, оказались в тени; другие — оживились и похорошели. В своем первозданном виде были восстановлены Старувка, Краковское предместье и другие районы и улицы Варшавы, неотделимые от истории города.

Старувка была прекрасной вблизи и еще прекрасней издали. Выйдешь сейчас на берег Вислы, оглядишься кругом — и увидишь необыкновенно чудесную картину. Кругом даже не дома, а только крыши — серые, коричневые, красные, розовые; крыши, которые образуют единственную на свете мозаику. И нельзя разглядеть, где кончается одна крыша и начинается другая… А как разнообразны их формы! Двух одинаковых даже не пытайтесь отыскать: здесь крыши-грибы, крыши-зонтики, крыши-конусы, крыши-шляпы, крыши-ларьки, крыши-коробочки… Крыши высокие и покатые, крутые и плоские, широкие и узкие… Так же разнообразны и их украшения: диковинные

печные трубы, карнизы всех видов, самые разные по форме окна мансард…

Когда восстановили Варшаву, многие искали в домах следы обновления и… не находили. И даже не понять было, как удалось польским архитекторам навести на новые стены темный налет старины — благородную патину, которая придает памятникам прошлого неповторимое очарование. Одна из старейших улиц Варшавы — Пивная, возникла в XIII веке, еще при князьях Мазовецких. По свидетельству одного из летописцев, стояли тут сначала дома деревянные, но они часто горели, и их постепенно заменяли каменными зданиями самой разнообразной архитектуры. Однако все они имели одну общую особенность — очень узкие лицевые фасады, всего в 2—3 окна.

На Пивной улице нет двух одинаковых домов, каждый чем-то выделяется, чем-то известен. В старину дома не имели номеров, и каждый владелец должен был чем-то особенным отметить свое жилище, поэтому многие дома были украшены барельефами, изображающими то играющих на флейтах детей, то корабль или голову оленя. Вот над порталом одного дома распростер свои крылья державный польский орел — здесь размещалась королевская канцелярия. А вот дом со скульптурой младенца Иисуса Христа с ягненком: здесь жила многодетная семья, и отец поручил свое потомство покровительству Спасителя.

В центре площади Коперника, как и прежде, стоит памятник астроному, который «остановил солнце и двинул землю». Этот памятник, созданный скульптором Б. Торвальдсеном, был воздвигнут сначала перед домом бывшего Общества любителей наук. На пьедестале были сделаны две надписи: с одной стороны золочеными латинскими буквами, с другой — по-польски: «Николаю Копернику соотечественники». Во время оккупации Варшавы фашисты сняли доску с латинской надписью и повесили свою, с готическими буквами: «Знаменитый ученый Коперник». Но однажды ночью эту доску похитили польские партизаны, так же бесследно исчезли вторая и третья, и фашистам пришлось смириться…

Сегодня, как и прежде, на пьедестале из серого мрамора, в древнем кресле, в академической тоге сидит великий астроном Н.

Коперник, устремив глаза в небо. В руках у него — сквозная небесная сфера, символ его бессмертного труда «Об обращении сфер».

Облик польской столицы меняется и сегодня, но прошлое не кануло в вечность. Оно продолжает жить и в новой Варшаве — городе, о котором Гитлеру поторопились хвастливо рапортовать: «Варшава — это уже только географическое понятие».

ТОМБУКТУ — ВОРОТА САХАРЫ

Европейские исследователи издавна называли Томбукту таинственным и загадочным городом. Расположенный к югу от пустыни Сахары, на территории современной Республики Мали, Томбукту являлся древним центром торговли и культуры Западного Судана. Город был известен не только среди местного населения, но и далеко за пределами африканского континента.

Начинался Томбукту у колодца Букту, который сейчас выглядит очень неприметно. Это просто небольшая воронка в песке глубиной не более 50 сантиметров во дворе одного из обыкновенных одноэтажных домиков — таких, как и большинство строений в городе.

По преданию, в XI веке на месте будущего города располагались склад зерна и колодец, сооруженный туарегами на месте их кочевья в нескольких километрах от берега реки Нигер. Одним из первых европейцев, кто увидел загадочный Нигер, был Мунго Парк, который так описывал эту реку: «Я испытал бесконечное счастье, увидев перед собой долгожданную цель своих устремлений — величественный Нигер, сверкающий в лучах утреннего солнца. Он был так же широк, как Темза у Вестминстера, и воды его медленно текли на восток».

С наступлением сезона дождей туареги сворачивали свои шатры и вслед за скотом уходили на север, а старая рабыня по имени Букту оставалась сторожить зерно и колодец. Собираясь обратно, кочевники произносили слова «Тим Букту», означающие, что они возвращаются «К Букту». Название закрепилось за кочевьем, а потом и за городом, только впоследствии оно стало звучать как «Томбукту».

Своего расцвета Томбукту достиг в XIV веке, когда императором стал Канку Мусса — самый могущественный правитель государства Мали. Подвластная ему территория простиралась от Атлантического океана до озера Чад. Будучи приверженцем ислама, Канку Мусса совершил хадж в Мекку и Медину, а по возвращении приказал построить в городе новые мечети, которые потом стали образцами для всех мусульманских храмов Западной Африки. До сих пор сохранились в Томбукту удивительные по своей архитектуре мечети с деревянными сваями, выступающими из стен наружу. Минарет такой

мечети имеет пирамидальную форму и поэтому, помимо своего основного назначения, служил еще сторожевой башней, опорным пунктом и складом продовольствия на случай долгой осады.

Очарованный ярким убранством святых мест Ближнего Востока, Канку Мусса взялся и за развитие Томбукту. возвел пышный дворец и всячески способствовал процветанию торговли. Со всех сторон потекли в Томбукту богатства, с юга на пирогах прибывало золото, слоновая кость и черное дерево; по караванным путям с севера доставлялись венецианский жемчуг, дамасские клинки, ткани, пряности, посуда и соль.

Но не только золотом и диковинными товарами славился Томбукту. Старинная суданская пословица гласит: «Соль прибывает с севера, золото — с юга, серебро — из страны белых; но слова Всевышнего, мудрость ученых, увлекательные истории и сказки можно найти только в Томбукту». Богатство города создало условия для развития здесь просвещения и культуры, вслед за мечетями в Томбукту появились медресе и библиотеки.

В XV—XVI веках Томбукту превратился в один из крупных центров мусульманской культуры. Некоторые арабские ученые, бежавшие из Испании после изгнания оттуда мавров, переселились в Томбукту и привезли с собой различные научные трактаты. При мечети Санкоре был основан университет, вскоре ставший известным во всем мусульманском мире наряду с университетами Кордовы, Каира, Дамаска и Феса. Студенты из разных стран толпились в его тенистом дворе, чтобы послушать мудрые речи ученых, теологов и проповедников. Но, кроме Корана, здесь изучали еще точные науки, литературу, историю, философию, географию. В университет Томбукту шли учиться жители не только арабских стран, но также и талибы (ищущие знания) из Египта и Турции. Ученые предполагают, что сюда прибывали даже мусульмане из Самарканда. В ту пору в Томбукту жили такие известные писатели-хронисты, как Ахмед Баба, Махмуд Кати и другие, к мнению которых уважительно относились ученые всего исламского мира.

В Томбукту создавались и богатые книгохранилища, где переписывались древние рукописи и составлялись хроники об истории местных народов. Среди последних можно указать на «Историю искателя сообщений о странах, армиях и знатнейших людях»,

посвященную в основном истории государства Сонгаи. В хронике собрано много интересных историй и фактов, подробно описывающих картины тогдашней жизни, особенно ее религиозную и культурную стороны. Пленный мавр Хасан ибн-Мухаммед аль-Ваззан, получивший при крещении имя Джованни Леоне и прозванный Львом Африканским, побывал в Западном Судане в 1511—1515 годы. Впоследствии он писал, что король Томбукту «обладает большим богатством в золотых пластинах и слитках… Король весьма почитает ученых людей… Там продается также много рукописных книг, каковые привозят из Барбарии; и от них получают больше дохода, нежели от остальных товаров».

Слава о Томбукту дошла и до России. Граф Г. Орлов передал 1000 франков Парижскому географическому обществу для учреждения премии первому европейцу, которому удастся достичь Томбукту и сообщить об этом городе подробные сведения. Первым европейцем, появившимся в Томбукту, стал английский майор Александр Гордон Лэнг, погибший здесь в 1826 году. Сейчас над дверью его дома установлена памятная доска, но А.Г. Лэнгу не очень повезло, и потомки мало знают о его отважной миссии. На большинстве карт Африканского континента маршруты его путешествий даже не отмечены.

Недалеко от дома А.Г. Лэнга установлены еще две мемориальные доски, посвященные французу Рене Кайе и немцу Г. Барту. Рене Кайе пришлось даже выдать себя за мусульманина, чтобы в 1828 году проникнуть в недоступный для христиан город. Оба путешественника побывали в Томбукту позже англичанина, но, вернувшись в Европу, они опубликовали свои записки.

Побывал в Томбукту и некто Варга из Астраханской области, но он вряд ли преследовал научные цели. И по одежде, и по манере поведения Варга мало чем отличался от арабских купцов, поэтому его имя осталось забытым среди имен первооткрывателей Томбукту.

Когда в конце XIX века вокруг Африки стали осуществляться регулярные морские перевозки грузов, Томбукту постепенно утратил значение конечного пункта Транссахарского торгового караванного пути. Уменьшилось в городе и число жителей: если в XV веке оно доходило до 45000 человек, то в настоящее время здесь живет не более 8000. Меньше стало проводников караванов, большинство городских

жителей занято мелкой торговлей и ремеслами (изготовлением украшений и сувениров), здесь развиты гончарное дело, кожевенное и ткацкое производство.

Но несмотря на утрату своего хозяйственного значения, Томбукту до сих пор остается одним из африканских центров мусульманской культуры. В середине 1960-х годов ученые обнаружили здесь три библиотеки, в которых хранилось более 5000 бесценных рукописей. Но очень много рукописей пока не найдено, и разыскать их будет сложно. Их владельцы, будь то вождь племени или бедняк, относятся к ним как к священной семейной реликвии и ни за какие деньги не желают расставаться с ними. От постороннего глаза они прячут свои сокровища, кто как может, и часто зарывают в песок.

Конечно, за прошедшие века Томбукту изменился, но и сегодня, как и много веков назад, один-два раза в год сюда прибывает караван верблюдов с каменной солью. К тюкам с солью на местном рынке до сих пор относятся с уважением, так как когда-то соль заменяла деньги.

Независимо от этнической и религиозной принадлежности жители страны произносят имя Томбукту с особым уважением и гордостью, словно этот город является неотъемлемой частью каждого из них. В действительности так оно и есть, ибо сегодняшний Томбукту ревностно хранит память о своем славном прошлом. «Южные ворота Сахары», «Жемчужина древнего Судана», «Столица песков», «Таинственный Томбукту» и еще много таких же красочных названий получил на протяжении своей истории этот древний город.

ЭДИНБУРГ

Пестрая клетка всегда популярной шотландки, шотландское виски, шотландская волынка, шотландская шерсть, шотландские стрелки, шотландская овчарка… Сколько известных всему миру названий и понятий связано с Шотландией! На ее земле жили и творили Р. Бернс и В. Скотт, и современные шотландцы бережно хранят все реликвии своей бурной истории.

А еще Шотландия — это трубы, трубы, трубы… Сколько каминов в домах, столько и труб, которые торчат над Эдинбургом — древней столицей Шотландии. Его расположение в центре богатейшей сельскохозяйственной местности способствовало раннему возвышению города. Купцы Эдинбурга вели оживленную торговлю с Фландрией, Скандинавией и Северной Германией.

История города, не до конца ясная еще и сегодня, уходит в глубь веков и начинается с замка, который словно вырастает из крупной базальтовой скалы. Вплоть до середины XVIII века история Эдинбургского замка была и историей самого города. Первые сведения о нем восходят к XI веку — времени правления Малькольма III, сына короля Дункана, по легенде убитого Макбетом. Памятью об этом периоде в истории замка и города осталась скромная часовня Святой Маргариты на вершине Замковой скалы, названная в честь набожной жены сэра Малькольма.

Возможно, здесь еще раньше стояла крепость, из-за которой пикты — коренное население Шотландии — в течение двух веков сражались с англосаксами, пришедшими на Британские острова с континента. В VII веке саксы надолго овладели крепостью, и вплоть до XI века Эдинбург находился в подчинении Нортумбрии — самого могущественного из англосаксонских королевств.

Первоначально город был известен под названием «Данэдин», что по-кельтски означает «крепость, стоящая на склонах гряды». Но, возможно, в средние века по созвучию с именем нортумбрийского короля Эдвина англосаксы стали именовать свой город Эдвинсбургом. Впоследствии оба названия соединились, что и привело к современному имени города.

В течение многих веков маленькая и небогатая Шотландия вела борьбу за свою независимость и за утверждение своей самостоятельности, и на долю Эдинбурга в этой борьбе выпало многое. На протяжении почти всего средневековья город был вовлечен или в длительные кровавые войны с Англией, или в утомительные пограничные конфликты.

В 1296 году английский король Эдуард I захватил замок, который оставался в руках англичан 17 лет. Архив и ценности шотландских королей были вывезены в Лондон, но шотландцы не хотели сдаваться, и потому войска графа Морея решили отвоевать замок. Старинное предание повествует, что в войсках графа оказался солдат, который еще до захвата замка англичанами обнаружил путь на неприступной скале, по которому по вечерам уходил в город на свидание со своей возлюбленной. Он и помог графу Морею, у которого было всего 30 воинов, ночью тайно подняться по скале и захватить англичан врасплох.

Шотландцы отвоевали замок, но все замковые сооружения, кроме часовни Святой Маргариты, оказались почти разрушенными. Через 40 лет шотландцам снова пришлось отвоевывать свой замок, и снова они уступали англичанам в силе и численности. Однако и на этот раз шотландцам помогла смекалка. В замок послали группу переодетых воинов якобы для продажи вина и продовольствия. «Торговцы» так расположили свои товары, что помешали закрыть ворота, и это позволило ворваться шотландским войскам.

К самому подножию Эдинбургского замка подступает Старый город. По гребню скалы, с запада на восток, проходит Хай-стрит — главная и единственная улица Старого города, по которой может проехать автомобиль. Остальные улицы настолько узки, что местами из окна одного дома можно шагнуть в окно противоположного Эта улица сбегает к королевскому дворцу Холируд — летнему дворцу Марии Стюарт.

Прямая, как стрела, Принсес-стрит (улица Принцев) делит Эдинбург на две части. В первой половине XIX века здесь возникли живописные сады. Когда начали возводить церковь Святого Иоанна, было запрещено строить здания на южной стороне Принсес-стрит, но владельцам домов разрешили огородить ее решеткой. Было осушено дно озера Нор Лох, которое плескалось у подножия Замковой скалы.

После этого городской совет Эдинбурга объявил о продаже участков земли, но с условием, чтобы на них были разведены сады или просто зеленые лужайки, которые украсят город.

В начале 1820-х годов здесь проложили первые лужайки, высадили деревья, и вскоре в состоятельных кругах Эдинбурга стало модным иметь ключ от садов на Принсес-стрит. Почетное право пользоваться таким садом было предоставлено английскому писателю В. Скотту, памятник которому стоит в Восточном саду. Эта сложная каменная конструкция высотой 60 метров, напоминающая шпиль готического собора, вырастает из квадратной башни, каждая сторона которой прорезана стрельчатыми арками. Через них видна статуя прославленного писателя, выполненная из белого мрамора. Вальтер Скотт «сидит» с книгой на коленях, а рядом с ним его любимая собака, преданно глядящая на своего хозяина. Завершает памятник шпиль, разделенный поясами галерей на этажи: все ниши «заселены» героями романов В. Скотта.

В недрах современного Эдинбурга расположился подземный квартал — «запертый город» Мери Кинг, в котором во время чумной эпидемии XVII века были изолированы сотни жителей. «Запертый город» находится под улицей Королевская Миля, названной так потому, что по ней королева проходила ровно милю до собора. До XVII века на этой улице решались политические и финансовые дела, процветали ремесла и торговля, день и ночь были открыты питейные заведения.

Коммерсанты и наемники, маги и чародеи, политические интриганы, мародеры, мошенники всех мастей, убийцы, веселые женщины — все они были обычными персонажами на этой улице. Неудивительно, что на Королевской Миле то и дело вспыхивали драки и дуэли. Неподалеку от нее заседала инквизиция, и рассказывают, что на Королевской Миле «за работу с нечистыми» было сожжено заживо более 300 женщин.

Во время чумной эпидемии зараженные шотландцы должны были вывешивать за окно кусок белой материи, чтобы извещать соседей о своей болезни. Вначале таких лоскутов было немного, но по мере распространения чумы квартал стал походить на парусную регату. Работу по сбору трупов и вывозу их за город взяли на себя монахи Ордена Святого Андрея. Мертвых они вывозили на повозках со

скрипучими осями, и, заслышав этот скрип, люди вздрагивали и захлопывали ставни.

Хроники повествуют, что в 1645 году, когда чума грозила перекинуться на весь Эдинбург, городской магистрат распорядился целиком опечатать этот квартал, чтобы остановить распространение болезни. Владелицей большей части огороженных зданий была Мери Кинг, потому весь квартал и стал носить ее имя. Через 100 лет после чумы жители Эдинбурга разобрали на кирпичи разрушенные дома в квартале Мери Кинг. В XVIII веке здесь поднялся новый город — поверх того, который хранил память о скорби и смерти.

Чтобы сейчас попасть в «запертый город», надо спуститься в самое нутро Королевской Мили через особую систему коммуникаций на 20 метров вниз — по узким ступенькам лестницы с сырыми перилами. Улицы «запертого города» представляют собой туннели и проходы без шума и света. По стенам и потолкам тянутся ряды электрических лампочек, скудно освещающих остатки лестниц, которые никуда не ведут; заложенные окна, из которых никто не выглядывает; забитые известкой и щебнем деревянные двери, скрывающие комнаты, которые не тревожат ни ветер, ни человеческое тепло, никакое движение… Рассказывают, что некоторые эпизоды романа Р.Л. Стивенсона «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда» разворачиваются именно в этих подземных лабиринтах, расположенных глубоко от поверхности земли.

В некоторых домах «запертого города» сохранились винные погреба печи для выпечки хлеба, буфеты и очаги, кладовки и дымоходы… Один дом привлекает внимание еще до того, как в него заходишь. Многие посетители не только ощущали рядом с ним падение температуры, но и в один голос описывали некую девушку-подростка, мелькавшую в комнатах. Причем «очевидцы» дружно утверждали, что одета она была в грязные, поношенные одежды; некоторые видели собаку у ее ног, другие отмечали, что лицо девушки было обезображено оспой, а в руке она держала сломанную куклу…

Однажды, когда в «квартал Мери Кинг» зашла группа слепых людей с собаками-поводырями, один пес тут же потащил своего хозяина наружу а другой в страхе заскулил и забился в угол. Часто посетители «запертого города» замечают, что их фотоаппараты сами

собой начинают перекручивать пленку, а многие кадры потом оказываются таинственным образом засвеченными…

ОСЛО

История города Осло, как и многое в Норвегии, связана с викингами. В 1043 году рыцарь Геральд Хардроде решил оставить прекрасный город Константинополь, где он служил в варяжской гвардии, ради норвежского трона. Дорога вела его через славянские земли и стольный град Киев. Была ли то любовь с первого взгляда или только желание заручиться поддержкой крепкого союзника, но в Киеве потомок викинга обвенчался с Елизаветой — дочерью Ярослава Мудрого.

В 1047 году Геральд Хардроде стал королем Норвегии, а еще через год основал на юге страны, в устье реки Лу, военное укрепление для поддержания своей власти. Его назвали «Осло», то есть «устье Лу».

Город находится вблизи наиболее развитых районов и главных городов Швеции и Дании, которые связывают Норвегию с этими странами и другими государствами Западной Европы. В некоторые периоды истории в Норвегии господствовали Дания и Швеция, и, конечно, на норвежской столице не могло не отразиться влияние этих стран и их столичных городов. Особенно длительным и сильным было влияние Копенгагена. Это видно и из сравнения их географического положения: оба города стоят у порога открытого, незамерзающего моря, и потому в Осло, как и в Копенгагене, первостепенное значение имеет портовая деятельность. Кроме того, благоприятное расположение Осло вблизи рек, текущих из глубины сплавных районов страны, способствовало развитию в городе лесной промышленности.

Но частые пожары не давали городу окрепнуть. Сильный пожар в 1614 году уничтожил Осло почти дотла, и рядом со сгоревшим был построен новый город, названный «Христианией» — в честь датского короля Христиана IV.[42]

Во время Северной войны Христиания была оккупирована и разорена шведскими войсками, и для восстановления города потребовалось очень много времени. Вплоть до разрыва норвежцев с Данией и объявления Христиании в 1814 году столицей город рос

очень медленно. По Кильскому мирному договору Норвегия была отнята у Дании в наказание за ее союз с Наполеоном. Коалиция монархов Европы, разбив Наполеона, несмотря на протесты норвежского народа, требовавшего независимости, отдала Норвегию Швеции — в виде компенсации за потерю последней Финляндии.

Если посмотреть на Осло с холмов Холменколлена, с высоты знаменитого трамплина, город с его россыпью вечерних огней кажется очень большим. Он обнимает фиорды до самого горизонта и по островам убегает в открытое море. Но спустишься вниз, и окажется, что норвежская столица не такая огромная, какой кажется сверху. Очень тихи улицы западной части Осло, нарядные виллы словно спят в окружении елей и сосен, только белки резвятся в их ветвях.

Осло, как и другие города Норвегии, тесно связан с окружающей его природой: тротуары улиц или набережных обрываются прямо в море. Иногда улица оканчивается обрывистой горой или входит в лес или поле.

Как и во многих средневековых городах Европы, в Осло есть Ратуша — огромное здание, облицованное красным кирпичом, очень интересное и своеобразное по своей архитектуре. Две широкие башни Ратуши видны из всех частей города. Вместе с полукруглой площадью и улицей напротив ее главного входа Ратуша создает единый ансамбль. Над главным входом Ратуши, как символ равноправия женщин, установлена фигура норвежской девушки.

Центральный зал Ратуши просто огромен (высота его 21 метр), в нем очень много стенной живописи, сочетание сюжетов которой самое различное: эпизоды из истории рабочего движения и рядом изображение процветающего торгового дома; налет гестапо на квартиру рабочей семьи и картины из жизни Святого Хольварда. Со стороны набережной перед Ратушей установлены шесть бронзовых фигур, олицетворяющих профессии рабочих, строивших это здание.

В 1968 году на одном из многочисленных фиордов Осло был открыт Художественный музей, построенный на деньги Сони Хени — героини предвоенного фильма «Серенада солнечной долины» — и ее мужа Н. Унстада (крупного бизнесмена). Здание музея, возведенное из стекла, бетона и алюминия, сверху похоже на ладонь с пятью лепестками неведомого цветка вместо пальцев. Коллекцию картин

известных мастеров XX века Соня Хени и Н. Унстад завещали родному Осло.

Первое место в Норвегии по числу посетителей занимает Музей норвежской славы, который был открыт на полуострове Бюгдай. В разных его павильонах бережно хранятся корабли великих норвежских мореплавателей: корабли викингов с гордо поднятым кверху острым и изогнутым носом. Черный дуб блестит, как каменный уголь… Нос одного корабля заканчивается тонким завитком, другого — увенчивается головой дракона с раскрытой пастью.

В стеклянных витринах дремлют здесь на вечном приколе могучие ладьи викингов, легендарный «Фрам» — корабль Фритьофа Нансена и Р. Амундсена, бревенчатый плот «Кон-Тики» Тура Хейердала… «Кон-Тики» стоит в особом музее и установлен так, что из нижнего этажа музея видно днище плота, покрытое водорослями и ракушками, и свисающая «водолазная» корзина. Под ним как живые «плавают» стаи макрелей и более мелких рыб, а во всю длину плота разместилась акула…

Интересна и история парка Фрогнер. Прежде всего необычен вход в него — ворота с четырехугольными фонарями и решеткой с тонким сквозным рисунком, как в витражах. Такие фонари и решетки с фигурами мужчин и женщин окаймляют и площадки со ступенями, ведущими на центральный холм парка.

В 1914 году на этом месте проводилась большая выставка, и скульптору Г. Вигеллану заказали для нее фонтан. Мастер предложил вместо фонтана украсить парк грандиозной скульптурной композицией. Городское управление Осло поддержало эту идею, и скульптор воплощению ее посвятил всю свою жизнь. Он стал и архитектором, и скульптором, и резчиком по дереву, а также камнетесом и кузнецом!

В этой скульптурной композиции варьируется одна тема — человеческая жизнь от рождения до смерти. Триста различных фигур, олицетворяющих детство, юность, счастливую или несчастную любовь, материнство, дружбу, веселье, борьбу, раздумье, грусть, болезни, увядание, смерть и возникновение новой жизни, воплощены в граните, бронзе, чугуне и железе.

Любая реалистическая скульптура одновременно является и символическим обобщением. Вот, например, обелиск «Стремление

человечества к лучшему будущему»: гибнущие мужчины поддерживают женщин, женщины — детей, а весь обелиск венчается детскими фигурками, стоящими во весь рост и тянущимися к солнцу.

Пятнадцать лет своей жизни скульптор отдал одному этому обелиску, высота которого 17 метров, а вес — 270 тонн. Можно представить, какой труд был вложен в создание всей композиции!

КАК МОСКВА СТРОИЛАСЬ…

Весной 1147 года в имении боярина Кучки, первого владельца Москвы, встретились два русских князя. Один из них, князь Святослав Северский, только что ходил войной в Смоленскую землю, другой — суздальский князь Юрий Владимирович Долгорукий — разорил Торжок и земли по реке Мете. Захватив богатую добычу, Юрий Долгорукий послал сказать своему другу и союзнику: «Приде ко мне, брате, в Москову!»

Князья встретились на высоком берегу Москвы-реки, среди густого бора, где стояли боярский двор и сельская усадьба. Шумно и весело пировали князья с дружинами, а потом, обменявшись подарками, разъехались по своим владениям. Через девять лет летописец записал в «Сказании об убиении Даниила Суздальского и начале Москвы», как «князь Юрий взыде на гору и обозре с нея очима своима семо и овамо, по обе стороны Москва-реки и за Неглинною, возлюби села оные и повеле сделать град мал, деревян».

Однако в исторической науке считается, что не Юрий Долгорукий был первооткрывателем Москвы. Прибыв в эти края, он застал на Боровицком холме и у его подножия город с крепостным валом, рвом и с достаточно сложным хозяйством. Так что своих гостей хлебосольный князь встретил не на пустом месте, и ему было чем угостить их.

О пра-Москве теперь много и напряженно думают ученые и историки. Пока точно не известно, забредали ли сюда воины князя Святослава, шедшие по Оке на хазарский город Итиль Русский писатель Ю. Лощиц считает, что Москву вполне мог видеть, а то и участвовать в ее укреплении Владимир Мономах, приходивший в эти края с намерением прочно освоить ростово-суздальские лесные, речные и полевые угодья. Отдельные археологические находки, связанные с пра-Москвой, дразнят исследователей какой-то пестрой диковинностью. Тут и серебряные монеты из Армении и Средней Азии, и глубокий оборонный ров, проходивший возле юго-западного угла нынешнего Большого Кремлевского дворца, тут и христианская вислая печать 1093—1096 годов, и остатки булыжной мостовой, где эта печать лежала.

Известный российский историк А. Асов предполагает, что предшественником Москвы мог быть Аркаим — древнейший сакральный центр славян, основанный за много веков до памятного 1147 года. В этом году Москва впервые была упомянута в христианских летописях, а через девять лет Юрий Долгорукий повелел своему сыну Андрею насыпать новую крепость, больше прежней, так как старая была не только мала, но уже и обветшала.

В 1156 году, когда над устьем реки Неглинной затевалось грандиозное строительство, князь Юрий находился в Киеве. На этом основании некоторые ученые предлагают считать основателем Москвы Андрея Боголюбского, другие же считают, что он был только исполнителем работ, задуманных его отцом.

На месте Москвы первоначально, как уже указывалось выше, были села, принадлежавшие боярину Степану Кучке, но начало Москвы пошло не от них, а от княжеского поселения в юго-западной части Кремля, где Неглинка впадала в Москву-реку. Это поселение обнесли деревянными стенами и рвом, впоследствии оно и стало московским Кремлем, в строительстве и укреплении которого самое деятельное участие принимали и другие русские князья.

Первоначальные размеры этого городка были самые крохотные, в длину Москва тогда имела всего около 220 метров. Посредине его стояла церковь во имя Рождества Иоанна Предтечи, срубленная, по словам летописей, еще в те времена, когда здесь только бор шумел. Рядом с церковью стояли княжеские хоромы — деревянный дом с клетью внизу и жилыми горницами наверху. За хоромами лепились нехитрые служебные помещения — амбары, подвалы, сараи…

С высокой кремлевской кручи были видны дымы окрестных сел, кольцом окружавших Москву сельцо «под бором» в Замоскворечье, далеко за ним Воробьево (на Воробьевых горах), ближе к Москве — Кудрино, Сухощаво и другие. Все эти села были отделены от первоначальной Москвы бором и лугами.

То было время беспокойное, да и крепкого государства на Руси тогда еще не было. Каждый князь стремился увеличивать свои владения за счет других, и первые 90 лет Москва представляла собой небольшой деревянный «детинец» — пограничный город-крепость Ростово-Суздальского княжества, в которое Москва тогда входила.

В 1238 году, когда из далеких монгольских степей двинулась на Русь рать хана Батыя, разрозненные и малочисленные дружины русских князей не могли остановить их и защитить свои земли. Почти все главные города, кроме Новгорода и Галича, куда монголы не дошли, были повержены и разграблены. Вся Русская земля лежала поруганная. На месте городов высились груды развалин, поля и села были усеяны трупами, оставшиеся в живых люди прятались в лесах.

Не смогла сдержать нашествия татарских полчищ и небольшая московская крепость, в летописи об этом сказано так:

«Люди убиша от старца до сущего младенца, а град и церкви огневи предаша и монастыри еси и села пожогша и, много имения вземше, отъидоша…»

На месте Москвы остались лишь груды пепла, и стаи ворон кружились над трупами изрубленных жителей. Казалось, не возродиться Москве после Батыева нашествия. Но потянулись на пепелища переселенцы, застучали топоры и запели пилы, и вскоре на пожарище вырастают крепостные стены, церкви, монастыри, окрестные деревушки — возникает новая Москва. К середине XIII века она была уже стольным градом самостоятельного Московского княжества — небольшого и не особенно сильного, да и было в нем всего лишь два города: сама Москва да Звенигород.

Но не было на Руси и другого княжества, местоположение которого было бы так выгодно: леса, болота и соседние княжества, окружавшие Москву, охраняли ее от вражеских нашествий. И потому после литовских и татарских набегов потянулись сюда многочисленные переселенцы, которые охотно расселялись на берегах Москвы-реки. Перебрались к Москве и торговые люди, ведь через город проходила дорога Владимирская и дорога на запад — к берегам Днепра.

Москва растет, богатеет и исподволь, медленно начинает расширять свои владения, собирать земли русские под свое начало. Уже первый московский князь Даниил Александрович присоединил к Москве Переславль-Залесский, его сын завоевывает Можайск, а вскоре и вся Москва-река, от истоков до устья, стала принадлежать Московскому княжеству. При князе Данииле был основан на юго-востоке деревянный Даниловский монастырь, а вокруг него образовалось Даниловское старинное селение.

При князе Иване Калите княжеская резиденция расширилась, причем весьма значительно. Князь задумал перестроить свою резиденцию так, чтобы она не уступала старинному великокняжескому городу Владимиру, поэтому все свои новые постройки, соборы и дворец он поместил за первоначальной восточной стеной. Место для построек Иван Калита выбрал около старинной церкви архистратига Михаила, которая стояла в Московском бору с тех же самых времен, что и церковь во имя Рождества Иоанна Предтечи. К северу от этих церквей было выбрано место для главного московского храма — каменного Успенского собора, который был заложен Иваном Калитою с благословения митрополита Петра[43] в августе 1326 года. Через три года площадь между двумя старыми церквами и новым Успенским собором была замкнута с восточной стороны каменной церковью Иоанна Лествичника с первой в Москве колокольней, которую впоследствии перестроили в знаменитую колокольню Ивана Великого. Так образовался «четырехугольник соборов», а между соборами и границами старого княжеского города был построен Спасский монастырь, а перед ним, лицом к Москве-реке, выстроили новые княжеские терема.[44]

За крепостной стеной на берегу Москвы-реки построился шумный торговый посад, появились новые слободы, и летописцы восхищенно повествуют: «Москва — град велик, град чуден, град многолюден, — кипел богатством и славою, превзошел честию все города русской земли».

Во время княжения Ивана Калиты самым страшным врагом для Руси была Золотая Орда, поэтому надо было уберечь Москву от татарских нашествий. Московское княжество и тогда было еще не особенно сильным, чтобы противостоять грозным монголо-татарским ратям, и Иван Калита девять раз ездил «на поклон» к хану. Хитрой политикой, подарками и деньгами он получил великокняжеский владимирский престол. Теперь московский князь стал великим князем, старшим на русской земле. Получив передышку, Иван Калита задумал прибрать к рукам земли соседних князей и за их счет расширить московские владения. Начал князь бороться и с разбойниками, грабившими купеческие караваны, и постепенно стали стекаться в Москву бояре и купцы из соседних княжеств, да и вся Русь потянулась к Москве.

Но деревянный город часто горел: великие пожары от злых людей или от несчастных случаев повторялись в первой Москве почти каждые пять лет. Быстро уничтожал огонь жилища и имущество горожан, но так же быстро они вновь устраивались. Москва нуждалась в более мощной защите, и новый князь — молодой Дмитрий Иванович — решает возвести каменные укрепления вокруг Кремля. Князь продолжает собирать русские земли под начало Москвы, и удельные князья один за другим признают его власть. Москва становится сильной и крепкой, грозные каменные стены и башни Кремля кажутся неприступными. Москвичи завели у себя «зелейное» (пороховое) производство, и Москва решается на великое дело — освободить землю русскую от монголо-татарского ига.

На зов Москвы со всех сторон спешат удельные князья[45] и бояре со своими дружинами, купцы, посадские и «черные» люди. Собрав силы огромные, князь московский Дмитрий Иванович отправился в Троицкий монастырь к святителю Сергию Радонежскому, который благословил князя на ратный подвиг во имя Отечества и дал ему двух монахов-богатырей — Ослябя и Пересвета. Войска сошлись на Куликовом поле — там, где река Непрядва впадает в Дон. Страшная сеча продолжалась целый день, и монголы начали было уже одолевать русских, но тут из засады ударили полк волынского воеводы Боброка и полк Владимира Андреевича, брата великого князя. Это и решило исход битвы.

Куликовская победа не освободила Русь от монголо-татарского ига полностью. Дань Золотой Орде все равно приходилось платить, были и еще разорительные набеги, были и поражения. Но унижения больше не было! Окончательно свергнуть монголо-татарское иго выпало на долю Ивана III. К этому времени Москва была уже столицей огромного Русского государства, земли которого доходили до Белого моря на севере, простирались за Урал. Окрепшей Москве была уже не страшна ослабевшая к тому времени Золотая Орда, и Иван III объявляет татарам, что отныне они не признают над собой ханской власти и отказываются платить дань. Ордынский хан Ахмет пошел войной на Русь, надеясь больше не на силу, а на угрозу. Русские и татары сошлись на реке Угре, но татары не решились перейти реку и дать сражение и отступили без боя. После этого многие русские князья бьют челом «великому князю всея Руси» о принятии их на московскую

службу: Москва завоевывает Новгород с его богатейшими колониями, без боя присягает осажденная Тверь, окончательно покорена Вятка, смирилась Рязань…

Современные кремлевские стены и башни тоже возводились при Иване III, который развернул на территории Кремля небывалое строительство. В нем принимали участие лучшие мастера из разных русских городов, и именно тогда сложился тот уникальный кремлевский ансамбль, который и поныне восхищает всех своим величием и монументальностью.

К этому времени уже в течение 60 лет строили и устраивали каменную Москву итальянцы-фрязове. Казалось, что своими нововведениями они изменят облик древнего русского зодчества и водворят в нем иные формы — европейские. Заслуга итальянцев в истории нашего зодчества действительно весьма значительна, но Московская Русь уже тогда крепко и во всем держалась своего ума и своих обычаев и вовсе не намеревалась широко отворять ворота тем нововведениям, которые могли изменить коренные черты ее вкусов и нравов. Поэтому все дело призванных итальянцев ограничивалось одною техническою стороною: не итальянским замыслом в создании небывалых на Руси форм, а только исполнением в этом случае старого русского замысла.

Памятником чисто итальянской архитектуры в Московском Кремле остается только Грановитая палата[46] — бывший тронный зал великокняжеского дворца. Сооружение ее происходило в период образования единого Русского централизованного государства: именно тогда «изумленная Европа была ошеломлена внезапным появлением на ее восточных границах огромной империи, и сам султан Баязет, перед которым Европа трепетала, впервые услышал высокомерную речь московита».

Живя на востоке и имея постоянное дело с Востоком, Москва не могла вырастить себя по образцу Запада, с которым к тому же не сошлась верой и некоторыми политическими началами. Однако при внимательном рассмотрении восточный облик старой Москвы оказывался не таким уж и восточным, а в полной мере русским — самобытным созданием русской народности. Высшую красоту русский народ всегда созерцал в Божием храме, а в Москве было столько церквей, что трудно было их сосчитать: «Сорок сороков!».

ПРИДЕ КО МНЕ, БРАТЕ, В МОСКОВУ… БУДИ, БРАТЕ, КО МНЕ НА МОСКОВУ!

Русский историк В.О. Ключевский писал, что «в этих словах немногих как бы пророчески обозначилась вся история Москвы, истинный смысл и существенный характер ее исторической заслуги. Москва тем и стала сильною и опередила других, что постоянно и неуклонно звала к себе разрозненные русские земли на честный пир народного единства крепкого государственного союза».

ТУРКУ — ПЕРВАЯ СТОЛИЦА ФИНЛЯНДИИ

Однажды владыка океанов решил наделить дочерей своих приданым: Азии он дал твердыни — главные основы своего могущества; Африка получила корону солнца, Америка — красу и плодородие, Австралия — сокровища морей. А когда дошла очередь до Европы, у него уже ничего не оставалось, чтобы одарить ее. И тогда взял владыка океанов по полной горсти даров, данных другим дочерям, и рассеял их в недрах Европы, чтобы богатства ее были разнообразны.

У царевны-Европы было много детей, между которыми она однажды захотела разделить дары своего отца. И тогда Испания пожелала воспламеняющего хереса, Франция — пенистого шампанского, Греция — оливы, Норвегия — сельдей, Россия — пшеницы и т.д. Далеко за другими стояла Финляндия, которая ничего не просила, хотя больше всего ей хотелось солнца в долгую зимнюю ночь. Но солнце и тепло уже были розданы, и Европа осыпала Финляндию алмазами чистой воды, подарила ей свет без ночей и солнце, отражающееся в тысячах озер и рек, подобных которым нет в мире.

Одной из таких рек является Аура-Йоки: финское значение названия ее («плуг») так же полно пророчества, как и латинское — «дуновение ветра». Аура простирает свое устье, как раскрывают объятия, и у впадения ее в Ботнический залив расположился старинный финский город Турку[47].

Долина реки была заселена намного раньше того времени, как был основан сам город. Впрочем, Турку никогда официально не основывали, он вырос постепенно вокруг торгового места, которое с незапамятных времен образовалось в устье Ауры. Настоящим городом Турку стал к концу XIII века, но к этому времени господство над Финляндией уже захватили шведы.

Интересен и такой факт: еще до первого крестового похода шведов на территорию Финляндии вдоль берегов реки Ауры проживало население с христианской верой, которое отправляло

христианские обычаи и даже строило небольшие церкви. Но племена тавастов восстали против христианства и завоеваний шведского короля Эрика Святого и целых 90 лет бились за свою свободу и своих прежних богов.

Могущество Швеции было тогда подорвано внутренними спорами из-за престолонаследия. Напрасно римские папы писал гневные буллы, напрасно доминиканский монах Томас проповедовал учение церкви огнем и мечом: христианство, казалось, было обречено в Финляндии на падение. Но наступило время, и швед Ярл Биргер, основатель династии Фолкунгов, собрал все силы государства, переправился через море и в 1259 году разбил тавастов.

Шведское владычество над Финляндией длилось почти шесть веков, однако шведская агрессия постоянно наталкивалась на сопротивление сильного Новгородского государства, которое было заинтересовано в торговых связях с финскими племенами. Столкновения со шведами привели к тому, что в 1318 году новгородцы сожгли Турку. Огнем были уничтожены многие городские строения, в том числе и знаменитый замок Або, строительство которого началось во времена первого завоевания Финляндии Швецией. Возведенный из гранита и кирпича на сплошной скале, замок был опорой христианства и шведской власти против язычников и потому господствовал над устьем Ауры.

С XIV по XVI век замок в Або считался одним из важнейших укреплений в государстве, но с усовершенствованием артиллерийского дела его защитные функции были значительно утрачены. Некоторое время он еще являлся резиденцией правителей края: в XVI веке в нем пребывал принц Иоанн со своей супругой Екатериной Ягеллонкой; здесь, заключенный в тесную комнату в башне, единственное окно которой выходило в узкий коридор, сидел король Эрих XIV. В замке Або была резиденция королей Карла IX и Густава Адольфа во время их частых посещений Финляндии. В апреле 1640 года, когда король Густав Адольф сидел за ужином в нижнем зале замка, загорелась комната наверху, и старейшая часть замка с необыкновенной быстротой сгорела на глазах короля.

Впоследствии замок еще не раз горел и разрушался, но каждый раз вставал из руин и пепла. Его перестройка, достройка и реставрация продолжались вплоть до середины XX века, и в результате такого

кропотливого труда часть замка восстановлена в том виде, каким он был в XVI веке.

Ровесником замка является и кафедральный собор Турку, который был заложен в 1229 году. В структуре стен собора сочетаются разные кладки: внизу — древняя, из серого камня с вкраплениями очень крупных каменных глыб; в верхней части собора выложена аккуратная кирпичная кладка. Это своеобразие внешнего облика кафедрального собора породило у местного населения различные легенды.

Давным-давно собор начали возводить великаны, так как только они могли поднести и поднять на стены огромные каменные глыбы. Когда собор был выстроен и в нем уже начались богослужения, то звон колоколов начал раздражать строителей и, озлобившись, они вдруг захотели уничтожить творение рук своих. Великаны забрались на гору, находившуюся неподалеку от собора, и стали швырять в собор огромные куски скал. Один из великанов так сильно метнул глыбу, что она пролетела дальше собора и упала в воду у острова Руйссало. С тех пор глыба торчит в проливе, а называется она Кошельным камнем, так как великан принес ее в своем кошеле. Несмотря на агрессивные действия великанов, собор устоял, и им пришлось покинуть Турку.

Собор, как и замок Або, за долгие века своего существования несколько раз горел и разрушался, после чего его заново перестраивали. А у одного из порталов кафедрального собора установили памятник Микаэлю Агриколе — основоположнику финского литературного языка, известному религиозному и культурному деятелю.

В XVI веке, после борьбы против датчан, Турку, как самый близкий к метрополии город, становится столицей Финляндии. Несмотря на свое значение, на протяжении всего средневековья Турку оставался небольшим городом, разрастаясь в основном по берегам реки в сторону моря. Однако развитие города не останавливалось, наоборот, оно всегда шло вперед. В 1640 году генерал-губернатор Пер Брахе основал Абоскую академию — первый в Финляндии государственный университет. По его же инициативе был составлен первый план города, в котором зафиксировали исторически сложившуюся структуру застройки — вблизи собора на левом берегу Ауры и вдоль дороги, пересекавшей реку через единственный мост. Деятельность генерал-губернатора была по достоинству оценена

жителями Турку, которые в благодарность в 1888 году недалеко от собора на высоком фигурном пьедестале поставили памятник Перу Брахе. На памятнике начертано: «Я был доволен страной, и страна была довольна мною».

Поражение шведов в Северной войне подорвало их господствующее положение в Финляндии. Наполовину заброшенный Турку к тому времени начинает оживать и вскоре становится одним из самых крупных — после Стокгольма и Гетеборга — городов государства. Население Турку состояло уже не только из священников, купцов и ремесленников; купцы и торговый люд, морские капитаны и чиновники соборного капитула, преподаватели академии и студенты, члены верховного суда и губернской канцелярии, приезжие крестьяне, моряки и солдаты — все они придавали характерные черты Турку.

Окончательно шведы были изгнаны из страны в 1809 году, когда Финляндия вошла в состав России как Великое княжество Финляндское, а город Турку стал резиденцией русского генерал-губернатора. Но уже в 1812 году город постиг новый удар, когда русский царь издал указ о перенесении столицы Великого княжества Финляндского в молодой город Гельсингфорс (Хельсинки). А через 15 лет, в 1827 году, Турку стал жертвой очередного пожара — на этот раз наиболее опустошительного из всех, которые когда-либо бушевали в скандинавских странах. В течение буквально нескольких часов почти все дома в нем сгорели дотла, остался лишь небольшой участок жилой застройки на холме Луостаринмяки да каменные остовы нескольких сооружений.

Этот пожар был настолько опустошительным, что, казалось, после него развитие Турку остановится, тем более что отстраивалась новая столица Финляндия — город Хельсинки. К счастью, этого не произошло — стал расти новый Турку, сохранивший, однако, в центре города свое историческое ядро. Поэтому, несмотря на все роковые времена, сегодняшний Турку предстает перед нашим взором городом — носителем древних исторических традиций. Этот большой порт на берегу Балтийского моря, который не замерзает круглый год, является и крупнейшим центром судостроения страны. Огромные краны громоздятся вдоль набережной города и в его пригородах.

В Турку есть и еще одна «морская» достопримечательность — расположенный рядом с городом Аландский архипелаг. Это особое

царство островов между Финляндией и Швецией, образовавшихся в море из вершин горных цепей. Архипелаг насчитывает несколько тысяч островов, многие из которых обжиты и соединены друг с другом шоссейными дорогами.

БЕРЛИН

При внешнем осмотре Берлин производит впечатление города новейшего времени, а между тем это очень старый город. Но, несмотря на самые тщательные изыскания ученых, до сих пор еще не вполне установлено, когда и каким образом был основан Берлин.

В популярной литературе широко распространена версия о том, что название города происходит от изобилия водившихся в этих местах медведей. Однако в научной литературе она не получила подтверждения, так как места здесь были в основном болотисто-луговые — со множеством озер и рек. Поэтому название «Берлин», по мнению большинства российских и германских лингвистов, происходит от древнеславянского слова «бирл» со значением «топь, болото».

Таким образом, первоначально поселенцами здесь были венды (полабские славяне), но германцы и славяне уже тогда с ожесточением оспаривали друг у друга обладание этой выгодной местностью. Берлин много раз переходил из рук в руки, но во времена правления Фридриха Железного немцы окончательно одолели славян.

Первое историческое упоминание о Берлине относится к 1244 году, ко времени господства маркграфов Иоганна I и Отто III, но от существовавших тогда городов-близнецов (Кёльна и Берлина) в настоящее время не сохранилось почти никаких следов. Оба они были основаны около 1200 года и в то время являлись пограничными поселениями, располагавшимися по обоим берегам реки Шпрее. На месте брода, по которому проходили старинные торговые пути, был переброшен мост и построено много водяных мельниц.

Кёльн со своей церковью Святого Петра в политическом и церковном отношении жил совершенно независимо от Берлина. Однако в борьбе за всевозможные вольности (право чеканки монет, право суда, защиты евреев и т.д.) оба города сблизились уже в XIV веке. Союз их не нарушал внутреннюю самостоятельность обоих городских общин, они даже построили общую ратушу на втором мосту.

К середине XIV века Кёльн и Берлин, благодаря торговым монополиям и участию в Ганзейском союзе городов, достигли большого расцвета. Но все изменилось, когда городская аристократия столкнулась с курфюрстом Фридрихом II Железным. Чтобы разорвать узы, которые связывали эти города, он использовал соперничество маленького Кёльна и более могущественного Берлина и борьбу ремесленников с торговой аристократией. В 1442 году Фридрих Железный покоряет берлинцев и возводит на берегах Шпрее неприступный замок, который через полвека становится постоянной резиденцией Гогенцоллернов.

Когда в 1448 году оба города увидели последствия своей междоусобицы и снова объединились против ставленников курфюрста, то их постигло поражение. Курфюрст не только надолго укрепил захваченную власть, но и присвоил себе богатые владения влиятельных родов. Так вот случилось, что цветущие торговые города Кёльн и Берлин с их оживленной общинной жизнью прекратили свое самостоятельное существование, чтобы превратиться в столицу народившегося и быстро крепнущего государства.

Окончательно Берлин становится столицей в первой половине XVI века при курфюрсте Иоахиме III, в период правления которого за государственный счет был выстроен новый дворец в стиле Ренессанса. К концу этого столетия в городе насчитывалось 14000 жителей, но в результате многочисленных пожаров, эпидемии чумы и страшного голода во время Тридцатилетней войны к середине XVII века оно снизилось наполовину. Берлин после этой войны во всех отношениях пришел в упадок, ему даже угрожала реальная опасность попасть в руки шведов. Понадобились десятилетия, прежде чем изнуренный город оправился от этих страшных последствий.

Новая мирная эпоха началась для Берлина во время правления основателя Прусского королевства и первого его короля Фридриха-Вильгельма, который неустанно заботился о благосостоянии города. Чтобы Берлин стал достойной столицей, он объединил оба города в один, присоединив к нему и все берлинские предместья. Обветшавший королевский замок основательно реставрируется, улицы расширяются, мостятся и освещаются, в Берлине проводятся каналы и прокладывается знаменитая теперь «Унтер ден Линден» — широкая липовая аллея, которая становится центральной улицей города.

За довольно короткий срок Берлин неузнаваемо меняет свой облик. Но, заботясь о внешнем благоустройстве города, Фридрих-Вильгельм не забывал и о его духовном расцвете: он приглашает в Берлин выдающихся голландских художников, основывает Публичную библиотеку, сам собирает художественные коллекции.

Первое десятилетие XIX века было для Берлина очень тяжелым. Наполеоновские войска в октябре 1806 года сделали его французским владением и только через два года оставили сильно разоренный город. Как только трудные времена миновали, Берлин снова ожил, обнаружив подъем своих материальных и духовных сил. Высокого развития в этот период достигли литература, театр и наука. В 1809 году был основан Берлинский университет, который, благодаря великим ученым (Вильгельму и Александру Гумбольдтам, К. Рихтеру, Г.В.Ф. Гегелю и др.), быстро завоевал первое место среди других высших школ Германии.

Город украсился многими прекрасными зданиями и памятниками. Выдающийся немецкий архитектор XIX века К.Ф. Шинкель возвел в Берлине в строго классическом стиле Старый музей, драматический театр, строительную академию, Дворцовый мост, в готическом — Верденскую церковь и памятник на Кройцберге.

В последующие времена развитие Берлина продвинулось еще дальше. Благодаря гению архитектора А. Шлютера город украсился многими художественными строениями, из которых Королевский замок и монумент Великому курфюрсту и по сей день являются одними из лучших украшений Берлина.

Немецкая столица связана с именами многих выдающихся людей мировой культуры. И среди них — Э.Т.А. Гофман, который родился в Кенигсберге, но всю жизнь прожил в Берлине. Он не завел своей семьи и умер в бедности, но в Берлине у него было много веселых друзей. Ресторанчика «Лютер и Вагнер» в городе давным-давно нет, а когда-то его двери были широко распахнуты по вечерам, и сам Гофман угощал стаканчиком красного вина всех — даже тех, кто и в глаза никогда не видел его книжек.

А на юго-востоке Берлина есть своя «Венеция», без которой облик города выглядел бы намного беднее. В прежние времена по реке Шпрее и ее рукавам ходили караваны судов и баржи с грузами. Но постепенно значение этого судоходства растерялось, зато на множестве

озер и каналов выросла целая островная страна. Она начала возводиться в XIX веке, когда врач Д. Г. Шребер возглавил здесь лечебницу для инвалидов с врожденными пороками. Выдвинув идею «второй счастливой жизни для всех тружеников» на грешной земле, он пробивал ее с завидным упорством, добиваясь, чтобы рабочие после недели, проведенной в грязных и пыльных цехах, могли отдохнуть на природе. Чтобы бледные дети из городских трущоб увидели солнце и голубую воду и занимались на воздухе спортом. Реальное воплощение своей мечты врач видел в выделении государственных земель — пусть даже крохотных участков. И постепенно мечта эта начала осуществляться, получив название «садики Шребера» или «кукольные домики».

Природа не поскупилась в районе Рансдорф. Петляющая Шпрее течет здесь среди живописных бухт и заливов, на берегах которых, словно соревнуясь между собой в необычности архитектуры, стоят то разноцветный охотничий домик, то веселящая глаз затейливыми украшениями крошечная вилла, то миниатюрная копия старинного дворца или рыцарского замка.

Но есть в Берлине и места, известные далеко не всем. Например, Софийская улица привлекает внимание своими маленькими магазинчиками и мастерскими, со вкусом оформленными витринами, в которых выставлены старые книги, коллекции марок и монет, фарфоровые статуэтки и другой антиквариат. Здесь до сих пор сохранилось здание, где в середине XIX века проходили заседания «Берлинского ремесленного общества», а затем выступали «спартаковцы» и Карл Либкнехт.

Эта уютная улочка названа в честь королевы Софии, которая пожертвовала 2000 талеров на строительство евангелической церкви — единственной в Берлине церкви XVIII века в стиле барокко. В церковном дворике сохранился обелиск К.Ф. Цельтеру, верному другу великого немецкого поэта И.В. Гете. Сам поэт почему-то не любил Берлин, бывал в нем редко, но вел длительную и обширную переписку с К.Ф. Цельтером по издательским делам.

Сын богатых родителей, К.Ф. Цельтер посвятил свою жизнь не бизнесу а благородному делу музыкального образования юношества. Он был профессором музыки Академии изящных искусств, организовал Берлинское хоровое общество и принимал туда

одаренных детей из бедных семей. Во главе Общества он поставил самого талантливого своего ученика — Феликса Мендельсона Бартольди, создавшего всем известный «Свадебный марш».

Много исторических мест в Берлине связано с Россией. Шумный и неугомонный «Алекс», как берлинцы зовут Александерплац, назван в честь приезда русского императора Александра I. Многие русские слушали лекции в знаменитом Берлинском университете. Наши великие соотечественники (в том числе И.С. Тургенев и М.А. Бакунин), слушавшие курсы и занимавшиеся на семинарах, заносились в «Расписочные книги» — журналы учета, где отмечалось, сколько времени проучились студенты и сколько они заплатили. Сейчас эти записи хранятся в Русской библиотеке, которая расположилась в левом крыле университетского здания. Когда в 1933 году фашисты разожгли на Оперной площади огромный костер из книг (в том числе и университетских), Русской библиотеке повезло — о ней просто забыли.

После октябрьской революции Берлин стал одним из крупнейших центров русского зарубежья, так как здесь была благоприятная обстановка для издательского дела. В немецкой столице один за другим открылось около 50 издательств, которые выпускали 145 названий газет, журналов, альманахов и т.д. Даже Париж, ставший центром политических сил русской эмиграции, не мог позволить себе иметь столько издательств. Берлинские издательства печатали произведения не только писателей и поэтов эмиграции, но и советских авторов. Так, «Петрополис» представил на суд читателей произведения Н. Мариенгофа, Б. Пильняка, Вс. Иванова, М. Слонимского и др.

Незадолго до окончания Второй мировой войны державы-победительниимы заключили соглашение, что в побежденной Германии будет образован Международный контрольный совет, который расположится в Берлине. В соответствии с этим соглашением Берлин был разделен на четыре сектора: американская, британская и французская армии заняли западные секторы, а советские войска контролировали Восточный Берлин.

После воссоединения обеих Германий знаменитая Берлинская стена и прилегающие к ней районы изменились до неузнаваемости. И только серый Рейхстаг, сохраняя свою респектабельную важность, был преисполнен прежнего величия. Однако интерьеры его были

перестроены, а все здание обрело купол, но не такой, каким его в конце XIX века спроектировал архитектор П. Валлот, а стеклянный, созданный англичанином Н. Фостером. Он задумывал вписать в интерьеры автографы, оставленные на стенах Рейхстага советскими солдатами в первые часы после его взятия.

Знаменитый теперь район Кройцберг раньше располагался на той окраине Западного Берлина, который с трех сторон окружала Стена. После ее падения Кройцберг оказался в самом центре Берлина, что сразу же повысило его престиж: здесь мгновенно подорожали земля и квартиры. Прежде грязные и захламленные улицы стали перестраиваться, не ремонтировавшиеся со времен войны дома восстанавливаться. В сегодняшнем Берлине проживают эмигранты из 180 стран, и многие из них обитают именно в Кройцберге. Не случайно именно в этом районе родился Интерфестиваль, который проводится в теплые майские дни в течение вот уже нескольких лет.

У каждого народа своя культура, свои традиции, национальные школы танцев, свои музыкальные группы, и все это надо было объединить и отразить в Интерфестивале. Он начинается с детского праздника в пятницу, продолжается в субботу открытием ярмарки, а в воскресенье начинается главное торжество — красочный карнавал. В этот день балконы домов, деревья и даже строительные леса «увешаны» гирляндами людей, которые даже в эти жаркие дни никому не уступают свои места.

Вот показываются очаровательные тамбур-мажорши, за ними следуют гости: болгарские танцоры, югославские артисты, музыканты из Западной Африки, театр пантомимы, кукольный театр на колесах, эквилибристы на ходулях, фокусники, выдувающие огонь изо рта, и жонглеры, подбрасывающие в воздух все, что только летает. И непрекращающаяся разностильная и разноязыкая музыка: джаз, рок, свинг, кантри, африканские барабаны и нежная мелодия альпийских свирелей. Зрители сливаются с музыкальной колонной, которая цветной змеей течет по улицам Кройцберга…

СВЯЩЕННЫЕ ДЕРЕВНИ ДОГОНОВ

В настоящее время племя догонов живет на западе Северной Африки — в Республике Мали, вблизи ее границы с Буркина-Фасо. Но когда-то они жили в верховьях реки Нигер, в области Мандэ — самом центре древней империи Мандинго. Потом догоны перемешались с другими племенами и постепенно к концу XIII века перебрались в район плато Бандиагара, вытеснив оттуда племя теллем.

Сначала город Бандиагара, как и многие города на земле, был деревней, но деревней, так сказать, стольной. Она была резиденцией вождя одного из местных племен, которые обитали по соседству с догонами. Кому-то из последних вождей племени Бандиагара разонравилась, и он в 1887 году перенес свою резиденцию в селение Хамдалей — на 30 километров от прежней столицы. Через шесть лет, когда Бандиагара была захвачена французами, полковник Аршинар провел в жизнь три мероприятия. Прежде всего он разрушил крепостные стены, сплошь опоясывавшие столичную деревню, назначил «королем» местного старика из племени тукулеров и для поднятия престижа новой власти выстроил ему саманный дворец.

В настоящее время Бандиагара является центром округа, но место это тихое. Почти безлюдные улочки, по обеим сторонам которых протянулись серые дувалы и одноэтажные глиняные домики с карнизами, закруглившимися от ветров и дождей… Маленькие деревца заботливо прикрыты колпаками из колючих ветвей; выделяясь на сером фоне, сразу же бросаются в глаза редкие пальмы и манговые деревья. Кое-где за глиняными заборами виднеются конические соломенные крыши хижин. Крыши делают из просяной соломы. Снопы устанавливают конусом, переплетают соломенными же жгутами, связывают сверху, поднимают на глиняные стены… и крыша венчает их, как шляпа. В жару крыша хранит прохладу, а в дождь надежно защищает от воды, которая стекает, не касаясь глиняных стен. Да и вокруг хижины — кольцо тени, в которой приятно посидеть, как на террасе.

Такая же крыша — только очень большая — опирается на деревянные столбы. Тогда это не просто дом, а «мужской дом» —

«тогу на». Столбы украшены искусной резьбой с изображениями героев догонской мифологии и предков. В «тогу на», где прохладно и в жару, собираются только мужчины всех возрастов, обсуждают деревенские проблемы, принимают решения. Говорят, как-то женщины, подозревая, что не проблемы там мужчины обсуждают, а просто бездельничают, решили пробраться в мужской дом и подслушать. Но в тот же момент столбы сами заходили, крыша накренилась и чуть не придавила нарушительниц запрета. С тех пор догонки свято верят, что их отцы, мужья и сыновья занимаются в «тогу на» важными делами.

Долгое время в западной африканистике господствовало мнение что народы Африки не имеют собственной истории, лишены творчества и потому не могли создать самостоятельного искусства. Отказывали и даже до сих пор отказывают в африканском происхождении руинам Зимбабве; некоторые исследователи не могли примириться с мыслью об африканском происхождении скульптуры Ифе. Сложившийся в эпоху колониальных войн образ примитивного африканца встречается даже в трудах именитых ученых.

Племя догонов очень интересно со всех точек зрения: истории обычаев, религии. Еще в эпоху переселения догоны разделились на четыре племени (дьон, ару, оно и домно). Каждое племя добиралось до Бандиагары самостоятельно, поэтому каждое и селилось отдельно от других — в своем собственном районе. Теперь, конечно, многое изменилось, и в Бандиагаре вместе живут представители разных племен, хотя прежняя обособленность отчасти и сохраняется. Общению мешает языковой барьер, ведь разговорный язык догонов делится на множество диалектов, порой сильно отличающихся друг от друга. Общим остается только ритуальный язык, понятный теперь только посвященным. Это язык знахарей и колдунов, язык жрецов древней религии и язык «Бледного Лиса» — маленького рыжего зверька, которого догоны считают своим прародителем. «Бледный Лис» в свое время умел говорить на языке догонов и рассказал им их мифы, легенды и предания.

Хотя догоны еще более 500 лет назад входили в состав западносуданских государств, они сохранили самобытность и своеобразие своей культуры. Они владеют астрономией, у них есть календарь и счет, широкие сведения об анатомии и психологии

человека… и при этом нет письменности. Мифы передаются в устной традиции, из поколения в поколение, и опираются на существующие у племени идеограммы — систему рисунков и знаков.

Бог начал сотворение мира с того, что записал знаком все, что будет создано и что с этим созданным когда бы то ни было произойдет. Все предопределено, и для случайностей нет места — новых знаков создать человек не может, потому что создание нового знака — это акт творения, а человеку не даны функции Создателя.

Очень интересна у догонов «теория мироздания»: ни в одной религии нет столь оригинальной версии происхождения мира, как у них. Согласно их мифам, первоначально Земля, уже населенная людьми, находилась вблизи от звезды Сириус. Но так как на Сириусе готовился взрыв, то бог Амма переселил Землю ближе к другой звезде — Солнцу.

Вначале был только Амма — бог в виде круглого яйца, который покоился ни на чем. Он состоял из четырех овальных, слитых друг с другом частей. Кроме этого, не было ничего.

В каждой из своих частей Амма удерживал четыре элемента (воду, воздух, огонь и землю); и в каждой из частей он вызвал взрыв, «который и явился причиной существования».

В «Бледном Лисе» описано несколько «космических, путешествий» догонов. Сначала рассказывается о путешествии на Землю Ого — существа весьма беспокойного. Он был приближенным бога Амма, но овладел частью божественных знаний и взбунтовался против него. Не дождавшись завершения строительства Вселенной, Ого наскоро соорудил «ковчег и низринулся в нем в пространство», намереваясь «взглянуть на мир». Это внесло в мир беспорядок и нарушило планы бога Амма, поэтому Ого вернули, но потом он снова дважды отправлялся в путешествие и в конце концов спустился на Землю.

Другой «космической одиссеей» в догонских мифах было путешествие Номмо, которому бог Амма поручил заселить Землю.

С этой целью был выстроен двухпалубный корабль с круглым дном. Корабль был разделен на 60 отсеков, содержащих «все земные существа и способы бытия: мир, небо, землю, деревню, дом собраний, женский дом, скот, деревья и птиц, обработанное поле, раковины

каури, огонь и слово, танец и работу, путешествие, смерть, похороны». [48]

Корабль Наммо подвесили на медной цепи, а потом по сигналу Амма он стартовал в проделанное в небе отверстие. Приближаясь к Земле, корабль «восемь периодов» кружился по небу, занимая его, словно гигантская радуга — от горизонта до горизонта. В момент приземления «корабль» скользнул по грязи, а яма, образовавшаяся от удара корабля о почву, потом заполнилась водой и стала озером Дебо.

Собственно, озеро Дебо представляет собой просто большое углубление, которое во время паводков на Нигере заполняется водой. На одном из островов этого озера есть изображение ковчега среди звезд: ковчег представляет собой массивную каменную плиту, а звезды — отдельные камни, покоящиеся на возвышениях.

Выйдя из корабля, Наммо прежде всего поставил на землю левую ногу в знак того, что он берет Землю в свое владение. За ним по очереди покинули корабль другие его обитатели. Когда корабль опустел, Амма втянул в небо цепь, поддерживавшую его, и небо закрылось. А на Земле началась жизнь…

Сам Наммо погрузился в воды озера Дебо, откуда наблюдает за людьми: ведь первым на Землю прибыл Ого, чтобы мешать людям…

Согласно догонским мифам, в мире сначала не было смерти. Она впервые пришла к людям в священной деревне Йугу Догору, расположенной на скалистой гряде, окаймляющей долину Сено.

Культура догонов давно привлекала внимание ученых. В начале 1930-х годов их быт и верования изучали французские ученые М. Гриоль и Ж. Дитерлен, а в 1950 году они напечатали в «Журнале общества африканистов» статью, которая сразу же обратила внимание ученых на необычные представления догонов о Сириусе — прекраснейшей звезде нашего неба. Эта звезда, которую догоны называют «Сиги толо», считается у них тройной. Видимая нам звезда — это только часть звездной системы. А образуют систему главная звезда (Сириус А), невидимый простым глазом белый карлик «Сириус В» («По толо») и еще одна невидимая звезда — «Эмме йа толо», причем вокруг последней вращаются еще два спутника — «Ара толо» и «Йу толо».

Хотя Сириус является одной из ближайших к Земле звезд, его спутник «Сириус В» был открыт только в 1862 году. Что же касается

«Сириуса С», то само его существование до сих пор вызывает жаркие споры среди астрономов. Но самое удивительное, что в догонских мифах характеристика «По толо» практически ничем не отличается от характеристики белого карлика «Сириуса В». При огромном весе и плотности эта звезда имеет небольшие размеры: «Она самая малая и самая тяжелая из всех звезд». Состоит она в основном из «сагала» — металла «более блестящего, чем железо, и такого тяжелого, что все земные существа, объединившись, не смогли бы поднять и частицы». Период обращения «По толо» вокруг «Сиги толо» — 50 лет (современные данные — 49, 9 года).

Мифы у догонов могут рассказывать только посвященные члены общества Ава — Общества масок олубару, прошедшие специальную подготовку и знающие особый язык «сиги со». Но догоны оценили искреннюю заинтересованность М. Гриоля, и решением совета старейшин он был допущен к посвящению в тайное знание. Однако когда французские этнографы спрашивали догонов, откуда у них такие необычные знания, те отвечали, что все космические объекты из группы Сириуса они наблюдали из Великой пещеры. Где находится пещера — это строжайшая тайна, открыть которую белым людям жрецы наотрез отказываются; говорят только, что в ней в большом количестве собраны «доказательства».

Может быть, она находится в скалах Догона, которые начинаются к западу от Бани, притока Нигера, и тянутся на 250 километров? Здесь, на границе Мали и Верхней Вольты, в середине XX века ученые обнаружили остатки совершенно уникальной цивилизации Телем. Скалы Догона — это отвесная стена из песчаника высотой до 400 метров с множеством сильно выступающих карнизов: на вертикальной поверхности этой неприступной гигантской стены видны балконы, похожие на часовни, и отверстия различной глубины, в которых можно увидеть всевозможные башни. Сейчас у подножия этой стены живут догоны, сильные и ловкие люди, которые без труда взбираются на вершины многих скал, но даже им пещеры недоступны.

Пытаясь разгадать тайну этих пещер, доктор Ган из Роттердама организовал в этот район несколько экспедиций. Когда с помощью современной техники, но и то после многих препятствий, ученым удалось шагнуть на заповедную территорию, перед ними открылась удивительная картина. В просторных пещерах располагалось

множество построек, в некоторых до 30. Эти необычные сооружения имеют вид конуса или цилиндра с диаметром в основании до 1, 5—2 метров, а высота их достигает 4, 5 метра. Вместо окон и дверей в этих постройках — круглые или овальные проемы. Башни возведены из глины, а на их стенах видны не разгаданные до сих пор знаки.

Почти в каждой из построек ученые обнаружили множество хорошо сохранившихся скелетов. Тогда, может быть, это некрополь? Но овальные чаши, выдолбленные в камне, и стертые ступени говорят о том, что пещеры не были местом погребения. Если люди здесь и не жили, то проводили в пещерах достаточно много времени, так как стена у входа в пещеру везде отполирована.

В пещерах-поселениях ученые обнаружили первоклассную гончарную мастерскую, в которой находились отполированные кварцевые стержни и другие предметы, свидетельствующие о совершенной технике обработки. На высоте от 100 до 150 метров в стене расположился еще ряд пещер, в которых постройки были возведены уже из обожженных кирпичей. Окна и двери в таких «зданиях» уже закрываются. Исследователи нашли остатки таких дверей, а также приставных лестниц из сучьев и прутьев, с помощью которых жители поднимались в свои поселения. Как это им удавалось? Какие могущественные силы заставили этот народ поселиться в неприступных скалах? Что означают надписи на стенах? На все эти вопросы науке еще предстоит ответить. Как и на вопрос об удивительном созвучии некоторых идей догонов и современных научных представлений…

АМСТЕРДАМ

Сами голландцы говорят: «Бог создал землю, а мы — Нидерланды». И действительно, этот народ отвоевал у моря примерно половину территории своей страны. На отвоеванной у воды суши возведена и голландская столица — город Амстердам. Заложенный в 1275 году, он строился на вбитых в зыбкую почву деревянных сваях. Такой метод строительства дал в свое время повод Эразму Роттердамскому назвать Амстердам единственным в мире городом, в котором люди живут на деревьях. Если просветить почву, на которой стоит Амстердам, мы бы увидели сотни тысяч свай: только под Королевским дворцом их 13659. Город и сейчас строится подобным образом, только вместо деревянных столбов используются бетонные.

Голландия — спокойная и зеленая страна: ее минуют жестокие политические бури, а если что и проносится над ней, то чаще всего это лишь легкий ветерок, который неторопливо вращает крылья старинных ветряных мельниц. Голландский пейзаж немыслим без них: 8000 мельниц откачивало и гнало прочь морскую воду. Сейчас от них осталось около полутора тысяч: некоторые продолжают работать, другие сохранились как реликвии — в знак благодарной памяти народа за их помощь. Пришла новая техника, землесосные снаряды намывают пульпу в стоячее уже Зейдер-озеро, рядом дожидаются своей очереди груды песка, и создание «тверди» совершается прямо на глазах.

У Амстердама много названий: это и «город на сваях», и «город, построенный на селедочных костях»[49]; в переводе же с голландского это означает просто «дамба на реке Амстел». В голландской столице много каналов, за что ее часто называют «северной Венецией». Со слов самих горожан их в городе не менее тысячи, а мостов уж точно несколько сотен. Глубина каналов — три метра, один раз в неделю в них меняют воду, закрыв шлюзы и выпуская ее в море. А из Зейдер-зее напускают новую.

Облик этого города удивителен тем, что современность в нем наслаивается на старину. Почти каждый дом в Амстердаме — историческая реликвия: вот, например, «Башня слез», от которой

уходили в дальнее плавание корабли, а рыдающие жены провожали в неведомый путь своих мужей-моряков.

Во многом городские здания остались такими, какими изображены на полотнах великих голландских живописцев прошлых веков. По берегам реки Амстел расположено немало домов, похожих на знаменитую Пизанскую башню. В таком состоянии они пребывают уже не один век и, к счастью, не падают.

За многовековую историю существования Амстердама у города сменилось много святых покровителей, но главным всегда оставался Синтерклаас — Святой Николас. Этот святой прославился в IV веке: как рассказывает легенда, он спас от страшной участи трех мальчиков, которых злой трактирщик захотел замариновать и посадил в бочку с рассолом. С тех пор за Святым Николаем и закрепилась репутация великого защитника маленьких детей.

Кроме того, амстердамцы были привязаны к своему святому еще и за то, что он умел усмирять бури, был покровителем рыболовства и торговли. А торговал Амстердам всегда: и в бурную эпоху Великих географических открытий, и во время промышленной революции, и в период всевластия Ост — и Вест-Индской компаний, когда богатство наживалось за счет колониальных захватов. Неувядаемой славой покрыл себя капитан Пит Хейн, который в 1628 году захватил испанский Серебряный флот и доставил богатства, награбленные у американских индейцев, в Амстердам. Город ликовал, и Пит Хейн мгновенно стал национальным героем.

В начале XVII века, при правлении герцога Альбы, родился в Голландии термин «гезеллинг» — незашторенные окна. Кровавый наместник Нидерландов, казнивший 18000 мирных жителей, в ряду многих своих приказов издал и такой: запретить голландцам завешивать окна, чтобы шторы не скрывали от испанских властей недружелюбных намерений хозяев. Но хозяева все-таки проявили свои намерения: испанцам пришлось уйти из Голландии, а термин «гезеллинг» остался. Только слово это носит сейчас совершенно другой смысл: в нем и домашний уют, и опрятный внешний вид домов, и особое отношение голландцев к окнам.

Типичный дом в Амстердаме представляет собой построенное в XVII—XVIII веках здание с остроконечной крышей, а ширина его… всего в одну комнату. Дома стоят впритык друг к другу, черепичный

скат одной крыши упирается в скат соседней, и очарование этой «тесноте» придают окна с полуспущенными шторами — «гезеллинг».

Вот дом, построенный больше 400 лет назад: он как будто сжался, вытянулся вверх, как башня, чтобы только не занимать много места, и потому в каждом этаже всего одно окно. Внутри таких домов ступени лестниц так круты, что ногу надо ставить боком, а мебель в такие дома подают в окна. Но это не музейная древность, тут живут люди и получают письма по вполне обычному адресу. А вот странное мостовое сооружение, отчасти похожее на самолет эпохи братьев Райт. Однако им любовался еще саардамский плотник — русский царь Петр Алексеевич.

Прибыв с Великим посольством в Голландию, Петр I сначала остановился в маленьком городке Саардаме, располагавшемся неподалеку от Амстердама. Здесь находилось много частных верфей, где строились различные суда, в том числе и для китобойного промысла. Толпы народа целый день сновали по улицам Саардама, везде слышались стук, шум, гам: городок битком был набит работниками всех специальностей.

В Саардаме Петр I оделся голландским плотником, накупил плотницких инструментов и записался работником на одну верфь. Русский царь вставал рано-рано и работал наравне с другими плотниками. В то же время с любопытством разглядывал бумагопрядильни, маслобойни, лесопилки, всякие фабрики и заводы и обо всем допытывался. Он не хотел, чтобы его узнали, но все поступки нового работника окружающим казались такими странными… Вскоре Петра I узнали, и не стало ему проходу в славном городе Саардаме, ибо всякий хотел видеть русского царя. Узнав, что русское посольство прибыло в Амстердам, царь покинул ставший для него беспокойным Саардам и уехал в главный город Голландии.

С провожатыми, данными ему от города, Петр I и здесь осматривал фабрики и многочисленные мастерские. Ходил так быстро и неутомимо, с таким жаром обо всем расспрашивал, что голландцы едва успевали отвечать ему. Очень хотелось русскому царю поработать на Ост-Индской верфи, где строились корабли, отправлявшиеся в далекую Индию. Специально для него на верфи заложили даже новый корабль, чтобы царь с самого начала видел весь ход строительства. На

этой верфи Петр Великий проработал четыре месяца, пока не был закончен весь корабль.

В Амстердаме очень заинтересовало Петра I собрание анатомических предметов голландского анатома Ф. Рюйша, который умел искусно сохранять тела человека и животных. Царь приобрел эту анатомическую коллекцию: детские головки, которые сейчас находятся в Кунсткамере, до сих пор сохраняют нежную и розовую окраску, что свидетельствует о высоком мастерстве доктора Ф. Рюйша. Те, кто их видел, невольно могут поверить рассказу о том, что русский царь поцеловал набальзамированного ребенка, приняв его за живого…

На главной площади Дам, откуда и начиналась голландская столица, напротив Королевского дворца высится Национальный монумент в память о Второй мировой войне, когда Амстердам приобрел особый статут. Отдавая дань мужеству амстердамцев, боровшихся с немецкими оккупантами, королева Вильгельмина ввела в старинный герб города новый девиз: «Героический, Непоколебимый, Милосердный».

ПО КОПЕНГАГЕНУ ВМЕСТЕ С АНДЕРСЕНОМ

Очарование датской столицы пленяет наше сердце еще с детства, с первых сказок волшебника Ханса Кристиана Андерсена. Копенгаген — город Андерсена, о чем настойчиво говорят не только носящий его имя бульвар или памятник в центре, но даже, казалось бы, самые обычные мелочи. Вот, например, трубочист на черепичной крыше — многие жители Копенгагена до сих пор пользуются его услугами. А вот в крепостных каналах, которые превращены теперь в пруды, плавают белые лебеди: в 1874 году именно эта гордая птица была избрана символом Дании.

Знакомство туристов с Копенгагеном начинается с Ратушной площади, в дальнем углу которой — памятник великому писателю Х.К. Андерсену: добрый сказочник сидит с книжкой в руках в окружении раскидистых буков. В городе два памятника Х.К. Андерсену: один стоит в Королевском парке, он более старый и привычный для жителей датской столицы. Памятник на Ратушной площади — новый и известен приезжим, поэтому для коренного копенгагенца «встретиться у памятника» означает одно, а для туриста — другое.

На площади Нюторв видны окна того самого подвала в здании суда, в котором сидел солдат из «Огнива», ожидая казни. Помните, как говорится в сказке: «Утром солдат подошел к окошку и стал глядеть сквозь железную решетку на улицу: народ толпами валил за город смотреть, как будут вешать солдата; били барабаны, проходили полки. Все спешили, бежали бегом. Бежал и мальчишка-сапожник в кожаном переднике. Он мчался вприпрыжку, и одна туфля слетела у него с ноги и ударилась прямо о стену, у которой стоял солдат и глядел в окошко». Окна подвала находятся как раз на уровне мостовой, так что все описанное в «Огниве» вполне могло происходить именно здесь.

Неподалеку от Стреэт, самой длинной пешеходной улицы в мире, находится старинное массивное здание — Круглая башня. Эта башня привлекает внимание сразу: сооруженная в 1647 году, она и сейчас смотрится очень внушительно. Конечно же, Х.К. Андерсен не мог

обойти ее своим вниманием. В «Огниве» сказано, что «у собаки, которая сидит на деревянном сундуке, глаза — каждый с Круглую башню».

Круглая башня после возведения служила двум весьма далеким друг от друга целям: она являлась и церковью Святой Троицы, и одновременно обсерваторией Копенгагенского университета. Часто ее связывают с именем выдающегося средневекового астронома Тихо Браге, хотя обсерватория Круглой башни была построена спустя 40 лет после его смерти. Но имя великого датчанина ассоциируется с башней совсем не случайно, так как именно он с непостижимой для своего времени точностью определил положение светил на небе. Наверху на высоком цоколе установлен бюст Тихо Браге, которого Х.К. Андерсен не раз вспоминал в своих сказках.

К настоящему времени Круглая башня уже потеряла свое назначение как обсерватория: теперь на нее поднимаются туристы, чтобы с высоты посмотреть на старый город с его пешеходными улицами. На смотровую площадку ведет выложенный кирпичом пандус, который находится внутри башни. В 1716 году, поразив жителей датской столицы, Петр I въехал на Круглую башню верхом на лошади. Рассказывают, что Екатерина I, не желая отставать от мужа, въехала на башню в карете, чем еще больше изумила копенгагенцев.

Х.К. Андерсен знал эту историю и даже пополнил ее еще одной подробностью. Поднявшись наверх, русский царь повелел одному человеку из своей свиты броситься вниз. И тот бы сделал это, но тут вмешался датский король: у сказочника Х.К. Андерсена в романе «Быть или не быть» написано именно так. Было так или нет, но место это с некоторых пор почему-то облюбовали самоубийцы, и теперь смотровую площадку на вершине Круглой башни, помимо изящной литой ограды, обнесли еще и стальной изгородью…

В молодые годы датского сказочника Копенгаген выглядел, конечно, иначе, чем сегодня. Он был обнесен земляным валом, а городские ворота на ночь запирались на ключ, который, как считалось, хранился у короля под подушкой. На Вестерброгаде — одной из центральных улиц Копенгагена — расположен Городской музей, перед входом в который сделан макет города, каким он был в 1536 году.

Следует отметить, что до начала XIV века Копенгаген ничем не выделялся среди других датских городов, хотя и был расположен на

выгодном в политическом и экономическом отношении месте — на берегу пролива Эрезунд. А рыбные уловы здесь были такими богатыми, что путешественники свидетельствовали: «сельдь в Зунде шла так густо, что ее можно было рубить мечом».

Отличался Копенгаген только своими ежегодными ярмарками, которые проходили в месяцы между Святым Варфоломеем и Святым Дионисием и на которые стекалось множество датчан и иностранцев. В остальное время Копенгаген снова превращался в провинциальный городок, не имевший даже крепостной стены. Его окружали невысокие земляные валы, кое-где сменявшиеся деревянными палисадами. Это был типичный крестьянский город, так как большинство его населения было занято сельским хозяйством — полностью или частично.

Улицы Копенгагена были немощеными. Утром пастух собирал на них городское стадо, а днем здесь бегали куры и свиньи городских жителей. Черепичные крыши на домах были редкостью. В городе имелось всего четыре церкви, самым высоким был собор монастыря францисканцев, которых называли «серыми братьями».

Копенгаген, в котором тогда проживало около 4000 человек, издавна подлежал юрисдикции епископа Роскильдского и платил ему налоги. Лишь с 1417 года он стал «королевским городом», но столицей не сделался, так как в Дании таковой тогда вообще не было.

Однако Копенгаген стал играть важную роль в торгово-политических планах короля, и вскоре перемена юрисдикции сказалась на всем облике города. Король в своей постоянной борьбе с духовенством и светской аристократией опирался на бюргеров и потому даровал городу некоторые привилегии: снизил налоги, культура стала более светской, а обычаи — свободнее.

В Копенгагене к этому времени насчитывалось уже несколько десятков соборов, и здания некоторых из них представляли собой выдающиеся памятники архитектуры, живописи и скульптуры. Главным собором Копенгагена в ту пору стал Собор Богоматери, высота которого достигала почти 80 метров, в его приделах находились алтари великолепной резной работы.

Соборы и другие церковные постройки определяли архитектурный облик города. Среди прохожих в глаза бросались монахи и пасторы. Для небогатых и незнатных людей получение духовного образования было одной из немногих возможностей

повысить свой социальный статус, и потому многие молодые копенгагенцы устремлялись на теологические факультеты — в страны, где были университеты.

Датские государственные деятели и церковные князья, в юности тоже обучавшиеся за границей, считали необходимым открыть университет и у себя на родине. И в 1487 году датский король подписал указ об основании в Копенгагене университета — первого университета в скандинавских странах, все преподаватели, студенты и прислуга которого находились под особым королевским покровительством. Однако средств на постройку университетского здания не было, и временно его разместили в латинской школе собора Богоматери — в самом центре города. Позже университет занял соседнее здание Старой ратуши, и ратушная улица стала называться Студиестрэде. Профессоров пригласили из соседних стран (в основном из Германии и Нидерландов), и в июне 1479 года первые 76 студентов из самой Дании, а также из Норвегии, Исландии, Германии и Нидерландов приступили к учебным занятиям.

Самая длинная пешеходная улица в мире выводит туристов к району Нюхавн, название которого переводится как «Новая гавань», однако это одна из наиболее старых частей Копенгагена. Между двух рядов небольших домиков с острыми крышами, прилепившихся друг к другу вдоль узкого канала, стоят парусники: в солнечные дни в стеклах маленьких окон отражаются их мачты с оснасткой.

Канал, который заходит почти в центр Копенгагена, был проложен в 1673 году, и некоторые дома Нюхавна сохранились с того времени. У каждого старинного дома — своя биография, и многие здания тоже связаны с именем Х.К. Андерсена: в одном он жил, в другом — написал первые сказки, в третьем — провел последние два года своей жизни. Именно в Нюхавне были созданы сказки «Принцесса на горошине», «Маленький Клаус и Большой Клаус», «Цветы маленькой Иды», принесшие ему всемирную известность.

В том месте, где старый канал упирается в площадь Конгенс-Нюторв, на мостовой лежит большой корабельный якорь, навечно установленный в гавани. Это память о 1450 датских моряках, которые погибли в годы Второй мировой войны.

Но главную достопримечательность Копенгагена назовут сразу даже те, кто никогда не был в Дании. На каменной глыбе у набережной

Лангелинье, у входа в копенгагенский порт, сидит бронзовая «Русалочка». Помните сказку? «Когда тебе исполнится пятнадцать лет, — говорила бабушка, — тебе разрешат всплывать на поверхность моря, сидеть там при свете месяца на скалах и смотреть на плывущие мимо огромные корабли».

Сказочная «Русалочка» давно стала символом Копенгагена, и вот уже почти 90 лет сидит она на каменной глыбе, приветствуя корабли, заходящие в Торговую гавань — так переводится название датской столицы. Вокруг памятника уже давно сложились свои традиции, например, моряки со всего света дарят ей цветы — на счастье.

И хотя андерсеновскую атмосферу в Копенгагене ощущаешь буквально на каждом шагу, некоторые считают, что полностью ею можно насладиться только в парке «Тиволи», где всегда царит непринужденный праздник. «Тиволи» настолько вписывается в город, что кажется, будто он был в Копенгагене всегда. Однако создан парк был в 1843 году Георгом Карстенсеном — сыном датского консула в Алжире. В то время в Европе были в моде большие развлекательные сады с восточными декоративными элементами. Разрешение от армейских чиновников на создание «Тиволи» Г. Карстенсен получил только при условии, что все сооружения в парке будут из дерева, стекла и других легких материалов, чтобы в случае военной необходимости сразу же можно было освободить место для пушек.

Сейчас в «Тиволи» есть дворец в мавританском стиле, который вечерами расцвечивается мириадами ярких лампочек; китайский театр, построенный с соблюдением всех традиционных канонов, вплоть до подбора цветов в его оформлении. Вместо опускающегося занавеса, например, сцену в театре закрывают створки, расписанные как распущенный хвост павлина.

С 1844 года Г. Карстенсен стал устраивать в парке парад «гвардейцев» — марш мальчиков, одетых в красно-белую форму. И когда видишь, как по узенькой дорожке маршируют дети в гвардейских мундирах, и карету, в которой сидит такая же маленькая «королева», — конечно же, вспоминаешь Х.К. Андерсена. И хотя ни многоэтажной китайской пагоды, ни китайского театра во времена сказочника не было, китайская экзотика в «Тиволи» присутствовала с самого начала.

Есть в Копенгагене и «русский район» — это район улицы Бредгадэ. Именно здесь, среди разнообразных бронзовых шпилей,

притаилась православная церковь Александра Невского со своими тремя золочеными куполами-луковками. Она была сооружена для сотрудников российского посольства и в связи с едва ли не ежегодными визитами в Данию царской семьи. Однако само ее создание было связано с одной интересной страницей в истории датско-российских отношений.

В значительной степени храм был построен на средства русской царицы Марии Федоровны, в девичестве — датской принцессы Дагмары. Обрученная с преждевременно скончавшимся наследником русского престола Николаем, она в итоге вышла замуж за его брата — впоследствии императора Александра III. Приняв православие еще при первом обручении, Мария Федоровна сделала большой взнос на строительство церкви защитника земли русской Александра Невского.

В районе улицы Бредгадэ находится и Амалиенборг — королевская резиденция, комплекс которой образуется четырьмя дворцовыми зданиями. Если бы не пристань за ними, у которой швартуются гиганты-паромы, своими громадами нависающие над дворцом, эти здания могли бы казаться еще более внушительными.

Когда часы на фронтоне дворца бьют двенадцать раз, на дворцовой площади происходит торжественная церемония, которая родилась много лет назад, — это смена караула и вынос знамени. Под звуки отрывистой команды маршируют и на ходу перестраиваются нарядные гвардейцы в огромных гвардейских шапках и черных шинелях, перетянутых белыми ремнями.

Тамбур-мажор с горделивой осанкой поднимает жезл, и музыканты исполняют марши. А потом лакей в красной с золотом ливрее и старинной треуголке открывает ворота дворца, и туда медленно скользящим шагом, под звуки национального гимна, уходят начальник караула и знаменосец.

ТОКИО

Токио не принадлежит к числу древних городов Японии. В VIII веке, когда по образцу китайских городов, возводились Нара и Киото, вся равнина Канто, где располагается сейчас японская столица, представляла собой заболоченное место. Люди здесь селились еще в глубокой древности, о чем свидетельствуют археологические раскопки, но больших поселений не возникало. Однако старинный храм Токио — Сенседзи — по преданию, был возведен в 628 году, менее чем через сто лет после проникновения в страну буддизма. Вокруг этого храма первоначально и сосредоточивалась социальная и культурная жизнь крестьян-рисоводов и рыбаков из близлежащих деревень.

Часть равнины Канто с древних времен называлась Эдо, что означает «устье». Около 1100 года здесь властвовал местный военачальник Таро Сиэнага, укрепленный лагерь которого тоже назывался Эдо. Могущество этого рода было непродолжительным, и впоследствии из-за нескончаемых междоусобных войн в стране сложились большие кланы феодалов, во главе каждого из которых стоял свой вождь. В 1192 году феодалы восточной части острова Хонсю победили всех соперников и объявили своего предводителя Минамото Еритомо правителем государства. Японский император был лишен власти, которая перешла к сёгунам, а за императором сохранились лишь функции верховного жреца.

К середине XV века для защиты от врагов на территории Эдо стали возводить укрепленный замок. День 8 апреля 1457 года, когда было завершено строительство замка, и считается датой основания Эдо. Как и другие японские города того времени, Эдо не имел стены, которая отделяла бы его от окрестных деревень, да и постройки его мало чем отличались от деревенских. Но постепенно вокруг замка начали селиться ремесленники, и стал складываться город, который вскоре превратился в весьма людное поселение.

Однако к концу XV века разраставшийся было Эдо из-за жестоких феодальных распрей пришел в упадок, длившийся целое столетие. Возрождение города началось в конце XVI века, но к этому времени он

представлял собой кучку бедных хижин среди дикой болотистой равнины, продуваемой морскими ветрами.

Внимательно изучивший местность Токугава Иэясу, губернатор района Канто, увидел, что Эдо занимает очень выгодную позицию — и стратегическую, и по отношению к торговым путям. По его приказу на месте старого замка был возведен новый, более обширный, и здесь полководец поселил свою армию — 80000 самураев. Замок окружали невысокие, но массивные стены и широкий ров, заполненный водой.

Примерно в это же время началось и развитие буддийского храмового комплекса Асакуса. Сейчас к нему ведет улица Накамисе, по ней вдоль широкого шоссе тянутся два ряда магазинов и магазинчиков, над которыми нависают ветки сакуры — настоящие и искусственные. На первый взгляд улица Накамисе мало чем отличается от других улиц японской столицы: она тоже производит впечатление большой пестрой ярмарки. Но у магазинов, расположенных на ней, есть одна особенность: здесь главным образом торгуют сувенирами.

Асакуса — одно из тех мест Токио, которые обладают удивительной притягательной силой. Здесь шумно, многолюдно и празднично в любой день, и связано это с великолепным храмовым ансамблем Сенседзи, или, как его попросту называют в народе, Каннон.

Поднявшись в гору, улица Накамисе словно упирается в скалу стального цвета, которая по мере приближения к ней становится высокой серой кровлей храма Асакуса Каннон. Перед входом в него стоит громадный подсвечник: на широкой подставке, укрепленной под деревянным навесом, тлеют десятки тонких, свитых из бумаги «свечей». Протягивая руки к пахучему дыму, люди очищаются перед входом в храм, в котором находится статуя богини милосердия и сострадания Каннон. Это особенная статуя: ее нашли еще в 628 году братья-рыбаки в реке Сумида. А потом для нее построили небольшой храм, который впоследствии много раз перестраивался. Постепенно территория его, к которой прибавлялись все новые строения, значительно расширилась, и сейчас храмовый комплекс включает несколько десятков сооружений.

Главное здание храма построено в XVII веке: в нем сверкает позолотой великолепный резной алтарь Гокудзи, в котором и

установлена найденная в реке статуя богини. В храме постоянно идут службы, но в любое время свободно можно войти сюда, чтобы купить ароматические палочки или бросить несколько монет в специальный ящик.

В одном из павильонов храмового комплекса находится статуя Будды, окруженная массивными золотыми лотосами. Словно бледная луна светятся здесь овальные фонарики, а у алтаря проводит богослужение буддистский монах. Но все это видно будто бы сквозь легкую дымку, так как тонкая проволочная решетка, наподобие металлической вуали, отгораживает алтарь от посетителей. Только за особую плату можно пройти за решетку и приблизиться к алтарю.

…Сёгуны из династии Токугава во время своего правления установили жесткую регламентацию общественных отношений. Все население было разделено на четыре замкнутых сословия: воины-самураи, крестьяне, ремесленники и торговцы. Страну разделили на 200 феодальных кланов, во главе которых стояли наследственные правители даймё. Чтобы подчинить их центральной власти, правительство сёгунов заставило всех их построить в Эдо свои резиденции. Сюда, посещая двор сёгуна, даймё должны были приезжать ежегодно. Кроме того, жены и дети даймё постоянно жили в Эдо, по существу, оставаясь там заложниками.

В соответствии с указаниями сёгунов Эдо быстро разрастался и застраивался. Кварталы города разбивались по канонам прямоугольной планировки, которая издавна была принята в Японии. Однако отдельные группы кварталов не всегда были связаны с собой. В результате такой застройки получилась довольно сложная планировка города.

Все сооружения на территории замка сёгунов и в самом городе были деревянными и, кроме дозорной башни, невысокими. Скученные деревянные постройки часто страдали от опустошительных пожаров. После одного из них, случившегося в 1657 году, власти, например, на участок среди рисовых полей переместили из центра города Ёсивара — квартал гейш и куртизанок. А чтобы держать под контролем веселую жизнь Эдо, квартал окружили глубокими рвами, оставив единственный проход, который закрывался в 10 часов вечера, но это нисколько не уменьшило популярности Ёсивара.

В Токио город был переименован после буржуазного переворота 1868 года, когда правление сёгунов в Японии было низложено и восстановлена императорская власть. В армейском обозе из Киото привезли 15-летнего мальчика-императора Мицухито, происходившего из древнего рода синтоистских жрецов славного племени ямато.

В этом же войсковом обозе прибыли в Токио и два купца — Мицуи и Ивасаки, на деньги которых была оснащена заморским оружием японская армия, свергнувшая сёгунов. В благодарность император даровал им титул баронов.

Замок сёгунов со временем был перестроен в Императорский дворец, который сейчас располагается в самом центре Токио. Но в те времена, когда император прибыл в свою новую столицу, на противоположной стороне площади перед замком расстилались только пустыри и болота. Купец Ивасаки приобрел эти пустующие земли и выстроил на них три каменных здания для своей конторы. Это произошло сразу же после захвата Японией Тайваня, да и впоследствии доходы купца, основателя промышленно-финансового концерна «Мицубиси», постоянно росли от военных поставок.

Как уже указывалось выше, Токио с самого начала застраивался хаотично, улицы его образовывали нескончаемый лабиринт, чтобы неприятель не мог найти дорогу к Императорскому дворцу. До сих пор практически все улицы японской столицы не имеют названий. Адрес жителей состоит из названия района и цифрового обозначения дома, причем нумерация идет не по порядку, а от времени застройки, и потому дом № 8 может оказаться между № 80 и № 1000.

Только главная улица японской столицы имеет название — Гинза («Серебряная»). С двух ее сторон выстроились многоэтажные универсальные магазины, между которыми приютились 1—2-этажные лавочки. Еще совсем недавно прямо на тротуаре могли расположиться лотки под соломенными крышами, деревянные стеллажи и просто разостланные на земле холсты. Гинза тянется на несколько километров, по ней можно идти часами, но картина везде будет одна и та же.

Гинза — это торговая витрина не только Токио, но и всей Японии, однако ее социальная функция намного шире. В глазах японцев это урбанистический рай, своего рода символ страны — динамичной, процветающей, но в то же время не забывающей и о традиционных

ценностях. А в начале 1970-х годов в японской столице распахнул свои четко спланированные улицы еще и подземный квартал Гинзы с множеством магазинов, кафе, кинозалов, ресторанов…

После Второй мировой войны Токио был разрушен более чем наполовину, а его население уменьшилось втрое. Но темпы научно-технического прогресса сделали в Японии вполне осязаемым то, что казалось совсем недостижимым. Реконструкция японской столицы велась и ведется в двух направлениях — создание «субцентров» и возведение городов-спутников. В Японии нередко реализуется то, что на Западе еще только планируется. Так, например, в проектируемом городе-спутнике Парижа в 1970-х годах еще только собирались осуществить мечту урбанистов — отделить транспорт от пешеходов, а в Токио уже был перекрыт центр города и создано два изолированных мира: один для пешеходов, другой — для автомобилей.

Только несколько десятилетий назад в Токийском порту начали работать землечерпалки, бульдозеры, экскаваторы, разравнивавшие морское дно и забивавшие сваи в основу будущего «плавучего» города. И вот уже город с населением в несколько сотен тысяч человек, переплетением сверхскоростных автомобильных и железных дорог, с подземными центрами и высотными корпусами на плавучих островах раскинулся вдоль побережья от Токийского залива до Внутреннего моря. Через Токийскую бухту перекинулся самый длинный мост в мире, по которому проходит поезд на воздушной подушке.

Реконструкция Синдзюку началась с перестройки трех больших районов, которые отличаются особой хаотичностью и скученностью. И теперь огромный привокзальный район, в котором человеческий муравейник задыхался от выхлопных газов тысяч машин, приобрел совершенно новый вид. Реконструированный вокзал выходит на непривычно пустую площадь, разграфленную четырьмя длинными тротуарными дорожками. Поток вливающихся на площадь машин сюда не доходит: он крутится, свиваясь жгутом, и вдруг неожиданно исчезает. Огромная воронка в центре площади, как омут, затягивает автомобили в первый подземный этаж. Второй этаж подземной площади Синдзюку — это настоящее царство пешеходов: около 1 миллиона человек в день проходят по подземным улицам, залитым люминесцентным светом и оживленным сотнями магазинов. Вверх и

вниз снуют лифты и эскалаторы, связывая подземный город с современными кварталами, раскинувшимися наверху.

Во многих японских магазинах, ресторанах и, конечно, в домах можно увидеть изящных кошечек с поднятой, словно в приветствии, лапкой. Это манэки-нэко, что дословно обозначает «приглашающие кошки». В Токио есть посвященный им храм: это Готокудзи — один из немногих храмов дотокугавского периода.

На большой территории храма разбросаны изящные здания, а на специальном постаменте установлено П-образное сооружение, к которому подвешен огромный бронзовый колокол. Рядом стоит внушительных размеров черная каменная чаша. Все в храмовом комплексе содержится в идеальном порядке, ухожено, деревья аккуратно подстрижены, но нигде никого нет — ни служителей, ни посетителей…

Над одним из павильонов храма — надпись: «Посвящено манэки-нэко», но, как и многие другие, он закрыт. Только в расположенном рядом специальном помещении, типа небольшой часовенки, выстроилось множество кошечек с поднятой кверху лапкой.

Древняя легенда рассказывает, что несколько веков назад этот храм был небольшим и бедным. У его настоятеля была любимая кошечка, с которой он делил свой скудный достаток. Однажды мимо храма проезжал знатный самурай, уставший после долгого пути. В открытые ворота он увидел кошечку, которая поманила его своей лапкой, словно приглашая войти. Он очень удивился, въехал в храмовые ворота, и… в ту же минуту небо вдруг почернело, налетел ветер, а молния ударила как раз в то место, где стоял самурай. Знатный путник был очень поражен этим и в знак благодарности за спасение взял храм под свое покровительство.

С тех пор и началось процветание Готокудзи — «Храма приглашающей кошки». Ведь кошечка была непростая: ее облик приняла милосердная богиня Каннон, всегда помогающая людям.

В 1993 году в японской столице, в суперсовременном здании, был открыт «Музей Эдо-Токио». Прямо с открытой площадки эскалаторы, защищенные пластиковыми навесами, поднимают посетителей на пятый этаж. Войдя в музей, сразу попадаешь в атмосферу старого Эдо, в район Нихонбаси — самого главного моста в стране. Именно от него, с момента его сооружения в 1603 году, на протяжении нескольких

веков исчислялись в Японии все расстояния, так как он принимался за географический центр страны.

ГАВАНА

Наверное, ни один город в Латинской Америке не строился так, как Гавана. Если другие возникали как посредники, то Гавана с самого начала была городом-воином. Христофор Колумб открыл Кубу в 1492 году — уже в первое свое путешествие. Прибывшие вслед за ним испанцы не нашли здесь ни золота, ни алмазов, и потому остров их совсем не заинтересовал, хотя Х. Колумб назвал его «самой красивой землей, которую когда-либо видел человек».

Вытянувшийся среди океанских просторов остров был сплошь покрыт густой тропической растительностью. Под сенью пышных пальмовых крон скрывались небольшие дома из жердей с крышами из пальмовых листьев. На севере острова конкистадоры обнаружили прекрасную широкую гавань, с моря защищенную узкой полоской мыса, с глубоким фарватером, по которому и сегодня беспрепятственно проходят современные океанские корабли. Но эта страна не нужна была испанцам, поэтому Гавану тогда называли «городом в пустой стране».

Первоначально Гавана возникла в 1514 году на южном берегу Кубы, потом поселение было перенесено на северное побережье, где окончательно и разместилось около большой бухты, своими очертаниями напоминающей кленовый лист. Скромный с виду поселок уже в первые десятилетия своего существования стал форпостом для испанских судов, рвавшихся на запад в поисках «золотых земель».

Говорят, что в нынешней кубинской столице есть два места, которые видели на своем веку, может быть, гораздо больше, чем вся страна. Это порт и площадь перед кафедральным собором в Старой Гаване. Действительно, гаванский порт повидал на своем веку немало. «Пуэрто де каренас» («ракушечный порт») — так поначалу испанцы окрестили бухту, где Х. Колумб приказал своим капитанам бросить якорь, чтобы очистить днища кораблей от ракушек, налипших за время длительного плавания. В первые десятилетия испанского господства порт был заурядной торговой гаванью: сюда заходили корабли, которые главным образом перевозили сахар и табак, составлявшие

основу товарооборота между испанскими и английскими колониями Нового Света.

Несметные богатства американского континента привлекли к Карибскому бассейну полчища пиратов, и вскоре гаванская бухта со своим поселением приобрела для испанцев неоценимое стратегическое значение. В 1553 году Г. Перес де Ангуло, очередной капитан-генерал (губернатор) Кубы, поняв важность этой бухты, перенес свою резиденцию из Баракоа в Гавану, тем самым превратив город в столицу острова.

С этого времени главной заботой испанцев на Кубе стала оборона и защита гаванской бухты, где собирались перед отплытием в Испанию нагруженные богатствами караваны судов, в том числе и корабли, спущенные со стапелей гаванской верфи. Память о важном положении Гаваны на путях из вест-индских колоний и поныне хранит изображение ключа в гербе города.

Ла-Фуэрса, первую крепость в Гаване, начали строить в 1558 году. До сих пор эта цитадель остается самым совершенным и лучше всех сохранившимся сооружением Гаваны. Крепостные стены, вырастая из воды, круто поднимаются к верхней платформе, с трех сторон окруженной одноэтажным зданием, в течение двух веков служившим резиденцией для испанских правителей Кубы. Широкий ров с водой окружал Ла-Фуэрса, через него переброшены два деревянных моста, которые и сегодня можно поднять на мощных цепях. Бойницы в стенах вырезаны так, что ни с моря, ни с суши не увидишь, что делается внутри.

Огромная по сравнению с окружавшими ее строениями крепость Ла-Фуэрса стала ядром будущего города. А суровый характер ее архитектуры на длительное время сделался образцом для возведения не только военных строений, но также культовых и даже гражданских зданий.

Чтобы защитить бухту от пиратов Карибского моря, испанцы начали возводить другие крепости, дозорные башни, ближайшие к Гаване возвышенности укрепили мощной системой оборонительных укреплений. Англичанам, которые отважились напасть на Гавану в XVIII веке, понадобилось 200 боевых кораблей и почти 20-тысячный десант, но и с такими силами они вынудили Гавану сдаться только после 70 дней упорных боев.

Через год Гавана была возвращена Испании, и тогда на Кубу срочно послали военного инженера С. Абарку для восстановления разрушенных и возведения новых крепостей. Эти крепости и сейчас играют важную организующую роль в градостроительстве Гаваны и придают городу только ему присущий облик, став отчасти «визитной карточкой» кубинской столицы.

Архитектура Гаваны развивалась в сложных естественных условиях, где берега острова изрезаны скальными выходами и болотистыми низинами. Крепостная стена сжимала растущий город, и Гаване становилось тесно в ее первоначальных границах. Улочки были узкими, и возведенные на них деревянные дома часто горели. Пожары устраивали и пираты, и восставшие рабы, поэтому после каждого пожара оставался только камень. К тому времени, когда завершилось строительство Ла-Фуэрсы и значительно продвинулось возведение других крепостей, вышел указ испанского короля Филиппа II, запрещающий строить в Гаване деревянные дома.

Старая Гавана имеет относительно регулярную планировку, которая определяет размер городских кварталов и ширину улиц. Поэтому главная площадь города — Плас-де-Арм — имеет форму прямоугольника, а название говорит о ее первоначальном назначении — служить местом для проведения воинских учений.[50]

Недалеко от крепости Ла-Фуэрса располагался дворец губернатора Кубы. Все в нем построено как в далекой Испании: внутренний дворик, изысканные колонны в стиле барокко, балконы и галереи выстроены так, чтобы солнце не попадало в комнаты. И все-таки не все было как в Испании: например, среди завитков барокко местный умелец вместо цветка вдруг вписывал ананас…

На втором этаже дворца размещались покои губернатора Такона, а слева от них — трибунал, который не щадил никого. Чтобы оплатить строительство роскошного дворца, приходилось сдавать нижний этаж местным торговцам-креолам. Рано утром они привозили сюда рыбу, мясо, овощи, фрукты… И те, кто хотел казаться благородным и отгородиться от черни, вынуждены были перешагивать по утрам через мешки и пробираться между тележками. Так жизнь вторгалась во дворец!

Почти одновременно с дворцом губернатора начал возводить свой дворец богатейший и могущественный креол Доминго Альдама. Стиль

он выбрал классический: все, начиная от места строительства дворца за городской стеной, говорило о вызове испанской короне.

Белые, итальянского мрамора лестницы как будто висят в воздухе, едва касаясь стен; плафоны залов расписаны искусными европейскими художниками. В этом дворце, который сейчас известен в Гаване как «дом Мигеля Альдама» (сына Доминго), в свое время собирались знаменитые артисты, выступали певцы из Италии, встречались прогрессивные кубинские литераторы. У стен дворца толпились сотни слушателей, и гости Альдамы выходили на балкон, чтобы приветствовать своих поклонников. Первые голоса за отмену рабства тоже прозвучали из этого дворца.

Однажды в нем собрались богатые меценаты, чтобы выкупить из неволи чернокожего поэта Ф. Мансано. Узнав об этом, его владелица, маркиза Хусти де Санта, удвоила цену, но поэта все равно выкупили. Предоставив ему свободу, меценаты попросили, чтобы он написал впоследствии воспоминания раба, и эта книга стала величайшим документом эпохи.

Сторонники королевской власти на Кубе не могли выносить вольнолюбивую обстановку дворца Альдамы, напали на него и разграбили, а потом подожгли. Мигель Альдама бежал в США и умер там в нищете, а в его дворце сначала разместили табачную фабрику, а потом какую-то контору… Менялись времена, менялись люди, а дворец стоит по-прежнему. Даже его картины, написанные в стиле помпеянских фресок, и сегодня выглядят так, словно созданы только вчера.

Развитие производства сахарного тростника, табака и кофе привело в конце XVIII века к расцвету Кубы. Стремительно выросли богатства местной креольской знати, а развитие торговли и других отраслей промышленности так же, как и судостроительная деятельность гаванского порта, вызвали бурное строительство города. В это время расширились экономические связи Кубы со странами Старого Света, в результате чего кубинцы познакомились с культурой этих стран, их жизнью и архитектурой. Как своеобразное противопоставление культурным традициям монархической Испании креольской буржуазии особенно понравился неоклассицизм революционной Франции. Открыл период неоклассицизма в Гаване

небольшой храм Темплете на Плас-де-Арм, возведенный в честь 300-летия основания города.

Двадцатый век, отмеченный империалистическими войнами в Европе, принес кубинской знати еще большие барыши в связи с увеличением спроса на кубинский сахар. Богатая верхушка общества стала возводить свои дома в западной части города — районе Ведадо, причем и на этот раз внешний вид застроек оказался совершенно новым для Гаваны. По-испански «Ведадо» означает «запрещенный», и название это восходит к тем временам, когда вся Гавана скрывалась за высокой стеной, а жителям под страхом самых суровых наказаний запрещалось выходить в тропический лес, кишевший контрабандистами, пиратами и другим разбойным народом.

Кварталы сегодняшнего Ведадо выстроились в прямоугольники с многочисленными домами, похожими на маленькие дворцы. Их строили внутри садов, которые постепенно превратились в парки. Особняки этого района и некоторых других (в частности, квартала Мирамар) обычно возводили в два этажа: на первом размещались приемные залы и парадная столовая, которые открытыми террасами выходили в сады и парки. Второй этаж предназначался под личные апартаменты хозяев; дома средней буржуазии имели ту же планировку, но несколько меньшие размеры. Эти богатые виллы строили, стараясь перещеголять друг друга в роскоши, сахарные магнаты и торговые посредники, ловкие адвокаты и жуликоватые политики 20—30-х годов XX века. Некоторым из них не всегда хватало вкуса, но спасала природа: зеленые пальмы, синь неба и удивительно яркие цветы (красные, оранжевые, сиреневые), гроздьями растущие на деревьях…

Гавана всегда производила неизгладимое впечатление на путешественников. А. Гумбольдт, писатель Б. Ибаньес, В. Маяковский и другие посетили Гавану в разное время, но все были очарованы ее красотой. «Городом колонн» назвал столицу кубинский писатель А. Карпентьер. И действительно, в ее архитектуре многообразно представлено это наследие античного и мавританского зодчества. И хотя здания построены на века, но и они не вечны, поэтому «Старая Гавана» признана ЮНЕСКО достоянием всего человечества. В 1981 году в стране был принят план реконструкции исторической части города, и многие здания начинают возрождаться. Кубинская революция дала простор и расцвету национальной архитектуры,

«клиентом которой с 1959 года стал весь кубинский народ». Веселый и остроумный народ Гаваны, неунывающий и неистощимый на шутки и выдумку, артистичный в музыке, танце и пении, он похож, как и их город, на мучачо — озорного ребенка с огромными глазами…

ДЖАКАРТА — СТОЛИЦА У ЭКВАТОРА

Индонезия раскинулась на бесчисленных островах, и каждый из них — поистине «остров сокровищ». Обычно считается, что в составе Индонезии 3000 островов, на самом же деле их около 14000. Многие из них необитаемы, а некоторые такие маленькие, что можно только удивляться, как такая малость земной тверди удерживается в море.

В XVI веке, перед приходом на Яву голландцев, на месте современной Джакарты располагался небольшой торговый город Сундакелапа. Это было время пиратства в открытых морях, контрабанды и широкой торговли пряностями, ради которых в эту часть света направлялись португальцы, голландцы и англичане. Все они враждовали друг с другом, поэтому и не стеснялись прибегать к самым коварным приемам борьбы. В своей междоусобице они старались заручиться поддержкой и помощью местного населения.

В 1522 году в Сундакелапе появились первые голландские мореплаватели, которые сначала основали здесь торговую факторию, а потом им позволили построить крепость. Портом Сундакелапа тогда владел султан княжества Бантам, который дал новое название городу — Джаякерта. Узнав о возведении крепости, султан обратился за помощью к англичанам, однако и совместными силами они оказались слабее голландцев. В конце мая 1619 года голландский флотоводец Ян Питерзон Кун завоевал почти незащищенное поселение, потом голландцы сожгли торговые склады англичан и стерли город с лица земли. Во время столь бурных событий они как-то вдруг вспомнили, что их крепость не имеет названия, и дали ей имя Батавия. Так называли Голландию еще в начале нашей эры — в те времена, когда ее населяли воинственные племена батавов: голландцы считают себя их потомками.

Территорией бывшей Джаякерты завладела Ост-Индская компания, которая построила здесь новый портовый город, защитив его стеной и береговыми укреплениями. Однако и в новом городе голландцам не раз становилось жутко, когда гремели бубны и барабаны и воины-индонезийцы, ожесточенные чужеземным

вторжением, собирались в лесах вокруг Батавии. В течение долгих лет горожане боялись нападения и не осмеливались выходить за пределы города даже за продуктами. Их доставляли им сюда извне по соглашению с султаном княжества Матарам, а тот не всегда регулярно снабжал их продовольствием.

Созданная на европейский манер, Батавия впоследствии стала столицей Ост-Индской компании на Яве. Со временем торговые связи Батавии расширились, а вместе с ними рос и город, жизнь в котором становилась все роскошнее. Купцы постепенно проникали все дальше в центральную часть острова, а в город съезжалось все больше людей, которые хотели сколотить состояние прежде, чем их скосит лихорадка. Сначала Батавию населяли одни мужчины, но к началу XVIII века в городе появились и женщины.

Как и в других голландских колониях, в Батавии все делалось по образцу родной земли, вплоть до каналов, которые были хороши уже по одному своему замыслу. Кроме того, голландские дамы использовали их как общественные бани, пока не переселились в дома с водопроводами. Во время колониального господства, кроме многочисленных каналов, в городе было построено много каменных складов, жилых домов и церквей.

В течение XVII века Батавия была центром торговли со многими странами, ее склады и корабли были заполнены товарами, прибывающими из всех районов Индонезии, а также из Персии, Индии и Японии. Но в XVIII веке роль Батавии стала падать: в 1732 году в городе разразилась эпидемия малярии, которую доктора бессильны были остановить. Многие жители переселились из города в сельскую местность, а генерал-губернатор перенес свою резиденцию из Батавии в город Богор. Со временем жизнь наладилась, однако к XIX веку старая бухта Сундакелапа уже не справлялась с возросшими перевозками, поэтому в Батавии был сооружен новый порт — Танджунгприок.

В 1942 году Батавия была захвачена японскими войсками. Чтобы заручиться поддержкой местных жителей в войне против США и их союзников, японские власти оказали поддержку некоторым индонезийским лидерам, а заодно вернули городу прежнее название, правда, несколько усеченное. Батавия стала Джакартой. Три года

японской оккупации в облике города видимых следов не оставили, так как новое строительство здесь не велось.[51]

Еще и в середине XX века Батавию называли большим поселком и даже большой деревней. Одноэтажные дома с черепичными крышами были окружены палисадниками, в которых росли деревья папайи и банановые пальмы. Их желтоватая листва, выгоравшая под беспощадно палящим солнцем, дрожала в знойном мареве. Новая Джакарта сейчас уже меньше зависит от «милостей природы». Многие гостиницы, офисы иностранных компаний, банки и другие общественные здания оборудованы кондиционерами, окна и балконы прикрыты навесами, и о тропиках напоминает лишь вид из окна.

В 1960-х годах в одноэтажной Джакарте появились первые многоэтажные здания, например, гостиница «Индонесия». А потом темпы строительства стали быстро нарастать, ведь столичные отели — это еще и место, где проходят официальные приемы и деловые встречи. Однако в Джакарте не увлекаются возведением небоскребов, и даже «Дхарма Нирмала» — одна из крупнейших гостиниц в городе — представляет собой группу расположившихся в саду коттеджей. Природа здесь райская, и потому громоздить друг на друга этажи — нелепо.

Большинство населения Джакарты — люди малоимущие или совсем бедняки. Число их не только не убывает, а постоянно растет. Сюда тянутся тысячи людей: разорившиеся крестьяне, не нашедшие работу интеллигенты из провинциальных городов, просто искатели легкой жизни…

Муниципальные власти Джакарты всеми путями пытаются приостановить нескончаемый поток пришельцев полиция разрушает их временные жилища, столицу даже объявляли закрытым городом, но это мало помогает. В сегодняшней Джакарте открыто много массажных салонов, ночных клубов, турецких бань, рулетка в самых различных вариантах — всего этого Джакарта не знала до 1960-х годов. И, к сожалению, именно ночная жизнь обеспечивает городскому бюджету не один миллион рупий, что составляет более четверти всех налоговых поступлений. Так, культурный центр имени Исмаила Марзуки возведен на налоги с игорных домов.

Недалеко от Джакарты возвышается знаменитый храм Прамбанан, построенный более 1000 лет назад. Жители окрестных деревень

рассказывают интересную легенду о том, как было создано множество его статуй.

Великан-волшебник полюбил прекрасную принцессу по имени Лоро Джанггранг и захотел на ней жениться.

— Я выйду за тебя замуж, — сказала красавица, — если ты за одну ночь высечешь из камня 1000 статуй и закончишь всю работу до пения петухов.

Вечером влюбленный великан принялся за дело, и к рассвету у него уже были готовы 999 статуй. Оставалось сделать только последнюю, и времени у волшебника было для этого вполне достаточно. Однако коварная принцесса не захотела выполнить свое обещание и велела всем деревенским девушкам постучать пестиком о ступы. От этого шума петухи проснулись и начали петь. Великан, разгневанный таким вероломством, тотчас превратил неверную принцессу в тысячную по счету статую.

БУЭНОС-АЙРЕС

«Из Испании, на наших кораблях, мы везли также 72 жеребцов и кобыл, которые прибыли с нами… Там, на этой земле, мы встретили индейцев, именующих себя керанди, — 3000 мужчин с женами и детьми; они принесли нам рыб и мяса, чтобы мы утолили голод. Их женщины носят небольшие повязки из хлопчатой ткани, прикрывая срамные места…»

Таким было первое впечатление первых европейцев, прибывших на территорию современной аргентинской столицы. Около 500 лет назад на правом берегу реки Ла-Плата возник город, которому суждено было стать столицей Серебряной страны, как называют Аргентину. Буэнос-Айрес основывали дважды, поскольку первое испанское поселение, бывшее на этом месте, смели свободолюбивые индейцы кечуа и гуарани. В 1580 году, разбив эти индейские племена, Хуан де Гарай вторично основал город «Вилья Санта Мария де лос Буэнос-Айрес» — «Город благосклонной Святой Марии». Сейчас от названия осталось только «Буэнос-Айрес», что означает «хороший воздух». Рассказывают, испанские конкистадоры так окрестили город потому, что первый из них, вступив на эту землю, якобы воскликнул: «Какой здесь хороший воздух!». Однако климат здесь — это невыносимая жара летом и влажный, пагубный холод зимой.

В жизни испанских колоний Буэнос-Айрес не играл сколько-нибудь значительной роли вплоть до начала войны за независимость. В течение почти 300 лет со дня своего основания, город оставался на весьма скромных ролях. Столицей вице-королевства была Лима, а добытые в Новом Свете сокровища испанцы отправляли через Панаму, минуя Буэнос-Айрес. До конца XVIII века городу даже запрещалось непосредственно торговать с заморскими землями, и жители Буэнос-Айреса существовали главным образом за счет контрабанды. Даже выделение особого королевства Рио-де-Ла-Плата с Буэнос-Айресом в качестве столицы мало что изменило в судьбе города — он оставался тем же захудалым портом, что и раньше.

Но в конце XVIII века испанская политика резко изменилась, что привело к далеко идущим последствиям. Испания решила превратить

Буэнос-Айрес в свой укрепленный аванпост в южной части Атлантики и предоставила ему возможность самостоятельно заниматься торговлей с другими странами. Город начал быстро расти, чему способствовали также приток иммигрантов из Европы и бум, начавшийся в торговле крупным рогатым скотом.

С 1810 года, когда Аргентина стала независимой, Буэнос-Айрес сделался самой крупной, самой шумной, самой современной и самой изящной столицей не только Южной Америки, но и всего Южного полушария. В это же время начался спор между Буэнос-Айресом и другими городами — Кордобой, Мендосой, но в 1880 году столицей страны стал Байрес, как сами аргентинцы называют свой город.

Однако после Второй мировой войны все опять переменилось. Быстро двинулась вперед Бразилия, разбогатела Венесуэла, в политическом отношении выдвинулась на первый план Куба. И Аргентина вдруг оказалась самым обычным государством, всего лишь одним из немногих в Южной Америке. Аргентинцы, конечно же, были не в восторге от таких перемен, зато с жаром рассказывали, что в Байресе можно увидеть самые великолепные здания в стиле барокко и познакомиться с самыми лучшими художниками Южной Америки.

Старый Буэнос-Айрес — это Ла Бока, прежде небольшой портовый городок, который сейчас является только одним из районов аргентинской столицы. Здесь издавна живут моряки и корабелы, а для моряка главный дом — это корабль. Вот они и красили сначала свой корабль, а уж потом чем осталось — стены дома на берегу. А так как краска была разного цвета, то и дома здесь превращались в мозаичные картинки.

По давней традиции дома в Ла Бока красят так и сейчас. Уедет турист из города, но приятное впечатление останется у него даже о самом бедном квартале Буэнос-Айреса: буксиры, парусники, моторные лодки у домов и сами 1—2-этажные домики, сбитые из досок и сверху покрытые рифленым железом, — все такое яркое, как расцвеченные флаги.

К настоящему времени Буэнос-Айрес превратился в крупнейший промышленный центр страны, на его предприятиях работают сотни тысяч человек, однако горожане по-прежнему называют себя «портеньос» — жители порта. Среди них много эмигрантов, поэтому жители внутренних районов Аргентины никогда не назовут столичного

жителя «криожьо», то есть коренным аргентинцем: для них он всегда «портеньос». Истинными хранителями национальных традиций, настоящим «криожьо» они считают только себя.

Сами «портеньос» утверждают, что Буэнос-Айрес совсем не аргентинский, а европейский город: его перевезли на кораблях многие поколения эмигрантов. Перевезли и поставили на берегу Ла-Платы, руководствуясь лишь собственными вкусами, порой и противоречивыми. Поэтому в Буэнос-Айресе есть районы, в которых живут преимущественно французы или итальянцы, испанцы или славяне — поляки, украинцы, югославы. По паспорту — все они аргентинцы, но обычаи и традиции у них таковы, что каждая «колония» старается существовать отдельно, не смешиваясь с соседями. Жители этих районов проводят время в национальных ресторанчиках и кафе, они издают газеты и журналы на родном языке, отмечают праздники своей далекой родины, поют свои национальные песни…

В Байресе действительно много эмигрантов и их детей; этот город — современный Вавилон, вобравший в себя культуру, технические знания и профессиональные навыки многих народов. И потому люди эти — одно из главных богатств страны: никто не тратил на их образование и профессиональное обучение ни гроша, все это они привезли с собой и щедро отдали своей новой родине. На этом щедром вкладе рос и процветал Буэнос-Айрес.

Порой кажется невероятным, что этот прекрасный современный город построен за какие-нибудь 100 лет. Но страна была богата, и потому ни с какими затратами не считались: нужен был для строительства мрамор из Италии — везли. Нужна была керамическая плитка из Португалии — везли! Нужно было строить небоскребы? Строили и при этом, не задумываясь, часто сносили старые постройки. Поэтому от архитектуры XVI века не осталось ничего, от XVII — несколько церковных фасадов, от XVIII — всего лишь несколько зданий. Так что большую ценность в Буэнос-Айресе представляют постройки середины XIX и начала XX веков — все они охраняются государством как памятники архитектуры.

Единственным районом, сохранившим колониальную застройку, является Сантельмо. Беленые известью дома с арками, витые решетками крошечные балконы, мощенные булыжником улицы,

черепичные крыши, квадратные площади с неизменными соборами и скверами в центре… Но времена меняются, и Сантельмо, благодаря уцелевшей экзотике, превратился теперь в туристический квартал. Однако только здесь можно увидеть, как танцуют прекрасное и нестареющее танго. Дитя и божество портовых кабачков, этот танец моряков, грузчиков и фабричных работниц в начале XX века завоевал парижские салоны.

Официальный центр Буэнос-Айреса находится на Пласа де Майо — в здании собора, где покоится прах возглавившего борьбу за независимость генерала Сен-Мартина, но об этом знает не каждый житель столицы. Поэтому некоторые считают, что сердцем города следует считать Пласа де Конгресиу, откуда берут свое начало все автострады страны. Третьи полагают, что центр Байреса находится на площади Республики — там, где пересекаются три оживленные улицы. Авенида 9 июля — это самая широкая улица (почти 150 метров от края до края), по мнению аргентинцев, такой нет нигде в мире: по ней движутся четыре потока машин, в каждом от 4 до 6 полос движения. Наряду с Ривадавией — самой длинной улицей планеты, авенида 9 июля является гордостью аргентинцев.

Посреди площади Республики в 1936 году установили 72-метровую колонну — в честь 400-летия со дня основания города. Колонну эту точнее следует назвать остроконечной пирамидой, но она относительно невелика — высота обелиска составляет всего 67, 5 метра. Сложенный из железобетонных блоков четырехгранный столб хорошо просматривается отовсюду и совсем не выглядит задавленным окружающими его зданиями. Наверху обелиск заточен наподобие карандаша, а внутри он полый, и там змеится винтовая лестница в 200 ступеней. Но архитектор А. Пребиш построил обелиск не для того, чтобы с его высоты обозревать окрестности, а наоборот, чтобы на него смотрели снизу.

По мнению некоторых жителей, сооружение это некрасивое и недостойно представлять их прекрасный город, известный во всем мире как «Париж Южной Америки». Известный аргентинский поэт Б.Ф. Морено, например, писал:

О город, где серебряный свой меч
Ты прятал? Был в какие ножны вложен

Клинок, что ныне извлечен из ножен,
Чтобы лазурь неба рассечь?

Как и всякое архитектурное нововведение в сложившемся уже центре города, «меч» поначалу резал глаз, вызывая споры и нарекания. Недоброжелатели новой достопримечательности Буэнос-Айреса выдвигали всякие обвинения против Обелиска, в частности, такие: «Обелиск вообще не имеет права называться обелиском, раз он полый, а не монолит». Но, может быть, аргентинцы немного лукавят, ведь и парижане не сразу признали свою Эйфелеву башню…

Однако все их недовольства все же привели к тому, что муниципалитет Буэнос-Айреса решил снести Обелиск. От уничтожения «меч» был спасен в самый последний момент, когда бульдозеры уже готовились срыть его: в июне 1939 года правительство страны издало декрет, согласно которому Обелиск объявлялся народным достоянием.

Особой заботой окружен в Буэнос-Айресе музыкальный театр «Колон», для возведения которого архитекторы и строители использовали лучшие материалы, какие только могли собрать со всего мира: золотисто-желтый мрамор из Италии, французские витражи, венецианскую мозаику… Позолоченная лепнина театральных стен, капителей и мраморных колонн, мебель и скульптуры — все бережно сохраняется в театре в том виде, в каком их впервые увидели зрители. И в то же время театр «Колон» постоянно оснащается самым современным оборудованием. А на складах театра хранятся 80000 костюмов всех спектаклей, которые когда-либо шли на его сцене; в архивах записаны мерки знаменитых исполнителей всего мира, поэтому мастерские театра всегда готовы сшить нужный костюм для любого из них.

Буэнос-Айрес — это еще и город памятников: их ставили завоевателям и освободителям, поэтам и музыкантам, ученым и литературным героям, а судя по их количеству — и просто хорошим людям. Причем любопытно отметить, что ставили памятники генералам, которые никогда ни в каких войнах не участвовали; если не считать обычных для латиноамериканских стран пограничных стычек и правительственных переворотов.

На площади Сен-Мартина скульптор Ж. Даунас воздвиг памятник герою нации — генералу Хосе де Сан-Мартину. Отлитая из бронзы конная статуя первоначально была установлена в 1862 году, а через 50 лет скульптор Г. Эберлейн поднял ее на новое, более грандиозное основание.

Этот величественный комплекс интересен не только как произведение искусства, он может служить и своего рода пособием для изучения истории борьбы испанских колоний за свою независимость. Фигуру генерала, стоящего на красном гранитном постаменте, окружают четыре скульптурные группы: «В поход», «Битва», «Триумф» и «Возвращение победителей». У подножия памятника восседает бог войны Марс, который подле себя держит огромного красавца-орла. Барельефы, расположившиеся с трех сторон постамента, изображают три главные победы Сен-Мартина — в сражениях при Сан-Лоренсо, Чакабуко и Майпу.

По пути в знаменитый района Бока расположился парк Лесома, названный по имени последнего владельца этого живописного уголка. Некоторые историки утверждают, что именно в этом месте конкистадор Педро де Мендоса решил основать поселение. Его попытка закончилась неудачей, но жители Буэнос-Айреса хранят память о человеке, возглавившем самую многочисленную экспедицию в Америку. Они установили в парке Лесома памятник ему, где изобразили испанца в полном боевом одеянии и опирающимся на шпагу. Вид Педро де Мендоса величествен, но герой кажется усталым, как будто он смирился с невозможностью наладить добрые отношения с индейцами. За спиной Педро де Мендоса высечено изображение индейца, застывшего с поднятыми руками. Одни считают, что он символизирует дружелюбие аборигенов, вначале радушно принявших испанцев; другие полагают, что образ непокоренного индейца до конца дней преследовал конкистадора, который умер на корабле, увозившем его на родину.

Через 44 года после Педро де Мендосы конкистадор Хуан де Гарай повторил попытку основать город на берегу Ла-Платы, но уже в другом месте. На этот раз попытка была удачной, поэтому немецкий скульптор Г. Эберлейн в 1915 году установил памятник Хуану де Гараю.

Низменный, совершенно ровный берег Ла-Платы, на котором раскинулся Буэнос-Айрес, способствовал строго геометрической планировке города. Параллельные, пересекающиеся под прямым углом улицы делят его на небольшие правильные квадраты. Сторона каждого такого квартала-квадрата равна аргентинской мере длины — куадре (130 метров). Нумерация домов здесь необычна: каждый следующий квартал начинается с новой сотни.

Буэнос-Айрес застраивался спиной к берегу Ла-Платы, в городе нет ни одной жилой зоны, которая была бы полностью привязана к побережью. Все жилые кварталы находятся внутри города, а район старого порта вообще отделен от Буэнос-Айреса своеобразным буфером, который не дает подойти к реке. Несколько лет назад были закрыты для доступа пляжи на северном побережье (в Костаньере Норте): сейчас здесь расположились красивые офисы и дорогие клубы для тех, кто в состоянии платить. Однако в городском муниципалитете строятся планы, чтобы вернуть к жизни старую южную зону Буэнос-Айреса.

В настоящее время концентрация хозяйственной и политической власти в Буэнос-Айресе вызывает протест множества аргентинских провинций, которые считают, что «настоящая Аргентина начинается там, где кончается Буэнос-Айрес». Об этом же говорил и писатель А. Варела, который называл аргентинскую столицу «головой гиганта на туловище карлика» за то, что город разрастается за счет обескровливания большей части страны. Вопрос о перенесении столицы ставится уже не впервые, тем более что аргентинская история знает и практические попытки сделать столицей государства другие города Аргентины.

ЗОЛОТЫЕ ГОРОДА ИМПЕРИИ ИНКОВ

«Золото» — вот то магическое слово, «которое гнало испанцев через Атлантический океан; золото — вот чего первым делом требовал белый, как только ступал на вновь открытый берег». Это неудержимое стремление к золоту вызывало у завоеванных народов даже некоторое изумление и недоумение. Известно, что на вопрос одного индейца, почему белые люди так жаждут золота, испанский конкистадор Э. Кортес вынужден был ответить: «Они страдают особой болезнью сердца, излечить которую может только золото».

Сами индейцы относились к золоту совершенно иначе. Для инков золото было только священным металлом бога Солнца, которому они поклонялись как родоначальнику своих царей. Золото предназначалось лишь для того, чтобы умилостивить бога Солнца. Из него делались украшения, скульптурные фигурки, троны Великих Инка, но это было связано только с религиозным культом.

Когда испанский конкистадор Ф. Писарро захватил в плен вождя инков Атауальпу, тот предложил за свое освобождение золота столько, что оно покроет весь пол в той комнате, где они находились. «И даже наполню комнату золотом так высоко, как только могу достать», — сказал Атауальпа и, поднявшись на цыпочки, прочертил рукой линию на стене. Все смотрели на индейского вождя с изумлением, посчитав его слова пустым бахвальством человека, который страстно желает получить свободу. Но Франсиско Писарро согласился.

Немедленно были разосланы по всей империи инков гонцы с повелением Атауальпы: собрать для выкупа все золотые сосуды и украшения из дворцов, храмов и общественных зданий. Из Куско прибыл груз чистого золота, которое несли на нескольких носилках. Каждые из них поднимали четыре дюжих мужчины, а на одних носилках золота было навалено столько, что их смогли поднять только 12 человек Спустя некоторое время комната была наполнена золотом и серебром, и Ф. Писарро стал владельцем таких сокровищ, каких не имел в своих сундуках ни один европейский монарх того времени.

Но жадность не знает границ, и милосердие испанцев оказалось вероломным. Они убили Атауальпу, а через несколько месяцев направились в столицу империи — священный город Куско. Здание Кориканче (храма Солнца) в Куско было опоясано карнизом из чистого золота, впаянного в камни. Не только статуя Солнца, но и статуи других богов (бога-творца Виракочи, бога грома и молнии и т.д.), а также знаменитый большой диск, олицетворяющий Инку, — были сделаны из золота. В храме находились и многочисленные золотые музыкальные инструменты, например, барабаны, украшенные к тому же еще и драгоценными камнями.

К зданию Кориканче примыкало еще одно чудо из чудес — так называемый «золотой сад Куско». Древняя легенда рассказывает, что все, что в этом саду росло, цвело и летало, тоже было сделано из чистого золота. Все, что жители великой империи видели вокруг себя, они воспроизвели в этом саду: клочки полей, маис, стада лам с их детенышами, 24 индейских пастуха, «срывающих» золотые плоды с золотых яблонь. Здесь же «произрастали» и другие золотые деревья и кустарники, на ветках которых сидели золотые пчелы. По земле «ползали» золотые змеи с глазами из темных драгоценных камней и «сновали» туда-сюда золотые жуки. Этот «золотой сад» был одной из самых причудливых фантазий, которые когда-либо создала рука человека.

Один из испанцев так описывал этот «золотой сад»:

"В саду этом были высажены самые красивые деревья, самые замечательные цветы и благоухающие травы, которые только произрастали в этом королевстве. Многие из них были отлиты из золота и серебра, причем каждое растение изображено не единожды, а от маленького, едва видного над землей побега до целого куста в полный его рост и совершенную зрелость.

Там видели мы поля, усеянные кукурузой. Стебли ее были из серебра, а початки из золота, и было это все изображено так правдиво, что можно было разглядеть листья, зерна и даже волосочки на них. В добавление к этим чудесам в саду Инки находились всякого рода животные и звери, отлитые из золота и серебра, такие, как кролики, мыши, змеи, ящерицы, бабочки, лисы и дикие кошки.

Нашли мы там и птиц, и сидели они так, словно вот-вот собирались запеть; другие же будто покачивались на цветах и пили

цветочный нектар. И были еще там золотые косули и олени, пумы и ягуары — все животные в малом и в зрелом возрасте. И каждое из них занимало соответствующее место, как это и подобало его природе".

Таким был великий город Куско в XVI веке, во время правления Инки Уайна Капака. Этот Инка облицевал золотом не только стены храмов и своих дворцов, позолота наносилась буквально на весь город. Двери всех зданий в Куско в это время обрамлялись золотыми рамами, а вдобавок их еще украшали яшмой или цветным мрамором.

Во время торжественных церемоний 50000 воинов Великого Инки вооружались оружием, которое было сделано из чистого золота. Для себя Уайна Капака повелел сделать трон из золота, а сверху накрыть его накидками из перьев попугая. Этот золотой трон был выставлен на главной площади города Куско, прямо перед дворцом-резиденцией Великого Инки.

Чтобы и сама площадь имела достойный вид, по повелению Уайна Капака ремесленники империи инков «сплели» из чистого золота цепь длиной в 350 шагов (около 250 метров). Это было самое большое «ювелирное» изделие, какое когда-либо существовало в мире. Цепь, весившая несколько тонн, обрамляла главную площадь города, и во время религиозных праздников инки танцевали, держа ее в руках. Чтобы только поднять цепь, требовалась сила двухсот человек.

А вот что писал Франсиско де Перес в своем сочинении «Завоевание Перу и провинции Куско»:

«Говорили, что в одном месте, присоединенном к Куско, есть два дома из чистого золота и крыши тех домов крыты соломой, искусно сделанной тоже из золота. Среди доставленного из Куско золота были такие литые соломинки, на кончике коих колосок выделялся как настоящий. Ежели начать рассказывать обо всех диковинных золотых вещах, доставленных из Куско, то никогда не кончить. Например… огромные чаши для источников с трубами, по которым течет вода в тут же устроенный бассейн, вокруг коего установлены всевозможные птицы в разных позах и люди, как бы черпающие воду из бассейна, и все это сделано из чистого золота».

Однако все несметные сокровища, которые испанцы награбили в Перу, были лишь малой частью того, чем владели инки. Когда после завоевания страны Инка Манко II встретился с испанским послом, он высыпал перед ним бокал кукурузных зернышек. Потом взял одно из

них в руки и сказал: «Это все, что вы смогли украсть из золота инков». А потом показал на оставшиеся: «А это то золото, которое осталось у нас».

И с тех пор, в течение уже нескольких столетий, продолжаются его поиски. Где теперь хранится золото Куско, которое не досталось испанцам? Где тот «золотой урожай», который по законам государства инков ежегодно доставлялся в столицу? Судя по всему, испанцам не досталась и золотая цепь; им не удалось захватить и личные сокровища Великих Инков, которые те накопили в период своего царствования. Ученые до сих пор ломают голову над вопросом: «Куда исчезло золото инков?» — и всевозможных версий на этот счет выдвигается очень много.

Российский ученый Ю. Зубрицкий предполагает, что свои сокровища инки могли вывезти в перуанскую сельву, где находится легендарный город Пайтити. Когда Инка Пачакутек решил покорить сельву[52], он отправил на восток отряд разведчиков, и вскоре те вернулись с радостным известием: в глубине сельвы они обнаружили золотоносные реки. И тогда Пачакутек приказал проложить дорогу от Куско прямо к месторождениям золота, а в глубине сельвы построить город, который служил бы своего рода перевалочным пунктом.

Новый город рос и расцветал прямо на глазах. Когда жадные конкистадоры уже двигались на Куско, по решению инкских правителей и жрецов мужчины и женщины города, старики и дети отправились в сельву, где стоял зачарованный город Пайтити. Туда же, в затерянные бескрайние чащобы, были перенесены и бесценные сокровища империи инков.

Об этом городе не знали несколько столетий, пока в начале XX века туда не попали два работника одной асиенды. Бежав от хозяина-изверга, пеоны четверо суток продирались через непролазные дебри, а на пятый день, вконец обессиленные, набрели на сплошь поросшие тропической растительностью постройки. Приглядевшись, беглецы увидели, что попали в заброшенный город, а потом обнаружили множество золотых вещей. Взяв лишь малую толику сокровищ, сколько можно было унести, пеоны поднялись по длинной каменной лестнице к высоким воротам с огромным золотым диском на фронтоне, олицетворявшим Солнце.

Когда вырвавшиеся из плена сельвы беглецы начали делить сокровища, между ними вспыхнула ссора, переросшая в драку не на жизнь, а на смерть. И в Куско прибыл только один из них…

В 1925 году отыскать затерянный в сельве город решили шестеро членов Ордена иезуитов. Они наняли носильщиков и проводников, запаслись всем необходимым и тронулись в путь. Однако по дороге на них напали индейцы, и незваные гости один за другим пали от стрел, отравленных ядом кураре. Однако одному проводнику удалось избежать смерти, и он сломя голову бросился в заросли. Сельва была наполнена самыми разнообразными звуками: не умолкали крики борбетты — ярко-красного попугая; вдалеке слышался плеск воды, разбивавшейся о камни; суматошно вопили потревоженные обезьяны, гортанно клохтал тукан, которого напугала свалившаяся с ветки змея…

Когда беглец остановился, чтобы перевести дух, то вдруг обнаружил, что стоит посередине какой-то улицы. Правда, все дома по обе стороны улицы были скрыты лианами, кустарниками и деревьями. Двинувшись дальше, проводник Санчес вышел на площадь, где стояли статуи в человеческий рост, и все они были отлиты из желтого металла. Он долго разглядывал чудо-изваяния, а потом отрубил мизинец у одного из них. Проводнику Санчесу тоже посчастливилось выбраться из сельвы, но он долго никому не рассказывал о таинственном городе. Только на склоне лет Санчес показал золотой мизинец ученому Р.И. Ордоньесу — в знак особого расположения и как доказательство того, что золотой город Пайтити существует.[53] Покрытый мраком непролазной перуанской сельвы, он и сегодня хранит свои сокровища и свою великую тайну, открытие которой, как считает Ю. Зубрицкий, было бы сродни открытию Трои.

ОТ ТЕНОЧТИТЛАНА К МЕХИКО

Юго-западный район Мехико называется Педрегаль, от слова «пиедра» — камень. В первом тысячелетии до нашей эры вулкан Кситле похоронил здесь под своей лавой цветущую культуру индейцев племени куикуилко. От некогда могущественного народа остались только легенды, и одна из них гласит, как в час извержения вулкана люди в поисках спасения поднялись на пирамиды и верховный жрец предсказал, что пройдут века и жизнь на этом месте возродится с новой силой. Жрец оказался прав.

Около семи веков назад племя ацтеков кочевало по Мексиканскому нагорью в поисках подходящего места для закладки города. Однажды взорам индейцев открылась чудесная долина; в центре ее изумрудом сверкало озеро, а посередине его возвышался остров. Вожди ацтеков увидели сидевшего на кактусе орла, который долбил клювом змею. Жрецы сочли это за благоприятный знак, предсказали, что здесь добро всегда будет торжествовать над злом, и повелели основать город. Орел, убивающий змею, стал символом страны, а впоследствии из легенды перекочевал на государственный флаг Мексики.

Теночтитлан, основанный в 1325 году на двух островах озера Тескоко, с долиной соединялся тремя дамбами, по бесчисленным каналам и протокам сновали индейские каноэ и барки. Город родился среди воды, она была его колыбелью, его транспортом, его вдохновителем и угрозой, вода была для Теночтитлана благом и трагедией. Во время правления Ауитсоля был построен акведук, чтобы провести пресную воду от источников Койоакана. Мера эта впоследствии оказалась нецелесообразной, так как строители не могли управлять потоком, постепенно захватившим Теночтитлан и приведшим к наводнению, в котором погибли люди, посевы и животные.

Неудержимый поток воды достиг дворца самого Ауитсоля, и правителю пришлось укрываться на возвышенности не только от наводнения, но и от реальной угрозы восстания подданных. Только благодаря мудрому вмешательству владыки Несауалькойотля удалось

укротить этот разрушительный поток. Это был замечательный строитель, известный к тому же своей любовью к поэзии, астрономии и философии он построил дамбу, которая отделила соленые воды озера Тескоко от пресных вод Сочимилко, а также другие замечательные гидросооружения.

Город был неприступен, особенно если учесть военную технику индейцев того времени. Острова, соединенные друг с другом и с берегом дамбами, быстро застраивались храмами-пирамидами, монументальными дворцами, жилищами воинов, торговцев и ремесленников. В разные стороны от озера пробивались каналы, по которым в столицу доставлялись строительные материалы, продовольствие, цветы и другие товары — дань, которую окрестные племена платили ацтекам. До сих пор сохранились остатки этой поистине венецианской системы каналов в Сочимилко — пригороде Мехико. Но Сочимилко в сравнениях с Венецией не нуждается — он ее старше. Жители его, как и шесть веков назад, выращивают овощи и цветы на берегах бесчисленных каналов и проток, только теперь этот пригород стал скорее всего туристической достопримечательностью.

Сочимилко — это зеленые коридоры над каналами, по которым плавают на трахинерас — мексиканских гондолах. В трахинерас нет обычных лодочных скамеек: по бокам их стоят стулья с твердыми спинками, посередине — стол, на котором стоят пиво и солонка, лежат помидоры — все очень по-домашнему… В маленьких озерах Сочимилко плавают розовые и желтые клумбы: цветы растут на плотной подушке из водорослей, порой несколько водоплавающих клумб соединяются вместе и дрейфуют уже целой лужайкой.

Когда в Мексике появились испанские конкистадоры под предводительством Эрнана Кортеса, индейский правитель Монтесума II осыпал испанцев дорогими подарками и совсем не помышлял о сопротивлении. Но в конце 1520 года в Теночтитлане вспыхнуло восстание, во время которого Монтесума был убит. Испанцы, потерявшие значительную часть своих людей, были выброшены из города. Сейчас на одной из окраин мексиканской столицы любой мальчишка покажет «дерево печальной ночи» — многовековую смоковницу, под которой якобы горько рыдал Э. Кортес, решивший, что звезда его закатилась. Однако распри индейцев между собой

позволили испанцам создать новую коалицию против ацтеков и организовать осаду Теночтитлана.

В августе 1521 года в город ворвались солдаты Э. Кортеса, и ацтекские воины под предводительством своего вождя Куатемока, последнего правителя некогда могущественной империи, 90 дней отбивали все атаки испанских солдат. В осажденном городе свирепствовали голод и эпидемии, ежедневно уносившие тысячи жизней, но жители Теночтитлана отвергали все предложения Э. Кортеса о сдаче. И только после того как в бесконечных сражениях погибли почти все ацтекские мужчины, Куатемок приказал оставшимся в живых тайно покинуть город. Однако сам вождь был схвачен и после короткого суда повешен. Но, как утверждают индейские хроники, тело Куатемока было похищено и с почестями предано земле. В них даже называется место, где располагалась могила вождя — Икскатеопан, однако попытки ученых отыскать эту могилу до сих пор оказывались тщетными.

В 1971 году в Икскатеопан была отправлена научная экспедиция. Исследователи, внимательно изучившие все сведения о последних днях жизни и о гибели великого Куатемока, пришли к выводу, что могила его могла находиться под церковью, построенной испанцами в 1539 году. Проведя раскопки под алтарем церкви, ученые обнаружили здесь табличку XVI века с полустершейся надписью «Куатемок», а ниже ее — погребение мужчины. Антропологические измерения останков похороненного человека совпали с данными древних хроник, рассказавших о внешнем облике Куатемока, и большинство мексиканских исследователей убеждены, что найденное захоронение — это могила легендарного вождя ацтеков.

Захватив Теночтитлан, испанцы сровняли с землей величественные индейские храмы и дворцы, засыпали каналы, осушили небольшие озера. На месте Теночтитлана была воздвигнута столица Новой Испании — город Мехико. Но с разрушением системы каналов в этой местности участились наводнения, и ничто уже не сдерживало бурных потоков, несущихся по горным склонам. После нескольких сильных наводнений испанцы построили отводной канал длиной в 6, 6 километра, а для стока воды из долины прорубили тоннель в горах, но грязь забивала дренажную систему. В 1629 году после сильного ливня, продолжавшегося полтора дня, началось

очередное наводнение, во время которого погибло несколько тысяч человек. Завоеватели даже стали подумывать о перенесении столицы в другое место, но слишком много средств было уже вложено в возведение Мехико, чтобы так просто его покинуть.

Почти 300 лет колониального владычества наложили на Мехико несмываемую печать. Почти все нынешние архитектурные памятники города — это колониальная старина: приземистые, темные, толстостенные монастыри; храмы с фронтонами, украшенными вычурной резьбой по камню; суровые, почти казарменного типа дворцы-крепости. Лучшим архитектурным ансамблем Мехико является центральная площадь города Сокало, которая имеет еще и официальное, но редко употребляемое название — площадь Конституции. Этот почти правильный квадрат залитого асфальтом пространства с одной стороны обрамлен президентским дворцом, с другой — кафедральным собором, а с третьей — городской ратушей. Четвертую сторону площади Сокало занимает ломбард «Гора милосердия» и стилизованный под старину отель.

После завоевания независимости мексиканцы долго искали свой собственный путь не только экономического и политического развития страны, но и облик своей архитектуры. В конце XIX — начале XX века П. Диас пытался «офранцузить» мексиканскую столицу: по его настоянию от личной резиденции испанских вице-королей, расположенной на вершине холма в парке Чапультепек, в центр города был пробит проспект Реформы, спланированный наподобие Елисейских Полей в Париже. Вдоль всего проспекта, через определенные интервалы, были поставлены бронзовые статуи военных и политических деятелей эпохи Реформы. На Пасео де ля Реформа на массивном пьедестале возвышается и фигура индейского вождя Куатемока — в боевом убранстве и с копьем в руке. В середине проспекта находится главный памятник Мексики — Колонна Независимости.

Этот монумент возводили 10 лет и успели закончить к 100-летию начала борьбы мексиканского народа против испанского владычества. Сооружение этого памятника, как и многих других, осложнялось тем, что за столетия своего существования расширяющийся Мехико отвоевывал у озера Тескоко все новые и новые площади. Город как бы загонял озеро внутрь земли, и теперь под Мехико, словно гигантская

подушка, лежит мощный пласт водонасыщенных слоев. Возводить на таком грунте высотные здания очень трудно, поэтому в Мехико их почти не строят. Даже на своих главных улицах, если не считать небоскребов, Мехико невысок: всего 3—4-этажные дома, гладкий фасад, светлые стены — голубые или зеленые…

Один из многоэтажных домов страхового общества американской фирмы так и остался недостроенным из-за того, что фундамент его осел. В 1928 году было возведено великолепное здание Дворца искусств, в котором расположился Национальный театр Мексики. Но за четверть века здание осело на 2 метра, поэтому пришлось углублять площадь, на которой он стоит. Поэтому, какое бы крупное строительство ни начиналось в Мехико в первую очередь, приходится считаться с подпочвенными водами. Чтобы не произошло беды, строители и забили под основание Колонны Независимости несколько сотен толстых эвкалиптовых свай. Колонну венчает крылатая статуя Победы, а у основания ее изображен мраморный отец нации — Мигель Идальго.

Каждый год, в ночь на 15 сентября, на площади Сокало проводится грандиозный праздник — годовщина с того дня, когда 60-летний сельский священник Мигель Идальго поднял народ Мексики против испанцев. В 1810 году в маленькой церквушке города Долорес священник ударил в колокол, собрал своих прихожан и призвал их к борьбе за независимость родины. Впоследствии знаменитый колокол перевезли в Мехико и установили на главном балконе Национального дворца. Каждый год 15 сентября в 11 часов вечера президент Мексики выходит на этот балкон, ударяет в колокол и произносит перед собравшимся народом «клич Долорес» — призыв Мигеля Идальго: «Да здравствуют Мексика и независимость!»

ВЫСОКОГОРНЫЙ ГОРОД ЛА-ПАС

Место для возведения Ла-Паса испанцы выбрали очень удачно — в котловине на северо-востоке плоскогорья Альтиплано. Края этой гигантской чаши укрывают город от леденящих ветров широкого и ровного, как стол, плоскогорья, окруженного ледниковыми шапками Анд. Климат на Альтиплано — высокогорно-континентальный, с резкими перепадами температуры, поэтому жители Ла-Паса по вечерам даже летом часто поверх свитера надевают еще и куртку.

Поначалу в городе, расположенном на высоте в 3700 метров, следует ходить медленно: воздух здесь очень разрежен, и к этой особенности боливийской столицы нужно сначала привыкнуть, а то можно и в обморок упасть. Лучший способ привыкания — движение, ходьба, и через 2—3 дня ты уже начинаешь двигаться как настоящий индеец Анд.

Где-нибудь в Европе восхождением на такую высоту можно было бы гордиться и на старости лет рассказывать об этом внукам. А в Боливии на этой высоте расположен город с миллионным населением, который называют самой высокогорной столицей в мире, хотя официальной столицей Боливии считается небольшой городок Сукре. Исполнительная и законодательная власть Боливии, здание парламента, резиденция президента и министерства находятся в Ла-Пасе, а в Сукре остался только верховный суд страны.

Педро де Сьеса де Леон, один из хронистов завоевания Америки, писал, что «город находится в маленьком узком ущелье меж горных хребтов; город построили в самом равнинном месте, дабы легче было носить воду и хворост… Это самое теплое место среди всех долин и равнин провинции Кальяхо, расположенных выше в горах, где нет ничего необходимого для должного обеспечения подобных городов. Однако жители поговаривали о том, чтобы переселиться поближе к большому озеру Титикака или селениям Тиауанако и Гуаки. Но город остался стоять в долине Чукиапо, где за минувшие годы добыли много золота». Испанцы тоже задержались в этих краях из-за золотой жилы, найденной в долине реки Чокейапу, а преимущества микроклимата

открылись им уже после. Как и стратегическое положение Ла-Паса на перекрестке горных дорог…

Название города «Ла-Пас» означает «мир». Это подчеркивается и в гербе города, где под шлемом, на который уселся голубь с оливковой ветвью в клюве, изображены гора Иллимани и речка, а на берегах ее лев и овца, мирно взирающие друг на друга. Девиз на гербе гласит: «Раздоры на согласие сменили и город создали, чтобы мир и любовь их навек объединили!». Это произошло в 1548 году, но город был заложен вовсе не в ознаменование дружбы испанцев с индейцами поселка Чуки-Апу, как можно было бы подумать сначала, а в память примирения двух испанских конкистадоров, не поладивших при разделе добычи.

История Боливии связана с добычей золота и серебра, но постепенно их запасы истощились, и в конце XIX века в стране стали добывать олово — металл, обычно сопутствующий серебру. Однако со временем закончилось и олово, и на что теперь рассчитывать Боливии, которая и без того считается одной из самых бедных стран в мире? За свою относительно короткую историю страна пережила не один экономический кризис, и в Ла-Пасе сохранились свидетельства тех тяжелых дней.

Одним из таких свидетельств является президентский дворец — скромное трехэтажное здание, не сразу привлекающее внимание. Когда Алонсо де Мендоса на месте старого индейского поселения Чуки-Апу основал город, на главной площади сразу же стали возводить здание, которое одновременно бы служило и резиденцией правителя, и тюрьмой. В Ла-Пасе говорят, что место это было проклято возводившими здание индейскими мастерами из Тиауанако, которые не привыкли работать под плетью.

Президентский дворец на протяжении долгих лет своего существования действительно служил резиденцией правителей и тюрьмой, казармой кавалерийского полка и баром, местом развлечения и даже… публичным домом. Первое кровавое событие в «биографии» дворца произошло в декабре 1661 года. В полночь в него ворвались вооруженные метисы и с криками: «Смерть плохим правителям!» — закололи наместника испанского короля Кристобаля де Коньедо.

Площадь перед дворцом помнит и восстание Тупака Катари в 1781 году, когда восстали индейцы, разоренные бесконечными

поборами центральных и местных властей. «Паласио Кемадо» («Сожженный дворец») резиденция боливийских правителей стала называться в 1875 году. Тогда разъяренные граждане, воспользовавшись отсутствием в городе армейских подразделений, забросали дворец намоченными в нефти тряпками и подожгли его. То, что не смог сделать огонь, довершили грабители…

Историческим центром Ла-Паса является площадь Мурильо, названная в честь организатора борьбы против испанского владычества Педро Доминго Мурильо — очень почитаемого в Боливии человека. На площади Мурильо всегда многолюдно: здесь можно встретить студента и политика, торговца и служащего, однако главный колорит придают площади индейцы, которые сейчас приезжают в Ла-Пас изо всех уголков Боливии. А до революции 1952 года индейцам было запрещено появляться на площади перед президентским дворцом.

Обычно город разрастается вокруг холма с крепостью, подобной пражским Градчанам, московскому Кремлю или таллиннскому Вышгороду. В Ла-Пасе центр города расположился на дне котловины Альтиплано — примерно метров на 400 ниже его окраин. Вверх по горным склонам, как лучи, расходятся улицы, которые поднимаются здесь так круто, что тротуары зачастую превращаются в лестницы.

В Ла-Пасе постоянно ощущаешь аромат старины. На крутых и узких улочках города разместились невысокие дома под красной, потемневшей от времени черепицей. Эти дома строились давно, когда на землях Боливии господствовали испанские завоеватели. Некоторые дома напоминают ласточкины гнезда, прилепившиеся к стене. К стенам прилепились и маленькие металлические балкончики, внутри дома — патио — все, как было в самой Испании несколько веков назад.

Ла-Пас окружают массивы гор с видимой отовсюду белой шапкой пика Иллимани — божественным фетишем древних индейцев. Горы здесь безлесы и не покрыты травами, поэтому вид стихийного нагромождения первобытных камней — твердых и бурых, иногда переходящих в кровавый цвет, — придает городу черты суровости. Но всегда безоблачное небо и яркий слепящий свет солнца буйством своих красок смягчают эту суровость.

Ла-Пас — удивительный город: куда в нем ни пойдешь — все в гору. Чем беднее квартал, тем выше он находится. На самом верху расположена церковь Святого Франциска, окруженная такими узкими улочками, что нечего и думать о том, чтобы добраться сюда на автомобиле. Но хоть добираться сюда и неудобно, здесь всегда царит людское многолюдье из оборванных, больных туберкулезом индейцев, босых индеанок с рахитичными детьми — всех, у кого нет денег на врача. Идут сюда и богатые сеньоры и дамы, которым не могут помочь доктора, а также томимые любовью юнцы и женщины, ревнующие своих мужей… Все они приходят к индейским знахарям из племени кальяуайха, название которого означает «обладающие лекарством». Под этим именем врачеватели были известны еще в империи инков и до сих пор их знают по всей Южной Америке.

Из своих деревень, которые располагаются на северо-востоке от озера Титикака, они уходят, закинув за спину пестрые мешки с лекарствами, в странствия на год, а то и больше. В Ла-Пасе врачеватели всегда останавливаются у церкви Святого Франциска, тут же они раскидывают и свои открытые прилавки, на которых разложены в коробочках сухие травы всех цветов, куски камеди, разноцветная глина, запечатанные смолой баночки, горшочки, бутылочки…

Продавцы сидят молча. Это ведь тебе что-то нужно от них, вот ты и рассказывай, что и где у тебя болит. От многих болезней есть у кальяуайха лекарства, проверенные веками, причем используют они только травы, собранные у себя на родине. Тот же цветок или та же трава, но растущие в других местах, они считают неподходящими.

Кальяхи рассказывают, что их предки были врачевателями при дворе Великих Инков, никто, кроме них, не имел права заниматься медициной в государстве инков. И действительно, знахари-кальяхо умеют искусно делать трепанацию черепа и сращивать сломанные кости, без всяких приборов они могут определить пол ребенка, находящегося в чреве матери. Как это им удается? Эти тайны упорные кальяхо берегут очень строго…

Свое привилегированное положение врачеватели-индейцы сохранили и при испанцах. В некоторых областях медицины они знали больше европейских врачей, и потому испанцы быстро оценили их искусство. Самого вице-короля Перу врачевал кальяхо Серхио Уанай.

ВАЛЛЕТТА — СТОЛИЦА МАЛЬТИЙСКИХ РЫЦАРЕЙ

Удобно расположенный на перекрестке средиземноморских путей, остров Мальта издавна привлекал к себе внимание завоевателей. Финикийцы и карфагеняне, римляне и византийцы, правившие в Сицилии норманны и арабы из Северной Африки — все они в разные эпохи побывали на Мальте, и каждый народ оставил свой след в ее истории и архитектуре.

Сами мальтийцы считают свою землю архипелагом и всегда указывают, что Мальта — это собственно сам остров Мальта (самый большой), а также остров Гозо — чуть поменьше, остров Комино — совсем небольшой и еще три необитаемых островка-скалы в море. Весь архипелаг занимает площадь в 320 квадратных километров, на которой как-то разместились 350000 жителей.

Мальтийцы не очень любят, когда их прошлое связывают только с пребыванием на острове рыцарей-госпитальеров. Ведь история Мальты начиналась не в средние века, а несколько тысяч лет назад, и жители с гордостью подчеркивают, что их мегалитические храмы старше даже египетских пирамид. Первый документальный след в истории острова оставили финикийцы, а это было почти 3000 лет назад; затем греки, которые и дали острову название «Мелита», что означает «Медовый остров». Мальта, действительно, долгое время славилась медом, но не только им, а еще и сладкоречивыми нимфами. По преданию, нимфа Калипсо, у которой долгих семь лет томился Одиссей, жила именно здесь. Есть и еще одна версия о происхождении названия острова, согласно которой оно происходит от финикийского слова «малет» — гавань, защищенное место.

Греков разгромили воины Карфагена, потом пал и сам Карфаген, а остров Мальта перешел к Риму. Затем было нашествие вандалов, а после распада Римской империи мальтийские острова быстро прибирают к рукам сначала византийцы, а после них — арабы. И только много позже на острове высадились крестоносцы.

Рыцари Ордена Святого Иоанна Иерусалимского прибыли на Мальту в 1530 году. После того как турецкая армия выбила их с

острова Родос, рыцари долгих семь лет искали себе новое пристанище. В этих поисках им помогал римский папа Климент VII И тогда испанский король Карл V великодушно уступил им острова Мальту, Гозо и Комино, входившие в его владения, за что королю от благодарных рыцарей полагалась весьма символическая плата в виде одного охотничьего сокола… этому времени Орден, получивший свое название от иерусалимского госпиталя «Сакра Инфермерия» во имя Иоанна Крестителя, существовал уже более 400 лет. Во время крестовых походов братство превратилось в военно-монашеский орден, символом которого стал белый крест на красном поле. Четыре конца креста символизируют христианские добродетели, сдержанность, постоянство, смелость и справедливость. Восемь углов мальтийского креста означают, согласно Нагорной проповеди Иисуса Христа, восемь путей достижения блаженства и одновременно соответствуют регионам, входившим в международное братство рыцарей.

Приплыв на Мальту, рыцари сразу же взялись за укрепление своего нового пристанища. По всему побережью в прямой видимости одна от другой они возвели дозорные башни, на которых солдаты Ордена день и ночь несли караул. Словно полой своего рыцарского плаща накрыли они остров, защитив его жителей от пиратов. С появлением на Мальте рыцарей уже ни один турецкий или пиратский корабль не мог проскочить морское пространство между Мальтой и Сицилией.

Маленькая Мальта стала боевым оплотом христианства, чем очень досаждала Великой Порте. Жан Паризо де Ла Валлетт, Великий магистр Ордена, понимал, что рано или поздно турки нападут на остров. И действительно, на рассвете 18 мая 1565 года 200 турецких кораблей и 40000 человек прибыли на Мальту. Им противостояли всего 600 рыцарей и 7000 наемников и мальтийских ополченцев. По всем военным законам турки должны были легко разгромить Мальту, они и собирались за пять дней захватить форт Сент-Эльмо. Однако им потребовался для этого целый месяц, хотя форт защищали всего 52 рыцаря и 500 солдат.

Вторым фортом на пути турок стал Сент-Анджело. Борьба была жестокой, и противные стороны прекрасно понимали, что пленных в этой войне не будет. Прозрачные голубые воды залива были окрашены

кровью, сотни тел усеивали его дно. Но полуостровное государство госпитальеров выстояло, осада была снята, и Великий магистр Ла Валлетт приступил к строительству нового города, который впоследствии назовут его именем.

Собственно, после Великой осады рыцари и принялись по-настоящему осваивать остров. Им предстояло быстро и в соответствии с требованиями военной науки выстроить новую столицу. Идеальным местом для возведения города рыцари посчитали пустынный мыс Скиберрас, который, как оплывший дельфин, лежал между двух глубоких естественных гаваней и позволял наблюдать за ними. В 1566 году, уже через полгода после изгнания турок, вновь загремели пушки Ордена и зазвонили колокола, возвещая о закладке первого камня. Римский папа Пий IV одобрил намерение Великого магистра построить новый город и направил на Мальту военного инженера-архитектора Ф. Лапарелли, ученика великого Микеланджело Буонарроти. Итальянский инженер вместе с архитекторами Ордена разработал детальный план фортификационных укреплений будущего города и расчертил его улицы.

Валлетта была построена по единому плану, и потому улицы в ней, в отличие от многих других старинных городов, удивительно прямые. Местная знать, духовенство и состоятельные люди начали наперебой застраивать возводимый город. Все дома, как один, строились из известняка. Этот камень, как только добудут его из каменоломен, бывает сероватого цвета и очень податлив для работы. На солнце же он начинает желтеть, приобретает цвет топленого молока и становится твердым, как гранит. На дверях многих домов в Валлетте до сих пор остались медные ручки в виде дельфинов, очень хитро устроенные: тронет ночью вор такую ручку и угодит в капкан.

До 80000 сицилийцев и пленных рабов возводили город. Престарелый магистр Ла Валлетт сам ежедневно бывал на месте строящейся столицы, однако завершенными увидел только небольшую часовню и несколько бастионов Пьетро дель Монте. Следующий Великий магистр Ордена, с огромной энергией продолжил дело своего предшественника, и за пять лет стены будущей столицы и ее укрепления были завершены. 15 марта 1571 года Великий магистр дель Монте в сопровождении рыцарей-иоаннитов вступил в новый

город. Была отслужена торжественная месса, а на следующий день магистр дель Монте выбрал место для собственного дворца.[54]

Валлетта росла и украшалась. Здесь поощрялись искусства и науки, а библиотека Мальтийского ордена считалась одной из крупнейших в мире: в ней насчитывалось более 900000 книг и редких рукописей. После захвата Мальты Наполеоном она была вывезена и погибла вместе с кораблем, на котором находилась.

Госпитали рыцарей-иоаннитов на острове были превосходными больницами, в которых рацион больных был обильнее и разнообразнее, чем рацион ухаживающих за ними рыцарей. Русский стольник П.А. Толстой, побывавший на Мальте в июле 1697 года, писал: «Кормят всегда с серебра; тарелки, и лошки, и блюдца, и чаши, и ставцы, и солонки — все серебряные… А больных в тот шпиталь принимают всякого чину, кто б ни пришел, только б был христианин; а басурманом болящим поделаны особые покои в том же шпитале».

Ныне дворец Великих магистров и собор Святого Иоанна являются сердцем Валлетты. Собор с его аскетическим фасадом, подобным скромному одеянию монашествующего рыцаря, был построен в 1578 году. Пол собора — это надгробные плиты кавалеров Ордена. Если подняться на балкон и взглянуть вниз, то покажется, будто они, словно прижавшись плечом к плечу, сомкнулись в едином строю для последней битвы. На одной из надгробных плит сделана надпись: «Сегодня вы ступаете по мне, завтра так же будут ступать и по вам». Под соборным алтарем находится склеп, где в саркофагах покоится прах Великих магистров Ордена.

В сегодняшней Валлетте мало что переменилось с рыцарских времен, по крайней мере, добавилось к ее внешнему облику совсем немногое. Разве что автомобили на улицах да антенны над крышами домов. «Великолепным городом-мечтой» назвал Валлетту английский писатель В. Скотт. Это действительно сказочный город: его узкие улицы то стремительно скатываются вниз, то вздымаются вверх, что, конечно же, лишает транспорт и пешеходов определенных удобств и преимуществ. В Валлетте нет многоэтажных домов из стекла и бетона, столь привычных для других столичных городов. Зато здесь столько церквей, замков и соборов, которые соревнуются друг с другом своей архитектурной пышностью, что их и не пересчитать.

Большинство строений в Валлетте весьма почтенного возраста, и, как правило, все они украшены застекленными балкончиками-фонариками, история которых очень любопытна. Рассказывают, что в былые времена рыцари питали отчаянную слабость к мальтийкам. Стоило красивой девушке только появиться на улице, как благородные рыцари, словно сговорившись, окружали ее и не давали пройти. Только сидя на застекленном балкончике, девушка могла чувствовать себя в безопасности и одновременно быть в курсе того, что творится на улице.

БОМБЕЙ — ВОРОТА ИНДИИ

Когда солнце завершает свой дневной путь и зависает над Аравийским морем, перед тем как погрузиться в морскую пучину, на Малабарском холме Бомбея всегда шумно и многолюдно. Стоит только подойти к краю холма, и центральная часть города предстанет как на ладони. От Чоупатти (нечто вроде приморского парка и пляжа одновременно) до самой южной оконечности Бомбея тянется «королевское ожерелье» — городская набережная Нетаджи-Субхаз-роуд. Если перевести взгляд чуть левее, можно увидеть район киностудий «индийского Голливуда», а еще) дальше к югу — очертания портовых кранов.

Бомбей — один из крупнейших портов в Азии, но у города много и других титулов. Его называют «второй столицей Индии» и «городом миллионеров»; некоторые считают, что «Бомбей — это не Индия», другие, наоборот, что это «Индия в миниатюре». Так какой же Бомбей на самом деле?

Индийские города, своеобразные и многоликие, в целом мало похожи на города Запада. Здесь царит совсем другая жизнь, почти уличная — с открытыми, будто вывалившимися наружу рядами лавочек, с арбами, тележками и коровами, спокойно бредущими между велосипедами и автомобилями. Пожалуй, лишь Бомбей по своему внешнему облику сходен с европейскими городами, особенно в своей центральной части.

В коренных индийских кварталах Бомбея, населенных простым людом, возвышаются дома в несколько этажей (иногда до 7). И какие это дома! Тут зодчие творили, не озираясь на Запад, а сохраняя верность вкусам и формам Востока. В Индии с давних пор большие сооружения строили из камня, индийские архитектурные мотивы сплетались с арабскими, и зодчие Бомбея черпали свое вдохновение из обоих источников. Поэтому в Бомбее много жилых домов удивительной красоты, словно целиком завернутых в кружева. Балконы и веранды в таких домах закрыты жалюзи, резными ставнями, циновками, ведь здесь берегут не тепло, а прохладу. Если и искать шедевры индийской резьбы по дереву, так именно здесь:

стоишь перед фасадом такого дома, стоишь долго — и находишь все новые чудеса в резном кружеве, все новые ухищрения мастеров-умельцев.

Есть в городе сооружения и более скромные по размерам, но без них Бомбей не был бы Бомбеем. Это фонтаны, которых в городе великое множество, но нет среди них двух одинаковых. Вода бьет из пасти льва или тигра, из кувшина в девичьей руке или утеса; ее охраняют крылатые боги Ассирии и боги Египта, сказочные принцы, воины, нимфы… Не только восточное уважение к воде, дарующей жизнь, вложено в эти фонтаны. Здесь присутствует и уважение к бедняку, который пьет из фонтана или полощет в нем свою залатанную рубаху, а потом уснет тут же рядом под шепот его струй.

По вечерам бомбейцы гуляют в «висячих садах» на Малабарском холме, среди цветников и искусно подрезанных кустарников. Садовники-скульпторы придают им форму причудливых ваз с букетами, слонов, колесниц… В «висячих садах» разместилось и удивительное сооружение «Башмачок», любимый всей бомбейской детворой. Этот «Башмачок» точь-в-точь как тот, в котором жила матушка Хэббард из английской сказки, — с крышей и балконом, на который ведет внутренняя лестница. А в каблуке «Башмачка» прорублена дверь.

Бомбей действительно более космополитичен, чем любой другой город Индии, влияние западной цивилизации здесь чувствуется сильнее, чем где бы то ни было в стране — и во внешнем облике города, и в его стиле, и в резкости социальных контрастов. Бомбей трудно назвать «Индией в миниатюре», а между тем население города представлено практически всеми народностями: маратхами и гуджаратцами, кашмирцами и тамилами, пенджабцами и т.д., а также представителями всех основных каст страны — от высокородных брахманов до бывших неприкасаемых.

Не нарушают европеизированного облика Бомбея и культовые здания — индуистские, джайнистские, сикхские и мусульманские храмы, алтари, минареты, мавзолеи и гробницы. Среди них выделяются своеобразные сооружения, явно скопированные с древнеперсидских образцов, созданных более 2500 лет назад. Это храмы парсов — последователей зороастризма, которых сейчас чаще всего называют огнепоклонниками.

Парсы пришли в Индию из порабощенного Ирана, где не хотели оставаться в захваченной арабами стране. Они принесли с собой много новых для Индии знаний, в частности, в ремеслах, садоводстве, огородничестве и способствовали процветанию Гуджарата — области, где они первоначально расселились. Постепенно парсы перешли с персидского языка на местный, а древнеперсидский язык, на котором записана священная книга зороастрийцев «Авеста», сейчас знают только священники, которые совершают богослужения.

Зороастрийцы почитают четыре священных элемента Вселенной — воду, огонь, землю и воздух, поэтому погребальный обряд у парсов очень своеобразен. Поскольку тело умершего считается нечистым, его нельзя предать огню, воде и земле. Парсы хоронят своих покойников в «дагма» — особых сооружениях, которые в европейской литературе обычно называются «башнями молчания».

Дагма — это действительно невысокая башня с наружной лестницей, которая ведет на верхнюю площадку. Здесь вокруг глубокого центрального колодца тремя концентрическими рядами расположены неглубокие ниши. Умерших кладут в эти ниши и оставляют на съедение грифам. Во множестве слетаются птицы к трупу, от которого вскоре остаются только кости, которые по специально сделанным канавкам скатываются в колодец. Обильные дожди постепенно растворяют их, и все бесследно исчезает.

В алтаре парсских храмов постоянно горит огонь, который поддерживается щепочками сандалового дерева. Эти щепочки, как свечи в христианских церквах, каждый может купить здесь же и бросить в огонь. По численности парсов в Бомбее не очень много, однако их роль в политической и культурной жизни очень значительна. Из их среды вышли многие выдающиеся люди — видный физик Хоми Джехангир Бхабха, известный драматург и режиссер Ади Морбзан и другие.

КАРНАВАЛЬНЫЙ РИО

В самом начале XVI века у берегов нынешней Бразилии появились португальские завоеватели во главе с Гонсало Коэльо, которые вскоре начали вывозить в Европу ценное дерево «бразил», от которого и произошло название страны. А название бразильской столицы переводится как «январская река», однако никакой реки здесь нет, просто португальцы приняли вход в бухту Гуанараба за устье большой реки. Однако город на берегу залива основали только в 1565 году, когда португалец Эстасис де Са соорудил каменный обелиск — символ основания Сан-Себастьяна-де-Рио-де-Жанейро. Между двумя гранитными скалами — «Сахарной головой» и «Собачьей мордой» — позднее была выстроена небольшая крепость, возведены часовня и несколько домиков под соломенными крышами. Потом городские здания стали строить из белого камня, и теперь жители Рио называют себя индейским словом «кариоки», что означает «белый дом».

Если португальцы в свое время оценили удобство здешней гавани, то бразильцы использовали это чудо природы, чтобы построить неповторимый по красоте город. Известный бразильский архитектор О. Нимейер говорил: «Когда в Европе меня спросили, какой самый красивый в мире город, я ответил: Рио-де-Жанейро, а затем Нитерой, потому что оттуда можно смотреть на Рио».

Рио-де-Жанейро — действительно необычайно красивый город, о его красоте сложено немало стихов и песен. Золотой песчаный берег Копакабаны с севера прикрыт крутыми горными склонами, заросшими тропическим лесом. К югу расстилается чистая голубая даль открытого океана, вдоль набережных выстроились железобетонные небоскребы, а на боковых улочках кое-где сохранились старинные особняки, которые своими закрытыми ставнями как будто дремлют на солнце. За резными решетками чугунных оград — щедрая тропическая зелень, и чудится, что вот-вот оживет древняя индейская сказка.

Самое любимое занятие самих кариоки — вдохновенно воспевать достоинства своего города. Уже через пять минут задушевного разговора с любым старожилом Рио иностранец узнает, что ему выпало счастье прибыть в «сидаде маравильоза» — самый красивый

город на земле. На создание его Господь Бог затратил пять дней из семи, израсходованных на сотворение всего мира.

Первой столицей Бразилии был город Сальвадор, но в середине XVIII века «золотая лихорадка» внезапно возвысила Рио, и в 1763 году он стал столицей государства. Однако шли годы, и теперь уже у Рио появился соперник. «Кофейный бум» в конце XIX века вызвал к жизни город Сан-Паулу, который рос на кофе, как на дрожжах. Еще в 1890 году в городе проживало всего 65000 человек, а уже через полвека его население достигло 2500000 жителей. Сан-Паулу превратился в крупный промышленный и торговый центр, и между двумя городами началось соперничество. Не раз патриоты Сан-Паулу доказывали кариокам, что пора переносить столицу страны на новое место — в глубь страны. Они приводили доводы, что перенесение столицы во внутренние районы будет содействовать их освоению, что строительство новой столицы окажется выгодным делом и оживит деятельность многих национальных компаний. Не надо забывать и о том, что прижатый к горам Рио уже не может больше расти.

И тем не менее судьба Рио складывалась вполне удачно, хотя и в его истории было немало трагических страниц. В 1711 году город был захвачен французским генералом Р.Д. Труином, но кариоки собрали большой по тем временам выкуп — 1000 крузейро, что равнялось цене за 200 ящиков сахара.

В конце XVIII века вице-королем Бразилии был назначен Луис Васконселос-и-Соуса, при котором в городе был построен водопровод и возведены общественные здания, многие из которых сохранились и до сегодняшнего дня. В 1808 году, спасаясь от наполеоновских войск, королевский двор Португалии прибыл в Бразилию, и огромной португальской империей стали управлять из Рио-де-Жанейро. С появлением в Рио королевского двора в городе строятся пороховые заводы, создается военно-морская школа, открываются Ботанический сад, Национальная библиотека, Академия художеств…

В 1821 году королевская семья возвратилась в Португалию, а регентом Бразилии становится принц Педру. Португальские кортесы были недовольны этим обстоятельством и требовали возвращения принца в метрополию, но бразильцы просили его остаться. Это было время, когда все колонии Латинской Америки начали борьбу за свою независимость, и, учитывая острую ситуацию в стране, принц Педру в

сентябре 1822 года объявил Бразилию независимой. Принца провозгласили королем Бразилии, а день объявления независимости стал национальным праздником страны.

Символом Рио-де-Жанейро по праву считается статуя Спасителя. Идея этого сооружения зародилась в 1922 году, когда Бразилия праздновала 100-летие своей независимости. Тогда в стране был объявлен конкурс проектов на лучший монумент, и победителем его стал Эктор да Силва Коста, который предложил воздвигнуть статую Христа, обнимающего распростертыми руками лежащий внизу Рио. К делу тут же подключилась церковь, которая организовала по всей стране сбор пожертвований на осуществление проекта. И в итоге через девять лет статуя уже стояла на вершине холма Корковадо на высоте 704 метров.

Когда-то Рио-де-Жанейро был окружен горами, теперь горы окружены городом: улицы вгрызаются в горы и проходят сквозь них. А украшением города является пляж Копакабана, без которого сегодня Рио уже невозможно представить. Еще труднее вообразить, что этот район, где землю нынче выкраивают с точностью до сантиметра, раньше вообще не входил в черту города. Он представлял собой незаселенную сушу — песчаные отмели, заросшие пальмовыми рощами.

На Копакабана давно нет ни пальмовых рощ, ни просто деревьев. Сначала здесь стали появляться легкие особняки, утопающие в зелени; потом особняки стали разрастаться, вытесняя рощи и сады. Когда уже нечего стало вытеснять, дома плотно прижались друг к другу и потянулись вверх. Одноэтажные дома стали сносить, чтобы они уступили место многоэтажным.

Знаменитый пляж представляет собой узкую полоску песка длиной 6 километров. С одной стороны он ограничен грохочущим прибоем, за который заплывают только спасатели, а с другой — асфальтом, по которому идет непрерывный поток машин.

Для многих жителей Рио-де-Жанейро пляж Копакабана — это место отдыха, для других — место работы. В первую очередь это относится к продавцам-разносчикам, которые торгуют циновками, очками, фруктами, мороженым, напитками…

Рассказывая о Рио, невозможно не рассказать о карнавале, который проводится здесь в середине февраля. На пять дней весь город

превращается в одну сцену для праздничной феерии. В дни карнавала восторженные кариоки самозабвенно погружаются в действо, равного которому нет во всем мире. Никакие другие праздники, церемонии, обряды и шествия ни в какое сравнение не идут с карнавалом в Рио. Кариоки стряхивают с себя будничные заботы, преображаются сами и город переворачивают с ног на голову. В Рио закрываются все банки, конторы и магазины, останавливаются типографские машины, гаснут огни светофоров на городских перекрестках, зато вдохновенным огнем зажигаются сердца всех бразильцев.

В эти дни никто не рассуждает о политике, не метет улиц, не чистит башмаки… Рио наводняет ее величество Самба! Праздничной рекой, бурлящими красками, музыкой и невообразимыми костюмами выливается она на городские улицы. Процессии танцоров сменяют друг друга, и можно без конца смотреть на движущиеся платформы, на которых и раскрывающиеся цветы, и огромные великаны, и сцены из бразильской истории…

За бешеным ритмом барабанов и исступленной самбы в исполнении бразильцев движутся к «самбодрому» по главной магистрали Рио «школы самбо». Многие «школы» ничего не получают годами, но каждый раз они идут на карнавал: готовятся целый год, в тайне держат мелодию и слова песен, рисунок танца и костюмы. Торжественный парад «школ самбо» приковывает внимание не только Рио, но и всей страны. Победители становятся чуть ли не национальными героями, а проигравшие страдают так, словно потерпели ни с чем не сравнимое поражение…

МАНИЛА — ФИЛИППИНСКИЙ ВАВИЛОН

В феврале 1854 года русский фрегат «Паллада» вошел в манильский залив и бросил там якорь. Несколько моряков покинули борт фрегата, пересели в катер и, натянув над собой полотняный тент, направились к берегу. А потом моряки пошли бродить по разморенному зноем городу. Был среди них и знаменитый русский писатель И. Гончаров. Впоследствии в своем произведении «Фрегат „Паллада“» он писал: «Все бредят Манилой. Заранее обольщают себя мечтами: кто — увидеть роскошную природу, кто — новых жителей и новые нравы, кто льстится встретиться с крокодилом, кто с креолкой… У всех различные желания».

Желание экспедиции под командованием Мигеля Лопеса де Легаспи, отплывшей в 1564 году из мексиканского порта Ауденсия, было одно — завоевание далеких островов. Создав поселение на Панае, в мае 1570 года Л. де Легаспи отослал своего помощника на остров Лусон, и уже через год здесь, на берегу удобной морской гавани, разместилась штаб-квартира испанских конкистадоров. В день основания городского управления — 24 июня 1571 года — новый город Манила был официально провозглашен столицей Филиппин. Тагальское слово «Майнила» в переводе означает «там, где растет нила» (индиго). Эта трава и сегодня плывет по реке Пасигу как нескончаемый «зеленый ледоход».

Сначала в Маниле 300 лет хозяйничали испанцы, в конце XIX века их сменили американцы, и только в 1946 году Филиппины стали независимым государством. Современная Манила — это сложный конгломерат из 17 городов-спутников, непохожих друг на друга. Растянувшаяся на десятки километров «Большая Манила» распадается на несколько обособленных районов — «сити» (город), и получается как бы «город в городе». Когда-то Манила начиналась с района Тондо, а сейчас древнее тагальское поселение представляет собой скопление страшных лачуг, но это основное место жительства трудового люда, наравне с Сан-Николасом и Сампалоком.

К югу от Тондо — там, где когда-то селились первые испанские солдаты и монахи, — расположился старинный городок испанской и испано-филиппинской знати, в 1589 году каменной стеной отгороженный от «индио», как именовали аборигенов чванливые завоеватели. Этот городок назвали «Интрамурос», что означает «внутри стен». Когда-то здесь располагалось цветущее владение раджи Салимана-Мэйнила. Испанские пушки смели его с лица земли, и на пепелище вырос «вечно благородный каменный город» с ратушей, фортом Сантьяго и собором Святого Августина. Его узкие и кривые улочки, средневековые постройки, готические соборы и романские церкви создали Маниле славу «испанского города на Востоке».

Более 400 лет стоит на земле Интрамурос, и многое помнят обросшие мхом стены крепости: звон колоколов, заставлявший окрестные деревни цепенеть и преклонять колена, звуки полковой музыки на площади у Ратуши, стоны и молитвы узников цитадели… Крепость побывала в руках пиратов, английских моряков, японских и американских завоевателей. Американцы устраивались в Маниле надолго и потому основательно. О покинутой родине им должны были напоминать такие названия кварталов и улиц: Флорида, Небраска, Дакота и др. Эти районы, располагавшиеся по побережью Манильской бухты, окаймляли бульвар, который сначала носил имя американского командора Дьюи, а в настоящее время он называется именем Рохаса — первого президента независимых Филиппин.

В 1937 году над Интрамурос развевалось два флага — американский и филиппинский: США предоставили стране «полунезависимость». Лишь в июле 1946 года американский флаг был окончательно спущен, и с тех пор над старинными бастионами реет лишь национальный сине-красный флаг Филиппин.

Сегодняшний Интрамурос — это заповедный музей, состоящий из тишины, серого камня и тусклой позолоты возвышающегося пирамидой собора Святого Августина. Для филиппинцев святое место в крепости — это музей национального героя Хосе Рисаля, расположенный в форте Сантьяго. Он был выдающимся врачом-окулистом, философом, историком, поэтом и лингвистом. Если бы он выбрал только поэзию и искусство, то мог бы стать одним из крупнейших в мире художников XIX века. Но Х. Рисаль выбрал борьбу ради освобождения своей родины от колониального гнета испанцев.

Мечтал я увидеть тебя не в тоске и слезах,
Без вечной печали, застывшей в любимых глазах,
Отчизна моя,
Сокровище южных морей…

В 1892 году Х. Рисаль создал освободительную организацию «Филиппинская лига», но в том же году был арестован: ему было всего 35 лет, когда его казнили испанские колонизаторы. Похоронен Хосе Рисаль в парке, названном его именем. Сейчас жители Манилы идут в парк после рабочего дня, чтобы полежать на траве или просто подышать прохладой. А еще парк — это театр и консерватория под открытым небом: один раз в неделю здесь дает бесплатный концерт Филиппинский национальный симфонический оркестр.

Есть в Маниле свой «Манхэттен» — деловой и финансовый центр города, свой «Монмартр» (улица Мабини), где живет художественная богема, свое «Сохо» — припортовые «улицы греха». В китайском районе живет более миллиона китайцев со своими традициями, обычаями, укладом жизни. Фасады здешних домов завешаны всевозможной рекламой: Чайна-таун торгует, мастерит, развлекает, исцеляет, предсказывает судьбу… Сюда часто приезжают из «европейской Манилы», чтобы прокатиться на фаэтоне и отведать блюда настоящей китайской кухни.

Деловая часть Манилы, в отличие от испанизированных кварталов и улиц в Интрамурос, спланирована совершенно иначе. От устья реки Пасигу к югу тянутся небольшие прямые улицы, которые выходят к 13 современным причалам Южного порта и пересекаются широкими проспектами.

Формально столицей Филиппинской Республики с 1948 года является город-спутник Кэсон-сити, заложенный еще до Второй мировой войны по инициативе президента М. Кэсона, мечтавшего о «городе без трущоб». Сейчас в Кэсон-сити перенесены правительственные здания, иностранные посольства, офисы иностранных компаний, коммерческих банков и страховых обществ.

В Маниле есть необычный вид транспорта, какой, пожалуй, нигде больше не встретишь. Американцы после Второй мировой войны намеревались утопить свои джипы в океане, но потом продали их

филиппинцам — по 200 долларов за машину. И теперь пестро раскрашенные джипы, переделанные для перевозки пассажиров в «маршрутные такси», ездят по улицам Манилы и других филиппинских городов. Стоимость проезда в них невысока, и потому они никогда не простаивают.

«БОЛЬШОЕ ЯБЛОКО» НЬЮ-ЙОРКА

В апреле 1624 года флорентийский мореплаватель Джованни да Верадзано, подданный французского короля Франциска I, на своем корабле «Дофин» приплыл в устье реки Северной. Индейцы встретили мореплавателя очень дружелюбно, но пробыл Дж. да Верадзано здесь недолго: он прошел вдоль побережья на север, заглядывая в бухты и лишь бегло обследуя окрестности. Опасаясь шторма, мореплаватель вышел в открытое море, однако он заметил впадающий в море пресный поток. Этот ручей, протекающий на острове Статен, потом приобрел большую известность: все моряки знали его под названием «место, где вода». Дж. да Верадзано, наверное, и стал первым европейцем, посетившим остров Манхэттен, на котором вырос будущий город Нью-Йорк.

После флорентийца на берегах этих побывало еще несколько моряков, а в 1609 году Генри Гудзон, английский моряк на службе у Ост-Индской компании, подрядился исследовать легендарный северо-западный проход в Тихий океан. Его корабль поднялся вверх по Северной реке, которая носит сейчас имя мореплавателя. Через пять лет появилась карта с впервые нанесенным на нее островом Манхэттеном, который с 1625 года систематически стали осваивать голландские купцы. Моряки и купцы стали первыми колонистами острова. Они построили бревенчатые хижины, а само поселение назвали Новыми Нидерландами.

В 1626 году на острове появился первый губернатор Петер Минуит, совершивший легендарную сделку: он «купил» у доверчивых индейцев племени «манхатан» права на остров за несколько ножей, ярких безделушек и одеял — всего стоимостью 60 гульденов. Но сейчас следов жизни этого индейского племени, продавших за бесценок свой родной остров энергичным переселенцам из Старого Света, не найти даже под городским асфальтом.

Центром Новых Нидерландов стал форт Новый Амстердам, расположившийся на южной оконечности Манхэттена. Форт имел четыре бастиона с гарнизоном в 60 солдат, а всего на острове проживало около 500 человек, говоривших на 18 языках. Внутри форта

располагались каменная церковь, дом губернатора, склады и бараки. К середине века застройка Нового Амстердама вышла уже за пределы форта, и хотя Ост-Индская компания запрещала продавать землю в частную собственность, колонисты захватывали ее без разрешения.

В южной части острова Манхэттен было много ручьев, болот и камней, но поселенцы, привыкшие у себя на родине к мелиоративным работам, осушили свои участки, прорыв дренажные каналы. Некоторые из них просто переселились на соседние острова.

Со временем Новый Амстердам выделился среди других торговых поселений и стал административным центром Новых Нидерландов. Вокруг него появляются другие поселения, а в 1639 году на восточной стороне бухты был основан поселок Брейкелен, из которого впоследствии вырос нью-йоркский район Бруклин. Через три года датчанин Йоханнес Бронк, перейдя с острова через реку Гарлем, поселился на материке, где стал выращивать табак (позднее здесь развился Бронкс). В 1643 году первое поселение появилось на территории современного Куинса, а еще через 20 лет — на острове Статен-Айленд.

Так застраивался Новый Амстердам, но жизнь в городе не была безопасной. Нападения поселенцев на индейцев положили начало войне с ними, и тогда губернатор Стьювисент, чтобы защитить город, соорудил вокруг него деревянную оборонительную стену, которая перерезала южную оконечность острова. Однако стена эта имела скорее символическое значение, так как горожане постоянно разбирали ее доски для ремонта своих домов, а также для их отопления. В результате к концу XVII века на месте окончательно разобранной стены возникла будущая Уолл-стрит.

Колония Новый Амстердам не приносила ожидаемых доходов, среди ее жителей постепенно воцарились апатия и растерянность, и к началу 1660-х годов колония фактически пришла к банкротству. Когда соперничество между Голландией и Англией на морских торговых путях переросло в необъявленную войну, разоренный Новый Амстердам в 1664 году без малейшего сопротивления капитулировал перед английской эскадрой. В том же году английский король Карл II подарил своему брату Якову, герцогу Йоркскому и Олбанскому, часть земель Новых Нидерландов. Вот тогда Новый Амстердам и был переименован в честь своего нового хозяина в Нью-Йорк.

Ко времени прихода англичан город уступал по численности населения Бостону и Филадельфии, в нем преобладали ветхие здания на узких и извилистых улицах, которые к тому же не убирались. Однако уже в первое десятилетие XVIII века Нью-Йорк превратился в культурный центр британской Америки: здесь стала издаваться газета, открылись театр и Библиотека нью-йоркского общества, начал свою деятельность Королевский колледж (теперь Колумбийский университет). Благоустраивались улицы города, были возведены новые церкви, в дома провели воду, организовали движение городского транспорта. До нашего времени от английского колониального стиля в Нью-Йорке сохранилось немного построек: в частности, это церковь Святого Павла и так называемая «таверна Фронса», возведенная в 1712 году. Но и последняя мало что сохранила от своего первоначального облика: в современном виде она представляет собой лишь имитацию, созданную в 1907 году, но тем не менее претендует на «ценность» подлинной старины.

Перед началом войны за независимость Америки Нью-Йорк оказался в центре удара британских войск, которые хотели захватить долину Гудзона и тем самым разобщить мятежные колонии. Занятый англичанами в сентябре 1776 года Нью-Йорк за несколько дней был опустошен пожаром, который уничтожил более трети городских зданий.

После Гражданской войны Манхэттен захотел стать не только городом, но и метрополией. Однако у государства уже была столица — город Вашингтон, а Манхэттен — это ядро «великого» Нью-Йорка — никак не хотел быть только национальным центром. Однако почти до конца XIX века город состоял только из Манхэттена, отдельно выделялся Бруклин, а все остальные районы были лишь мелкими фермами, пригородами, независимыми поселками. Но Нью-Йорк стремился стать первым, отсюда и его стремление к захвату других островов, что осуществлялось с помощью мостов и тоннелей.

Сегодняшний Нью-Йорк включает в себя пять основных районов (Манхэттен, Бронкс, Бруклин, Ричмонд и Куинс), которые по существу являются отдельными городами. Манхэттен — это остров, омываемый водами рек Гудзон и Ист-Ривер, длинным языком протянулся он с севера на юг. Все нью-йоркские небоскребы сосредоточены на Манхэттене, так как здесь строительство их обходилось дешевле. В

октябре 1929 года на острове, название которого означает «Остров холмов», заложили Empire State Building (ESB), который вот уже более 70 лет является украшением Нью-Йорка. Раньше на месте, где теперь высится небоскреб, были заросли, пустыри и озера, в которых водились ондатры. А теперь с высоты смотровой площадки открывается залитый светом город, мерцающие, как драгоценные камни, мосты, отражаемые в водах… Вспыхивающие неоновые рекламы, движущиеся огненные ленты хайвэев — все это представляет фантастическое зрелище, которое невозможно сразу охватить взглядом, но которое сразу поражает воображение. Лучше всего здесь побывать днем — чтобы увидеть раскинувшиеся внизу улицы, площади и парки Нью-Йорка, и вечером — чтобы полюбоваться игрой городских огней.

Сначала ESB собирались использовать как причал для приземления дирижаблей, но после катастрофы с «Гинденбургом» передумали. В 1945 году на высоте 79-го этажа в здание врезался бомбардировщик, что вызвало большой обвал, но стальные конструкции небоскреба выдержали.

Хотя многие улицы Манхэттена застроены небоскребами, над которыми главенствует 102-этажный ESB, они не выглядят мрачными ущельями. Все улицы прямые, довольно широкие, и потому света и солнца на них бывает много. Исключение составляет только короткая, кривая и узкая Уолл-стрит — центр деловой жизни города. Начинается она от ворот церкви Святой Троицы, построенной в готическом стиле из белого камня, сейчас уже почерневшего от времени. Примерно на середине Уолл-стрит стоит самое старинное здание Нью-Йорка — сложенный из серого гранита приземистый дом, увенчанный портиком. Он знаменит тем, что в нем Д. Вашингтон был возведен в должность первого президента США, здесь же были обнародованы «Билль о правах» и «Декларация независимости».

На Манхэттене расположился и знаменитый на весь мир Бродвей, хотя есть как минимум два Бродвея. Бродвей обыкновенный начинает свой извилистый путь у южной оконечности острова и тянется на десятки километров, теряясь на северной окраине Нью-Йорка. А есть Бродвей-коротышка — часть обыкновенного Бродвея, десяток кварталов в центре Манхэттена. Он знаменит расположенными на нем театрами, неоновой пляской реклам, сверкающими козырьками

кинотеатров. Здесь чисто вымыты и ярко освещены огромные окна магазинов, кафе и ресторанов.

В северной части Манхэттена раскинулся негритянский мир Гарлема, Чайна-таун — еще один из национальных уголков Нью-Йорка. В южной части Бруклина расположился Кони-Айленд — парк аттракционов и место развлечений. В жаркие дни его лужайки пестрят от зонтиков и купальников отдыхающих, которые съезжаются сюда со всего города.

Одной из достопримечательностей Нью-Йорка является квартал Гринвич-Виллидж, расположенный на острове Эллис. В начале XVII века на этом месте находилось индейское поселение, но в 1696 году здесь поселились британские завоеватели, которые и дали деревне название английского городка Гринвич. В XVII веке многие богатые землевладельцы имели поместья в Гринвиче, в результате чего он и сделался одним из знаменитых районов Нью-Йорка.

К началу XX века Гринвич-Виллидж сделался излюбленным местом богемы: казалось, весь политический, научный и культурный авангард Америки сосредоточился в этом небольшом районе. Здесь живут начинающие артисты, музыканты, художники, скульпторы — молодые люди, еще полные радужных надежд. Живут в Гринвич-Виллидж и те, для кого тщетными оказались усилия «выбиться в люди». За долгие годы существования Гринвич-Виллидж в нем сложились свои традиции, порядки и обычаи. Среди его разношерстной публики нет-нет, да и мелькнет подлинный талант. Если у такого человека есть еще воля, энергия и упорство, чтобы пройти через все испытания судьбы, он становится известным и покидает Гринвич-Виллидж. Отсюда вышло немало знаменитых людей, например, драматург А. Миллер, которого у нас в стране знают по пьесам «Салемские ведьмы», «Все мои сыновья» и др.

На входе в нью-йоркскую гавань стоит «величайшая женщина в мире» — статуя Свободы. Более века приветствует она всех прибывающих в Нью-Йорк, напоминая каждому об идеалах, на которых строилась американская нация.

СЛАВНЫЙ ГОРОД УЛАН-БАТОР

Становление монгольской столицы связано с первым главой буддистской церкви Монголии Дзанабазаром, известным под именем Ундур-гэгэн. Родившийся в семье крупного феодала, Дзанабазар по традициям того времени учился у лам и образование получил в домашних условиях. В 1639 году в местности Цагар-нур он был возведен на престол главы буддистской церкви, тогда же здесь были построены дворец и первое храмовое сооружение. Так возник город Урга.

Слово «Урга» русского происхождения, оно переделано из монгольского слова «орго», которое означает «дворец, ставка знатного человека». Сами же монголы называли город Их-Хурэ (или Богдо-хурэ) — большой, или святой курень. Урга в жизни монголов имеет особое значение, здесь живет религиозное чувство народа и сюда влечется душа его. В течение 140 лет Урга перекочевывала с места на место, пока окончательно не остановилась на берегу реки Толы — в огромной долине-чаше, которую окружают старые, с мягкими складками горы. Их вершины покрыты пихтами, соснами и кедровыми деревьями, а подножия и пологие скаты — сочными травами, цвет которых меняется в зависимости от времени года.

Ундур-гэгэн, хоть и не жил в монастыре Их-Хурэ, очень много сделал для его роста и лично руководил возведением первых храмов. Самым красивым из монастырских построек был храм Великого Спокойствия Калбы[55], который считался личной кумирней Богдо-гэгэна: он был выстроен рядом с его дворцом и обнесен общей с ним желтой оградой. Этот храм стоял на главной площади города, сверкая позолотой своей двухъярусной крыши, сплошь увешанной звенящими на ветру металлическими колокольчиками.

Великолепен был и храм Майдари-сум, крыша которого завершалась подчеркнуто монгольским куполом, расцвеченным орнаментом «хал-зан», как верх у степной юрты. В этом храме находилось громадное изваяние Майдари — монгольское произношение Майтреи, Будды грядущего. Медную статую Майдари, густо покрытую потом позолотой, отливали в Долоноре, так как

считалось, что туда перенес Ундур-гэгэн свою мастерскую по художественному литью. Но когда этот бурхан по частям перевезли в Ургу и установили в деревянном храме, здание стало разрушаться. Ламы предположили, что Майдари не желает жить в кумирне китайской архитектуры. Тогда для великой святыни построили храм, стены которого были сложены из деревянных брусьев и имитировали кладку тибетских монастырей. Причем, как рассказывают, план и фасад кумирни начертил будто бы сам Ундур-гэгэн.

Майдари сидел посреди кумирни под балдахином: ноги его были поджаты, а руки благословляли. Перед ним стояли бронзовые курильницы и высокие красные 4-угольные свечи в подсвечниках, а в вазах — искусственные цветы священного лотоса. Из-под балдахина спускалось много длинных шелковых полос разного цвета. В верхней части кумирни были устроены хоры, идущие кругом, а от них шел ход в боковые отделения. Потолка в кумирне не было, и голова Майдари почти упиралась в крышу купола.

Вначале жителями Урги были в основном бедные монахи-ламы, число которых достигало 10000 человек — более половины всего населения. Каждое лето в городе проводился цам — торжественное праздничное шествие. К Триумфальным воротам, которые стояли напротив храма Великого Спокойствия Калбы, вел очень широкий путь. По нему провозили «живого бога» — Богдо-гэгэна, который один только и мог пройти за эти священные ворота. По дороге к святыням площади Поклонений подползали богомольцы со специальными дощечками в руках: они отмечали 100000 поклонений, что считалось особым благочестием.

На площадь Поклонений с западной стороны выходили все главные храмы Урги, а далее следовали храмы врачевания, астрологии и другие. Когда шествие лам заканчивалось, улицы города вновь погружались в безжизненную тишину, и тогда можно было встретить только паломников, переходящих из одной кумирни в другую. Все ламы и монахи давали обет безбрачия, поэтому женщин здесь никогда не было видно, кроме старух, которые заведовали хозяйством лам.

Ранние изображения монгольской столицы сделал петербургский художник А. Мартынов. Это было в 1806 году, примерно через 30 лет после того, как город навсегда осел у подножия заповедной горы. В акварелях и офортах А. Мартынова нет и намека на то, что город еще

только начинается: нет, он был сложен сразу! Четкая планировка кочевого города нашла свое отражение и в монгольском названии столицы — Их-Хурэ, что означает «большой круг». Еще с древности кольцо юрт живой крепостью защищало юрту предводителя от набегов врага в открытой степи. И до нашего времени сохранилась в монгольской архитектуре традиционная планировка кочевых городов-ставок.

Некоторые исследователи полагали, что Урга была лишь религиозным центром, жила только религией и религиозными праздниками. Однако со временем бывшая кочевая ставка главы буддистской церкви превратилась в главный политический и культурно-религиозный центр страны. Здесь же развивалась и самобытная монгольская культура, здесь действовали церковные школы, в которых мальчики с детства обучались монгольской и тибетской письменности, чтению, религиозным ритуалам и этикету. Дореволюционная Урга была центром книгоиздания Монголии, здесь трудились выдающиеся ученые — Дандар-аграмба, Шишэ-габчжи, Ш. Дамдин и другие.

Издали Урга привлекала блестящими на солнце золотыми конусообразными куполами кумирен и черепичными крышами зданий. Маленькие домики, разбросанные по всему городу, густо прилеплялись друг к другу. Улицы и переулки были образованы сплошными кирпичными или глиняными стенами с калитками в них. Само жилье строилось внутри двора и было закрыто от улиц. Здесь селились мелкий чиновный люд, крестьяне-бедняки, перебравшиеся в Ургу в поисках хлеба насущного, и торговцы. Между духовенством и купцами временами начиналась борьба, так как, согласно ламским законам, торговые поселения не должны располагаться от монастырей ближе слышимости человеческого голоса. Когда в начале XIX века торговые лавки и базары подступили к стенам монастырей, ламы обратились в Пекин с петицией, а резиденция пятого Богдо-гэгэна даже откочевала с главными храмами в монастырь, расположенный на северо-западе долины.

Борьба эта привела к обособлению трех частей города: в одной находился монастырь главы ламаистской церкви, в другой части располагался монастырь Гандэн, где находились храмы и жили монахи, третью часть составлял торговый район Маймачэн, который

жил по своим особым законам. По вечерам закрывались все его ворота, и не каждый мог попасть в эту часть города.

Тяжба тянулась несколько десятилетий, а потом ламы уступили. Впоследствии в Урге появились торговые слободы китайцев, русских, американцев.

До конца XIX века вид Урги был довольно неприглядным. Русский ученый В.А. Обручев писал: «Улицы немощеные, покрытые всякими отбросами, как и базарная площадь. Население все помои и отбросы выносило на улицу, и только обилие бродячих собак, игравших роль санитаров, предохраняло улицы от окончательного загрязнения. Множество нищих в грязных лохмотьях, выставлявших напоказ всякие язва и уродства, бродивших по улицам или сидевших у входа во дворы храмов и общежитий, составляло также неприятную особенность монгольского города».

В 1911 году, когда была свергнута власть Цинской династии и образовалось феодально-теократическое государство во главе с Богдо-гэгэном, Урга стала столицей страны. А еще через 11 лет части Красной Армии и монгольские революционные войска изгнали из города барона Унгерна, и в ноябре 1924 года Великий монгольский хурал переименовал город в Улан-Батор — «Красный Богатырь».

Районы прежней Урги поглотило современное строительство, и атмосфера старого города сохранилась только в районе бывшего монастыря Гандэн. Полное его название — Гандэнтэгченлин — Большой Монастырь Полной Радости. В дореволюционной Монголии было несколько монастырей с таким названием, но ургинский, где обучались богословию, был известен далеко за пределами страны. На его факультетах монахи изучали «сущность мудрости», и только здесь присуждались ученые звания философам, врачам, астрологам, заклинателям и т.д.

Сегодня на окраине Гандэна высится телебашня, и это единственный район в монгольской столице, где сохранились не только колорит, но и классическая национальная планировка кочевой столицы «хурэ» — «кругом». Здесь присутствует привлекательная провинциальная уютность старого деревянно-войлочного города: за серым частоколом заборов, в чистых дворах, в 1—2 юртах живут городские монголы. Юрты поставлены постоянно, до постройки здесь многоэтажных домов.

Отдельно в Гандэне, за высокой собственной оградой, стоит храм Мижид Ченрези — последнее буддистское сооружение Монголии. Посвященный милосердному богу Авалокитешваре (по-монгольски — Ченрези), он является самым высоким в истории монгольского зодчества храмом, высота его достигает 42 метров.

Прежде в храме стояла огромная фигура Ченрези, которого всегда изображали молодым принцем: цвет его тела был бел и чист, как цветок священного лотоса, голова украшалась диадемой, а руки и ноги — драгоценными браслетами.[56] Внутри храмового здания нет потолков, а во всю его высоту поднимаются колонны из мощных стволов лиственниц, покрытые красным лаком.

Жители Улан-Батора, как и жители других городов мира, с ревнивой нежностью относятся к своей столице. Дома, улицы, камни мостовой, памятники, седые тополя — все дорого сердцу монгола, потому что эти свидетели минувших событий могут многое рассказать. На одной из окраин города, например, неприметно расположился старый бревенчатый домик с большими окнами на солнечной стороне: в нем в 1930-е годы жил поэт Д. Нацагдорж — основоположник современной монгольской литературы.

Особенно трепетное отношение испытывают монголы к священной горе Богдо-ула. С нее начинается Улан-Батор, она дорога сердцу каждого, без нее немыслимо ни прошлое, ни настоящее, ни будущее города. Гору сравнивают с изумительной ювелирной оправой, без которой не засиял бы ни один драгоценный камень. В старой Монголии Богдо-ула, после Богдо-гэгэна, была второй святыней столицы. Обойти ее вокруг или даже объехать верхом, а это более 100 километров, означало для ламаиста искупить тяжкие грехи.

Древняя легенда рассказывает, что гора спасла Темучина, укрыв его от врагов. И став Чингисханом, он повелел почитать ее. Монголы верили, что где-то на вершине горы спрятаны доспехи и оружие великого хана. Во время маньчжурского правления в Монголии они писали императору в Пекин, что возле Богдо-улы Чингисхан и родился.

Император, конечно, не поверил в это, но разрешил дважды в год делать торжественные жертвоприношения и сам присылал богатые дары. Специальная охрана следила, чтобы никто не охотился в горных лесах и не рубил здесь деревья. В прежние времена даже запрещалось

казнить преступника в том месте, откуда бы он мог видеть священную гору.

Пожертвований горе было так много, что ламы создали специальное хозяйство святой Богдо-улы, в табунах которого паслись тысячи подаренных лошадей.

МОНРЕАЛЬ — ГОРОД ВСЕХ СВЯТЫХ

Самый крупный город Канады — Монреаль — является промышленным центром страны. Он расположился на берегах реки Святого Лаврентия у подножия Королевского холма — Мон-Руаяль, от которого и произошло название города. В месте расположения Монреаля скрещиваются реки Святого Лаврентия, Оттава и Ришелье, поэтому город является еще и крупным речным портом, к нему подходит также несколько каналов. Железные дороги Монреаля ведут в Квебек, Портленд, Бостон, Нью-Йорк и многие другие города.

Монреаль нередко называют «Парижем Северной Америки», и, несмотря на условность подобных сравнений, название это дано не случайно. Город заложили французские поселенцы примерно 360 лет назад, и сегодня французский язык является родным для большинства его жителей.

Французские колонисты первыми из европейцев обосновались на берегах реки Святого Лаврентия, и на землях, отнятых у индейцев, появилась колония Новая Франция. Однако вскоре свои колонии создали в Канаде и англичане, со временем ставшие теснить соперников. Силой оружия они вынудили французов в 1763 году отказаться от своих владений в Северной Америке: так французские поселенцы оказались под властью английского генерал-губернатора.

Нынешний Монреаль является крупнейшим городом не только провинции Квебек, но и всей Канады. А Квебек — самая большая из десяти провинций Канады: без малого три Франции могли бы разместиться на ее территории. В Монреале живет более 3000000 человек, каждый со своими заботами, стремлениями, надеждами, радостями, горестями, мечтами.

Монреаль является и одним из самых старых городов Канады, и потому в нем сохранилось много исторических памятников и зданий старинной архитектуры. Например, вокзал самой крупной железнодорожной станции Виндзор — это здание, врезанное в крутую гору, и потому он напоминает средневековый замок. Первый этаж южной стороны вокзала находится на уровне тротуара, однако, чтобы

попасть на этот этаж с северной стороны, пассажиры поднимаются на лифте.

Монреаль отличается от городов США: вместо порой беспорядочно расставленных прямоугольных коробок торговых и административных зданий, что типично для американских городов, в центре города высятся солидные каменные строения с портиками, красивой лепниной и колоннадами. Узкие горбатые улочки, бесчисленные лавочки сувениров, темные от времени стены, сплошь увешанные картинами и картинками, на которых запечатлены эти самые улочки, памятники, старые церкви…

В Монреале много зданий европейского стиля, есть и уменьшенные копии знаменитых архитектурных памятников мира. Стоит только пересечь в центре города квадратную рыночную площадь, как оказываешься у входа в мрачноватое, величественное здание собора Нотр-Дам де Бон Секюр — собор Милосердной Покровительницы Мадонны. Эта копия собора Парижской Богоматери была построена в 1824 году и считается самым древним сооружением Монреаля. В наши дни собор обновляется на пожертвования людей, чьи отцы и братья, мужья и сыновья погибли в водах Атлантики. Серые гранитные глыбы собора будто впитали неизбывную горечь утраты, а скрепляющий эти глыбы цемент словно замешан на слезах вдов и сирот.

Внутри со стен собора смотрят изображения святых — покровителей всех плавающих и путешествующих. В нишах Нотр-Дам де Бон Секюр стоят миниатюрные копии самых разных кораблей: от парусников XV века и скромных рыбацких лодок до современных океанских лайнеров. По краям алтаря расставлены видавшие виды адмиралтейские якоря со следами ржавчины, предметы моряцкого обихода, пропитанные ветрами и солью разных морей, а притвор украшен гирляндами из рыбацких кухтылей.

Однако время и власть имущие были не особенно благосклонны к старинным памятникам. Например, кафедральный собор Святого Джеймса, сооруженный в 1870 году по образу и подобию римского собора Святого Петра, располагается рядом с бетонными громадинами (в частности, с гостиницей «Куин Элизабет»), надменно поднявшими свои этажи над куполом храма. Собор Святого Джеймса, высотой с 8-этажный дом, венчается огромным куполом, который по высоте своей

раза в три превышает само здание. Над портиком с коринфскими колоннами по всему фасаду собора расположились статуи святых.

Близкое соседство с современными небоскребами не пошло собору на пользу. Еще меньше повезло церкви Милосердной Покровительницы Мадонны, которая просто потерялась в тени мрачноватого здания «Бэнк оф Монреаль», бесцеремонно вторгшегося в круг старинных зданий на Пляс д'Арм. Но согретые дыханием многих поколений камни старого Монреаля гораздо больше привлекают гостей, нежели зеркальные стекла и бетон деловой части города — хотя и весьма импозантной, но холодноватой и однообразной, как в большинстве городов мира.

По той же причине торговая Сен-Катрин, далеко не самая красивая улица Монреаля, остается самой оживленной и приветливой. Под румянами рекламы у нее сохранилось свое лицо с неповторимыми морщинками времени. Сотни улиц разбегаются в разные стороны от невысокой Королевской горы, полтора десятка мостов повисло над рекой Святого Лаврентия, тысячи домов, более 300 церквей (церковь Святого Георгия, церковь медиевистов и др.) и бессчетное число часовен и молелен тянутся к небу. Имена святых присвоены в Монреале улицам и бульварам, площадям и мостам, школам и больницам, поэтому сами канадцы и говорят, что «Монреаль — это город всех святых».

КАЛЬКУТТА — САМЫЙ ИНДИЙСКИЙ ГОРОД

Калькутта — сравнительно молодой город, ему всего лишь чуть больше 300 лет, а возникновение его связано с деятельностью Ост-Индской компании. В конце 1687 года Д. Чарноб, служащий компании, получил от правившей в Дели династии Великих Моголов разрешение основать в деревушке Сутанути, которая славилась своими ярмарками, торговую факторию. Учреждение фактории состоялось в 1690 году, который и принято считать датой официального рождения Калькутты.

Основатель города Д. Чарноб и предположить не мог, какое значение для Индии будет иметь заложенный им порт. Сам он потом женился на бенгальской девушке, перенял индийский образ жизни, правил суд под баньяном и мирно окончил свои дни под его зеленой листвой. Гробница в старой церквушке Святого Джона — единственная вещественная память об основателе Калькутты.

Через шесть лет для охраны фактории англичане построили крепость — форт Уильям, а еще через три года им было даровано право собственности на земли, где располагалась эта фактория. Ост-Индская компания процветала здесь до середины XVIII века, а потом ее земли были захвачены правителем Бенгалии. Однако уже через полгода англичане вернули свои владения, и Калькутта стала столицей Британской Индии, оставаясь ею до 1911 года.

От английского владычества в Калькутте остался «Мемориал Виктории» — одна из главных достопримечательностей города. Первый камень в основание мемориала был заложен будущим королем Георгом V в 1906 году, а все строительство закончилось к 1921 году. Но еще долгие годы продолжалась отделка мемориала, и четыре его боковых купола были завершены лишь в 1935-м.

«Мемориал Виктории» окружен небольшим парком с прудами, каналами, посыпанными ярко-красным песком аллейками и геометрически подстриженными кустами. На полпути к главному входу посетителей встречает сама королева, восседающая на бронзовом троне со скипетром в руке и при всех остальных королевских регалиях. Это одна из немногих статуй колониального

периода, которая сохранилась в Индии после обретения страной независимости.[57] Когда-то неподалеку от статуи королевы Виктории стояла еще одна — вице-короля Индии лорда Керзона. Она была окружена аллегорическими символами Коммерции, Мира, Сельского хозяйства и Борьбы с бедностью.

«Виктория-мемориал» высится огромной белой глыбой, обрамленной изумрудной зеленью лужаек. Символика его прямолинейна без всяких затей: чистота мрамора символизировала чистоту помыслов Британской империи, помпезность и размеры сооружения — ее мощь и незыблемость.

Все роскошные залы мемориала так или иначе посвящены королеве Виктории: в них выставлено много ее личных вещей — туалеты, стол и кресло, седло, сбруя ее лошади и т.д. В отдельном зале представлена портретная галерея, где из тяжелых золоченых рам смотрят на посетителей британские правители. Здесь же демонстрируется полотно русского художника В. Верещагина «Въезд принца Уэлльского в Джайпур в 1876 году»: все путеводители с гордостью сообщают, что это самое большое художественное полотно в Индии, написанное маслом.

Знаменитый на всю Индию Калькуттский ботанический сад тоже остался от колониальных времен. Он был заложен в 1786 году на средства Ост-Индской компании полковником Р. Кидом, который был его первым директором и хранителем. Сад создавался для изучения индийской флоры, поэтому в нем представлено около 40000 видов растений, но главное его чудо и главная гордость — Великий Баньян, предмет зависти многих ботанических садов. Великий Баньян — это целая роща, площадь которой равняется примерно 2 гектарам, и она продолжает расширяться. Гуляя в ней, совершенно забываешь о том, что это — всего одно дерево.

Начало Великого Баньяна традиция относит к 1769 году. Когда его впервые увидели англичане, это был маленький росток, возле которого в состоянии медитации сидел отшельник. Через 150 лет его ствол-родоначальник, уже изъеденный грибком, упал во время циклона, но осталось 600 его «детей». Сейчас это поистине великое чудо природы: огромные ветки Баньяна растут параллельно земле, а на высоте нескольких метров тянутся серые веревки воздушных корней, на которых можно даже покачаться. Врастая в землю, эти воздушные

корни образуют что-то вроде эстакад, которые разбегаются в разные стороны: на сегодняшний день их более 1100.

Главная улица исторической части Калькутты — нескончаемая Чауринги, которая сейчас носит имя Джавахарлала Неру. Когда-то здесь были густые джунгли, в которых водились тигры и леопарды, медведи и дикие кабаны, буйволы и олени. В болотах кишели крокодилы, а окрестности оглашались воем волков и воплями обезьян. Пешеходная дорожка неприметно вилась по краю зарослей, по ней и шли многочисленные паломники, направляясь в знаменитый на всю страну храм богини Кали.

Когда здесь высадились англичане, им долгое время было не до благоустройства города. Только с возведением военного форта Уильям джунгли потеснились: территория перед фортом была расчищена на расстояние пушечного выстрела, чтобы никто не мог внезапно атаковать его. На месте тропы паломников проложили улицу, которая вполне могла бы соперничать с улицами многих европейских столиц того времени, так как специально приглашенные из Италии архитекторы застроили ее великолепными дворцами. В 1859 году это была единственная в Калькутте широкая улица — просторная, тщательно подметенная, освещаемая газовыми фонарями.

Второй стороны у улицы Чауринги вовсе нет. Прямо за трамвайной линией раскинулось поросшее травой поле площадью 2х3 километра — очень неровное и все в ухабах. В центре его разрослась дубовая роща. Рассказывают, что рано утром, когда окрестности еще окутаны туманом, здесь собираются местные «йоги» — но не святые отшельники, а просто богатые люди. Для дыхательных упражнений нужен чистый воздух, а здесь он самый чистый в городе.

Калькутта считается самым противоречивым городом Индии. Это целый мир, который включает в себя все: небоскребы и лачуги, дорогие рестораны и людей, готовящих себе еду на костре, роскошные отели и спящих на асфальте бездомных, японские и американские автомобили и рикш… Говоря о Калькутте, сами бенгальцы утверждают, что все здесь — «самое-самое» и здесь всего — больше всего: больше, чем в других индийских городах, поэтов и нищих, дервишей и музыкантов, торговцев и художников…

В Калькутте огромные силуэты современных зданий соседствуют с викторианскими постройками англичан. Когда-то это был просто

западный город с чисто европейской архитектурой — даже без всякой примеси внешних традиций. Англичане пытались воспроизвести на земле древней Индии города доброй старой Англии, и Калькутта стала тем местом, где Запад встретился с Востоком, причем не в переносном смысле.

На месте старинной деревушки вырос гордый английский город — символ западной цивилизации, технического прогресса и эстетики. Но Индия поглотила этот город: особняки английского стиля до неузнаваемости обжиты временем и людьми, некогда роскошные здания превратились во что-то невообразимое — в каких-то облупившихся монстров, истлевших и полуразрушенных не только от неумолимого бега времени, и при этом наскоро заштопанных современными подручными строительными материалами индийского производства. В Калькутте, например, нередко можно увидеть великолепный портал с колоннами, которые снизу доверху обклеены пестрыми плакатами и афишами.

И многотысячная людская толпа кругом: торгующая, едущая на велосипедах, несущая на своих головах самые разнообразные грузы… Турист может ходить по улицам Калькутты, лишь глядя себе под ноги, как в горах: стоит отвлечься лишь на секунду, как тут же угодишь в лужу или наступишь на лежащего человека, столкнешься с бегущим рикшей или попадешь под машину. Но сами индийцы, обладающие удивительной пластикой, не только не сталкиваются в этой многотысячной толпе, но даже не касаются друг друга.

Калькутта — город не для тех, кто ищет обычного туристского отдыха и развлечений. Здесь надо прожить не один месяц, съесть не один пуд едкого здешнего перца, чтобы сквозь контрасты богатства и нищеты разглядеть другие стороны величественного города — многоликого и многорукого, как его древние боги.

Калькутта — город, посвященный богине Кали, и название его переводится как «место Кали», «обитель Кали». Изображения Богини смотрят на вас из каждого магазина и дома, из каждой лавки и мастерской. Самый большой храм города — Калигхат — это массивный, двухступенчатый столп серовато-белого цвета (высота его около 10 метров). Сооружен он сравнительно недавно, в 1809 году, а предыдущий храм находился в полутора километрах отсюда.

В глубине храма находится алтарь, на котором стоит голова богини Кали: три кроваво-красных глаза на черном лице, белые зубы и свисающий красный язык. На шее богини — гирлянды цветов и ожерелье из человеческих голов, и хотя они, конечно же, не настоящие, все равно становится как-то не по себе.

«Великая мать Кали» — так называют свою богиню индуисты. Кали (Черная) — одно из бесчисленных воплощений Парвати — супруги бога Шивы. Прекрасная, добродетельная, дарительница благ, покровительница семейной жизни, богиня может принимать множество различных обликов. Когда на земле умножается зло, она приходит в облике грозной, но прекрасной богини Дурги. Но если богиня разгневается сильно, появляется самая страшная ее ипостась — Кали. Тогда голова ее упирается в небеса, три глаза наливаются кровью и горят гневом, на шее развевается страшная гирлянда из черепов или отрезанных мужских голов. И пока Кали не упьется кровью своих жертв, никто во всей Вселенной, даже боги, не могут ее укротить, а люди трепещут от ужаса. Темными ночами ни один индиец не отважится пойти на гхат, где вершат свои оргии пожирательницы трупов — спутницы богини Кали.

Здесь следует немного сказать и о «душителях Кали» — тхагах. Эта секта проповедовала учение, главное правило которого — убивать как можно больше людей для усмирения гнева богини Кали. Для достижения своей цели они используют все средства: обман, ложные клятвы, самые ужасные коварства… Тхаги вкрадываются в доверие, вызывают на дружеские откровения, а потом приводят в исполнение задуманное. Секта тхагов в течение многих столетий оставалась неизвестной, и считается, что английская администрация покончила с ней только в конце 1860-х годов.

Приближение к храму Калигхат чувствуется за несколько кварталов. По мнению местных жителей, главная достопримечательность Калькутты именно здесь, в Кумар Тули — самом «индийском» квартале, о котором большинство туристов и не подозревает. Это, впрочем, и неудивительно, ведь Кумар Тули — всего лишь крохотный пятачок в городе-гиганте. Застроен этот квартал в основном 2—3-этажными домами, первые этажи которых со стороны улицы занимают маленькие магазинчики. За ними прячется целый лабиринт комнат, коридоров и каморок, где работают и живут со

своими семьями несколько тысяч скульпторов, изготавливающих богов.

Вот уже более 200 лет в мастерских Кумар Тули ежегодно появляется на свет бесчисленное количество статуй Шивы, богини Кали, шестиголового бога войны Сканды и слоноголового бога мудрости Ганеши, а также других богов индуистского пантеона. Из рук искусных ваятелей, чье мастерство отточено веками, выходят не поделки, а настоящие произведения искусства — маленькие и большие. Некоторые из них такие крупные, что из-за тесноты магазинчиков их выставляют прямо на улице, причем за сохранность можно не беспокоиться. Каждый индиец, проходящий по Кумар Тули, почитает статуи, как если бы это были настоящие боги.

Кроме храма Калигхат, в Калькутте мало других больших храмов, которые бы считались памятниками архитектуры. И это довольно странно для 12-миллионного города и для почти поголовно верующего населения. Однако по всей Калькутте разбросано великое множество небольших храмиков, рассчитанных будто бы на одного человека. И это вполне устраивает жителей бенгальской столицы, ведь в каждом доме и в каждой лавке есть свой «иконостас». В Индии особенно заметно, что религия — дело глубоко личное, поэтому сидящий перед маленьким храмом человек среди потока несущихся машин — явление вполне обычное для индийца. Это европейцу трудно понять, как можно сосредоточиться на возвышенном среди мирской суеты.

Росту и процветанию Калькутты во все времена способствовало ее выгодное географическое местоположение на реке Хугли, одном из рукавов дельты Ганга, — главной транспортной артерии на севере Индии. Но Ганг еще и священная река для каждого индийца, и на санскрите название ее женского рода — Ганга. Древняя легенда гласит, что небесная река Ганга с благоволения бога Шивы сошла на землю, чтобы подвергнуть очищению прах 60000 сыновей царя Сагары, которые были наказаны за непомерную гордыню и прегрешения. Покинув горные лабиринты Гималаев, Ганга спустилась к подножию их и через северные равнины отправилась на юго-восток. В древнем литературно-эпическом памятнике «Пуранах» говорится, что Ганга вытекает из пальца на ноге бога Вишну, поэтому ее часто называют «Дочерью повелителя Гималаев», «Рожденной из ступни Вишну» и другими именами.

Ганг называют колыбелью индийской цивилизации, с незапамятных времен он почитался как священная река. Миллионы индийцев ежегодно совершают паломничество к этому природному святилищу, каждый стремится совершить здесь ритуальное омовение, которое очистит его от всех грехов. А если жизнь индийца прервется на берегах Ганга и его здесь кремируют, то это будет самым великим даром небес. «О божественный Ганг, дарующий счастье, восхваляем тебя вновь и вновь!» — так поется в священных индуистских гимнах.

САЙГОН НА РЕКЕ САЙГОН

Вьетнамцы, впервые появившиеся на территории будущего Сайгона в XVI веке, быстро оценили преимущества этого района. Здесь можно было выращивать в год три урожая риса и других сельскохозяйственных культур, даже тех, о которых на их исторической родине (в дельте Красной реки) и не знали.

Городу Сайгону суждено было занять особое место в жизни Вьетнама — связать его с Европой, Америкой и вообще со всей мировой цивилизацией. Природа была милостива к Сайгону: ему не угрожают тайфуны и ураганы, которые часто проносятся над северной и центральной частью Вьетнама, принося смерть и увечья людям, разрушая строения и уничтожая посевы.

Когда в XIX веке в Сайгоне начали возводить кафедральный собор, во время строительства были обнаружены орудия труда, обработанные человеком еще во времена неолита. Сейчас ученым доподлинно известно, что до нашей эры эту область населяли кхмеры — жители современной Камбоджи. Жили здесь и народы индонезийской группы, в средние века сюда пришли китайцы, спасавшиеся от кровопролитных войн на своей земле… Из-за сложного этнического состава населения Сайгона ученым до сих пор не удается установить происхождение названия города, так как никто не берется с полной уверенностью сказать, в каком языке таятся его корни — вьетнамском, кхмерском или китайском.

В 1998 году Сайгон отметил свой 300-летний юбилей, но отсчитывали его не от даты основания первого на этом месте поселения (она неизвестна) и не от времени первого письменного упоминания о городе (в анналах истории он упоминается уже с 1674 г.), а от 1698 года. В этом году генерал Нгуен Хыу Кань, назначенный правителем земель, которые вьетнамцы занимали в дельте реки Меконг, создал здесь префектуру Зядинь, где и расположились все управленческие учреждения.

Почти целое столетие после этого город ничем особенным во вьетнамском государстве не выделялся, так как столицей страны оставался Ханой. Свой след в истории Сайгон оставил в годы

крестьянского восстания братьев Тэйшонов (1772—1802), когда префектура Зядинь в этом конфликте выступила на стороне династии Нгуенов. Отсюда последний ее представитель, собрав помещичьи дружины, пошел подавлять восстание своих подданных и победил их, а потом стал правителем всего Вьетнама и основал последний императорский дом в стране.

В годы этой войны Сайгон несколько раз переходил из рук в руки, разрушался и вновь восстанавливался. Вьетнамские историки отдают должное и братьям Тэйшонам, которые расширили сайгонский порт, и Нгуенам, построившим по французским чертежам городскую цитадель.

Французы захватили Сайгон в 1859 году, а через три года был подписан вьетнамо-французский договор, по которому префектура Зядинь и еще две провинции становились собственностью Франции. Французам Сайгон очень понравился природными богатствами, обилием фруктов, мастерством его искусных ремесленников (в частности, резчиков по дереву), а также красотой и веселостью нрава местных жителей. Однако сами сайгонцы с первого дня колониальной экспансии не прекращали против захватчиков борьбы, которая приобретала различные формы. Когда французы захватили Сайгон, большинство жителей бежали из города и вступили в отряды сопротивления.

Французы многое изменили в облике Сайгона. Для них это был не только главный центр их владений в Индокитае, они хотели сделать его «маленьким Парижем», «жемчужиной Востока». Уже адмирал Бонар, первый губернатор Сайгона, начал застраивать город в стиле так называемой «европейско-колониальной архитектуры». В городе стали прокладываться новые прямые бульвары с ровными рядами деревьев, для чего даже были засыпаны некоторые каналы. В 1866 году в Сайгоне появилось 50 фонарных столбов, и главные улицы города (а их было тогда около 20) осветились огнями.

Первые французские постройки появились сначала недалеко от набережной и порта. Из них до наших дней сохранились здание почты, собор Богоматери, Исторический музей и Ботанический сад с зоопарком. В последний год XIX века в Сайгоне появился европейский театр, который и сегодня называется, как и тогда, — просто «Городской театр». Он был задуман согласно плану французского

архитектора Ферра, победившего на объявленном конкурсе, однако в процессе строительства, осуществлявшегося под руководством другого французского архитектора, Гишара, в первоначальный проект было внесено много изменений.

С появлением «Городского театра» произошли изменения и в центральной части бульвара Бонара. Посаженные ранее деревья убрали, а на их месте раскинулась лужайка, пересекаемая дорожками. В 1910 году там установили статую Фрэнсиса Гарнье — французского командира, руководившего захватом вьетнамских земель.

Адмирал Бонар мечтал превратить Сайгон в полумиллионный город, но, хотя мегаполис рос очень быстро, при жизни адмирала этого достичь не удалось. Однако город становился одним из важнейших центров Вьетнама, куда наведывались многие представители французской интеллигенции: историки, ботаники, врачи… В результате Сайгон если и не приобрел парижский шик, то некоторый французский дух ощущался в нем весьма заметно.

Внешне «идиллическую» жизнь города нарушила Вторая мировая война, и с 1946 года Сайгон становится резиденцией часто меняющихся правительств, которые в основном становились послушными проводниками интересов Франции. В 1953 году, когда французская экспедиционная армия уже истекала кровью в боях с вьетнамскими патриотами, американцы после проверки нескольких кандидатур выбрали «президентом» Нго Динь Дьема. Потом устами этого «президента» США провозгласили отказ от общевьетнамских выборов, предусмотренных Женевским соглашением.

Однако Нго Динь Дьем сразу же заменил в городе все французские названия на вьетнамские, например, бульвар Бонара переименовали в проспект Ле Лоя и т.д. Новый «правитель» разрешил оставить в памяти города имена только четырех французов — Луи Пастера, его учеников Иерсена и Кальмета, а также имя Александра де Рода — изобретателя вьетнамской азбуки на основе латиницы.

При Нго Динь Дьеме в городе появились здания министерств, посольств и штабов, под которые сначала занимали старинные постройки, например, парламент первоначально проводил свои заседания в «Городском театре». Потом стали возводить специальные особняки, в частности, президентский дворец (ныне Дворец Единства) возвели на месте здания, которое в прежние времена занимал

французский губернатор. Тогда оно называлось «дворцом Народома» — в честь камбоджийского монарха, который одним из первых посетил его. В 1962 году это здание разгромил французский летчик, недовольный проводимой Нго Динь Дьемом политикой.

Новое здание возвели довольно быстро, и уже в 1966 году состоялось его торжественное открытие. Автором проекта был вьетнамский архитектор Нго Вьет Тху, который прославился на весь мир, когда в Риме ему одному из всех азиатских представителей итальянское правительство присудило премию. Возглавляемый Нго Вьет Тху творческий коллектив зодчих при возведении здания стремился соединить строительные технологии XX века с национальными архитектурными традициями, учитывающими местоположение здания, местный климат, розу ветров и т.д.

Сайгон не только рос, не отставая от времени, но даже обгонял в своем развитии Бангкок, Куала-Лумпур и многие другие столицы стран Юго-Восточной Азии. Однако американская война драматическим образом изменила характер города. Для упрочения своего господства американцам требовались штыки, и численность незваных гостей увеличивалась в Южном Вьетнаме год от года в геометрической прогрессии.

Сайгонская улица Катина при американцах называлась Тызо, что по-вьетнамски означает «свобода», но тогда это слово звучало горькой насмешкой. Здесь вольготно чувствовали себя только американцы и сановники сайгонского режима, это они были самыми желанными покупателями в многочисленных магазинах и лавочках, где могли приобрести все: подлинные произведения искусства и поделки мастеров-ремесленников, антикварные вещи, черепаховые броши, гребни, веера и многое другое.

Во времена американской оккупации Сайгон был городом с наибольшей в мире концентрацией полиции. Нигде так не заботились о «безопасности», как в этом городе, где были сосредоточены четыре отборных парашютных батальона; в постоянной боевой готовности находились морская пехота и отряды «коммандос». Тысячи полицейских из специальных «отрядов борьбы с мятежниками» и тысячи обычных полицейских готовы были подавить любую попытку к мятежу.

Но у жителей Сайгона были давние боевые традиции, проверенные еще во времена борьбы с французскими колонизаторами. Чтобы сломить революционный дух населения столицы, американское командование разбило город на 400 «стратегических районов». Эти районы невозможно было окружить колючей проволокой, как это делалось в отношении «стратегических деревень», и поэтому в Сайгоне американцы установили строгую систему контроля. Власти требовали, чтобы на дверях всех домов и квартир вывешивались списки проживающих там семей с указанием местонахождения каждого члена семьи. Если в доме обнаруживался «лишний» человек, его немедленно арестовывали. Все семьи объединялись в «пятерки», причем каждая из семей несла ответственность за хорошее поведение членов всех «пятерок».

Два берега реки Сайгон были совсем не похожи друг на друга. На набережной и примыкавших к ней улицах строились многоэтажные отели, офисы, банки и роскошные дома с лоджиями и кондиционерами. Эту часть южновьетнамской столицы с ее многочисленными увеселительными заведениями называли «азиатским Монте-Карло». А на другой стороне реки, вдоль ее рукавов, люди строили себе жилища из фанеры, жести, картона, из самых невероятных материалов — порой из автопокрышек и причудливо изогнутых корней деревьев. Одна хибара тесно прижималась к другой, а если не хватало места на берегу — вьетнамцы сбивали лачугу на сваях возле реки. А то и просто селились в лодке, прикрыв ее крышей из ржавых кусков железа.

Марионеточная армия капитулировала в последний день апреля 1975 года, побросав на улицах Сайгона американские автоматы, танки и броневики. Никакого сопротивления восставшему народу она уже оказать не могла, поэтому больших разрушений в городе не было.

В настоящее время Сайгон называется Хошимином, так как в 1975 году городу было присвоено имя первого вьетнамского президента. Но слово «Сайгон» не исчезло совсем: оно осталось жить в названии реки и порта. Сейчас Хошимин — это город-труженик. В нем стало чище и наряднее, по городским улицам можно спокойно пройтись, не опасаясь быть ограбленным. В Хошимине нет показного блеска, зато есть порядок и чувствуется четкий ритм новой жизни.

РОЖДЕНИЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Для многих из нас Санкт-Петербург начинается с 16 мая 1703 года — даты, хорошо известной из школьных учебников. Задолго до Петра I территория будущего Санкт-Петербурга была просто усыпана русскими деревнями и селами.

По мшистым, топким берегам
Чернели избы здесь и там.

Там, где сейчас начинается Литейный проспект, находилась деревня Фроловщина; а у истоков Фонтанки, возле Летнего сада, — деревня Кандуя. На месте Смольного располагалось село Спасское, на берегу Охты — двенадцать деревень.

Села и деревни, деревни и села — Чучелово, Минино, Дорогуша, Бродкино, всех и не перечислишь… Были, конечно, в этих районах и финские поселения, но по составу населения в основном это был русский край. Издавна эти земли населяли племена ижора, водь и корелы, по имени этих народов и занимаемые ими местности называли Ижорской, Водской и Корельской землями. Все вместе они составляли так называемую «Водскую Пятину», которая входила в Новгородскую губернию.

Начиная войну со Швецией, Петр I прежде всего хотел возвратить России земли «отцов и дедов», отторгнутые во время смут в Московском государстве и уступленные шведам по Столбовскому миру в 1617 году. Поэтому, когда действия отряда Ф.М. Апраксина, посланного в 1702 году против шведов, сопровождались страшными опустошениями деревень на берегах Невы, царю Петру было это «не зело приятно». Более всего царь был недоволен еще и потому, что в инструкции воспрещалось опустошать Ижорские земли. Ф.М. Апраксин, ожидавший высочайшей похвалы, вынужден был оправдываться: на разорение деревень пришлось, мол, пойти, чтобы утеснить неприятеля в подвозе съестных припасов. Но царь все равно остался недоволен, ибо была «развоевана страна», которую Петр I считал русскою.

Когда осенью 1702 года русские взяли штурмом шведскую крепость Нотебург — древний новгородский город Орешек, Петр I был в восторге, что добыли «ключ к морю», и писал по поводу этой победы: «Правда, что зело жесток был сей орех, однакож, слава Богу, счастливо разгрызен». Царь собственноручно прибил крепостной ключ над воротами и объявил, что отныне город будет называться «Шлиссельбург» («Ключ-город») — ключ к Неве. Государь пожаловал А.Д. Меншикова шлиссельбургским, корельским и ингерманландским губернатором, однако эти земли надо было еще завоевать, чтобы титул не был пустым звуком. Нева находилась тогда в руках шведов, но название оказалось пророческим: постепенно путь к морю был добыт, и река на всем протяжении стала принадлежать России.

Правда, природа в этих местах была скудна и негостеприимна: почва бесплодная, повсюду топи да болота, кругом дремучий лес, поселения встречались редко. Но в сопровождении приближенных Петр I отправился осматривать невские берега, чтобы выбрать место для будущей столицы. Он остановил свой выбор на острове Иени-Саари (Заячьем), который располагался в том месте Большой Невы, где она разделяется на Неву и Невку. Весной, когда расцветает и скудная природа севера, березовые рощи Заячьего острова тоже оделись в ярко-зеленый наряд и огласились ликующим пением птиц, а среди молодой травы запестрели первые цветы. Петр I назвал этот остров Люст-Эйланд (Веселый), и на нем заложили Петропавловскую крепость, с которой утвердился Санкт-Петербург.

Хотя считается, что русский царь назвал возводимый город «в свою честь», однако на самом деле все было не совсем так. Город был назван не в честь царя Петра, а в честь Святого Петра — «ангела Петрова». С.П. Заварихин, автор книги о городе времен Петра I, вообще считает, что 16 мая — день основания крепости — еще не день основания города, так как крепость и город — это не одно и то же. До сих пор нет никаких документов, что вместе с крепостью подразумевалось и возведение города, тем более столичного. Зато известно, что идею построить в устье Невы город первым высказал адмирал Ф. Головин. Правда, и он имел в виду возведение небольшого городка для разделения Финляндии и Ливонии (Латвии и Эстонии), а также для хранения военных запасов. Так что о городе речь вообще

сначала не шла, так как срочно нужно было строить порт и крепость, а роль города при крепости играл Ниеншанц — Шлотбург.

Правда, рассказывают и так: когда происходила закладка крепости, Петр I вырезал два дерна и положил их крестообразно, сказав при этом: «Здесь быть городу». Потом стал копать ров, который должен был окружать крепость. Народное предание добавляет, что в это время в небе появился орел и стал парить над царем. В ров опустили каменный ящик, духовенство окропило его святой водой, а государь поставил в него золотой ковчег с частицей мощей Святого апостола Андрея. Потом покрыл ящик каменной доской, на которой было написано, когда произошло основание Санкт-Петербурга. Между тем кто-то из царской свиты поймал орла, и царь увидел в этом доброе предзнаменование.

Сначала над возведением крепости работали пленные шведы, солдаты и местные жители, потом сюда стали присылать работников со всех концов России. Работа была очень тяжелой: надо было рубить лес, засыпать болота, очищать землю от хвороста и кустарников, строить дома, прорывать каналы. Работали в любую погоду, нередко под выстрелами неприятеля. Дело велось с таким усердием, что уже к 22 июня 1703 года гвардия и дивизия князя Н.И. Репнина перешли в новозаложенную крепость. 28 июня, накануне дня Святых Петра и Павла, крепость считалась в известном смысле законченной, и с этого времени на письмах Петра Великого появляется пометка: «Изъ Санктпетербурха» или «Изъ Сан-Петербурха», а раньше он надписывал «Изъ Шлотбурха» (или «Шлютербурга»).

Однако в новой крепости, которая должна была служить опорным пунктом для русских войск и охранять устье Невы, дел было еще много. Для снабжения гарнизона водой вдоль всего острова (с востока на запад) был прорыт канал, ныне не существующий. По его сторонам стояли 4 ряда деревянных домиков, в которых жили солдаты; строились дома для коменданта и плац-майора, цейхгауз, арсенал и провиантские склады. Первые укрепления крепости состояли из земляного вала и бастионов, названных именами тех особ, которые надзирали за их возведением. К северу от крепости, со стороны Финляндии, был построен кронверк[58] — вспомогательное укрепление, сооруженное для охраны крепости в наиболее опасном месте, где враг мог ближе всего к ней подойти. На противоположной

стороне был выстроен равелин, на Государевом бастионе водрузили флаг, который в торжественные дни заменяли штандартом — желтым знаменем с русским орлом.

Чтобы царь мог наблюдать за работами, для него неподалеку от крепости выстроили небольшой домик, который издали можно было принять за кирпичный, так как он был в голландском вкусе выкрашен по дереву красной краской с белыми полосами. Внутреннее устройство «домика Петра» было очень простым. Состоял он из двух комнат, разделенных тесными сенями и кухней. Все его украшение заключалось в холстинных выбеленных обоях да в разрисованных букетами дверях, рамах и ставнях.[59] В одной из комнат, когда-то служившей царю спальней, теперь устроена часовня: в ней находится икона Спасителя, которая сопутствовала царю Петру во многих сражениях, в том числе и в битве под Полтавой. В «домике Петра» до настоящего времени сохраняются некоторые вещи того времени: ялик с остатками паруса, сделанный самим Петром I; скамейка, которая при жизни царя стояла у ворот домика; деревянный стул с кожаной подушкой…

Первоначально город застраивался без всякого плана, деревянные дома строились как попало, были низкими и без дворов, с входом прямо с улицы. Если по улице проезжал экипаж, то из-за зыбкости почвы стекла и посуда в таких домах звенели. При Петре I улицы не имели названий, дома были без номеров, так что приезжим было трудно отыскать своих знакомых.

Пожар 1710 года истребил большой рынок, так как в узкие проходы между домами проникнуть было невозможно. Разбушевавшееся пламя быстро превратило рынок в один большой костер, и всего лишь за час от него ничего не осталось. Пожар также показал, что улицы следует располагать правильно, а дома строить на расстоянии друг от друга.

Санкт-Петербург застраивался медленно, так как до окончания Северной войны никто не мог быть уверен в окончательном обладании этой местностью. И мало было желающих ехать в новый город — в «пустыни, обильные» только болотами и слезами. В 1705 году в Петербурге числилось всего 3000 жителей, не считая, конечно, солдат. Для заселения своего «парадиза» Петру I приходилось даже прибегать к принудительным мерам. С первых лет основания города целым

рядом указов изнутри России высылались на житье в Санкт-Петербург «люди всякого звания, ремесел и художеств; не убогих, малосемейных или маломочных, а таких, которые бы имели у себя торги, промыслы или заводы какие свободные». Все переселенцы должны были строить себе в городе дома и жить в них безвыездно. Однако тяжелые условия жизни заставляли многих спасаться бегством, и нередко нарочные гонцы ловили первых петербургских жителей.

После Полтавской победы заселение Санкт-Петербурга пошло несколько быстрее. Через несколько лет на обоих берегах Невы появились ряды каменных 1—2-этажных зданий с черепичной крышей в голландском стиле. Между ними шли прямые и широкие улицы, вымощенные камнями. По Невскому проспекту были посажены в 3—4 ряда деревья, а пленные шведы мели и чистили проспект каждую неделю.

Постепенно вслед за Петербургской стороной мало-помалу начал застраиваться и Васильевский остров.[60] Петр I приказал всем духовным и светским владельцам деревень и дворянам строить здесь себе дома, причем их надо было возвести за три года, чтобы не лишиться имения. Землю и лес под постройки раздавали бесплатно, но дома следовало строить каменные. Некоторым «именитым» людям по царскому указу приходилось строить два, а то и три дома, но ведь сразу во всех жить не будешь! Вот и получалось, что здания стояли снаружи полностью оштукатуренные и окрашенные, а внутри оставались пустыми — без всякой отделки. Лишь бедные люди могли строить для себя деревянные дома, но только в переулках и на окраинных улицах.

Петр I мечтал сделать Васильевский остров центром новой столицы: по его проекту все 11 линий должны были быть прорезаны каналами, чтобы по ним суда подходили прямо к бирже и магазинам. Таким образом, Петербург должен был представлять нечто среднее между Амстердамом и Венецией. Каналами государь думал охранить город и от наводнений, а производство строительных работ поручили А.Д. Меншикову. Однако по непониманию или нерадению «светлейшего князя» каналы получились уже амстердамских, чем Петр I был сильно разгневан. Царь собирался начать работы заново, но дело это стоило больших затрат: пришлось бы сносить уже выстроенные

дома и вновь прорывать каналы. Поэтому план этот оказался неосуществленным, и каналы потом засыпали.

В 1712 году вся царская семья переселилась из Москвы в Санкт-Петербург. К этому времени, несмотря на всю ограниченность заселенного пространства и разбросанность города на отдельных островах, он уже имел вид столицы. Благодаря неусыпной энергии Петра I к этому времени в Санкт-Петербурге было проложено до 10 улиц и выстроена слобода в 1000 домиков. Самым бойким местом новой столицы была Троицкая площадь, на которой стояло мазанковое здание, куда Петр I перевел из крепости Сенат. Площадь была и местом самых разных торжеств: здесь стояла триумфальная пирамида, от которой в дни празднеств до самой пристани расставлялись декорации и огненные «потехи» с транспарантами. На Троицкой площади праздновали годовщину Полтавской битвы, причем царь был в том самом платье, что и под Полтавой: в простом зеленом кафтане и кожаной портупее; на ногах — зеленые чулки и старые изношенные башмаки, в руках — простреленная в боях шляпа…

Одно из самых грандиозных торжеств состоялось 13 июля 1710 года по случаю взятия Выборга. По Неве плыли горящие плошки, небо над крепостью раскалилось от тысячи огней, весь город освещался фонариками, так как в окне почти каждого дома горели свечи. С кораблей и бастионов крепости гремели пушки. Юст-Юль, датский посланник в России, писал по этому поводу: «При взятии крепостей было меньше расстреляно пороху, чем в ознаменовании радости по случаю этих побед».

Первым архитектором Санкт-Петербурга был Доменико Трезини. Этот швейцарец итальянского происхождения — очень работоспособный, выносливый и рационально мыслящий — оказался настоящей находкой для Петра I и много сделал для русского царя. Д. Трезини успешно выполнял все задания государя, начиная с самого первого — возведения форта Кронштлот — и до большой работы по перестройке первоначальной Петропавловской крепости.

Когда в 1712 году Санкт-Петербург был объявлен столицей, естественно, встал вопрос о главном кафедральном соборе города. Работу по возведению каменного собора на месте деревянного Петропавловского опять же поручили Д. Трезини, причем приказали начинать немедленно. Выполняя царскую волю, зодчий первой начал

сооружать колокольню, однако вскоре стало ясно, что ее мелкие формы не соответствуют невским просторам, и проект пришлось изменить. Посетивший стройку Х. Вебер, ганноверский резидент в Санкт-Петербурге, отмечал: «Судя по модели, которую я видел, это будет нечто прекрасное, подобного чему в России пока еще нельзя найти. Башня уже готова до стропил, она необычайной высоты и хорошей каменной кладки с четырьмя рядами установленных друг на друга пилястр, хороших пропорций и с высокими сводами».

После смерти Петра I каждому позволили жить, где ему хочется, и многие вельможи поспешили покинуть город. Елизавета Петровна почти все время жила в Москве, и Санкт-Петербург до того запустел, что многие его улицы даже заросли травой, а значительная часть домов развалилась. Время от времени принимались принудительные меры, чтобы пополнить население столицы, но все было напрасно. В 1729 году велено было вернуть на житье в Петербург всех выехавших из него купцов, ремесленников и ямщиков с их семействами; за неисполнение указа грозили конфискацией имущества и даже каторгой. Елизавета Петровна, чтобы заселить Петербург, высылала в город на жительство всех не помнящих родства, то есть попросту бродяг. Таким образом, в городе образовались шайки разбойников, которые своими действиями наводили ужас на простых обывателей. Грабители были до того дерзки, что в 1740 году убили даже часового в крепости и похитили казенные деньги.

Почему же русские люди не хотели селиться в новой столице? Может быть, отчасти потому, что, выбранная Петром I местность была весьма удобной для торгового порта, для столицы же казалась крайне невыгодной. Едва ли не с самого момента основания города стала складываться легенда о Петербурге как о призрачном городе, о его «нереальности» и несвязанности с историей страны. В 1845 году в статье «Петербург и Москва» В.Г. Белинский писал: «О Петербурге привыкли думать, как о городе, построенном даже не на болоте, а чуть ли не в воздухе. Многие не шутя уверяют, что это город без исторической святыни, без преданий, без связи с родною страною — город, построенный на сваях и на расчете».

Российский литературовед Л. Долгополов в своем исследовании «Миф о Петербурге и его преобразование в начале века»[61] писал, что в преданиях Петербург уподобляется живому существу, которое

вызвано к жизни роковыми силами и столь же роковыми силами может быть опять низвергнуто в прародимый хаос. Аркадий Долгоруков, герой романа Ф.М. Достоевского «Подросток», признается, что его преследует страшное видение.

«А что, как разлетится этот туман и уйдет кверху, не уйдет ли с ним вместе и весь этот… город, подымется с туманом и исчезнет, как дым, и останется прежнее финское болото…»[62]

Французский философ Д. Дидро писал: «Столица на пределах государства — то же, что сердце в пальцах у человека: круговращение крови становится трудным, а маленькая рана — смертельною». На протяжении своей истории Санкт-Петербург пережил много ран — и больших, и маленьких: страшные наводнения и пожары, грозные годы революции и столь же грозные 1930-е, страшную блокаду… Он начинался как Санкт-Петербург, был потом Петроградом, Ленинградом, снова стал Санкт-Петербургом и теперь готовится отметить 300-летие со дня своего основания.

САН-ФРАНЦИСКО

В марте 1776 года в северной части полуострова, где расположен сейчас город Сан-Франциско, был основан пресидио — первый испанский военный форт и первая католическая миссия — миссия Долорес. На сорока безымянных холмах росла пахучая трава «Uerba buena», так назвали и первое поселение, возникшее здесь в 1835 году — «Йерба буена» («Добрая трава»).

В 1846 году этим поселением завладели американцы, которые в надежде на благосклонность небес переименовали его в Сан-Франциско — в честь Франциска Ассизского. Сначала в поселке жило всего несколько десятков человек, и его экономическая активность была меньше, чем в крепости Росс, заложенной в 120 километрах севернее Российско-американской компанией для промысла морского зверя и торговли пушниной.

Но святой Франциск не подвел: через два года здесь было обнаружено золото, и в безвестный до того калифорнийский поселок с населением всего 500 человек ринулись тысячи искателей счастья. Если в 1848 году безвестный порт посетило всего 15 судов, то в следующем году — уже 755. Железной дороги здесь тогда еще не было, но саманный поселок с молниеносной быстротой превращался в город и вскоре уже стал портом мирового значения. Через пять лет Сан-Франциско насчитывал уже 50000 жителей.

Чтобы не спать в палатках или под навесами, переселенцы привозили с собой сборные дома: хотя леса вокруг было предостаточно, но люди спешили на поиски золота. Несколько сотен судов, на которых прибыли переселенцы, тоже служили жильем, ресторанами и даже тюрьмой. Люди самых разных национальностей участвовали в становлении Сан-Франциско, и потому в результате десятилетий «золотой лихорадки» он превратился в город многочисленных религий, языков и культур.

Разработкой первого градостроительного плана Сан-Франциско занимался ирландский инженер Д.О. Фаррел. Он задумал создать в городе большой бульвар по типу Елисейских Полей в Париже и поэтому, несмотря на многочисленные протесты, прочертил широкую

Маркет-стрит по диагонали к уже проложенным улицам. Она и стала центральной магистралью города.

В 1856 году французский архитектор Версеман переправил со своей родины дом и по его образцу построил в Сан-Франциско еще несколько. Подобным образом появлялись дома из Голландии, Англии, Шотландии; вместительные здания под рестораны в 1850-х завозили из Бельгии, а дома из гранита строили исключительно китайцы, так как только они могли прочитать инструкцию, прилагаемую к прибывавшим из Китая каменным блокам.

Разбогатевшие горожане приглашали для строительства своих особняков обычно архитекторов с мировым именем. Город рос, развивался и хорошел; в нем возводились великолепные здания общественных учреждений и гостиниц, промышленных корпораций и банков. Причем в банках оседало не только золото, но и серебро, обнаруженное в 1859 году в соседнем штате Невада.

В архитектурном отношении Сан-Франциско представлял собой причудливую смесь старых и новых зданий. Многие из них были возведены без какого-либо учета возможных стихийных бедствий, а ведь рядом с городом проходит разлом Сан-Андреас — своего рода гигантский «шрам», протянувшийся через разнородные природные области. Со времени своего основания Сан-Франциско пережил немало землетрясений, во время некоторых из них были даже небольшие разрушения. Но о серьезной опасности никто из жителей города не думал.

Ранним утром 18 апреля 1906 года тоже ничто не предвещало беду: погода накануне была прекрасная, теплый вечер привлек в парки и театры массы народа, рестораны и кафе даже за полночь были полны посетителей. Метеорологи предсказали ясную, спокойную погоду, и день обещал быть нежарким. Но в 5 часов 11 минут по местному времени раздался первый удар, от которого проснулись многие жители; за ним последовали второй — самый сильный и разрушительный, после него еще целый ряд сотрясений, но уже более слабых.

Страшный гул и треск лопающихся зданий, как сокрушительный смерч, прокатился по улицам. От подземного удара, продолжавшегося всего 40 секунд, зашатались многоэтажные здания, вздыбились переулки, обрывались линии электропередачи, лопались

газопроводные и электропроводные трубы… Корежился асфальт, из мостовой вылетали булыжники, разрывались трамвайные рельсы, опрокидывались вагоны и автомобили. Гигантское облако пыли взметнулось в небо и затмило солнце. Внезапно наступившая темнота окутала весь Сан-Франциско, и только ярко и тревожно вспыхивали яркие зарева пожарищ. Красавец-город, расположившийся в уютной зеленой бухте, город-курорт в считанные секунды превратился в пылающие развалины…

В память об этом землетрясении каждый год 18 апреля в 5 часов 11 минут утра у «фонтана Лотты», расположенном на Маркет-стрит, собираются жители Сан-Франциско. По давней традиции они отправляются красить «золотой гидрант», через который трое суток беспрестанно подавали воду для тушения пожара.

Город возродился очень быстро, и уже в 1915 году принял Панамско-Тихоокеанскую выставку, проводившуюся в честь открытия канала. В начале XX века в Сан-Франциско стали возводить и первые высотные здания, многие из которых и сегодня украшают центр города. Сердцем финансового квартала является лес небоскребов, возведенных из стекла, стали и бетона. Одним из символов города стало здание корпорации «Трансамерика» — пирамидальное сооружение, построенное в 1972 году.

Символом города является и изящный оранжево-красный мост «Голден-Гейт», переброшенный через пролив Золотые Ворота, — самый длинный висячий мост в мире. Движение по нему открылось 27 мая 1937 года, и этим была проложена прямая дорога между Сан-Франциско и округом Марин. Вот тогда и замолчали те, кто твердил, что такой мост построить невозможно.

А возведение моста было делом действительно сложным: происходили даже несчастные случаи с рабочими, которые в самых сложных условиях 4 года боролись с наводнениями, быстрыми течениями и густым туманом, чтобы построить этот мост длиной 1730 метров. Самой трудной оказалась закладка фундамента для южных свай моста, но строители справились и с этой задачей…

«Голден-Гейт» с самого начала был выкрашен краской оранжево-красного цвета, которая всегда используется при возведении стальных конструкций. Такие краски содержат свинцовый компонент, который

защищает сталь от ржавчины; кроме того, цвет моста хорошо виден в часто сгущающихся туманах.

К северу от «Голден-Гейт» расположился знаменитый парк Сан-Франциско, первым архитектором которого был У.Х. Холл. После него за парком ухаживал шотландец Д. Макларен, который посадил здесь около 2 миллионов деревьев и создал в парке много достопримечательностей. Он даже разработал специальные правила поведения, например, запретил рабочим надевать перчатки и курить во время работы. К парковым скульптурам Д. Макларен относился совершенно равнодушно, а если их все же ставили, то старался побыстрее спрятать их за разросшимся кустарником.

Городской парк был возведен на песчаных дюнах, и все, что в нем есть — холмы, водопады, долины, озера, острова — создано руками человеческими. В оазисе «Золотые ворота» находятся, например, сразу несколько садов — Библейский, Сад ароматов и другие. Есть в парке и Шекспировский сад, где специально выращивают деревья, которые упоминаются в произведениях великого английского драматурга.

Сан-Франциско, по масштабам Европы и Азии, — город очень молодой, самым древним его камням не более 200 лет. Сегодняшний Сан-Франциско меняется и хорошеет, и в то же время город бережно хранит память о временах прошедших. Здесь стараются сохранить не только старинные дома, но даже отдельные детали их, например, фасады зданий, пострадавших от землетрясений и пожаров.

В 1978 году достопримечательностью общенационального значения в Сан-Франциско объявили Общественный центр, построенный в неоклассическом стиле. Несколько зданий из серого гранита живописно расположились вокруг площади Дж. Маршалла — плотника, который первым обнаружил золотую жилу.

Если въезжать в Сан-Франциско с юга, то городские перемены здесь бросаются в глаза сразу же. Исчезли сливовые и абрикосовые сады, а вдоль дороги стоят целые поселки из жилых автофургонов. Небоскребов в городе построили сравнительно немного, а сооружая современные здания, зодчие старались сочетать их архитектуру с традиционным стилем испанского периода.

За последние десятилетия Сан-Франциско изменился меньше других американских городов. Это город белых двухэтажных особняков, выстроенных в стиле викторианской архитектуры. Кажется,

что все они на одно лицо, на самом деле похожих нет. Когда смотришь на Сан-Франциско с холма Твин Пикс, в чистом воздухе вырисовывается почти весь город: белый, сверкающий, с заливами и мостами в восточной его части и с туманными очертаниями океана — в западной. Не зря утверждают рекламные проспекты Америки: «Вы оставите свое сердце в Сан-Франциско!».

ОТ АЮТИИ ДО БАНГКОКА

Столетиями накапливала Аютия свои художественные ценности, возводила пышные дворцы и величественные храмы. Более 400 лет город был столицей Таиланда, и этот период был временем расцвета Тайского государства. 33 короля сменились на престоле, а в 1767 году после длительной осады древнюю тайскую столицу полностью разрушили бирманские войска государства Авы. Молодому предводителю Пья Таксину и 50 воинам удалось спастись, и вскоре, собрав остатки своей разгромленной армии, после нескольких победоносных сражений он изгнал захватчиков с родной земли. После этой победы Пья Таксина короновали, но даже отпраздновать победу ему было негде — вся Аютия лежала в развалинах. В прах были повержены четыреста храмов, а их резные крыши поглотил огонь. Занесло илом каналы, на которых когда-то покачивались королевские лодки, украшенные изображениями сказочных животных.

Руины раскиданы сейчас по всей Аютии, и самые величественные из них — это бывший королевский дворец. За его стенами пышно разрослись переплетенные лианами деревья, их корни заползают в щели между кирпичами, расширяя их, вьющиеся растения обвивают стены колонны.

За высокой стеной бывших дворцовых ворот раскинулись руины главного храма Аютии — Шрисанпхета, а рядом вознесся во всем своем величии реконструированный храм Вихара Пра Монгол Болхит. В его внутреннем зале находится самая большая в мире бронзовая статуя Сидящего Будды (высота ее 16 метров). Будда сидит в традиционной позе ее скрещенными ногами, его левая рука покоится на коленях, пальцы правой руки обращены вниз к земле, словно он призывает ее быть свидетелем своей правоты. По преданию, Просветленный устоял перед искушениями и угрозами властителя зла, и теперь он спокоен и уверен. Под статуей на раззолоченном алтаре находятся маленькие Будды.

Площадка перед храмом — это своеобразный центр Аютии. На ней собираются верующие и паломники, здесь же ставят свои

автомобили туристы и бойко торгуют сувенирами и «археологическими древностями» мелкие торговцы.

Как граненая пирамида высится в Аютии пагода королевы Шри Сурьятай. В 1563 году, во время одного из сражений, она пожертвовала собой, чтобы спасти своего супруга — короля Маха Чакрапат. Теперь пагоде хранится пепел королевы, которую тайцы почитают как одну из героинь своей истории.

Пагода построена в традиционном архитектурном стиле — на террасе, к которой со всех четырех сторон ведут широкие лестницы, а выше до середины пирамиды — узкие крутые ступени. В центральном каменном склепе ничего нет, кроме горы щебня и каменной головы Будды. Кругом царят тишина и запустение…

В 1782 году большая часть таиландской армии под командованием генерала Чакри ушла на подавление восставшей Кампучии. Вернувшийся из победоносного похода, генерал объявил себя королем и основал новую династию, которая правит в Таиланде и по сей день. Он перенес город на другой берег реки, где до этого находилась маленькая рыбацкая деревушка. Так возникла новая столица Таиланда: в ее искусственных каналах, построенных в память об утраченной Аютии, отражаются многокрасочные храмы и дворцы, возведенные по древним архитектурным образцам.

Официально столица Таиланда называется: «Крунгтеп Ратана Косин Махинтара Аютхайя Махадилокпоп Нопаратана Ратчани Буриром Удомратчани Махасан Амокпиман Аватансатит Сакатуттия Висанукам». В переводе это означает: «Город богов, великий город, резиденция Изумрудного Будды, неприступный город, великая столица мира, одаренная девятью драгоценными камнями, изобилующая огромными королевскими дворцами, напоминающими райские жилища, из которых правит олицетворение бога, город, преподнесенный Индрой и построенный Висанукамом».

Иностранцы в основном называют столицу Таиланда — Бангкок, а местные жители — Крунгтеп (Город ангелов). Долгое время город называли «Венецией Востока» из-за огромного числа каналов-клонги, пересекающих его во всех направлениях. Вода в Бангкоке стала продолжением улиц, она обжита как земля: на воде живут, торгуют, отдыхают… Теперь многие из каналов засыпаны и превращены в улицы, а оставшиеся используют торговцы: юрко снуют по каналам

моторные лодки, натужно пыхтят тяжело груженные баржи — изо всех пригородов тысячи лодок везут на городской рынок овощи, фрукты, зелень, рыбу, а то и торгуют ими прямо с лодок. Громоздятся пирамиды ананасов, бананов, папайи и каких-то еще диковинных фруктов…

В историческом масштабе Бангкок — совсем еще юный город. В нем не очень много памятников старины или просто мест, непосредственно связанных с событиями прошлого. Город строился и строится довольно сумбурно: здесь нет исторически сложившегося центра, все административные здания, государственные учреждения и министерства расположены вблизи королевского дворца. Деловые кварталы, состоящие из ультрасовременных офисов различных иностранных компаний, сосредоточены в районе улиц Силом и Патпонг — на противоположном конце города.

Вечером и ночью этот район сияет сотнями неоновых реклам, призывающих «покупать», «летать», «страховать», «посетить»… А неподалеку тянутся беспорядочные кварталы хибар, сколоченных из ржавого железа, фанерных ящиков и всего, что попадет под руку.

В Бангкоке с красотой белоснежного мрамора, золотом многоступенчатых шпилей, балкончиками, террасами и балюстрадами королевского дворца спорят подстриженные под «шарик» тропические деревья. Там, за каменными стенами дворца, идет своя особая жизнь, и далеко не каждому таиландцу доводилось видеть своего короля и свою королеву.

Королевский дворец находится под неусыпной охраной бдительной стражи, для которой не существует никаких указов, кроме королевских. Однако стражники у дворца одеты в форму офицеров… царской России. А все дело в том, что дружественные связи между Таиландом и Россией начались еще в конце XIX века, когда сиамская столица встречала русского цесаревича — будущего императора Николая II. В Петербурге довольно долго жил и сиамский принц Чакробон. Он окончил Пажеский корпус и впоследствии, вступив на престол, ввел в своей армии русскую форму. В нее одевали всех солдат и офицеров вплоть до середины 1960-х годов, а сейчас она осталась только у королевской гвардии.

По Бангкоку нельзя пройти и сотни шагов, чтобы не встретить хотя бы двух монахов в оранжевых одеяниях. Каждый юноша из

приличной семьи должен некоторое время пробыть в монастыре, где он очищает свои мысли от житейской скверны, учится самодисциплине и самоотречению.

У монаха не может быть собственности, даже его одеяние принадлежит монастырю. В автобусах они ездят бесплатно, а в поездах платят половину стоимости билета. Причем кто-нибудь должен проводить монаха до станции и купить ему билет, так как считается, что и на половинную стоимость у него нет денег.

Каждое утро в Бангкоке можно видеть, как наставники монахов собирают милостыню на их пропитание. Они ходят от дома к дому, предоставляя людям возможность проявить милосердие и наполнить монашеские корзины рисом, рыбой, вареными яйцами и т.д. Монахи ничего не просят и ни за что не благодарят: они вообще не должны произносить ни слова. Это вы должны их благодарить, что они постучались в двери вашего дома…

МНОГОЛИКИЙ СИНГАПУР

Историю острова, государства и города Сингапур обычно начинают отсчитывать с 1819 года, когда английский лорд сэр Стэмфорд Томас Раффлз приобрел его для английской короны. Однако еще с V века здесь существовало полулегендарное государство Тумасик, документальных сведений о котором сохранилось очень мало, и потому история его еще не до конца ясна Знаменитый путешественник средневековья Ибн Баттута, возвращавшийся из Китая в Европу морским путем и останавливавшийся на Суматре, в своих записках об острове Сингапур даже не упомянул. Поэтому многие исследователи и утверждают, что ранняя история острова теряется в старинных преданиях и легендах.

Свое название Тумасик (что по-малайски означает «Город у моря», «Морской город») получил из-за своей близости к морю, а также из-за мангровых болот, которые покрывали значительную часть острова. К VII веку здесь стояло около двадцати домиков на сваях, с порога которых можно было забрасывать сети прямо в море Через 500 лет на месте этой рыбацкой деревушки возник небольшой порт, который держал в своих руках торговые пути через Малаккский пролив. Порт был источником процветания Тумасика, но тихую жизнь его обитателей не раз нарушали нашествия завоевателей с континента, которые пытались вытеснить отсюда султанов острова Суматра.

Впоследствии значение Сингапура как важного стратегического пункта у берегов Юго-Восточной Азии оценили голландские и английские колонизаторы. И вот тут на арене истории появляется С.Т. Раффлз, умный и энергичный чиновник Ост-Индской компании. Путем интриг, подкупа и шантажа он «откупил» у джохорского султана остров, на котором тогда проживало всего 150 местных рыбаков. Однако уже через полгода население Сингапура возросло в несколько раз из-за притока китайцев, малайцев и других народов.

Став губернатором Сингапура, сэр С.Т. Раффлз уделил много внимания созданию колониального чиновничьего аппарата: он составил временный кодекс законов, основанный на английском праве, но сохранивший при этом некоторые местные традиции —

религиозные и семейно-брачные, а также права наследования. Сэр С.Т. Раффлз занимался и такими вопросами, как регистрация земли, управление портом, создание полиции, ликвидация игорных домов, притонов и даже… петушиных боев.

С 1826 года Сингапур стал британской колонией и получил название «Стрейтс-Сеттльментс» — «Поселение у пролива». Полтора века над бывшим Тумасиком развевался английский флаг, и о господстве Великобритании напоминают бронзовые изваяния сэра С.Т. Раффлза, а также названия многих улиц, набережных и площадей, увековечивших имена английских принцев и принцесс. Свидетельствует об английском владычестве и архитектура зданий, в которых до сих пор размещаются правительство, парламент, театр и выставочный павильон Сингапура.

Именем английского лорда назван и отель, уютно расположившийся в викторианском здании На стендах «Раффлза», который превратился в гостиничный музей, развешаны многочисленные фотографии, письма и конверты с редкими теперь старинными марками, а также счета и ресторанные меню. За век с небольшим своего существования эта сингапурская гостиница приняла много знаменитостей. Каждая из них оставила след в истории отеля, но самые ценные воспоминания связаны с писателями Д. Конрадом, Р. Киплингом и С. Моэмом. «Золотые перья английской литературы» не просто останавливались в гостинице — они здесь работали. Д. Конрад написал в стенах отеля «Раффлз» начало своей повести «Тайфун», здесь же у него родился замысел романа «Лорд Джим». Редьярд Киплинг не написал в отеле ни строчки, но впоследствии в рассказе «Провидение» с восторгом отозвался о нем. А вот роман С. Моэма «Дождь» тогдашним хозяевам отеля «Раффлз» не понравился, зато сегодняшние владельцы очень довольны тем, что их гостиницу-музей ежедневно посещают почти 2000 туристов. Сингапурское правительство даже издало специальный указ, объявляющий отель «Раффлз» национальным памятником культуры.

Британский флаг над Сингапуром был спущен в 1942 году, когда японцы захватили «Город льва» (так переводится его название) и переименовали его в Шанан — «Свет юга». Однако после окончания Второй мировой войны англичане вновь вернулись на остров и оставались здесь до 1959 года. Впоследствии Сингапур два года

входил в состав федерации Малайзии, но в 1965 году он стал независимым государством.

Длина острова Сингапур — всего 42 километра, ширина — 22, 5 километра, а общая площадь не превышает 227 квадратных километров, и то в часы отлива. Казалось бы, что вся территория острова должна быть застроена, однако она не вся занята городскими постройками. Например, на севере в черту города входит водохранилище Мак-Ритчи, берега которого покрыты лесом.

Своим фасадом Сингапур обращен к морю. Набережные и улицы, прилегающие к порту, застроены 5—6-этажными домами, возведенными в конце XIX — начале XX веков. По своему архитектурному стилю они напоминают городские кварталы Англии викторианской эпохи, однако здесь высятся и современные здания из стекла и бетона. А значительная часть сингапурских окраин до сих пор застроена домами сельского типа с приусадебными участками.

При впадении реки Сингапур в бухту разместился Мерлин-парк. Он невелик и представляет собой просто лужайку, посреди которой лицом к морю стоит на хвосте белая львиноголовая рыба высотой 8 метров. Из пасти этого фантастического существа прямо в море бьет фонтан, а его светящиеся глаза напоминают блюдца… Эта скульптура[63] — символ города: с лукавой улыбкой русалка смотрит на залитый солнцем рейд, где дожидаются разгрузки корабли со всего света. Львов на острове никогда не было, но древнее предание рассказывает, что в VII веке принц Санг Нила Утама, путешествуя по морю с небольшой командой, попал в шторм. Чтобы не утонуть, им пришлось выбросить за борт все свои пожитки, в том числе и корону принца. Море вскоре успокоилось, и перед их взорами показалась спасительная земля. Высадившись на пустынный берег, Утама и его спутники пошли искать место для ночлега. Вдруг вдали промелькнуло какое-то животное, которое принц принял за льва. Он счел это хорошим знаком и назвал эту землю «Синга Пура» — Город льва.

Самой известной достопримечательностью Сингапура является «Парк тигрового бальзама» — большой живописный сад, раскинувшийся на берегу моря. Еще издали бросается в глаза его искусно декорированная арка, являющаяся входом в парк.

Этот парк в 1937 году создали два брата-китайца, Ау Бун-хау и Ау Бун-пар, разбогатевшие на производстве целебной мази — «тигрового

бальзама». Эта мазь приобрела известность не только в Сингапуре. В аптеках всей Юго-Восточной Азии появились баночки с тигром на красивой этикетке — средство для лечения радикулита, ревматизма и других болезней.

Стремясь увековечить свое имя, братья купили на холмистом склоне у самого моря участок земли площадью в 8 акров. Потом по их указанию холм этот расчистили и выровняли на нем террасы. Вскоре здесь вырос сказочный городок с яркими беседками и арками в стиле традиционных восточных пагод, а также киоски и ларьки с прохладительными напитками.

Когда сооружение парка было закончено, братья Ау преподнесли его в дар Сингапуру с одним-единственным условием: после смерти их прах будет похоронен здесь. И воля братьев была исполнена, а на верхней террасе парка им установили памятник.

Главным украшением «Парка тигрового бальзама» стали искусственные гроты, причудливые скалы и аллеи, образованные подрезанными деревьями. Мифологические животные и древние герои, группы воинов и целые деревни с их жителями — все это искусно вылеплено из гипса, раскрашено и живописно вмонтировано в парковые ансамбли. Бесчисленные беседки и гроты «Парка тигрового бальзама» заселены персонажами, воспроизводящими сцены древнекитайской мифологии, фольклора, древних легенд и конфуцианских хроник. Многие композиции имеют назидательный смысл: «Чти своих предков, какие бы дела они ни совершали — ты не вправе судить их». «Молись усердно богам за себя, за своих родителей и своих предков, и боги услышат твои молитвы».

В одной композиции изображены те, кто недостоин прощения. Дьяволы терзают грешников, потрошат им внутренности, мелют их жерновами, распиливают на части, варят в котлах, насаживают на вилы… Корчатся в нечеловеческих муках грешники, рекой льется их кровь, и довольно ухмыляется торжествующий дьявол.

Резец скульптора-ваятеля оживил и многие реальные сюжеты, например, в одной из аллей воспроизведен уголок деревни. Кривые, выдолбленные в скале ступени ведут к хижине. К источнику спускается женщина, чуть дальше крестьяне обрабатывают землю, высоко в горы забрели овцы, и разгневанный пастух, грозя пальцем, отчитывает заблудившуюся овцу… Огромная хищная птица

взобралась на скалу, чтобы оттуда выследить добычу. А вот нищий бродяжка утащил цыпленка, но выскочившие из засады стражники схватили его. Однако в это время в деревню пришел фокусник, и собравшийся вокруг него народ забыл о воришке…

Самую многочисленную этническую группу в Сингапуре составляют китайцы, которые расселились во всех частях города. Особенно сильно заселен Китайский город, в котором в основном сооружены двухэтажные дома. Первые этажи таких домов приспособлены под магазины, конторы и мастерские, а вторые — под жилье. Здесь сохранилось много зданий, построенных еще 200 лет назад, и сейчас они образуют целые районы с узкими, кривыми улочками и переулками.

Китайский город обновляется медленно, и его пейзаж во многом сохраняет свой традиционный вид. Из окон торчат длинные бамбуковые шесты с подвешенным на них бельем, рядом сушатся лук, чеснок и красный перец. Вечерами в воздухе слышится смешанная речь на различных китайских диалектах, сливающаяся с треском и громом гонгов, щелканьем деревянных палочек и пронзительными звуками флейты.

Сингапурские китайцы никогда не ассимилировались ни с малайцами, ни с индийцами, ни с другими народами. Именно поэтому и сохранились их обычаи, традиции и семейно-брачные отношения.

В Сингапуре насчитывается свыше 10 китайских храмов, и самый большой их них — буддийский храм «Могила близнецов», построенный около 100 лет назад. В начале XX века монах-поэт Си У, прозванный так за исключительные познания в поэзии и литературе, основал «Храм городского бога». А самым старейшим в Сингапуре считается «Храм счастья и добродетели», основанный еще в 1815 году. Древнее предание повествует, что тогда рыбаки нашли в море мертвое тело, которое плавало недалеко от того места, где сейчас стоит храм. В память об утонувшем они поставили над его могилой надгробие и стали почитать дух погибшего. Обычай этот укрепился, и вскоре был сооружен «Храм счастья и добродетели». А надгробный памятник сейчас можно увидеть под большими деревьями, которые растут в темном дворе храма.

Вторую по величине группу сингапурского населения составляют малайцы. В центре города в довольно невзрачном домике живут

потомки султана Хусейна, который в 1819 году «уступил» Сингапур англичанам. Однако к настоящему времени семья эта обеднела и в политической жизни страны не играет никакой роли.

Святым для малайцев местом является мусульманская гробница, находящаяся на острове Кусу — одном из самых знаменитых островов, который некогда был крошечным клочком земли, по форме напоминающим черепаху. На холме, лежащем на панцире «острова-черепахи», и находится гробница, у входа в которую развевается зеленое полотнище с изображенными на нем желтой звездой и полумесяцем.

Чья эта гробница — точно не знает никто, но многие малайцы считают, что здесь похоронена дочь пророка Мухаммеда. Правда, наиболее популярна следующая версия.

Два аскета, араб Суед Рахман и китаец Ям, приплыли однажды на остров Кусу, чтобы прожить здесь три месяца в размышлении и созерцании. Но уже на третий день Ям не смог побороть голод, и тогда араб посоветовал отправиться к сампану, на котором они приплыли на остров. Удивленный китаец обнаружил в нем пищу и воду. Отшельники потом еще не раз приезжали на остров и умерли там, а души их до сих пор пребывают на Кусу.

Исторически самое старое место в Сингапуре — это холм Форт-Каннинг. Малайские хроники называют этот холм «Букит Ларангам» («Запретный холм»): когда-то на этом месте жили в своих белоснежных дворцах первые правители. А земля красная здесь оттого, что в XIV веке тут проходили кровопролитные сражения. Войска яванской империи Маджахапит штурмовали Сингапур, который тогда находился под властью династии Шривиджая. Подробности этого нашествия неизвестны, кроме одной таинственной надписи на огромном камне, найденном в устье реки Сингапур. Но прочитать эту надпись никому не довелось: в 1840-х годах по приказу одного английского офицера камень взорвали, так как он мешал строительству бунгало для британского чиновника.

Сэр С.Т. Раффлз в свое время тоже обнаружил на холме остатки укреплений, рвов и крепостных валов, которые ясно показали, что когда-то здесь было немаленькое поселение. На историческом холме растут деревья, которые ночью рождают дождь, и дождь этот не что иное, как «сок цикад». Вечерами листья закрываются, задерживая

влагу, и потом она медленно просачивается: особенно буйно шумят капли после грозы. У этих деревьев очень много названий — «обезьянье стадо», «саман», но чаще всего их именуют «дождевыми».

Индийское население Сингапура — это тамилы, телугу, малаяли, пуштуны и другие народности. Они расселены не только в административном центре Сингапура, но и на других островах, но в сельской местности индийцев мало.

Индийцы почти не ассимилируются с другими этническими группами и в Сингапуре образуют замкнутую общину со своей религией и культурными традициями. Они сохранили свои национальные обычаи в пище и одежде, в частности, женщины-тамилки носят одежду, изготовленную только в Индии. В годы Второй мировой войны, когда торговые связи Сингапура и Индии были прерваны, они испытывали большие затруднения с одеждой. Но на местном рынке никогда не покупали ее, предпочитая обходиться пусть и сильно износившейся, но своей одеждой.

По религиозным верованиям, большинство индийцев Сингапура — индуисты. Типичным по архитектуре южноиндуистским храмом является «Мариаман ковил». Его сводчатые проходы и крыша богато украшены группами животных и человеческими фигурами, которые вырезаны по камню и разукрашены изумительными красками. Во время праздников сюда стекается много народа, особенно на празднование «Дипавали».

Дипа — это маленькие плошки из обожженной глины, которые наполняют кокосовым маслом и зажигают в честь богини счастья Лакшми — супруги бога Вишну. Вали — это ряды, вереница, и потому «Дипавали» — это вереница огней.

Лакшми возвращается на землю только на один день, чтобы принять благодарение, и в этот день дома всех индийцев светятся: на стенах, верандах, крышах — всюду огни. Теперь, правда, глиняные плошки заменены электрическими лампочками, и уже нет того густого облака дыма, которое поднималось над городом в полночь, когда гасли огни. Но и сейчас каждый индиец всегда зажигает хотя бы один маленький светильник, чтобы сохранить тысячелетнюю традицию.

Сингапур знаменит и «Храмом четтиар», который воздвигнут в честь бога Субраманиама. Вечером, во время праздника «Тайпусам», на серебряной колеснице в храме появляется бронзовая статуя бога,

которую под звуки музыки сопровождает торжественная процессия. «Тайпусам» празднуется в месяц тай (конец января — начало февраля), когда полная Луна встречается с Пусам — самой яркой звездой (Полярной).

Восточный колорит Сингапуру придают многочисленные базары и пасар-малан — ночные рынки, которые разворачиваются вечером, с заходом солнца. Под тентами торговцев горят гирлянды китайских фонариков, освещающих товары. Привозят сюда свои тяжелые тележки торговцы сладостями, соками и фруктовыми водами; разжигают жаровни хозяева бесчисленных переносных кухонь, где готовятся экзотические восточные блюда. На ночных базарах продаются всевозможные тропические фрукты, овощи, креветки, хозяйственные товары, украшения, одежда и другие товары — дорогие и дешевые, импортные и местного производства, настоящие и подделанные под изделия известных фирм. Здесь же устраивают свои представления бродячие фокусники, акробаты и заклинатели змей; тут же дают уроки иглоукалывания и лечат от различных болезней «знатоки» древней китайской медицины…

На главной магистрали Сингапура воздух пряный, насыщенный резкими запахами. На перекрестках улиц разгуливают толпы пестро одетых людей: индийские тюрбаны, европейские шляпы и панамы, малайские сангкоки… На огромных двухэтажных автобусах, разъезжающих по городу, — рекламные щиты и лозунги типа: «Давайте соблюдать чистоту!». Для тех, до кого эти призывы не доходят, предусмотрены другие средства наглядной агитации — например, нарисован брошенный окурок, а внизу надпись: «Штраф 100 долларов!». Гораздо дороже обойдется сломанное дерево, разоренное гнездо, убитая змея или птица. На предприятиях Сингапура рабочих и служащих беспощадно штрафуют за любое нарушение порядка: грубость, неуважение друг к другу, потерю инструмента, неубранный мусор… Зато и чистота в Сингапуре идеальная: город буквально утопает в зелени, кустарники и деревья аккуратно подстрижены, светло-зеленые ухоженные газоны радуют глаз.

В ЧИКАГО — НА РОДИНЕ ПЕРВОМАЯ

На земном шаре нет другого места, где бы крупная водная система, связанная с океаном, так глубоко вклинивалась в глубь континента, как Великие озера в Северной Америке. В самой южной точке этой системы, на юго-западном побережье озера Мичиган, и возник Чикаго — сначала как крупный железнодорожный узел США, а теперь неофициальная столица страны.

Как почти у каждого города мира, у Чикаго есть своя легенда о происхождении названия.

Когда первые европейские колонисты достигли юго-западного берега озера Мичиган, там располагался небольшой индейский поселок. В тот момент там готовилось очень острое кушанье, распространявшее сильный запах, так как основу его составлял жареный лук. Колонисты спросили, как называется их поселок, а индейцы решили, что их спрашивают о названии кушанья, и ответили «Чикаго».

Деловой центр этого города-гиганта находится в его восточной части и называется Луп. Этим названием она обязана петле наземного метрополитена, которая, отделяя центр от других районов города, упирается двумя концами в озеро. В прошлом к северу от Лупа и возникли знаменитые чикагские бойни и мясокомбинаты, которые сейчас закрыты: последний баран с большими церемониями был зарезан в 1971 году. Бараки снесли, и осталась лишь пропитанная кровью и нечистотами земля. Запах не успел выветриться до сих пор, потому-то в этот район крупные фирмы не особенно рвутся. Некоторые компании, перед тем как строить здесь склады, заливали вонючую почву толстым слоем асфальта и бетона.

Сами предприятия сейчас переместились на запад — к железнодорожным и автомобильным дорогам, по которым подвозится скот. Перевозят его в специальных вагонах и с очень большой скоростью, чтобы скот не потерял в весе и его не нужно было кормить в дороге. Сегодня над частью пустыря возвышается лишь арка с

цементной головой быка наверху — бывшие ворота боен, которые по решению городских властей оставили как памятник.

Однако отрасли тяжелой промышленности давно оттеснили в Чикаго мясную промышленность на второе место. В южной части Чикаго вырос промышленный район — самый крупный в США центр черной металлургии, в этой же части города сосредоточено большинство предприятий машиностроительной и химической индустрии. В Чикаго сохранился и самый первый в стране тракторный завод «Мак Кормик», который теперь оказался в окружении жилых кварталов.

Луп часто называют чикагским Уолл-Стритом, именно здесь сосредоточены крупнейшие банки, правления трестов и корпораций. Те, кто владеет Лупом, живут к северу от него, за рекой Чикаго — на Золотом берегу озера Мичиган. Здесь расположен один из самых богатых в США жилых городских районов.

Насыпное побережье озера занято прекрасным парком, за которым параллельно озеру тянется Мичиган-авеню — широкий проспект, параллельно которому идут многочисленные улицы, с востока на запад пересекаемые перпендикулярными им улицами. Таким образом, основная планировка Чикаго прямоугольная, но извилистые береговые линии озера и реки Чикаго местами нарушают эту планировку и придают отдельным улицам косое направление.

От Лупа и примыкающих к нему районов исторически шло и расселение в Чикаго жителей, так как центр в XIX веке был местом первоначального размещения всех прибывающих в город. Со временем члены каждой этнической группы расселялись по другим районам, например, с самого основания Чикаго его черное население проживало в Саутсайде. Ярко выраженное расселение жителей по национальным признакам было характерно для Чикаго еще до сравнительно недавнего времени, только за несколько последних десятилетий произошло значительное смешение национальных групп.

С Чикаго связано столько славных страниц истории американского рабочего движения, что вряд ли какой другой город США в этом отношении может сравниться с ним. В Иллинойсе рабства никогда не было, но Чикаго был конечным северным пунктом знаменитой «подземной железной дороги», по которой аболиционисты переправляли в Канаду рабов, бежавших из южных штатов США

Большинство белых жителей поддерживали аболиционистов, за что Чикаго прозвали «негролюбивым городом». Не случайно именно здесь в 1860 году Авраам Линкольн был выдвинут кандидатом в президенты. Через 10 лет чернокожие жители Чикаго получили гражданские права, здесь же был назначен первый полицейский офицер-негр и т.д. В Чикаго в 1870 году была создана американская секция I Интернационала, здесь произошли трагические события, после которых стал праздноваться Первомай.

Во второй половине XIX века федеральное рабочее законодательство в США отсутствовало. В основных промышленных штатах страны было запрещено создавать рабочие организации, и деятельность в этом направлении преследовалась очень жестоко — вплоть до тюремного заключения. В 1870-е годы были введены судебные предписания, запрещавшие стачки, пикетирование, собрания, митинги — фактически все формы рабочего протеста. По требованию судов составлялись «черные списки», в которые вносились не только имена провинившихся рабочих и участников забастовок, но и рядовых членов профсоюзов, после чего им уже было трудно получить работу.

Всеобщей забастовке 1886 года предшествовал рост стачечного движения, а решительные выступления с требованиями о повсеместном сокращении рабочего дня должны были начаться 1 мая. К этому дню готовился пролетариат всей страны, но наибольший размах подготовка к столь знаменательному событию приняла в Чикаго. Руководители рабочего движения в Чикаго привлекали широкие массы трудящихся, они провели десятки митингов в штатах Среднего Запада.

В самом Чикаго забастовки начались еще до 1 мая, одна из них, на заводе «Мак Кормик», продолжалась несколько недель. В конце апреля в борьбу вступили грузчики чикагского узла главных железных дорог Запада, которые требовали 8-часового рабочего дня с сохранением заработной платы. Их поддержали рабочие других предприятий, но предприниматели отказались выполнить требования трудящихся. Первого мая в Чикаго бастовало уже 40000 рабочих, и еще такое же число человек готово было к ним присоединиться.

С первых дней забастовки власти явно провоцировали стачечников на такие действия, которые бы дали повод для массовых

репрессий. Так, 3 мая на митинге, проходившем на заводе «Мак Кормик», полиция открыла огонь по собравшимся: шесть человек были убиты, многие ранены. После этого кровопролития на рабочих собраниях было решено провести на следующий день митинг-протест на площади Хеймаркет. Вечером 4 мая около трех тысяч рабочих собралось на площади: митинг протекал спокойно и уже подходил к концу, когда вдруг прибыл большой отряд полицейских, сразу же сосредоточившийся вокруг трибуны, с которой выступали ораторы. Даже мэр Чикаго, присутствовавший на митинге почти до конца, убедился в его мирном течении и посоветовал капитану полиции распустить полицейских. Но внезапно раздался взрыв, а за ним частые выстрелы… На опустевшей площади остались лежать убитые и раненые.

Одним из убитых оказался полицейский, и смерть его развязала властям руки для расправы над рабочими. Были арестованы активисты профсоюзного и рабочего движения, запрещена деятельность всех рабочих организаций, а их газеты закрыты.

До 1972 года на перекрестке Хеймаркет-стрит и Вест-Рэндольф-стрит стоял памятник, запечатлевший человека в каске и старомодном мундире. Это был памятник полицейскому, не какому-то отдельному лицу, а полицейскому вообще, «Полицейскому» с большой буквы — стражу закона и порядка. Этот монумент неоднократно взрывали или разбивали, но власти Чикаго всякий раз собирали осколки и восстанавливали памятник, а его взрывали снова… Наконец склеенного и переклеенного Полицейского перенесли в более спокойное место — в здание полицейского управления Чикаго — и поставили в коридоре сыскного департамента.

А на площади Хеймаркет остался постамент, в трещинах и царапинах которого запечатлелась почти вековая неспокойная жизнь памятника. О том, что здесь произошло более 115 лет назад, больше на площади не напоминает ничего: нет ни мемориальной доски, ни памятника погибшим рабочим, ни монумента их лидерам — не причастным к кровавым событиям и невинно осужденным на смерть. Зато на могиле погибших героев еще в конце XIX века рабочие Чикаго установили памятный обелиск, а день 1 мая с тех пор стал Днем международной солидарности трудящихся всего мира.

МЕЛЬБУРН — СТОЛИЦА ШТАТА ВИКТОРИЯ

В эпоху Великих географических открытий испанцы и голландцы сделали целый ряд важных открытий новых земель в восточной части Индийского океана, однако австралийский материк оставался им неизвестен. Австралию «открывали» многие. Еще во II веке до нашей эры древнегреческий ученый Птолемей считал, что к югу от Индийского океана находится «терра аустралис инкогнита» — неизвестная южная земля. Эта Южная земля уже существовала на карте, составленной знаменитым средневековым картографом Г. Меркатором в 1569 году. Испанский капитан Торрес почти «коснулся рукой» Австралии, пройдя вдоль южных берегов Новой Гвинеи. Но официальным открывателем «зеленого континента» считается голландский капитан В. Янсзон, который в поисках золота достиг южного побережья Новой Гвинеи, а отсюда в 1606 году проник на низменный пустынный берег австралийского пролива Карпентария. Через 11 лет другой голландский капитан — Д. Хартог — открыл западные берега Австралии, Новой Гвинеи и Тасмании.

Но голландцы не смогли закрепиться здесь и освоить новые территории. Поэтому заселение европейцами нового континента и его экономическое освоение начались позже — уже после того, как в 1770 году английский мореплаватель Джеймс Кук «открыл» Австралию во второй раз.

Англичане сразу же устремились на новый континент, чтобы закрепить за собой вновь открытые земли, тем более что со стороны коренных жителей они не встретили сколько-нибудь серьезного сопротивления. Сначала Австралия была для англичан лишь местом, куда высылали каторжников, уголовных преступников, ирландских революционеров и чартистов. В 1788 году экспедиция капитана А. Филиппа с первой партией ссыльных и конвоем высадилась в местечке на восточном берегу Ботани-бей. Но земля в окрестностях оказалась болотистой, и английская флотилия проследовала дальше к северу — в залив Порт-Джексон, где и было заложено первое поселение — нынешний город Сидней.

С начала XIX века в Австралию направился и поток свободных переселенцев, которые привезли с собой кошек, собак, двух быков и четырех коров. Собаки жались к человеку, а вот коровы и быки куда-то разбрелись и пропали. Однако через некоторое время переселенцы неожиданно обнаружили их потомство — 40 голов полноценного скота.

Основателем Мельбурна считается английский капитан Джон Бетмен, который в 1835 году пристал на своем корабле к берегу залива Порт-Филлипп, открыв устье реки Ярры. Одному из членов его экспедиции удалось объясниться с туземцами, и в результате этих переговоров вожди племен «поставили знаки под актом о „продаже“ 500000 акров земли пришельцам». Взамен они получили несколько ножей и зеркал, косы, платья, шерстяные одеяла, ножницы и немного муки и табаку. «Купчая» Д. Бетмена ныне хранится в Лондоне — в отделе манускриптов Британского музея.

На одной из центральных улиц Мельбурна изображена фигура возвышающегося на уровне четвертого этажа бородатого мужчины, сделанная из дерева. Он стоит с трубкой во рту, засунув руки в карманы. Задумчивым взором смотрит Д. Бетмен на панораму, занимающую всю стену огромного здания: темнокожие аборигены сидят на корточках и помахивают пальмовыми ветвями; вдали девственный лес, сбегающий к прозрачным водам залива, и корабль, входящий в эти воды. Потом деревянный Д. Бетмен поворачивает голову, и… лес исчезает, а на его месте возникает чудный город — сверкающий современный Мельбурн, столица штата Виктория.

Нынешний Мельбурн совсем не похож на тот маленький городок, который в 1837 году основал Д. Бетмен. Сначала здесь были разбиты первые палатки. Основатели города, вероятно, полагали, что он будет городом средней руки по торговле шерстью. Но уже через 100 лет Мельбурн стал главным пунктом обширной торговли со многими мореходными странами и начал быстро богатеть и разрастаться. Первоначально он был похож на города «доброй старой Англии» с широкими, хорошо вымощенными улицами, по обеим сторонам которых возвышались красивые здания. Предки нынешних жителей Мельбурна, переселившиеся с Британских островов, долго помнили о своей родине, поэтому в городе есть свои Ричмонд и Виндзор, Кентерберри и Кенсингтон…

До настоящего времени в Австралии существует соперничество между Сиднеем и Мельбурном, причем оно острее любого другого соперничества. Во всех других случаях соперничают штаты, здесь же весь накал борьбы сконцентрирован в самих городах. Немалую роль в этом сыграл и тот факт, что нынешний штат Виктория когда-то был частью Нового Южного Уэльса. Второй город Австралии долгое время рос и развивался в пределах этого штата, что сильно угнетало его жителей. Они хотели отделиться, так как им казалось, что Сидней находится очень далеко. И тогда горожане составили жалостливую петицию королеве Виктории, уверяя ее в своей преданности и любви. Петиция растрогала английскую королеву, и она разрешила образовать новый штат, который, конечно же, назвали ее именем.

Сердцем нынешнего Мельбурна является Сити, который еще называют «Золотой милей». Здесь сосредоточена политическая, торговая и культурная жизнь города, поэтому именно здесь высятся многоэтажные здания современной архитектуры — банки, офисы промышленных, финансовых и страховых компаний и других учреждений. Жилых домов в районе Золотой мили почти нет, только среди огромных монументальных зданий кое-где возвышаются шпили соборов.

С южной стороны Сити ограничен рекой Ярра, через которую перекинуты три моста, с восточной — цепью парков, а с западной — портом Виктория-док. Вот, казалось бы, и весь город. На самом деле Золотая миля составляет лишь небольшую часть Мельбурна, всего 2, 5 квадратного километра в центре города. Остальная территория Большого Мельбурна расположилась на площади в 400 квадратных километров и занята многочисленными пригородами.

Центральную часть Мельбурна окружает необъятный океан маленьких, в большинстве своем одноэтажных домиков с красными черепичными крышами. Как грибы после дождя возникали вокруг Мельбурна маленькие поселки, имевшие свои границы, названия и законы… Со временем они разрослись и слились с Мельбурном, однако по английской традиции сохранили свои названия и свои муниципалитеты. Таков, в частности, Камберуэлл, расположенный в 7 милях от центра: здесь разместились магазины, кафе, кинотеатры — все как на Коллинз-стрит, только в несколько меньшем масштабе.

Улицы Мельбурна по ширине своей напоминают шоссе и без конца петляют в этом океане крыш. Около каждого домика — ровно подстриженный крохотный газон и небольшие цветочные клумбы. Все огорожено простым, но красивым заборчиком; иногда пара деревьев растет и в «саду» — маленьком участке за домом.

Конечно, есть в Мельбурне и роскошные особняки с бассейнами и большими садами, окруженные чугунными решетками; есть в городе и фешенебельные районы, например, пригород Турак, в котором живут миллионеры. Известный австралийский экономист Э. Кембелл так писал об этом районе Мельбурна: «В Тураке живет, пожалуй, больше миллионеров, чем в любом другом, равном по площади, районе земного шара». В больших густых садах и парках этого богатого района утопают двух — и трехэтажные виллы. Рассказывают, что на участке, примыкающем к одной из таких вилл, по завещанию хозяина жила… лошадь. При лошади состояли два конюха, а летом ее увозили на дачу.

Там, где богатый район Турак сливается с Южным Мельбурном, раскинулся обширный парк Домэйн. На вершине его холма возвышается каменный монумент, напоминающий пирамиду. Это сооружение из бетона, гранита и бронзы — памятник австралийским солдатам, павшим в Первую мировую войну. Каждый год, в 11 часов утра 11-го числа 11-го месяца[64], солнечный луч падает через отверстие стеклянного купола и попадает на бронзовую плиту, на которой сделана надпись: «Людей надо любить, а не ненавидеть».

Мельбурнцы, как и все австралийцы, — большие любители спорта. Больше всего здесь, наверное, теннисных кортов, так как Австралия — одна из величайших держав по этому виду спорта. Она не раз завоевывала Кубок Дэвиса, а открытые чемпионаты между ее штатами становятся соревнованиями мирового значения. Горожане любят легкую атлетику, плавание, гольф и, конечно, серфинг. Они мчатся по волнам, то взлетая на гребень волны, то проваливаясь вниз, и с удивительным мастерством сохраняют при этом равновесие. Причем женщины искусны в этом виде спорта не меньше, чем мужчины.

Основным спортивным сооружением Мельбурна является крупнейший в стране стадион Крикет-граунд, вмещающий 104000 человек. Этот стадион, бассейн и другие спортивные сооружения были

построены к XVI Олимпийским играм 1956 года, которые проходили в Мельбурне.

Одним из любимых мест отдыха горожан является Ботанический сад. В густых рощах пальм, магнолий, эвкалиптов и других экзотических деревьев и растений из невидимых трубок, укрепленных вдоль их стволов, сеет мелкий дождик; по каменистым ложам ручьем журчит вода, на широких лужайках ярко пестреют цветы… Воздух напоен ароматом самых удивительных растений.

Штат Виктория — вообще самый лесистый в Австралии: 25% его территории занято лесом. В рекламных проспектах Мельбурн называют «городом-садом» Австралии: над ним не увидишь завесы дыма, как над многими городами Европы. Большие массивы зелени фильтруют воздух города, и потому здесь он всегда чистый и свежий.

В заповеднике штата Виктория сохранены многие интересные виды растений. Например, из 500 видов диких орхидей, встречающихся в Австралии, 145 произрастает именно здесь. В их числе восковые орхидеи с нежно-белыми цветами и красные «недотроги»: если их сорвать, они мгновенно сохнут и гибнут. Большие площади заняты акацией, ее произрастает в Австралии более 500 видов, особенно распространена серебристая акация. Мимоза, одна из разновидностей акации, считается в Австралии национальным растением.

ПОРТОВЫЙ ГОРОД ШАНХАЙ

Точное время основания Шанхая установить довольно трудно, но было это, как утверждает исследователь истории города Г.Г. Сюлленберг, еще до Рождества Христова. О происхождении названия города существует много разных легенд и версий. Около 300 года до нашей эры на месте нынешнего Шанхая были два рыбацких поселка, один из которых так и назывался «Шанхай», так как он располагался выше по течению реки Хуанпу: «Шан» означает верх, «хай» — море. Второй поселок назывался «Сяхай», иероглиф «ся» означает «низ».

Город имел и другое название — «Ху», происшедшее от бамбукового приспособления, которым пользовались китайцы для ловли рыбы. И еще было одно название у Шанхая — «Шэнь», связанное с именем правителя Чунь Шэня, который владел этой местностью еще до нашей эры.

В первые века своего существования Шанхай развивался очень медленно. По некоторым сведениям, река Хуанпу в древности не была столь полноводной, поэтому город и не играл важной роли на торговых путях Восточного Китая. Однако с постепенным изменением гидрографических условий местности река стала важной транспортной артерией, через несколько километров впадавшей в устье Янцзы. Таким образом, Шанхай оказался открытым и для морских судов.

Только начав заниматься торговлей, город стал быстро богатеть, но это обстоятельство имело для него и отрицательную сторону, так как привлекло внимание морских пиратов. Однако жители Шанхая показали себя не только дельными торговцами, но и храбрыми воинами, поэтому отбивали все атаки непрошеных гостей без особого ущерба для города.

Вполне определенно Шанхай упоминается в конце XIII века, когда в нем была учреждена таможенная станция. Примерно тогда же в городе появились и первые иностранные суда, возбудившие громадный интерес у китайцев. Иностранцы, которых стали называть «морскими выходцами», привозили в Китай самые разнообразные товары. Но китайцы не оценили их, так как они были мало пригодны для их быта.

Кроме того, китайцы просто брезговали этими товарами ведь им, «сынам Срединной империи», не подобало общаться с варварами, какими в их глазах являлись все иностранцы. Китайцы до того свысока смотрели на них, что даже не считали нужным выказывать им свое презрение. Конечно, при таком отношении местного населения первые шаги европейских купцов в Шанхае было нелегкими.

Со временем нападения морских грабителей становились все настойчивее, и шанхайцы решили выстроить вокруг города стену. Примерно в 1554 году ими было составлено прошение императору, который дал разрешение не только на возведение городских стен «большой высоты и толщины»[65], но и на постройку ямынов — помещений для правительственных учреждений.

Сначала торговые отношения с Китаем были возможны только через город Кантон, однако вскоре предприимчивые коммерсанты увидели все выгоды, которые им сулила торговля через Шанхай. В 1756 году некто Пигу, один из членов Ост-Индской компании, предложил устроить в Шанхае товарный склад, но предложение его не было поддержано. Впоследствии еще не раз предпринимались попытки организовать торговлю через Шанхай, но город оставался для иностранцев закрытым.

Вспыхнувшая в 1839 году «первая опиумная война» между Англией и Китаем закончилась взятием Гонконга, а затем Амоя и Нинбо. В июле 1842 года после небольшого сопротивления местных жителей англичане заняли Шанхай, а потом по Нанкинскому договору город, наряду с некоторыми другими портами, был объявлен открытым для иностранной торговли.

Через некоторое время после подписания Нанкинского договора англичане поручили Г. Поттингеру и капитану Бальфуру выбрать место для возведения английского сеттльмента[66]. Они выбрали место между речкой Сучжоу и Янкинпанским каналом, но его нельзя было назвать удобным, так как оно представляло собой сплошное болото, в котором обильно размножались распространители малярийных заболеваний. К тому же местные климатические условия из-за изнуряющей жары и сырости в летнее время оказались тяжелыми для европейцев.

Еще до начала строительных работ англичанам пришлось не только провести большие осушительные работы, но даже несколько

поднять уровень местности, предназначенной для будущего поселения. Работы эти велись в течение нескольких лет, без спешки, и потому первые иностранцы селились сначала между «китайским Шанхаем» и рекой — в предместье Наньтао.

Через несколько лет после англичан французы тоже захотели получить участок земли, который им и был выделен. А в конце 1850-х и Америка выпросила для себя концессию в Шанхае, положив начало американскому сеттльменту. Таким образом, на территории Шанхая оказались как бы три города, управлявшихся различными администрациями: китайский, французский и международный сеттльмент с собственным самоуправлением.

Иностранные дельцы в свое время назвали Шанхай «воротами Китая», а река Янцзы была для них столбовой дорогой, по которой уплывали за границу тысячи тонн ценнейшего сырья, собранного со всего бассейна реки. В удобном шанхайском порту стояли торговые суда под флагами многих стран мира, а невдалеке от причалов — английские и французские крейсеры в окружении канонерок и миноносцев. Только китайских военных кораблей не было тогда на рейде Шанхая.

Со временем поселения иностранцев в Шанхае стали быстро разрастаться как в торговом, так и в культурном отношении, и мало-помалу Шанхай превратился в один из главнейших по значению городов Китая. Однако иностранцам пришлось до этого пережить немало тревожных и тяжелых дней, ибо в городе происходили кровавые столкновения китайцев как между собой, так и с европейцами. В 1853 году «китайский Шанхай» был захвачен «Братством малых ножей» — последователями одного из бесчисленных тайных обществ Китая. Несмотря на осаду правительственными войсками, члены «Братства» довольно долго удерживали захваченную территорию. Во время этого восстания Шанхаю стали угрожать и крестьяне, но они были разбиты американским искателем приключений Ф. Уордом. Из дезертиров и разного рода авантюристов ему удалось организовать дисциплинированный и сплоченный отряд. И хотя действия Ф. Уорда вначале были не совсем удачны, потом он одержал ряд крупных побед.

В пучине этой гражданской смуты только иностранные сеттльменты Шанхая были относительно спокойными островками, и

потому многие состоятельные китайцы стремились обосноваться именно здесь, что, в свою очередь, привело к большому строительству в них. После восстания тайпинов Шанхай несколько десятилетий наслаждался полным спокойствием и бурным экономическим ростом. Но в конце XIX века опять произошли беспорядки из-за того, что французы решили снести святыню китайцев — Нинбоскую кумирню, чтобы проложить новую улицу. Во время «боксерского» восстания 1900 года порядок в Шанхае не нарушался отчасти потому, что здесь находились иностранные войска. Совершенно не отразились на будничной жизни города и китайская революция, и свержение маньчжурской династии в 1911 году, впрочем, как и Первая мировая война. Разве что с его рейда исчезли военные суда, а многие представители иностранной молодежи Шанхая ушли на фронт. Шанхай быстро приспособился к новым требованиям: в городе было создано много организаций, работающих на нужды войны, все увеселительные спектакли и концерты неизменно устраивались в пользу раненых, для сбора средств на сооружение аэропланов, покупку броневиков и т.д.

Самыми первыми русскими людьми, перебравшимися в Шанхай, были купцы, которые в 1860-е годы торговали чаем в Ухани. Постоянно проживающих русских было мало, например, в 1890 году из 4000 иностранцев русских в Шанхае было всего 7 человек, но проездом здесь бывало много русских путешественников.

После Октябрьской революции в Шанхай начали прибывать русские эмигранты, число которых со временем все увеличивалось. Условия их жизни сначала были очень трудными, но как только материальные обстоятельства русской эмиграции улучшились, они стали заботиться о сохранении и развитии здесь русской культуры. Если в первые годы устраивались только скромные домовые церкви, то в 1930-е годы на пожертвования верующих по проекту российских архитекторов был возведен православный храм. Русские эмигранты организовали драматический театр и балетную школу, выпускали свои журналы и газеты.

В 1936 году Шанхай приветствовал великого русского певца Ф. Шаляпина. В городе с 1937 по 1943 год жил А. Вертинский, который выделял Шанхай из многих мест, куда его забрасывала сумасшедшая

судьба эмигранта. Он называл Шанхай «экзотическим городом, имеющим подчеркнуто европеизированный вид».

В феврале 1937 года на Персиковой улице Шанхая, к 100-летию со дня гибели А.С. Пушкина был установлен бронзовый бюст — единственный памятник иностранному поэту в Китае. На тихую улочку, которая до того дня никогда не знала такого скопления народа, собрались люди разных в прошлом слоев общества и политических взглядов, чтобы вместе почтить память великого поэта родной земли. Авторами проекта памятника стали русские эмигранты — скульптор П. Горский и архитектор Гэлан. Лицо поэта было обращено на север — к далекой родине. В годы Второй мировой войны, во время японской оккупации Шанхая, японские власти демонтировали памятник и отправили его в переплавку. Но в 1947 году он был восстановлен на прежнем месте, где простоял 20 лет — до времен «культурной революции», во время которой многострадальный памятник был разрушен хунвейбинами. В третий раз памятник А.С. Пушкину был открыт в 1987 году. Его создал шанхайский скульптор Гао Юньлун, и на этот раз лицо поэта, по китайской традиции, обращено на юг — как залог неприкосновенности и вечности, как знак почитания и уважения.

Сами китайцы считают Шанхай не совсем китайским городом, так как он отстроен в основном иностранцами. Однако для самих шанхайцев — это лучший город Китая: «Не столица, но и не второй город». В нем причудливо переплелись достижения западной цивилизации и восточная экзотика, поэтому Шанхай всегда притягивал к себе любителей приключений со всего света. Благоприятным впечатлением, которое производит Шанхай на всех приезжающих, город во многом обязан оживленной реке Хуанпу. Здесь то и дело вверх и вниз по течению проходят большие пароходы, плавно скользят во всех направлениях живописные китайские джонки и бесчисленные катера. А среди всего этого громадного живого потока снуют с одного берега на другой плоскодонные китайские сампаны…

Красой и гордостью Шанхая является великолепная набережная Вайтан, откуда начинался «европейский» Шанхай. Сейчас набережная является «визитной карточкой» города, но еще в 1870 году ее не существовало. Вдоль реки не было не только улицы с деревьями и газонами, но даже и тропинки. Всю береговую полосу вплоть до домов в приливы заливала вода. Городского сада тогда тоже не было, на его

месте располагались склады со строительными материалами. Сейчас набережная начинается на севере мостом Вайбайдуцяо («Мост бесплатного прохода»). Сначала в 1846 году здесь был построен деревянный мост, а в начале XX века по последнему слову техники того времени возвели новый мост, который исправно служит до сих пор.

Перед въездом на мост раскинулся парк Хуанпу, разбитый еще в 1888 году: в те времена на его воротах висела табличка: «Китайцам и собакам вход воспрещен!». Правда, европейские историки дружно утверждают, что такой таблички не было, однако правила посещения парка говорят об обратном.

В самом центре старого города расположился парк Юйюань («Сад удовольствий») — один из шедевров китайской парковой культуры. Он был основан во второй половине XVI века богатым чиновником Пань Юньдуанем, который возвел парк для своих престарелых родителей. Впоследствии парк Юйюань не раз переходил от одного владельца к другому, и каждый из них стремился дополнить и разнообразить архитектуру паркового ансамбля. К настоящему времени в нем в малых формах воссоздано все многообразие причудливой природы Южного Китая. Достопримечательностью парка являются и два бронзовых льва, отлитых в 1920 году. Во время японской оккупации эти львы были вывезены в Страну восходящего солнца, но потом их вернули обратно.

Во время «культурной революции» Шанхай оставался важнейшим портом и промышленным центром Китая, однако все его доходы уходили в центральный бюджет. Только с начала 1990-х годов обстановка в городе стала быстро меняться: центр проведения экономических реформ переместился в Шанхай, который с этого времени стал играть роль «головы дракона».

ГОНКОНГ

Более века назад, завершая свое известное плавание на фрегате «Паллада», русский писатель И.А. Гончаров побывал и в Гонконге. «Поглядев на великолепные домы набережной, вы непременно дорисуете мысленно вид, который примет со временем и гора. Китайцам, конечно, не грезилось, когда они в 1842 году по нанкинскому трактату уступили англичанам этот бесплодный камень… во что превратят камень рыжие варвары».

Гонконг был захвачен англичанами в 1839—1842-е годы — в период так называемой «первой опиумной войны» с Китаем. Однако попытка заполучить остров у южных берегов Китая делалась англичанами еще в 1793 году, когда в Поднебесную империю направился лорд Макартней — знаменитый британский дипломат. Ему было поручено в ходе визита к китайскому императору Цяньлуну «настоять на передаче какого-либо китайского острова для создания там английского форпоста». Китайцы устроили английской миссии пышный прием, но дали понять, что видят в гостях лишь новых вассалов Поднебесной империи. На кораблях Макартнея китайцы укрепили флаги с надписью «данник из английской страны», а королю Георгу III китайский император посоветовал «трепеща повиноваться и не выказывать небрежность».

Во время «первой опиумной войны», когда китайцы попытались ограничить ввоз в страну бенгальского опиума (путем конфискации и уничтожения его запасов на складах Гуанчжоу), англичане расценили это как серьезное ущемление своих интересов. Они предъявили правителю Поднебесной империи ультиматум, в котором был и прежний пункт «о предоставлении в вечную собственность острова у берегов Южного Китая». На этот раз требование англичан подкреплялось мощным флотом, который блокировал устье реки Янцзы. Разбив китайский флот (джонки с полуголыми матросами), англичане оккупировали Гонконг — небольшой остров, на котором тогда жило около 6000 человек, издавна промышлявших рыболовством и пиратством. После этого они продвинулись к Нанкину, где в 1842 году и был подписан договор, по которому император Китая уступал

королеве Великобритании остров Сянган (китайское название Гонконга).

«Сянган» означает «бухта ароматов», но о происхождении этого названия до сих пор ведутся споры. Одни ученые считают, что своим названием остров обязан тем запахам, которые исходили от груженных пряностями судов, стоявших у причалов местной гавани. Другие полагают, что оно произошло от многочисленных мелких предприятий по изготовлению ароматических палочек, которые использовались при воскурениях в храмах.

С подписания Нанкинского договора и началась история Гонконга. Тогда никто и представить не мог, какое блестящее будущее ожидает этот небольшой островок. Но вскоре одного острова англичанам оказалось мало, и во время «второй опиумной войны» (1856—1860) они завладели частью полуострова Коулун, который от Гонконга отделяется проливом.

Окончательно колония Гонконг обрела свои нынешние границы в мае 1898 года, когда англичане взяли почти в вековую аренду «новые территории» — примыкающую к Коулуну часть континента. Эти «новые территории» по площади своей превышали размеры Гонконга и старого Коулуна больше чем в 10 раз.

Гонконг стал золотым дном, где с помощью валютных и торговых сделок, а также благодаря наличию дешевой рабочей силы иностранные монополии делали не просто хороший, а блестящий бизнес. Даже официальная статистика утверждала, что только в виде чистой прибыли зарубежные фирмы ежегодно вывозили из Гонконга 500 миллионов долларов. Гонконг был торговым раем, не имевшим себе соперников нигде в мире. Отсутствие таможенных пошлин позволяло продавать здесь немецкие фотоаппараты дешевле, чем в Гамбурге; японскую технику — дешевле, чем в Японии; часы — дешевле, чем в Швейцарии и т.д.

И действительно, когда-то довольно угрюмый остров Гонконг быстро превратился в цветущую колонию — гордость ее жителей, предмет восхищения и удивления туристов. Это и позволило одному из китайских государственных деятелей сказать: «Мы потеряли голую скалу, а вместо нее получили горы золотые».

Гонконг — город современный, но с него никогда не сходит налет экзотики. Да и не может сойти, ведь слишком много людей кормится

этой экзотикой. Для «местного колорита» остались и рикши: туристы знают, что в Гонконге должны быть рикши, — и они здесь есть.

Население Гонконга — необыкновенная смесь рас, оттенков кожи, вероисповеданий и обычаев, несмотря на то что подавляющее число его жителей (98%) — китайцы. Особняком живут в городе даньцзя — «водяные люди», несколько десятков тысяч человек продолжают называть своим домом джонку или сампан. Хотя на многих лодках сейчас установлены моторы, быт этих людей мало чем отличается от быта их предков.

Сейчас уже трудно установить, как давно начали плавать «водяные люди» по Южно-Китайскому морю, но те, кто жил на берегу, никогда не доверяли им. Еще в 1729 году китайский император издал специальный указ, призывающий жителей провинции Гуандун относиться к лодочному населению более дружелюбно. Однако враждебность сохранялась, а люди с берега даже утверждали, что у обитателей джонок по шесть пальцев на ногах. Древняя легенда рассказывает, что «зеленые глаза» этих людей могут разглядеть даже драконов в море. Сухопутные братья назвали их «танка» («яичные люди»), потому что у них никогда не было денег и все налоги они платили яйцами.

Гонконг и полуостров Коулун облеплены множеством плавучих городков и деревень, которые не признают никакой архитектуры. За те годы, что они стоят на воде, покачиваясь в такт приливам и отливам, здесь не один раз перестраивались плавучие улицы и переулки. Джонки, стоящие на якоре вдоль и поперек залива, образуют запутанные улочки и переулки, по которым ловко снуют весельные и моторные лодки — продовольственные, почтовые и даже катафалки. Эти городки даже имеют свои названия, и самым крупным из них является Абердин. По «архитектуре» он ничем не выделяется среди своих собратьев, но в нем имеются два плавучих ресторана, в которых туристы могут заказать любой вариант китайской кухни из любого количества блюд.

Когда во время китайской революции была свергнута власть маньчжурской династии Цин, Гонконг остался британским, хотя местный пролетариат в последние революционные годы несколько раз пытался свалить английское владычество. Серьезные испытания пришлось пережить англичанам в середине 1920-х годов, когда

английская полиция расстреляла демонстрацию китайских студентов в Шанхае. Тогда гонконгцы в знак солидарности объявили бессрочную забастовку, и вся жизнь колонии оказалась парализованной: остановилась работа в порту и на промышленных предприятиях, а англичане из-за угрозы нападений старались реже выходить на улицы. Отношение к ним изменилось только во время Второй мировой войны, когда Гонконг захватила японская армия. Оккупанты вели себя так жестоко, что английский колониальный режим стал представляться жителям колонии чуть ли не воплощением справедливости. Симпатии к англичанам усилились еще и потому, что они страдали вместе с китайцами и вместе боролись против японцев.

После Второй мировой войны стал формироваться современный облик Гонконга — экономической столицы Юго-Восточной Азии, где Запад и Восток «сошли с мест»[67] и создали условия для мирного сосуществования двух цивилизаций.

Но в начале 1980-х годов над безоблачным, казалось бы, Гонконгом стали сгущаться тучи. В сентябре 1982 года во время визита в Китай «железной леди» М. Тэтчер руководитель страны Дэн Сяопин полностью исключил возможность продления (или возобновления) аренды «новых территорий». «Железная леди» предпочла передать Гонконг под управление Китая с тем, чтобы постараться на максимально долгий срок обеспечить в городе его внутреннее самоуправление, экономические и, по возможности, политические свободы. Она приняла идею Дэн Сяопина «об одной стране — двух системах» и добилась закрепления ее в совместной китайско-британской декларации 1984 года. В ночь с 30 июня на 1 июля 1997 года последняя британская колония — Гонконг — превращалась в специальный административный район в составе Китая.

По-разному относились к этому событию сами гонконгцы. По опросам общественного мнения, 40% населения одобряли воссоединение Гонконга с Китаем; 35% его жителей считали, что колония должна стать независимым государством; 20% ратовали за то, чтобы Гонконг продолжал спокойно расти и процветать в своем колониальном качестве. Правда, с возрастом у жителей заметно усиливаются патриотические чувства, а гордость за преуспевающий Гонконг ослабевает. «Никому не понравится делить свою квартиру с

чужими людьми, теперь же она вся будет принадлежать одной семье», — так рассуждают пожилые люди.

Как дурное предзнаменование восприняли некоторые пожар в Выставочном центре Гонконга, где готовилась церемония передачи. Дым от огня, вспыхнувшего в одном из служебных помещений, где разместился пресс-центр готовящегося торжества, заполнил пять этажей. Пожар быстро потушили, и, к счастью, никто не пострадал, но переполох он вызвал большой. Особенно суетилась служба безопасности, так как распространялись слухи о неких террористах из Ирландской республиканской армии, которые якобы проявляли нездоровый интерес к намечающемуся событию. Ведь участниками торжества являлись английский наследный принц Чарльз, британский премьер-министр Т. Блэр, председатель КНР Цзян Цзэминь и премьер Ли Пэн, государственный секретарь США М. Олбрайт и российский министр иностранных дел Е. Примаков.

В полдень 30 июня 1997 года из Дома правительства ушел последний британский губернатор Гонконга К. Пэттен. А в 19.09 по гонконгскому времени за «Здание принца Уэльского», где размещался штаб английского гарнизона, зашло солнце. В момент захода под музыку военного оркестра был спущен флаг Великобритании.

Пекин обещал не менять в течение 50 лет образ жизни бывшей колонии, однако уже первый год в составе Китая оказался для Гонконга трудным не только в экономическом плане. В августе 1997 года на Гонконг налетел сильный тайфун, вызвавший оползни с разрушениями и жертвами. К концу года разразилась эпидемия «птичьего гриппа», когда сначала пали миллионы кур и уток, а потом болезнь перекинулась на людей. К счастью, впоследствии она как-то сама собой прекратилась, но зато вскоре передохла вся рыба — из-за необыкновенно высокой температуры воды и ее загрязненности. В одночасье разорились рыбные предприятия, а больницы заполнились пациентами с диагнозом сильного отравления.

В день ввода в эксплуатацию нового международного аэропорта Чеклапкок вдруг выяснилось, что он совершенно к этому не готов. Эскалаторы стоят, кондиционеры затихли, табло не горят, телефоны молчат… Даже компьютеры выдают что-то несуразное. Все эти катастрофические случаи некоторые расценили как «логическое

следствие» годового пребывания капиталистического Гонконга в коммунистическом Китае.

Не обошлось в этом деле и без суеверных предзнаменований. Сами жители убеждены, что остров Гонконг (с самого момента его заселения людьми) охраняет от всех невзгод Дракон, который дежурит и на материке, и на «новых территориях». Если в ясную погоду посмотреть с острова на север, то можно отчетливо увидеть все изгибы его длинного и сильного тела. Там, где возвышается большая гора, находится недремлющая голова Дракона. Несколько гор поменьше — это свернутая кольцами его мускулистая спина…

А суеверие заключается в том, что незадолго до присоединения Гонконга к Китаю в силуэте Дракона появилась брешь. В горах, где строители издавна добывали камень, в одну из сильных гроз раскололся карьер. Ливень подхватил и унес одну из его стен, а на следующее утро и поползла молва, что Дракон тяжело ранен и не сможет больше защищать Гонконг. Но молодежная экологическая организация «Друзья Земли» предлагает насыпать в образовавшуюся брешь камни и скрепить их деревьями и кустарниками, чтобы не дули в Гонконг недобрые вихри.

Вече, 2001

---

notes

Примечания

1

О них и найденных в них сокровищах можно подробнее прочитать в книге «100 великих сокровищ».

2

Всего, по данным Геродота, башен было восемь.

3

Согласно теории В. Эренберга, легенда о Ликурге впервые была пущена эфором Хилоном, который скорее всего сам был автором большинства приписываемых Ликургу законов.

4

Подробнее об этом можно прочитать: Андреев Ю.В. Спартанская гинекократия //Женщина в античном мире. — М.: Наука, 1995.

5

Подробнее о ней можно прочитать в книге «100 великих чудес света».

6

С 1972 года остров и государство Цейлон называется Шри-Ланка

7

Подробнее об этой находке можно прочитать в книге «100 великих сокровищ».

8

Силой оружия покорен был только город Мари.

9

В настоящее время этот документ хранится в Эрмитаже.

10

Современный город Хомс

11

В Долине царей была найдена гробница Тутанхамона, о которой можно подробнее прочитать в книге «100 великих сокровищ».

12

Впоследствии также поступали венецианцы и генуэзцы.

13

Подробнее о ней можно прочитать в книгах «100 великих чудес света» и «100 великих сокровищ».

14

Подробнее о «Запретном городе» можно прочитать в книге «100 великих дворцов мира».

15

В греческой надписи — Ареса

16

По другим сведениям это был дворец королевы Арагонской.

17

В некоторых итальянских городах все было наоборот.

18

Подеста — лицо, которое было наделено исполнительной властью. Он не являлся гражданином Флоренции и приглашался со стороны

19

Подробнее о Кельнском соборе можно прочитать в книге «100 великих чудес света».

20

В 1563 году на 15000 жителей Женевы приходилось 15 типографий!

21

Название «Каппадокия» восходит к языку древних хеттов и переводится «Страна белых лошадей».

22

А.С. Грибоедов был женат на Нине — дочери князя А. Чавчавадзе.

23

Гон — старинная мера длины, равная 125 шагам

24

Подробнее о «Колодце смерти» можно прочитать в книге «100 великих сокровищ».

25

Подробнее о нем можно прочитать в книге «100 великих сокровищ».

26

Подробнее о Потале можно прочитать в книгах «100 великих чудес света» и «100 великих дворцов мира».

27

Сейчас в Замке расположился музей навигации.

28

От «Hand werpen» — бросать руку. Статуя, которая в настоящее время венчает бронзовый фонтан, была отлита в конце XIX века скульптором Ламбо.

29

Иудеи появились здесь после разрушения Иерусалима войсками римского императора Тита.

30

«Фес» в переводе с одного из марокканских диалектов означает «деревянная мотыга».

31

Факт первоначального основания города Мулай Идрисом I точно пока не установлен, поэтому некоторыми исследователями он рассматривается лишь, как правдоподобная версия.

32

Территория квартала Завия считается также «местом неприкосновения»: ее пределах никто не может быть задержан или арестован.

33

Подробнее об этом дворце можно прочитать в книге «100 великих дворцов мира».

34

Подробнее о новгородском соборе Святой Софии можно прочитать в книге «100 великих чудес света».

35

«Записки о московитских делах» императорского посла С. Герберштейна

36

То есть их ежедневно били батогами.

37

Подробнее об алтаре Марьяцкого собора можно прочитать в книге «100 великих сокровищ».

38

Его еще называют «Самуилов корпус» по имени одного из ростовских митрополитов.

39

В нашу задачу не входит подробное описание всех версий о происхождении Киева. Интересующиеся эти вопросом читатели могут обратиться к книге Ю.М. Брайчевского «Когда и как возник Киев».

40

Турки захватили Венгрию в 1526 году.

41

В 1967 году на Пуэрта-дель-Соль было установлено скульптурное изображение герба города Мадрида вставший на задние лапы медведь объедает плоды земляничного дерева.

42

Первоначальное название Осло было возвращено в 1925 году.

43

При Иване Калите митрополит Петр — глава Русской православной церкви — перенес свою резиденцию из Владимира и окончательно поселился в Москве.

44

Все соборы, возведенные Иваном Калитой, впоследствии были перестроены.

45

кроме рязанских и тверских князей, враждовавших с Москвой

46

Подробнее о возведении Грановитой палаты, Успенского собора и других сооружений Кремля можно прочитать в книгах: «100 великих музеев мира» и «100 великих дворцов мира».

47

Шведское название города — Або

48

Нынешним догонам известно содержимое только 20 отсеков: «остальное придет в сознание людей позже и изменит мир».

49

Селедка была главной статьей экспорта и во многом способствовала превращению маленькой деревушки в один из крупнейших городов Европы.

50

Сейчас эта площадь носит имя национального героя К.М. де Сеспедеса.

51

Индонезия стала независимой в конце декабря 1949 года.

52

До этого империя инков находилась в горном районе.

53

Было еще несколько человек, которым удалось побывать в загадочном городе Пайтити и выбраться из сельвы. Подробнее об этом можно прочитать в журнале «Вокруг света» (№ 9 за 1974 г.).

54

О Дворце Великих магистров можно подробнее прочитать в книге «100 великих дворцов мира».

55

Калба у ламаистов — столица Шамбалы, «державы света»

56

Сейчас этой статуи не существует.

57

В Дели, например, их не осталось совсем: короли и губернаторы громоздятся где-то на окраине индийской столицы — на заброшенном пустыре.

58

Свое название это укрепление получило из-за сходства его плана с формой королевской короны (по-немецки корона называется «kronwerk».

59

Впоследствии Екатерина II повелела заключить «домик Петра» в стеклянный футляр для защиты от разрушительного действия воздуха.

60

Название Васильевского острова напоминает о его прежнем владельце — новгородском посаднике Василии Селезне, казненном царем Иваном III в 1471 году.

61

Имеется в виду XX век.

62

В нашу задачу не входит подробное исследование «мифа о Петербурге». Интересующимся читателям можем порекомендовать упоминавшуюся статью Л. Долгополова, напечатанную в книге «На рубеже веков» (Советский писатель, 1977. — С. 150—194).

63

По-английски скульптура называется «Мерлайон» — производное от слов «лев» и «русалка».

64

В этот день и в это время в 1918 году прозвучали последние выстрелы Первой мировой войны и было подписано перемирие.

65

Впоследствии эти стены были снесены, ров с застоявшейся в нем водой засыпан и на его месте проложен бульвар.

66

Сеттльмент — особый район города, создававшийся в зависимых странах империалистическими государствами для проживания их подданных

67

Вопреки утверждению Р. Киплинга о том, что Запад есть Запад, Восток есть Восток, и им не сойтись никогда.